

ФРЭНК ХЕРБЕРТ

БАРЬЕР
САНТАРОГИ

ФРЭНК
ХЕРБЕРТ

БАРЬЕР
САНТАРОГИ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА

XX века

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Frank HERBERT

Under Pressure
The Santaroga Barrier

«Sigma-press»
1995

Фрэнк ХЕРБЕРТ

*Под давлением
Барьер Сантароги*

романы

**«Сигма-пресс»
1995**

ББК 84.7:США
Х39

Херберт Фрэнк
Барьер Сантароги./Пер. с англ.
Москва, «Сигма-пресс»,
1995 г.—496 стр.

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

Печатается с разрешения литературного агента.
Перепечатка издания без разрешения запрещена. **Всякое
коммерческое использование данного издания возможно
исключительно с ведома издателя.**

Х $\frac{4703010100 - 16}{\text{ОД4(05)} - 95}$ Без объявления

ISBN 5—85949—044—5

- © UNDER PRESSURE
- © By F. Herbert, 1956 г.
- © Перевод *В. Марченко*, 1995 г.
- © THE SANTAROGA BARRIER
- © By F. Herbert, 1968 г.
- © Перевод *Д. и Я. Савельевых*, 1995 г.
- © Издательство «Сигма-пресс», составление и оформление, 1995 г.

ПОД ДАВЛЕНИЕМ

**(первоначальное название:
«Чудовище из моря»)**

Белокурая секретарша убрала от губ полушарие микрофона пишущей машинки, работающей от голоса, и наклонилась над коробочкой интеркома.

— Явился энсин* Рэмси, сэр,— сообщила она.

Блондинка выпрямилась и поглядела снизу вверх на рыжеволосого офицера, стоящего рядом. На петлицах имелся зигзаг специалиста-электронщика над инициалами ПБ — ПсиБю — Психологического Бюро. Это был высокий мужчина, круглолицый, с легкой склонностью к полноте. Его розовое лицо было покрыто веснушками, которые делали офицера похожим на повзрослевшего Тома Сойера.

— Как прازیло, адмирал запаздывает с ответом,— сообщила секретарша.

Рэмси кивнул в ответ и поглядел на дверь за спиной у девушки. На тяжелой дубовой створке золотые буквы: «КОМНАТА ДЛЯ СОВЕЩАНИЙ — Без. 1». — Уровень безопасности 1. Сквозь гул канцелярских звуков он мог слышать вызывающее нытье в зубах жужжание глушилки подслушивания.

В сознании вновь появились вопросы, от которых нельзя было уйти, сомнения, делавшие его психологом: «Если у них для меня есть трудная работа, смогу ли я выполнить ее? Что случится, если я откажусь?»

— Можете поставить его на стол,— предложила секретарша, указывая на черный деревянный ящичек со стороны ребра в фут, который Рэмси держал под левой рукой.

— Он не тяжелый,— ответил энсин.— Возможно, в первый раз адмирал не услышал. Может, попробуете еще раз?

— Он меня услышал,— ответила блондинка.— Сейчас он там занят с высокими чинами.— Она указала на ящик.— Это то, чего они ожидают?

Рэмси усмехнулся:

— А вдруг они ожидают меня?

* Энсин — младшее офицерское звание в ВМС США. (Прим. перев.)

Блондинка презрительно фыркнула:

— У них там куча неприятностей с потопленными подводными буксировщиками. И они будут ждать эн син а! Тут война идет, мистер. А вы всего лишь мальчик на посылках.

Рэмси охватила волна негодования. «Ах ты, сучка наглая,— думал он.— Могу спорить, ты назначаешь свидание по меньшей мере командующему». Ему хотелось сказать ей что-то обидное, но слов как-то не находилось.

Секретарша вновь приложила микрофон к губам и начала печатать.

«Пока я энсин, всегда буду выслушивать гадости от всяких писаришек.— Он повернулся к секретарше спиной, опять погрузившись в размышления: — Чего они от меня хотят? Того же, что и на «Дельфине»? Нет. Обе сказал бы мне. Наверное, чего-то серьезного. Для меня это может стать крупной удачей и шансом».

Он слышал, как у него за спиной секретарша вынула из машины лист бумаги.

«Если я получу важное назначение и вернусь героем, она будет из тех, кто заменит мне Дженнет. В мире полно подобных сучек.

Только что от меня нужно первому отделу Безопасности?»

Обе сказал лишь принести телеметрическое оборудование для дистанционного контроля за устройством «вампир» и в 14.00 явиться в канцелярию 1-го отдела Безопасности. И больше ничего. Рэмси глянул на свои часы. Прошла уже минута назначенного срока.

— Энсин Рэмси? — раздался у него за спиной мужской голос.

Рэмси обернулся. Дверь совещательной комнаты была открыта. В двери стоял седоволосый линейный капитан, держа руку на створке. За капитаном Рэмси заметил длинный стол, заваленный бумагами, картами, карандашами, переполненными пепельницами. Вокруг стола в тяжелых креслах напряженно сидели люди в мундирах. Над всем этим висело облако сизого табачного дыма.

— Да, это я энсин Рэмси.

Капитан глянул на коробку под мышкой у Рэмси и отступил на шаг.

— Проходите, пожалуйста.

Тот обошел стол секретарши и вступил в комнату. Капитан закрыл дверь и указал на стул:

— Присаживайтесь.

«Где же начальство?» — терялся Рэмси. Его взгляд метался по всей комнате, потом он заметил Обе: маленького, похожего на ощипанного цыпленка с растрепанной козлиной бородкой, единственного здесь гражданского, сидящего между двумя дородными коммодорами, как заключенный под охраной. Его ослепленные радиацией маленькие глаза глядели прямо перед собой. Горбик радарного «глаза» на его плече делал всю фигуру какой-то перекошенной.

Рэмси сел на указанный стул, позволив себе похихикать внутренне над коммодорами, охраняющими доктора Ричмонда Оберхаузена, директора ПсиБю.

«Обе десятком слов может превратить их в трясущееся желе».

Капитан, указавший Рэмси на стул, занял свое место за столом. Рэмси поставил черную коробку себе на колени, отметив следящие за ним взгляды.

«Обе пригласил их всех ради моего маленького изобретения», — думал он.

Здесь, в комнате, жужжание глушилки прослушивания было еще сильнее. У Рэмси заныли зубы. Он на мгновение закрыл глаза, частично снял боль, вновь открыл глаза и поглядел на испытующе смотрящих людей. Некоторые лица были ему известны.

Да, чины очень высокие.

Прямо напротив него, на другом конце стола, сидел адмирал Белланд, командующий силами Безопасности, «Великий Могол» Безопасности, великан с серо-стальными глазами, крючковатым носом и тонкой щербиной губ.

«Он похож на пирата», — подумал Рэмси.

Адмирал Белланд прочистил горло со звуком, похожим на лошадиное ржание, и сказал:

— Это тот самый энсин, джентльмены, о котором мы говорили.

Рэмси приподнял бровь. Он глядел на бесстрастное, замкнутое лицо доктора Оберхаузена. Казалось, начальник ПсиБю чего-то ждет.

— Вам знакома его степень допуска, — продолжил Белланд. — Это означает, что мы можем говорить с ним свободно. Никто не желает спросить...

— Извините,— доктор Оберхаузен приподнялся со своего места между двумя коммодорами медленным, осторожным движением.— Я не посвящал мистера Рэмси в какие-либо подробности нашей встречи. В связи с заданием, которое мы обслуживали, будет человечней, если мы будем трактовать его как равного.— Безжизненные глаза повернулись к Белланду.— Как, адмирал?

Белланд подался вперед

— Вот именно, доктор. Я к тому и вел.

В голосе адмирала звучало нечто среднее между уважением и раздраженностью.

Рэмси рассуждал: «Обе ведет встречу, как сам того хочет. Он точно знает, что без всех этих индюков ничего не получится. Он хочет, чтобы я понял намек, и желает помочь адмиралу высказать решающий довод».

Доктор Оберхаузен чопорно, не сгибаясь, сел на место. Весьма расчетливый жест.

Кресло Белланда закрипело по полу. Адмирал встал и подошел к стене слева от него, указывая на проекционную карту приполярных областей.

— Энсин Рэмси, за последние два десятка недель мы потеряли в этих водах двадцать подводных буксировщиков.— Он повернулся к Рэмси всем корпусом, будто школьный учитель, предлагающий решить какую-то задачу.— Вам известна наша неотложная потребность в нефти?

«Известна?» — Рэмси подавил невольную усмешку. В его сознании тут же начал перелистываться бесконечный список предписаний по экономии нефти: проверки, расходные акты, спецкатегории, награды за рацпредложения. Он кивнул.

Адмиральский рокошующий бас продолжал:

— Вот уже два года мы добываем дополнительную нефть из месторождений на континентальном шельфе морей, прилегающих к странам Восточного Блока.

Его левая рука сделала неопределенный жест в направлении карты.

У Рэмси лоб покрылся испариной. «Так значит слухи были правдивыми: подводники грабят вражескую нефть!»

— Мы разработали технику подводного бурения, работающую с переделанными подводными буксировщиками,— говорил адмирал.— Высокоскоростные насосы с низким

трением и новый вид пластиковых танков-цистерн завершают картину.

Губы адмирала растянулись, как будто он хотел изобразить ими обезоруживающую улыбку. Но это сделало его еще более похожим на пирата.

— Наши ребята называют эти танки «слизнями», а насосы — «москитами».

В комнате раздались угодливые смешки. Рэмси тоже улыбнулся, отметив про себя, что Оберхаузен сохраняет репутацию Древнего Каменного Лица.

Адмирал Белланд продолжил:

— «Слизень» вмещает в себя около ста миллионов баррелей нефти. «Восточные» знают, что теряют нефть. Знают как, но у них нет точных сведений где или когда. Пока нам удавалось перехитрить их.— Голос адмирала стал еще громче.— Наши системы обнаружения исключительны. Наши...

Ломкий голос доктора Оберхаузена перебил его:

— У нас все исключительное, кроме возможности удержаться от того, чтобы нас не топили.

Адмирал нахмурился.

Рэмси понял намек и включился в разговор.

— А каков был процент несчастных случаев на тех двух десятках буксиров, которые мы потеряли, сэр?

Сидящий рядом с Белландом капитан, с похожим на свиное лицо, сухо ответил:

— В последних двадцати операциях мы потеряли все двадцать.

— Все сто процентов,— сказал доктор Оберхаузен. Его невидящие глаза нащупали лейтенант-коммандера с головой, похожей на свеклу, сидящего в другом конце комнаты.

— Коммандер Тернер, не могли бы вы показать мистеру Рэмси штуку, обнаруженную вашими парнями?

Лейтенант-коммандер толкнул по поверхности стола черный цилиндр размером со свинцовый карандаш. Офицеры передавали его из рук в руки, пока он не попал к Рэмси. Тот стал рассматривать его.

— Работа мистера Рэмси, естественно, включает в себя и электронное оборудование,— объяснил доктор Оберхаузен.— Он специалист по инструментам, которые используются для обнаружения травматических последствий для психики.

Рэмси понял и этот намек. Итак, он был всеведущим экспертом ПсиБю по электронике, Человеком-Знающим-Все-Ваши-Скрытые-Мысли. Следовательно, в присутствии этого человека нельзя иметь Скрытых Мыслей. Показным движением Рэмси поставил на стол свою черную коробку. Он поместил цилиндр в коробку, стараясь создать впечатление, что в совершенстве знает тайну устройства и обязательно ее откроет, пусть он даже и ниже всех по званию.

«Черт подери, но что это за штука?» — думал он.

— Возможно, что вы определите ее как направленный излучатель.

Рэмси глядел на гладкую поверхность черного цилиндра. «И что будут делать все эти люди, если я подтверждаю эту версию узконаправленного передатчика, «маячка»? — спрашивал самого себя. — Должно быть, Обе загипнотизировали их».

Белланд перенес свой раздраженно-уважительный тон на Рэмси:

— «Восточники» поместили эти штуки на борт наших подводных буксиров. Мы считаем, что это устройство замедленного действия, включающееся уже в море. К несчастью, мы не можем обследовать их достаточно тщательно без того, чтобы не взорвался заряд, вставленный внутрь, чтобы туда не совался кто-то непрошенный.

Рэмси поглядел на доктора Оберхаузена, затем на Белланда. Этот взгляд и без слов значил: «Ну ладно, если вы хотите перевалить эту проблему на ПсиБю...»

Адмирал несколько восстановил честь своих подчиненных, сказав:

— Тернер считает, что это его проблема.

Рэмси глянул на светлоголового лейтенант-коммандера. «И тебя понизят в звании, если ты это дело завалишь», — подумал он.

Лейтенант-коммандер старался стать понезаметней.

Коммодор, сидящий справа от доктора Оберхаузена, сказал:

— Их могли бы включать вражеские агенты, находящиеся на борту буксиров.

На это доктор Оберхаузен заметил:

— Чтобы не тратить лишних слов, эти устройства направляют врагов на наши секретные скважины.

— Главная неприятность в том,— заявил Белланд,— что мы бессильны против «спящих» агентов, которых Восточный Блок завербовал очень давно — задолго до войны — с заданием ждать нужного момента. Это люди на самых неожиданных местах.— Он опять нахмурился.— Как мой шофер...— Белланд немного успокоился и направил мрачный взгляд на Рэмси.— Мы совершенно уверены, что вы не «спящий» агент.

— Абсолютно уверены? — спросил тот.

— Я совершенно уверен, что в этой комнате «спящих» агентов нет,— прорычал Белланд.— Но только я.— Он снова повернулся к настенной карте и указал точку в Баренцевом море.— Это остров Новая Земля. Возле западного побережья имеется узкий шельф. Он кончается на глубине в две сотни фатомов*. Здесь крутой склон. На нем мы имеем скважину самого богатого по нашим расчетам месторождения. «Восточники» даже не подозревают, что оно здесь... пока.

Доктор Оберхаузен положил на стол костлявую руку и стукнул пальцем.

— Нам следует объяснить мистеру Рэмси и важность морального фактора.— Он повернулся к эсину.— Вы понимаете, что мы не можем удержать наши потери в секрете. В результате, настроение экипажей подводных буксиров оставляет желать лучшего. Нам нужны хорошие новости.

Белланд приказал:

— Тернер, заберите это отсюда.

Адмирал вернулся в просевшее под ним кресло, будто боевой корабль размещался в сухом доке.

Тернер, сфокусировав свои водянисто-голубые глаза на Рэмси, сказал:

— Мы проверили, проверяем и перепроверяем все команды подводных буксировщиков. Выявили одну, выглядящую неплохо. Сейчас они в лагере отдыха «Гарден Глен» и выйдут в рейс через пять недель. Правда, у них нет офицера-электронщика.

Рэмси подумал: «Великий Огорчитель Фрейд! Неужели они захапают меня в свои лапы в качестве подводника?!»

Как бы прочитав его мысли, доктор Оберхаузен сказал:

* 366 м. Фатом — мера глубины, морская сажень, 1, 83 м.

— Вот куда вы направитесь, Рэмси.

Он кивнул Тернеру:

— Простите, командер, но мы тратим слишком много времени на этот вопрос.

Тернер бросил взгляд на Белланда и сел в свое кресло.

— Конечно, доктор.

Доктор поднялся, опять проявляя чувство большой осторожности.

— Как бы там ни было, это уже моя сфера деятельности. Видите ли, Рэмси, во время последней операции у офицера-электронщика появились психические отклонения. Это та же проблема, которой вы занимались на «Дельфине». Более того! Подводные буксиры гораздо меньше, полный экипаж насчитывает только четыре человека. Все основные симптомы указывают на наведенную паранойю.

— Капитан? — спросил Рэмси.

— Именно.

«А сейчас мы поразим туземцев своими волшебными знаниями», — подумал Рэмси. Он сказал:

— Когда я был на «Дельфине», то заметил подобные же условия возникновения синдрома «военной усталости». Он похлопал по стоящей на столе коробке.

— Эмоциональные отклонения у капитана в различной степени отражались на всем персонале корабля.

— Доктор Оберхаузен уже отмечал вашу работу на «Дельфине», — заметил Тернер.

Рэмси кивнул.

— Меня беспокоит одна вещь. Вы отметили, что уровень команды очень высокий. Но такого еще не отмечалось, если капитан на грани психического срыва.

— Вот и займитесь этим, когда будете с ними, — предложил доктор. — Мы уже собрались было списать этого капитана на берег. Но сейчас командование говорит нам, что у него с командой хорошие, если не больше, шансы на успешное проведение похода к Новой Земле. Но только в случае обязательного наличия всех иных условий.

Он замолчал и потянул себя за мочку уха.

Рэмси воспринял сигнал и подумал: «Ага, так вот в чем штука. Какая-то важная шишка не согласна с моим включением в операцию, а для Обе жизненно важно, чтобы я попал в эту команду. С кем же мы играем? С адмиралом? Да нет, он сделает все, достаточно слова Обе. — Энсин перехватил хмурый взгляд коммодора, сидящего слева от

Оберхаузен и впервые заметил отблеск на его петлицах.— Советник президента! Вот кто это может быть».

— И одно из этих условий — скрытое наблюдение психолога,— высказал предположение Рэмси.— А как вы собираетесь подключить капитана к моей системе дистанционного тестирования без его ведома?

— Адмирал Белланд предложил остроумное решение,— объяснил доктор Оберхаузен.— Служба Безопасности имеет новый детектор для обнаружения и борьбы с этими шпионскими передатчиками. Шарик динамика хирургическим путем вживляется в шею. Он подключен к волновым сканерам, которые вживляются под мышками. Миниатюризация позволяет нам вместе с динамиком поместить и нужное вам регистрирующее устройство.

Рэмси поклонился адмиралу.

— Разумно. Итак, вы снарядите капитана подобным образом, а я буду постоянно следить за его психическим состоянием.

— Именно так,— заметил Оберхаузен.— Правда, здесь возникали кое-какие возражения.— Слепые глаза устали сидеть слева commodora.— Их смысл в том, что у вас нет длительного боевого опыта работы на подводном буксире. А это особенная служба.

Commodor согласно кивнул и поглядел на Рэмси.

— Мы уже шестнадцать лет находимся в состоянии войны,— сказал он.— Как получилось, что вы избежали боевых действий?

«О, этот снобизм,— думал Рэмси. Он повернул коробку с телеметрической аппаратурой, пока одна ее грань полностью не закрыла commodora.— А когда сомневаешься, начинай всех охаивать».

— Каждый человек, которого мы сохраняем для боевых действий, приближает нашу победу,— ответил Рэмси.

Жестокое лицо commodora начало багроветь.

— У мистера Рэмси уникальная комбинация образований — психология и электроника — и он слишком ценен, чтобы им рисковать,— объяснил доктор Оберхаузен.— Он выполняет только особенные задания — как в случае с «Дельфином» — когда только он может справиться.

— Если он настолько ценный специалист, почему вы рискуете им сейчас? — потребовал ответа commodor.— Нет, все это в высшей степени неправильно!

Адмирал Белланд поглядел на него.

— Да, Льюис, действительно разработанным мистером Рэмси оборудованием для телеметрии эмоционального состояния может пользоваться и кто-то другой. Но дело в том, что его изобретательность может быть весьма полезной, особенно в нашем случае.

— Можете считать меня грубияном и невежей,— сказал коммодор,— но тогда бы мне хотелось знать, почему этот молодой человек — если уж он настолько хорош — все еще,— он искоса глянул на петлицы Рэмси,— все еще энсин.

Доктор Оберхаузен поднял руку.

— Позвольте мне ответить, дорогой адмирал.

Он повернулся к коммодору.

— А все это потому, что есть люди, которых возмущает факт, что мне удастся не дать напялить униформу на себя самого и на лучших сотрудников своего отдела. Это те, кто вообще не видит необходимости в существовании этого особого отделения. И весьма прискорбно, что те из моих людей, которым приказано одеть форму, с огромнейшим трудом поднимаются по служебной лестнице, не смотря на уровень их талантов.

Похоже, что коммодор был готов взорваться.

— Но по праву,— добавил доктор,— мистер Рэмси мог быть уже как минимум коммодором.

Кто-то закашлялся, и это нарушило тишину, повисшую в комнате.

Рэмси захотелось очутиться где угодно, лишь бы подальше от глаз коммодора. Тот сказал:

— Ладно, беру свои возражения назад.

Но тон его голоса говорил: «Моего мнения вам не изменить».

— Я собираюсь,— добавил доктор Оберхаузен,— после выполнения данного задания освободить мистера Рэмси от действительной службы и сделать начальником отдела, занимающегося проблемами подводников.

Кривая усмешка дернула уголок рта коммодора.

— Если он останется в живых,— заметил он.

Рэмси стерпел.

Как бы не услышав последних слов, доктор продолжил:

— Подготовка будет весьма сложной, но у нас есть пять недель и все возможности ПсиБю.

Белланд с трудом извлек свое тело из кресла и сделал шаг.

— Джентльмены, если вопросов больше нет, то, надеюсь, мы все остались довольны мистером Рэмси.— Он поглядел на свои наручные часы.— Его ждут медики, и теперь ему понадобится каждая минута из предстоящих пяти недель.

Рэмси поднялся из-за стола, взял свой ящик под мышку. В его глазах было недоумение.

— Готовьтесь стать снаряженным, как ходячая поисковая система,— сказал Белланд.

Доктор Оберхаузен материализовался рядом с Рэмси.

— Если ты не против, Джонни, пойдем вместе.

Он взял Рэмси под руку.

— У меня есть подборка материалов по командеру Спарроу — капитану этого подводного буксировщика — и двум другим членам экипажа, сокращенная до необходимого минимума. В Бюро мы окружим тебя особой опекой. Для нас ты будешь особо ценным пациентом...

Рэмси услышал, как за спиной Тернер сказал кому-то:

— Доктор Оберхаузен назвал этого энсина Джоном. Неужели это тот самый долговязый Джон Рэмси, который...

Последние слова были заглушены, когда рядом заговорил доктор:

— Похоже, Джонни, вам придется тяжеловато.

Они вышли в коридор.

— Вашей жене мы уже сообщили.

Оберхаузен понизил голос.

— Вы держались очень хорошо.

Внезапно до Рэмси дошло, что он позволил слепому вести себя. Он рассмеялся, но потом посчитал, что следует объяснить свое веселье:

— Так же, как и вы, когда отшили этого наглого коммодора.

— А вы ни в чем не солгали,— сказал доктор.— Но я об этом не стану говорить. А теперь о коммодоре: он как раз входит в группу, выступающую против повышения в должностях людей из ПсиБю.

Энсин Рэмси внезапно понял, что ему расхотелось смеяться.

...Очень часто о тех пяти неделях подготовки к операции Рэмси говорил, как о «времени, когда я похудел на 20 фунтов».

Ему предоставили три комнаты в закрытом для других крыле Военно-Морского Госпиталя в Юнадилле: белые стены, мебель из ротанга и красного дерева, вся прожженная сигаретами; работающий телевизор и многофункциональная больничная койка на высоких ножках. Одна комната предназначалась для подготовки: гипнофон, настенные диаграммы, макеты, аудиокассеты, фильмы.

Его жена, Дженнет, белокурая медсестра, получила расписание посещений: субботние вечера и воскресенья. Их детям, Джону-младшему, которому исполнилось два года, и четырехлетней Пегги в госпиталь приходить не разрешалось, так что их увезли к бабушке в Форт Линтон в штате Миссисипи.

В первый же субботний вечер Дженнет, одетая в красное платье из одного куска материи, ворвалась к нему в гостиную. Она поцеловала Рэмси и воскликнула:

— Я так и знала!

— Что знала?

— Что рано или поздно Флот и этот чертов Обе станут регулировать нашу сексуальную жизнь.

Рэмси, предупрежденный о том, что каждое его слово и жест здесь фиксируются, попробовал заставить ее замолчать.

— Да знаю я, что они подслушивают,— заявила Дженнет. Она бросилась на ротанговую кушетку, скрестила ноги, закурила и с яростью выпустила клуб дыма.— Я уже боюсь этого Обе.

— Это потому, что ты его недолюбливаешь.

— И потому, что он сам хотел этого добиться.

— Ладно... так...— согласился Рэмси.

Дженнет вспыхнула, вскочила на ноги, но потом взяла себя в руки.

— Ох, я веду себя как дура. Меня предупредили, чтобы я тебя не расстраивала.

Он поцеловал ее, погладил по волосам.

— Я не расстраиваюсь.

— Я же говорила им, что если постараюсь, то не буду тебя расстраивать.— Она отодвинулась от Рэмси.— Дорогой, что на этот раз? Что-то опасное? Это не еще одна ужасная подлодка?

— Я собираюсь поработать с нефтяниками.

Дженнет улыбнулась.

— О, звучит даже неплохо. Ты будешь бурить скважину?

— Действительно, скважины бурят, — ответил он. — Но мы собираемся подумать о безопасности производства.

Дженнет поцеловала его в подбородок.

— Ах ты мой старый, всезнающий эксперт.

— Пошли обедать, — предложил он. — Как там дети?

Они вышли, держась за руки и воркуя о детях.

Обычный же для Рэмси день начинался в пять утра, когда медсестра приходила разбудить его уколом для нейтрализации препаратов для гипнофонии. Завтрак с высоким содержанием протеинов. Анализ крови.

— Сейчас будет чуточку больно.

— Уууу! И это вы называете «чуточку»? В следующий раз предупреждайте.

— Не будьте большим ребенком.

Диаграммы. Заводские чертежи подводных буксировщиков класса «Хеллс Дайвер».

Служба Безопасности привлекла для его подготовки самого крупного специалиста по подводным буксировщикам. Клинтон Рид. Лысый как колено. Тонкие губы, узкие глаза, тонкая кожа. Гипертрофированное чувство долга. Совершеннейшее отсутствие чувства юмора.

— Это чрезвычайно важно, Рэмси. Вы обязаны пройти в любое место на судне, вслепую произвести любое контрольное измерение. У нас есть для вас макет, с которым можете поработать несколько дней. Но вначале следует зафиксировать в памяти образ. Попытайтесь запомнить эти планы, а потом мы проверим вашу память.

— О'кей. Общую схему я уже закончил. Можете проверить.

— Где находится реактор?

— Спросите что-нибудь посложнее.

— Отвечайте на вопрос.

— Ладно. Он находится в носовом отсеке. Первые 32 фута.

— Почему там?

— Из-за выпуклой формы, каплеобразной, данного класса судов и ради балансировки. Здесь больше всего места для защиты.

— Какова толщина антирадиационной переборки за реакторным отсеком?

— Это я упустил.

— Двенадцать футов. Это надо помнить. Двенадцать футов.

— Ну ладно. Зато я могу сказать, из чего она сделана: гафний, свинец, графит и пенобетон.

— Что находится на поверхности антирадиационной переборки с тыльной стороны?

— Приборы прямого считывания работы реактора. Репетиры находятся на центральном посту, это перед главной переборкой, справа от мостков первого уровня. Потом идут хранилища скафандров антирадиационной защиты, склады оборудования и двери в тоннели, ведущие в реакторный отсек.

— Это вы ухватили. Сколько тоннелей ведет к реактору?

— Четыре. Два сверху и два понизу. Там нельзя находиться более двенадцати минут без скафандра антирадиационной защиты.

— Хорошо. Какова мощность двигателя в лошадиных силах?

— Двести семьдесят три тысячи, уменьшаемые до двухсот шестидесяти, когда применяются глушащие плоскости за винтом.

— Великолепно! Какова длина машинного отделения?

— Ну... нет, тоже проскочило.

— Смотрите, Рэмси, это важно. Вам надо помнить это расстояние. У вас должно появиться чувство расстояний. А вдруг у вас не будет никакого источника света.

— Ну ладно, ладно. Так какова же эта чертова длина?

— Двадцать два фута. Это расстояние включает в себя всю мидельную секцию. Четыре электродвигателя установлены по два на каждом уровне с коробкой скоростей для передачи движения ниже центра кормы...

— Схвачено. Так, дайте-ка мне взглянуть на кормовой отсек. О'кей, можете проверять.

— Сколько мостков имеется в машинном отделении, и где они расположены?

— Но погодите, я же посмотрел на кормовой отсек...

— Сколько мостков...

— Да ладно уж. Один от центрального поста идет вперед. Один ведет вниз, на второй уровень, от складов.

Один, называемый уровнем А, ведет к верхним помещениям. Точно такой же, для нижнего уровня, называемого уровнем В. Короткий мостик между уровнями А и В к двигателям и танкам с кислородом. И один, самый короткий, к рубке, превращающийся в лестницу, когда она поднята.

— Хорошо. Вот видите, вы же можете, если приложите к делу мозги. А теперь расскажите, как расположены жилые каюты.

— Жилые каюты?

— Не уклоняйтесь от вопроса.

— Вот умник! Хорошо: капитанская на верхнем уровне с правого борта, сразу же за мастерской электрика. Первый офицер — по левому борту, за помещением для отдыха, служащим одновременно и лазаретом. Офицер по техобеспечению — по правому борту, под капитанской каютой, сразу же за складом оборудования. Офицер-электронщик — по левому борту, под каютой первого офицера, с тыльной стороны склада с продовольствием. Это место для меня. Пусть мне пробьют личную дверь на этот склад.

— Где находится камбуз?

— Это могу сказать точно. Он по левому борту, на нижнем уровне, вход через кают-компанию. Контрольный пульт состояния расфасованных продуктов находится напротив переборки, разделяющей камбуз и кают-компанию. Сами же эти два помещения, камбуз и кают-компания, размещены между комнатой отдыха и центральным постом.

— Что находится за жилыми помещениями?

— Механизмы индукционного движителя Палмера.

— Почему движитель индукционный?

— Потому что при максимальном давлении для этого класса подводных судов не должно быть слабых мест на корпусе, следовательно, в нем нет канала для вала винта.

— Сегодня ночью вы будете с помощью гипнофона изучать движитель. Учитесь действовать вслепую. Вот модель, которую надо проработать до послезавтра.

— О Боже!

— Назовите максимальное давление на корпус для «Хеллс Дайверов».

— 3100 фунтов на квадратный дюйм, что соответствует погружению на 7000 футов.

— За ответ — единица. Давление зависит от многих условий. В одном месте у вас будет все в порядке и на глу-

бине в 7100 футов, но в другом — уже на 6900 футах все кончится катастрофой. Учитесь зависеть от аппаратуры статического давления. Теперь перейдем к составу атмосферы на судне. Что такое «вампир»?

— Небольшое устройство, которое во время глубинных погружений носится на запястье. Игла проникает в вену, и устройство докладывает, достаточно ли быстро идет поглощение CO_2 , чтобы вы не отключились. Еще «вампир» реагирует на уровень азота.

— Назовите минимальный уровень поглощения.

— Когда поглощение падает ниже 0,2 по CO_2 , вы впадаете в эйфорию. Если содержание CO_2 достигает 4% — начинаются неприятности. С азотом бывает по-разному. Обычно на подводных буксирах от него избавляются, снижая его уровень. Зато добавляют небольшие количества гелия.

— Что делают, чтобы организм работал, справлялся с высоким атмосферным давлением?

— Распыляют в вентиляционную систему углеродистую ангидразу. Это ускоряет поглощение и вывод CO_2 в крови и препятствует образованию пузырьков.

— Тут вы ас. Вы знали об этом раньше?

— В моей системе дистанционного контроля за эмоциями «вампир» — очень важная составляющая.

— Естественно. Теперь, почему офицер-электронщик так важен?

— Связь с внешними контрольными двигателями кодируется волновыми импульсами. Если электронные системы откажут, когда буксир в погружении, он уже не подымется.

— Правильно. А теперь снова поглядим на чертежи.

— Только не это!

— Начнем с реактора. В подробностях.

— Чертовы «Дайверы»!..

Ночные сеансы гипнофонии накачивали в мозг Рэмси новые сведения: давление в корпусе, корпусный резонанс, корпус танка-баржи... система компенсации давления... магистральный канал... контроль за работой реактора... поиск и гидролокация... контроль за погружением... контроль клапанов... утечка реактора... гидроакустическая система автопилота... контроль атмосферы... автотаймер, модель IX... внешние и внутренние телекамеры, спецификации по обслуживанию... контроль гироскопа... дублирующий контроль... пластиковая баржа-танк, нефть... ком-

поненты... игольчатые торпеды, системы внешнего захвата... складирование торпед... системы шифровки... системы... системы... системы...

Это было время, когда Рэмси чувствовал: его голова скоро лопнет.

Доктор Оберхаузен пришел к Рэмси на четвертый день подготовки. Помятая одежда делала его похожим на вытасщенного из постели раввина. Он зашел тихо и уселся рядом с Рэмси, у которого на голове был учебный автомат с автоматической быстрой сменой слайдов.

Рэмси отнял плотно прилегающую к лицу маску аппарата от глаз и повернулся к Оберхаузену.

— А, верховный инквизитор.

— Вам здесь удобно, Джонни?

Слепые глаза глядели сквозь собеседника.

— Нет.

— И хорошо. Вы сюда не отдыхать прибыли.

Стул под доктором затрещал, когда тот переместил свое тело.

— Я прибыл по поводу Гарсии, офицера по техническому обеспечению в нашем экипаже.

— С ним что-то не так?

— Не так? Разве я сказал, будто что-то не так?

Рэмси снял свой слайдопроектор и уселся поудобней.

— Переходите к сути.

— Ах, нетерпение юности. У тебя есть досье на Гарсию?

— Вы же знаете, что есть.

— Достань его, пожалуйста, и прочти, что у тебя имеется.

Рэмси повернулся направо, взял папку с нижней полки кофейного столика и открыл ее. Фотография на внутренней стороне обложки представляла худощавого коротышку — около пяти футов семи дюймов. Latinoамериканская внешность, со смуглой кожей. Черные вьющиеся волосы. Сардоническая полуусмешка. Про таких говорят: в нем что-то от черта. Под фотографией заметка, сделанная почерком Рэмси: «Член команды по водному поло Истонского университета, выигравшей первенство. Увлекается гандболом».

— Читай мне,— сказал доктор.

Рэмси перевернул страницу и начал:

— Возраст — тридцать девять лет. Начинал с рядового состава. Бывший оператор ЭВМ. Лицензия радиолюбителя. Родился в Пуэрто Мадрин, Аргентина. Отец, Хозе Педро Гарсия и Агуинальдо, крупный скотовод, владелец ранчо. Мать умерла при родах, когда Гарсии было три года. Вероисповедание: католик. Носит на шее четки. Перед каждой операцией просит благословения у священника. Жена: Беатриса, тридцать один год.

— У тебя есть ее фотография?

— Нет.

— Жаль. Могу сказать, она довольно красива. Продолжай.

— Учился в Нью-Оксфорде. Это объясняет его британский акцент.

— Я весьма сожалел, когда Британские Острова были уничтожены,— сказал Оберхаузен.— Такая по-настоящему приятная культура. Солидная в своих основах. Нерушимая. Хотя это тоже признак слабости. Продолжай, пожалуйста.

— Играет на волынке,— прочел Рэмси. Он поглядел на доктора.— А вот это уже странно: латиноамериканец, а играет на волынке!

— Я не вижу в этом ничего плохого, Джонни. В некоторых случаях ничто так не успокаивает, как игра на волынке.

Рэмси поднял глаза горе.

— Ничего себе, успокаивает!

Он снова поглядел на руководителя ПсиБю.

— Зачем я читаю вам все это?

— Мне хотелось бы создать о Гарсии полное представление перед тем, как включить в мозаику последний фрагмент, полученный от Безопасности.

— Какой именно?

— Что Гарсия может быть одним из тех самых «спящих» агентов, что задали Безопасности так много бессонных ночей.

Рэмси фыркнул.

— Гарсия! Да ведь это же безумие! Точно так же можно подозревать и меня!

— А они все время следят и за тобой,— ответил Оберхаузен.— А что касается Гарсии — возможно; но

может и нет. Контрразведка склоняется к тому, что «спящие» агенты могут быть на буксировщиках. Это подозрение касается и Гарсии. Безопасность уже собралась было отменить операцию. Я предложил им продолжать при условии, что ты будешь присматривать за Гарсией.

Рэмси вернулся к фотографии на обложке папки и поглядел на сардоническую полуулыбку.

— Могу сказать, мы все станем там шпионить друг за другом. Возможно, это «восточным» и нужно. Если же довести это до логического конца — у Безопасности развилась паранойя типа мании преследования.

Доктор Оберхаузен поднялся с ротангового стула, который ответил скрипом облегчения.

— Только не говори об этом джентльменам из Безопасности, когда они придут натравлять тебя на Гарсию. Да, и еще одно. Коммодор точит на тебя нож, которым и прирежет, если в операции произойдет какая-нибудь ошибка.

— Я должен буду благодарить за это вас.

— О себе я забочусь сам, — отвечал Оберхаузен. — Дело не в страхе. — Он указал на устройство для просмотра слайдов. — Продолжай заниматься, а у меня есть своя работа.

Рэмси подождал, пока дверь не закроется, сунул папку опять под кофейный столик, сделал двадцать глубоких вдохов, чтобы успокоить нервы. Но потом он достал папки с делами двух других членов экипажа и просмотрел их.

«Коммандер Харви Эктон Спарроу». Сорок один год. Фотография высокого худощавого мужчины с редющими волосами песочного цвета, резкими чертами лица, сутулится.

«Выглядит, как преподаватель заштатного колледжа, — размышлял Рэмси. — Может, это потому, что ранее он собирался преподавать математику? Возмущал ли его факт, что семья, вросшая корнями во Флот, заставила его пойти по стопам предков?»

Отец: контр-адмирал Эптон Орвелл Спарроу, погиб 16 октября 2018 года в битве в Ирландском море. Мать: Дженнин Коуб Спарроу. Сердечница, проживает в Правительственном Доме престарелых «Уотерз Пойнт». Жена: Рита, тридцать шесть лет. Блондинка? Детей нет.

«Знает ли Спарроу, что жена ему изменяет,— спросил Рэмси сам себя.— Многие друзья его предупреждали об этом».

Квалификации: судовождение — высший балл; вооружение и стрельбы — высший балл; медицинские знания (первая помощь, включая и кессонную болезнь) — отлично; оборудование подводных судов — высший балл.

Рэмси взялся за вторую папку.

«Лейтенант-коммандер Лесли Боннет». Тридцать восемь лет. Фотография крепко сбитого мужчины (чуть ниже шести футов) с каштановыми вьющимися волосами (химическая завивка?), орлиный нос, нависшие брови, взгляд задумавшегося ястреба.

Сирота-подкидыш. Вырос в Доме для невестребованных детей в Кейп Нестоне.

«Для невестребованных детей!» — подумал Рэмси.

Был женат четырежды. Двое детей — по одному от первых двух жен. Сохраняет брачные отношения с Элен Дэвис Боннет, двадцать девять лет. «Мисс Джорджия 2021 года».

«Невестребованный! — размышлял Рэмси.— Подсознательно он желает мстить всем женщинам, включая и бросившую его мать».

Квалификации: судовождение — хорошо; снабжение — отлично; вооружение и стрельбы — высший балл (лучший торпедист в командах подводных буксировщиков в течение четырех лет); оборудование подводных судов — высший балл с плюсом.

Рэмси ознакомился с замечанием психолога: «Удержан от служебного продвижения в силу неадекватной реакции на опасность при глубоководных погружениях».

«Невестребованный,— продолжал размышлять Рэмси.— Скорее всего, Боннет и не желает продвижения по служебной лестнице. Здесь командир восполняет недостаток отцовского авторитета, которого не хватало в детстве».

Рэмси забросил папки опять под кофейный столик и откинулся назад, продолжая размышлять:

«Ассоциации по прямым и косвенным связям.

Спарроу и Боннет — протестанты. Гарсия — католик.

И никакой видимости религиозных трений.

Эти люди стали тесно работавшимся экипажем. Свидетельство тому — факт, что их буксировщик имеет наивысший рейтинг в Службе.

Каким будет эффект утраты Хеппнера, офицера-электронщика? Как отреагируют они на замену?

Черт! Случай Хеппнера сюда совершенно не вписывался! Спокойное детство. Спокойная семейная жизнь. Всего два неприятных факта: разбитая любовь в двадцать четыре года и нервный срыв в тридцать два. Такое могло произойти с Боннетом: невостребованный! Или с капитаном Спарроу — неудавшийся математик».

— Вы спите?

Это был Рид, куратор.

— Сейчас три часа,— сообщил он.— Я принес развернутые схемы электрической мастерской на «Хеллс Дайверсах».— Он вручил Рэмси распечатки и отмечал то, о чем говорил: — Здесь рабочий стол. Тут тиски. Гаечные ключи. Миниатюрный токарный станок. Вакуумный насос. Разъемы тестера.

— Я умею читать.

— Вы должны уметь подключаться к тестеру в полной темноте,— заметил Рид. Он уселся в кресло, которое перед тем занимал доктор Оберхаузен.— Завтра мы начнем подготовку и тренировку на макете.

— Но ведь завтра же суббота, Клинт,— уставился на него Рэмси.

— Вы не выйдете отсюда до 18.00,— ответил Рид. Он нагнулся вперед.— А теперь сконцентрируйтесь на расположении разъемов. Вот здесь выключатель аварийного освещения. Вам надо находить его сразу.

— А если вы дадите мне две попытки?

Рид откинулся в кресле, окинув Рэмси жестким взглядом.

— Мистер Рэмси, кое-что вы должны усвоить настолько, чтобы это вошло в ваши плоть и кровь.

— Да? И что же?

— На подводных судах не бывает мелких аварий.

Коммандер Спарроу спускался по пандусу цилиндрического хода, приостановившись перед тем, как войти в подземную, залитую светом дуговых фонарей пещеру — стоянку подводных судов. Капля испарившейся влаги, сконденсировавшейся высоко на сводах, упала ему на лицо. Он продолжил путь среди суеты быстрых микробусов и спешащих, занятых людей. Прямо перед ним высился его

похожий на кита подводный буксировщик: вагнеровская оперная примадонна размером в 140 футов меж прожекторов гигантской сцены.

В мозгу капитана все еще звучали последние инструкции, полученные на совещании в Службе Безопасности.

— Ваша команда имеет высший рейтинг по безопасности, но вам следует опасаться «спящих» агентов.

— В моей команде? Черт побери, парни, я знаю их всех уже несколько лет. Боннет со мною уже восемь лет. С Джо Гарсией я служил еще до войны. Хеппнер и...— Его лицо побагровело.— Что там с новым электронщиком?

— О нем пускай у вас голова не болит. Теперь, инспекторы уверяют нас, что у вас на борту вражеских сигнальных устройств нет.

— Тогда зачем мне это ваше предупреждение?

— Это дополнительная предосторожность.

— Так что там насчет нового человека? Каковы его квалификации?

— Это один из лучших в Службе. Вот, поглядите его документы.

— Ограниченный опыт боевых действий в береговом патруле? Да ведь он совсем еще зеленый!

— Но вы поглядите на его квалификации.

— Опыт боевых действий ограниченный!

Водитель микробуса заорал на Спарроу, чтобы тот убирался с дороги. Капитан поглядел на свои часы: 07.38 — двадцать две минуты до сбора команды. Желудок сжало. Спарроу ускорил шаг.

— Чертова Безопасность с их замечаниями в последнюю минуту!

За черным бархатом причального бассейна он мог видеть подсвеченный вход в тоннель. А за 160-мильным уклоном этого тоннеля, за глубинами каньона Де Сото и Мексиканского залива — и еще дальше — таились в засаде враги. Враги наносили удары всегда неожиданно и опасно, сейчас их эффективность против подобного рода судов приблизилась к 100%.

Спарроу пришло в голову, что подводный тоннель походит на гротескный родовой канал. А вся эта пещера, вырубленная в горах Джорджии, гнездилась в земных недрах, будто фантазмагорическая матка. Когда они выведут судно наружу, чтобы сражаться — они родятся в чудовищном мире, чего им вовсе не хотелось.

Ему было интересно, как отнесется к подобной идее ПсиБю. «Скорее всего, оценят ее как признак моей слабости,— подумал он.— Но почему бы мне и не иметь слабости? Сражения на полуторамильной глубине океана, неослабевающее давление воды выявляют в человеке любую слабость. Это все из-за давлений. Постоянные давления. Четыре человека, изолированные под давлением, заключенные пластистальной тюрьмы, но и пленники тюрьмы своих душ».

Еще один микробус пересек дорогу Спарроу. Тот увернулся, глядя на свой корабль. Теперь он был достаточно близко, чтобы различить название на боевой рубке высоко над ним: «Фениан Рэм С1881»*. Погрузочный трап спускался от рубки на пирс длинной, грациозной дугой.

Капитан дока, круглолицый лейтенант-коммодор в робе с проверочным списком в руке, спешно подошел к Спарроу.

— Капитан Спарроу?

Не останавливаясь, он повернул к нему.

— Да? А, привет, Майерс! Экипаж собрался?

Майерс отставал от Спарроу на шаг.

— Большая часть. А вы похудели, Спарроу.

— Легкая дизентерия,— ответил тот.— Поел несвежих фруктов в «Гарден Гленн». Мой новый офицер-электронщик показался?

— Его не видел. А вот его оборудование прибыло уже давненько: запломбированный ящик с его барахлом. Приблизительно вот такой,— он показал руками размер.— Адмирал Белланд распорядился.

— Руководитель Службы Безопасности?

— А кто же еще?

— А почему ящик опломбирован?

— Говорили, что там весьма хрупкие инструменты для контроля за вашим поисковым оборудованием дальнего радиуса действия. Его опечатали, и теперь никакой излишне любопытный шпион не сунет туда носа.

— Так, значит, новое поисковое оборудование установлено?

* От Феньяна, легендарного воина, освободителя Ирландии. Фенианцами называли себя члены тайной организации, созданной в Нью-Йорке для борьбы против английского владычества в 40-е годы XIX в.

— Да. Вы проверите его в боевых условиях.

Спарроу кивнул.

Группа мужчин у подножия грузового трапа встала по стойке «смирно», когда два офицера подошли к ним. Спарроу и Майерс остановились. Спарроу скомандовал:

— Вольно.

— Еще шестнадцать минут, капитан.— Майерс пожал руку Спарроу.— Удачи! Дайте им прикурить!

— Договорились,— согласился тот.

Майерс направился дальше по доку.

Спарроу же повернулся к крепко сбитому человеку с ястребиным лицом, стоящему у трапа, своему первому офицеру, Боннету.

— Привет, Лес.

— Рад вас видеть, шкип.*

Боннет сунул папку, что была у него в руках, под мышку, отослал трех рядовых, стоявших с ним, и обратился к Спарроу:

— Куда это вы направились с Ритой после вечеринки?

— Домой.

— Мы тоже,— сказал Боннет.— Большим пальцем он указал на подводный корабль за собой.— Последняя инспекция по безопасности полностью завершена. Проверочное оборудование не обнаружило ничего. Но есть одна заминка: замена Хеппнера еще не доложились.

Спарроу вслушался в себя, чувствуя сжимающие желудок позывы страха.

— Так где же этот тип?

Боннет пожал плечами.

— Мне известно лишь то, что звонили из Службы Безопасности и сообщили, что может произойти заминка. Я сказал им...

— Безопасность?

— Совершенно верно.

— Господи Иисусе! — рявкнул Спарроу.— Так долго они будут тянуть резину до самой последней минуты? Или они меня считают...— Он сплюнул. Все было ясно.

— Но они сказали, что это их самый лучший,— добавил Боннет.

Спарроу представил все сложности, связанные с прохождением линий защиты базы после договоренного срока.

* От англ. «капитан».

— Придется выходить в другой день, договариваться о времени.

Боннет поглядел на свои наручные часы и глубоко вздохнул.

— Я им сказал, что самое позднее — это 8.00. А они даже не удосужились ответить...

Он замолчал, потому что на трапе рядом с ними раздались шаги.

Оба офицера подняли головы и увидели спускающиеся вниз три фигуры: двое рядовых, тащивших тяжелое электронное поисковое оборудование, за которыми следовал невысокий худощавый человек со смуглой кожей латиноамериканца. Он тоже был одет в рабочий комбинезон и нес под правой рукой небольшой электронный детектор.

— О, дон Хозе Гарсия! — сказал Спарроу.

Гарсия переложил тестер-детектор под левую руку и спустился на пирс.

— Шкип! Рад вас видеть!

Спарроу отступил, давая пройти рядовым с тяжелым ящиком, и вопросительно глянул на детектор под рукой у Гарсии.

Тот отрицательно покачал головой.

— За Бога и Отчизну, — сказал он. — Только иногда мне кажется, что я перебрал кредит у Господа. — Он перекрестился. — Эти парни из Безопасности полночи промурыжили нас на этой плавучей кишке. Мы четырежды прошли ее от носа до руля по разным маршрутам. Нигде и не пикнуло. Так вот, а сейчас я скажу вам вот что: они хотят, чтобы я провел еще один поиск, когда мы будем проходить тоннель. — Он воздел руку. — Я вас прошу!

— Мы так и сделаем, — сказал Спарроу. — Я рассчитываю на время до первой контрольной точки для полнейшей проверки на погружение.

— Да ладно, — улыбнулся Гарсия. — Вы же знаете, что я всегда готов.

Боннет опять поглядел на часы.

— Двенадцать минут...

Высокий звук двигателя командирского микробуса перебил его. Все трое обернулись на шум. Микробус ехал снизу, от темного въезда в пещеру. Фара, будто глаз циклопа, освещала скальную стенку. Микробус скатился по пандусу и остановился с визгом тормозов. Рядом с

водителем сидел рыжеволосый мужчина с круглым лицом невинного дитяти, сжимая в руках форменную фуражку.

Спарроу заметил на его петлицах знаки различия энсина и подумал: «Это и будет мой новый офицер-электронщик». Спарроу облегченно вздохнул и улыбнулся над облегчением, рисующемся на лице новичка после безопасного прибытия. Безрассудная езда водителей базы была известной шуткой.

Новоприбывший надел фуражку на свои рыжие волосы и вышел из микробуса. Машина качнулась под его весом. Водитель развернулся и помчал назад тем же путем.

Энсин остановился перед Спарроу, отдал салют и представился:

— Рэмси.

Спарроу тоже отсалютовал и сказал:

— Рад иметь вас в экипаже.

Рэмси передал свое предписание Спарроу и объяснил:

— Не было времени посылать это по обычным каналам.

Спарроу передал документы Боннету и представил его:

— Мистер Боннет, первый офицер.— Потом повернулся к Гарсии.— Мистер Гарсия, инженер.

— Рад встретиться с вами,— сказал Рэмси.

— Очень скоро мы ваши иллюзии развеем,— ответил Гарсия.

Спарроу улыбнулся, протянул руку Рэмси и был удивлен крепостью мышц нового члена команды. Парень только с виду был мягкотелым. Боннет и Гарсия тоже пожали руку новичку.

Рэмси был занят систематизацией первых впечатлений от трех мужчин во плоти. Странно было то, что видел он их впервые, но чувствовал себя так, будто знал их целую вечность. И это, он знал, придется скрывать. Дополнительной информации о личной жизни этих людей — вплоть до имен их жен — в его памяти просто не могло быть.

— Служба Безопасности сообщила, что вы можете и опоздать,— сказал Спарроу.

— Кто вам наплел такое? Правда, мне показалось, что меня собираются там анатомировать.

— Мы обсудим это позже,— сказал Спарроу. Он потер тонкий шрам на шее, где хирурги Безопасности вшили динамик системы обнаружения.— Сборы заканчиваем в

8.00. Мистер Гарсия проведет вас на борт. Переоденьтесь в рабочий комбинезон. Вы будете ассистировать ему при окончательной проверке и поиске вражеских шпионских передатчиков, когда мы будем проходить тоннель.

— Есть, сэр,— ответил Рэмси.

— Ваше оборудование прибыло уже давно,— сообщил Гарсия. Он взял Рэмси за руку и провел его на трап. Они поднялись на борт.

Рэмси мучила мысль, когда ему удастся распечатать свой ящик с телеметрической аппаратурой. Он чувствовал некое беспокойство — как пойдет изучение информации об эмоциональном состоянии Спарроу.

«Эта его манера потирать шею,— размышлял Рэмси.— Это что, попытка скрыть нервное напряжение? Видно по скованности движений».

На пирсе Спарроу повернулся, чтобы полюбоваться на водную гладь пристани, обрамленную линией движущихся огней.

— Вот и наш буксир. Лес.

— Вы считаете, шкип, мы сделаем это?

— Нам всегда удавалось.

— Да, но...

— «Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали,— сказал Спарроу.— Ночь прошла, а день приблизился: и так отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света»*. — Он поглядел на Боннета.— Павел написал это в Послании к Римлянам две тысячи лет назад.

— Очень умный парень,— заметил Боннет.

В доке засвистела боцманская дудка. Поворотный кран опустил стрелу, чтобы убрать грузовой трап. Рядовые бросились крепить крюки, вопросительно поглядывая на двух офицеров. Те прошли по пирсу. В их движениях чувствовалась целеустремленность. Спарроу окинул взглядом окружающее. Потом он с Боннетом прошел к трапу.

Они поднялись в башню подводного буксировщика. Боннет подошел к контейнеру кабеля перископной камеры. По привычке он осмотрел все помещение, убедившись, что здесь все закреплено в готовности погружения. Из башни он спустился по трапу в субмарину.

* «К Римлянам» 135: 11—12.

Спарроу оставался наверху. Бассейн подземной базы напоминал безбрежное озеро. Он глядел в темноту каменных сводов.

«Здесь должны быть звезды,— думал он.— Люди должны бросить последний взгляд на звезды, прежде чем спуститься под воду».

Внизу, на пирсе, маленькие фигурки людей убирали магнитные захваты. На какое-то мгновение Спарроу почувствовал себя бесполезной пешкой, которой жертвуют в партии. Он знал, было такое время, когда капитаны, отплывая от пирса, отдавали свои распоряжения в мегафон. Теперь же все было автоматическим — все делали машины и люди, что были как машины.

Надводный буксир подвернул к носу «Рэма» и закрепил на нем буксировочный конец. Под рулем буксира закипела вода. «Фениан Рэм» поначалу сопротивлялся, как бы раздумывая, отплывать или нет, а потом начал медленно, обдуманно двигаться к выходу из подземной гавани.

Стоянка освободилась, и уже другой буксир подошел к их корме. Матросы в магнитной обуви забрались на глушащую плоскость и открепили причальные концы и питающие кабели в длинной пластиковой кишке, повисшей теперь над темной водой гавани. Их крики казались Спарроу в рубке отголосками детской игры. Он почувствовал пропитанное запахами масла дуновение и понял, что они миновали вылет вентиляционной шахты.

«Никаких фанфар, духовых оркестров, никаких церемоний отплытия,— думал он.— Мы, как тростник, на ветру. И что увидим мы, выходя в дикий мир? И нет в нем Иоанна Крестителя, ждущего нас. И все же — это как крещение!»

Где-то в темноте прогудела сирена. «Повернись и поверь следующего за тобою». Еще одна придумка Безопасности: идентифицируй себя, когда прозвучит сигнал. «Чертова Безопасность! Выплыв отсюда, я буду доказывать свое тождество лишь Господу, и никому иному».

Спарроу поглядел на корму, на крепление буксировочных тросов. «Нефть. Война нуждается в чистой субстанции, рожденной осадочными породами вздымающихся материков. Нефть получилась не из растений. Война не вегетарианка. Война — тварь плотоядная!»

Буксиры отплыли в сторону, и теперь «Рэм» был прицеплен носом к специальной установке, которая и доставит

подводный корабль по тоннелю в каньон и дальше — в залив.

Спарроу поглядел на контрольный пульт в рубке и увидел зеленый сигнал «впереди чисто». Он включил «стоп» для буксиров позади «Рэма» и привычным движением коснулся кнопки свертывания башни. Она медленно сползла внутрь корпуса, ее пластистальные листы свернулись в своих гнездах.

Возле пульта управления башней висел микрофон. Спарроу снял его и отдал приказ:

— Готовиться к погружению.

Теперь он сконцентрировал свое внимание на панели пульта контроля за погружением.

В ответ раздался голос Боннета, лишенный жизни металлическим призвуком системы внутренней связи.

— Корпус под давлением.

Одна за другой лампочки на пульте у Спарроу меняли свой цвет с красного на зеленый.

— Все в порядке, — сказал он. — Полный стоп.

Теперь Спарроу почувствовал давление корпуса и какое-то иное давление в желудке. Он включил систему оповещения, сообщившую командам надводных буксиров, что его судно готово к проходу через тоннель.

«Рэм» дернулся. По корпусу прокатилась волна низкого тона. На верхушке контрольного пульта вспыхнул янтарный огонек: они были в захвате тоннельного подъемника. Двадцать часов беззаботной поездки.

Спарроу взялся за поручень и прошел на мостки машинного отделения. Ноги издавали при ходьбе такой звук, будто он скользил по поверхности, когда он шел в сторону кормы. Спарроу раздвинул дверь на центральный пост и, согнувшись, вошел. По дороге его взгляд на мгновение остановился на вручную отполированной бронзовой пластинке, которую Хеппнер повесил рядом с дверью — выгравированное изречение какого-то ученого умника XIX века:

«Только сумасшедший станет строить подводную лодку, и только лунатик, если таковую построят, спустится в ней под воду».

На шельфе Флоридского изгиба каньон Де Сото за тысячи лет создал нечто вроде гигантского железнодорож-

ного тупика: сорок фатомов глубины в начале, в заливе Аппалачи, и более 260 фатомов глубины, когда он срывается в океанские глубины южнее мыса Сан Блас и восточнее Тампы.

Выход подводного тоннеля находился в стене каньона на глубине пятьдесят фатомов: сумеречный мир качающихся водорослей, краснопалых горгоновых кораллов, ярких вспышек рыб — обитателей рифов.

«Фениан Рэм» вышел из темного отверстия тоннеля будто морское чудовище, покидающее свое логово, повернулся, распугал стайку рыб и опустился в ил цвета жженой умбры на самом дне каньона. Пульс сонара пронизал весь корпус. Детекторы ответили на акустический зов и отметили присутствие буксировщика на панели управления контрольного выходного поста.

Голос Гарсии, заглатывающего окончания слов, — атмосфера с повышенным содержанием кислорода делала его скрипучим, — повторял список мероприятий, в то время как сам он сидел за освещенным будто рождественская елка центральным пультом управления.

— ...утечек не наблюдается, дифференциал сбалансирован по весу; воздух чистый, давление нормальное, следов азота не наблюдается; телекамеры действуют; телеперископ выведен на поверхность и действует; перископ отмечает... — Его смех скрипучим эхом прокатился через интерком: — Чайка! Хотела сесть на головку камеры, когда я уже начал сматывать перископ. Пришлось ей замочить свою задницу!

Сухой голос Боннета прервал его:

— Как там наверху, Джо?

— Ясно. Утро только начинается. Похоже, будет чудный день для рыбалки.

В динамике раздался голос Спарроу:

— Хватит болтать! Так был здесь кто-то на борту? Могли здесь что-то подложить? Нашу коробку не засекут?

— Ответ отрицательный, шкип.

Тогда Спарроу скомандовал:

— Лес, сообщай мне показания по каждому «вампиру», точно по списку. Докладывай о любом отклонении.

Продолжалась тщательнейшая проверка.

Голос Рэмси:

— Я в отсеке индукционного движителя. Здесь наблюдается повышенный уровень статического электричества.

Гарсия сделал предположение:

— Ты шел туда через нижний шахтный тоннель?

— По нижнему.

— Еще раньше я замечал, что, идя по матам, мы волочим ноги. Думаю, это потому.

— Нет, перед тем как войти, я заземлился.

Голос Спарроу:

— Заметь это на потом, Джо. Лес, ты где?

— Мостик второго уровня в машинном отделении.

— Смени Джо на главном пульте. Рэмси, идите к себе в мастерскую. Связь с базой через одиннадцать минут.

— Есть, капитан.

Спарроу сошел со своего места ниже Гарсии на центральном посту и направился к двери на первом уровне, которая могла открыться только по разрешению устройства, висящего на антирадиационной переборке. «Носовой отсек,— размышлял он.— Вот что меня беспокоит. Мы можем просматривать его нашими телекамерами; одни только приборы говорят нам, что там происходит. Но это нельзя пощупать. У нас нет реального чувства этого места».

Он промокнул лоб большим красным носовым платком.

«Где-то что-то не в порядке». Сейчас он был капитаном подводного буксира, старающегося, чтобы его чувства зависели от состояния судна.

Испанский акцент Гарсии, металлически звучащий в динамике интеркома, перебил его мысли. Спарроу буркнул:

— Джо, что там случилось?

Он направился к корме, в то время как мыслями был в носовом отсеке.

— Кусок тряпки в роторной системе. С каждым поворотом она трется об индукционное кольцо. Отсюда и замеченная Рэмси статика.

— Так что, ее оставили специально?

— Ш е л к о в а я тряпка! — Ярость была слышна даже в интеркоме.— Господи, именно здесь!

Спарроу приказал:

— Тряпку сохранить. Рэмси, вы где?

— У себя в мастерской. Прогреваю передатчик.

— Вы слышали, что сказал Джо?

— Да.

— Сообщите на базу про эту тряпку. Скажите им...

— Шкип! — Это был снова Гарсия. — Здесь в воздухе пары масла.

Спарроу быстро понял.

— Масляные пары плюс искра статического электричества дает взрыв. Откуда там взялось масло?

— Минуточку! — Стук металла по металлу. — Масло просачивается из вентиля. Маленькая трещинка. Но на полном ходу здесь был бы настоящий душ.

Спарроу приказал:

— Рэмси, включите и это в сообщение на базу.

— Есть, капитан.

— Джо, я иду к тебе, — передал Спарроу. — Этот отсек надо обследовать с увеличительным стеклом.

— Я уже начал.

Теперь заговорил Боннет.

— Шкип, вы не пришлете Рэмси сюда, после того, как он свяжется с базой? Мне нужна помощь в проверке главного пульта.

— Вы слышали, Рэмси?

— Так точно.

— Выполняйте.

— Есть.

Спарроу прошел на корму, спустился на нижний уровень и по тоннелю прошел, согнувшись, в двигательный отсек: пространство в виде конуса, где большую часть занимало блестящее бронзовое кольцо индуктора с проволоочной обмоткой. В ноздри ему ударил тяжелый запах масла. Гарсия склонился над обмоткой, проверяя кольцо в увеличительное стекло.

— Все по отдельности — мелочевка, но взятое вместе — бабах!

Гарсия повернулся к капитану, его глаза поблескивали в ярком свете ламп.

— У меня нехорошее чувство, шкип. С самого начала все пошло наперекосяк. Операция началась как уже обреченная.

Спарроу сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух. Резким движением большого пальца он нажал кнопку своего ларингофона.

— Рэмси, когда будете связываться с базой, запросите разрешение на возвращение.

— Есть, капитан.

Мысли в голове у Рэмси полностью смешались. «Как это повлияет на боевой настрой? Впервые за много месяцев первый корабль возвращается на базу, даже не выйдя из залива. Плохо». Он сосредоточил все внимание на пальцах, нажимающих клавиши. Стрелка таймера достигла красной черты, раздался звонок. Рэмси выслал первую порцию кодированного сообщения: «Умелый Джон вызывает Красную Шляпу. Прием».

Динамик у него над головой зашипел далеким прибором. Затем, перекрывая шумы, возник голос: «Красная Шляпа на связи. Прием».

«Умелый Джон Красной Шляпе: мы обнаружили на борту следы диверсии. В двигательной системе отсека двигателя был оставлен кусок шелковой тряпки. Искра статического электричества от тряпки могла бы взорвать нас после выхода в океан. Прием».

«Красная Шляпа Умелому Джону. Прервите свое сообщение на время. Мы сообщим о вашем положении Птице Джорджу».

«Служба Безопасности!» — догадался Рэмси.

Динамик вновь ожил: «Птица Джордж Умелому Джону. Это Учитель. Сообщите ситуацию. Прием».

Клинт Рид! Перед глазами Рэмси тут же возникло суровое лицо его наставника из Службы Безопасности. «Учитель Рид. Кодировать на ходу!» — Рэмси склонился над микрофоном:

— Учитель, это Студент, — и он вновь описал попытку диверсии.

— Учитель Студенту. Ваши предложения? Прием.

— Студент Учителю. Разрешите нам следовать дальше без повторной инспекции с базы. Шанс появления неизвестного фактора весьма мал. Нас на борту всего четверо. Если мы сами проведем дополнительную проверку, позвольте продолжить операцию. Наше возвращение вредно отразится на настроении. Прием.

Рэмси включил собственный микрофон внутренней связи, выключил.

Динамик связи снова ожил:

— Учитель Студенту. Мы тоже так считаем. Но будьте внимательны. — Пауза. — Разрешение вам гарантировано. Сколько вам нужно времени?

Рэмси подключился к внутренней связи:

— Капитан, база предлагает, чтобы мы продолжили проверку на месте и не возвращались, если выясним, что все в порядке.

— Вы сообщили о том, что мы обнаружили?

— Да, сэр.

— И что они на это?

— Что на базе возможны новые попытки диверсии, а здесь людей меньше. Они считают, что нам надо перепроверить один другого и отследить каждый...

— О Господи!

— Они хотят знать, сколько нам на это понадобится времени.— Молчание.— Капитан, они...

— Я вас слышал. Передайте, что нам понадобится десять часов.

Рэмси вернулся к передатчику.

— Студент Учителю. Капитан говорит, чтобы нам дали десять часов. Прием.

— Учитель Студенту. Продолжайте проверку. Новые контрольные точки мы подготовим и освободим для вас. Отбой.

Рэмси откинулся на спинку стула и подумал: «Ну все, вот я и засветился. Но Обе и говорил, что через это придется пройти».

В интеркоме раздался голос Боннета:

— Рэмси, если вы уже закончили связь, оторвите свою задницу от стула и помогите мне на пульте.

— Иду.

В двигательном отсеке Спарроу поднял торцевой ключ и поглядел на Гарсию, скорчившегося под вторичной обмоткой.

— Они хотят, чтобы мы шли дальше, Джо. Это плохо.

Гарсия подключил к контактам контрольную лампу. Та загорелась.

— Ага, и к тому же прислали нам новичка вроде этого Рэмси.

— Его послужной список включает в себя лишь короткое пребывание в Береговом патруле.

— Черт поberi? — Гарсия переполз на новое место.— С этим парнем что-то не так!

Спарроу вскрыл панель конденсаторов.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, что это стукач, только притворяющийся простым. На самом деле он совсем другой.

— С чего это тебе пришло в голову?

— Даже не могу сказать, шкип.

Спарроу пожал плечами и вернулся к своей работе.

— Даже не знаю, Джо. Вернемся к этому попозже. Придержи-ка этот болт, пожалуйста.

Гарсия помог ему и вернулся к своей проверке. В маленьком помещении стояла тишина, нарушаемая лишь звоном металла и жужжанием тестерных устройств.

Пригнув голову, Спарроу вошел на центральный пост и молча стал следить, как Рэмси устанавливает последнюю панель на главном пульте.

Боннет выпрямился, почесал шею. Его пальцы оставляли грязный след. Он обратился к Рэмси:

— А ты молоток, Малыш. Мы еще сделаем из тебя подводника. Тебе только следует вбить в голову, что на глубине мы не можем позволить себе ни единой ошибки.

Тот положил отвертку в свой ящик с инструментами, закрыл его и, повернувшись, спросил у Спарроу:

— Все проверили, капитан?

Спарроу ответил не сразу. Он осмотрел все помещение центрального поста, понюхал воздух. Здесь слышался запах озона. Отдаленное гудение двигателей. Круглые глаза циферблатов и индикаторов. И все же какое-то нервное беспокойство оставалось.

— Все проверено так, как могут сделать простые смертные. Соберемся в кают-компании.

Он повернулся и вышел в ту же дверь.

Рэмси положил инструментальный ящик в зажим на стене. Металл проскрежетал по металлу. Рэмси вздрогнул, повернулся. Боннет уже был в дверях. Пригнув голову, Рэмси вышел и последовал за Боннетом в кают-компанию. Спарроу и Гарсия уже были там. Гарсия сидел справа, а капитан стоял у противоположного входу конца стола. От удивления глаза у Рэмси полезли на лоб — перед Спарроу лежала раскрытая Библия.

— В наших стремлениях мы нуждаемся в помощи Всемогущего, — сказал капитан.

Боннет присел на краешек стула с левой стороны.

Спарроу указал на стул напротив себя.

— Может, присядете, мистер Рэмси?

Тот опустился на стул и положил руку на зеленое покрытие стола. Спарроу возвышался над ним по другую сторону. «Законодатель, Судия с рукой на Библии».

«Религиозные службы,— размышлял Рэмси.— Вот сила, объединяющая экипаж. Мистическое соучастие! Благословение воинов перед грабительским набегом!»

— Мистер Рэмси, какого вы вероисповедания? — спросил Спарроу.

Рэмси откашлялся.

— Протестант епископальной церкви.

— Вообще-то здесь, внизу, это не так существенно. Просто мне было любопытно. На подводных буксировщиках существует поговорка, что Господь не разрешает живым атеистам погружаться ниже тысячи футов.

Рэмси улыбнулся.

Спарроу склонился над Библией. Когда он читал, голос его звенел:

— Горе тем, что называют злое добрым, а доброе — злым; что приносят тьму в свет, а свет — в тьму; что примешивают горькое в сладость, а сладость — в горькое! Горе тем, что считают себя мудрыми и предусмотрительными в лице своем!»

Он захлопнул Библию и поднял голову. В жесте этом было могущество, авторитет. Рэмси почувствовал это с огромной силой.

— Мы выполняем нашу работу с тем, что имеем,— провозгласил Спарроу.— Мы делаем то, что считаем правым делом. Несмотря на собственные горести и печали, мы делаем это. Мы делаем это ради того, чтобы безбожники исчезли с лика земного. Аминь.

Капитан повернулся и положил Библию на полку. Не оборачиваясь, он скомандовал:

— Все по местам. Мистер Рэмси, свяжитесь с базой и сообщите, что мы готовы к выступлению. Установите время прохождения первой контрольной точки.

Рэмси поднялся. Сейчас его более всего занимало, превратившись чуть ли не в физическую потребность, желание изучить последние телеметрические записи Спарроу.

— Есть, сэр,— ответил он, повернулся, вышел из кают-компании, прошел к себе в мастерскую и связался с базой.

Первая контрольная точка через четыре часа.

Рэмси передал эту информацию капитану.

— Занулить автоматический таймер,— скомандовал Спарроу.— Всем доложить.

— Докладывает Гарсия. Двигатели и буксируемый танк в порядке.

— Докладывает Боннет. Готовность полная.

Рэмси поглядел на пульт перед ним. Его охватило странное чувство принадлежности к судну. Чувство тесной сжатости, проникшее внутрь и закрепившееся гораздо сильнее, чем за все пять недель подготовки.

— Электросистемы в полной готовности,— доложил он.— В корпусе две атмосферы.— Он поглядел на «вам-пир» у себя на запястье.— Диффузия нормально-положительная. Азот отсутствует.

В интеркоме вновь прозвучал голос Спарроу:

— Лес, выступаем!

Рэмси почувствовал, как подводное судно накренилось, затем слабый, на уровне шепота, пульс двигателей. Палуба слегка наклонилась вперед, выравниваясь. Корабль погружался.

«Мы сходим в глубину,— думал Рэмси.— И в прямом смысле, и в смысле психологическом. С этого момента все зависит от меня самого».

— Мистер Рэмси, подойдите на центральный пост,— приказал Спарроу.

Рэмси отключил свой пульт и направился на мостик. Спарроу стоял там, заложив руки за спину, ноги почти точно в центре подиума. Его фигура была вписана в лабиринт труб, штурвалов, рукояток и шкал приборов. Справа от него Гарсия был занят на пульте контроля буксирного троса; слева Боннет управлял штурвалом высокоскоростного рулевого устройства. Большой циферблат показателя статического давления на контрольном пульте указывал глубину 3000 футов, но они продолжали погружаться.

Не оборачиваясь, Спарроу спросил:

— Что находится в небольшой коробке, попавшей на борт вашими стараниями, мистер Рэмси?

— Аппаратура мониторинга для новой поисковой системы.

Голова Спарроу двигалась за стрелкой на шкале контроля троса, потом он повернулся:

— Почему она была опечатана?

— Аппаратура весьма нежная, упаковывалась тщательно. Было бы опасно, если бы кто-нибудь...

— При первой же возможности мне хотелось бы взглянуть на нее,— сказал Спарроу. Он сделал шаг к Боннету.

— Лес, это, случаем, не утечка в девятом отсеке?

— Это всего лишь конденсат, шкип.

— Посматривай туда,— Спарроу опять сделал шаг к Рэмси.

«Удовлетворит ли его любопытство фальшивая аппаратура в ящике?» — подумал Рэмси.

— Чем вы увлекаетесь? — спросил капитан у Рэмси.

— Астрономией.

Боннет, не оборачиваясь, заметил:

— Странное хобби для подводника.

Не успел Рэмси ответить, как его перебил Спарроу:

— Нет ничего плохого, если моряк занимается астрономией.

— Ведь это основа навигации,— объяснил Рэмси.

Спарроу окинул его взглядом, а затем переключил внимание на пульт.

— Когда мы плыли в подземной гавани, я думал о том, что нас лишили последнего взгляда на звезды перед спуском в глубины. А ведь они дают нам чувство ориентации. Как-то ночью, перед отъездом из «Гарден Гленн» я был просто поражен прозрачностью неба. Созвездие Геркулеса было...— он прервался, потому что нос «Рэма» дернулся вверх.

Загорелая рука легла на рукоятки управления, чтобы откорректировать движение судна.

— Геркулес...— сказал Рэмси.— Вы имеете в виду «Коленопреклоненного»?

— Мало кто называет его так,— отвечал Спарроу.— Мне нравится думать о нем, о том, как уже десятки веков ведет оно мореплавателей. Вы знаете, финикийцы даже поклонялись ему.

Рэмси почувствовал внезапный прилив теплоты к Спарроу. Но тут же приказал сам себе: «Следует быть более объективным. Голова должна быть ясной».

Спарроу двинулся влево, чтобы получше присмотреться к показаниям навигационной аппаратуры. Изучив их, он опять вернулся к Рэмси.

— Вам не приходило в голову, мистер Рэмси, что подводные буксировщики класса «Хеллс Дайвер» — это всего лишь повторение разработанных человечеством космических кораблей? Мы на полнейшем самообеспечении.— Он

снова повернулся к пульту.— И что мы делаем с этими космическими кораблями? Мы пользуемся ими, чтобы скрываться под жидкой оболочкой нашей планеты. Мы используем их, чтобы убивать один другого.

Рэмси размышлял: «Еще одна проблема — болезненное воображение, демонстрируемое якобы ради пользы экипажа». Он ответил:

— Мы пользуемся ими для самообороны.

— Человечество не может защититься от себя самого,— заметил Спарроу.

Рэмси уже собрался было что-то сказать, но остановился. «Чисто юнгианская концепция. Не существует человека, способного выстоять против себя самого». Сейчас он глядел на Спарроу уже с уважением.

— Наша подземная база,— продолжал капитан.— Она похожа на матку. И подводный канал. А я его представляю родовым каналом.

Рэмси сунул руки в карманы и стиснул их в кулаки. «К чему он ведет? — спрашивал он сам себя.— Подобную идею следовало бы проработать в ПсиБю. Этот Спарроу, то проявляет психическую неуравновешенность, то ведет себя как самый здравомыслящий из всех виденных мною людей. Он совершенно прав относительно базы и тоннеля, нам никогда не приходила в голову подобная аналогия. Это должно стать нашей проблемой, только как?»

Спарроу приказал:

— Джо, переведите контроль за буксировочным тросом в автоматический режим. Я хочу, чтобы вы с мистером Рэмси испытали новую систему обнаружения. Ее следует откалибровать до первой контрольной точки.— Он поглядел на большую сонарную карту на передней переборке, где красная точка автоматически показывала их нынешнюю позицию.— Лес, поднимите перископ и сверьте позицию.

— Понял, шкип.

Гарсия нажал на последний переключатель у себя на пульте и повернулся к Рэмси:

— Пошли, Малыш.

Рэмси поглядел на Спарроу, ему страстно хотелось влиться в команду, стать ее частью. Он сказал:

— Мои друзья называют меня Джонни.

Как бы не слыша его, Спарроу обратился к Гарсии:

— Джо, может ты вместе с тем и посвятишь мистера Рэмси в тонкости нашей системы воздухоснабжения?

Самое время включить регулятор впрыскивания ангидразы.

Рэмси воспринял отсечение его имени как пощечину. Он ссутулился и вышел в центральный проход.

Гарсия пошел за ним, закрыл двери и повернулся к Рэмси.

— Рэмси, вы еще не знаете команды подводных буксировщиков. Новичков всегда называют по фамилиям, и никто из команды не станет называть его как-то иначе до первой передряги. Некоторые парни надеются, что их никогда не будут называть по имени.

Рэмси снова задумался. Служба Безопасности этот момент упустила. Из-за этого он повел себя как совершенно зеленый новичок. Потом он стал размышлять: «Но ведь это же совершенно естественно. Вынужденное поведение уже объединенной команды! Отзвук магии. Нельзя пользоваться секретным именем нового человека. Иначе боги могут уничтожить его... вместе с сотоварищами».

На контрольном посту Боннет презрительно фыркнул и повернулся к Спарроу. Он закинул руку за шею и крутнулся на своем стуле.

— Он еще совсем зеленый.

— Но способности у него есть,— ответил Спарроу.— Будем надеяться на лучшее.

— А ты не беспокоись, что в последнюю минуту Безопасность наложила на парня лапу?

— Что-то в этом роде я и подозревал.

— Им-то я не помощник, а вот насчет парня — не знаю. Что-то он мне не нравится.

Кустистые брови Боннета опустились, когда он задумался.

— Для них это обычное дело,— сказал Спарроу.— Ты же знаешь, как они носятся вокруг нас.

— И все же я стану за ним присматривать.

— Мне надо поработать с бумажками,— сказал капитан.— Последи пока за нашей красоткой. Вызовешь меня перед первой контрольной точкой.

— Как там с вахтенным расписанием?

— Именно им я и хочу заняться. Надо составить его так, чтобы я мог больше времени проводить с Рэмси, пока

мы находимся еще в относительно спокойных водах. Мне не хотелось бы иметь на борту болвана-неумеху, когда все пойдет кувыркком.

Спарроу вышел через тыльную дверь и спустился по трапу в кают-компанию. Первое, что поразило его, когда он вошел — цвет покрытия на столе — причем и само покрытие и цвет его он видел тысячи раз. «Почему это в кают-компаниях Военно-Морского Флота все эти покрытия зеленые? — спросил он сам себя. — Чтобы они напоминали нам цвет весенней зелени, чтобы напоминали о доме?»

В это время в мастерской Гарсия и Рэмси складывали инструменты после проверки системы обнаружения.

— Что теперь? — спросил Рэмси.

— Ты бы лучше вздремнул, — ответил Гарсия. — Сейчас вахта Леса. Скорее всего, именно сейчас шкип составляет вахтенное расписание. Так что следующая вахта может быть и твоя. Или ты думаешь в первый день просачивать?

Рэмси кивнул ему и сказал:

— Да, я устал.

Он собрался выходить.

— Увидимся позже.

«Договорились» Гарсии полетело вслед ему.

Рэмси влетел в свою каюту, закрыл дверь на замок, вытащил коробку с телеметрической аппаратурой, вскрыл ее и извлек первую ленту с записью. Затем уселся на койку и стал изучать запись.

Высокий уровень адреналина и активности гипофиза были видны в самом начале ленты. Рэмси отметил, что это было еще до его прибытия; второй подобный момент отмечался, когда корпус подводного корабля впервые оказался под давлением.

«Первые напряженные моменты, — думал Рэмси. — Естественно».

Он промотал ленту до того момента, когда была выявлена попытка диверсии, дважды проверил время и просмотрел этот отрезок назад и вперед по временной шкале.

Ничего!

«Но ведь такого не может быть!»

Рэмси уставился на узор заклепок на переборке против его койки. Тихий шепот двигателей набрал силы. Пальцы, лежащие на покрывале, чувствовали каждую нитку, каж-

дый узелок. Ноздри отсортировывали запахи каюты: краска, масло, мыло, озон, пот, пластик...

«Может ли случиться так, что в момент опасности железы человека не станут реагировать? — спрашивал Рэмси сам себя. — Да, случается, но только при особом патологическом состоянии нервной системы, что никак не относится к Спарроу».

Рэмси вспомнил звучание капитанского голоса в интеркоме в период стресса: визгливые тона, речь отрывистая, напряженная...

Снова и снова Рэмси изучал ленту. «Может, что-то не в порядке с телеметрической аппаратурой?»

Он проверил ее. Все действовало отлично. А может, какие-то неисправности аппаратуры, вживленной в тело капитана? Тогда, естественно, отклонения регистрироваться не будут.

Рэмси откинулся назад, сжал голову руками и стал обдумывать возникшую проблему. Напрашивались две основные возможности: «Если Спарроу знал про тряпку и трещину в маслопроводе, тогда ему волноваться было нечего. Что, если он сам поместил этот шелковый клочок и сделал трещину в вентиле? Он мог это сделать, чтобы вывести из строя судно, чтобы сорвать операцию из-за того, что его понесли нервы или потому что он шпион.

Но тогда наблюдались бы иные виды психомоторной реакции, которые были бы отмечены аппаратурой».

Это приводило к другой возможности: «В моменты сильного стресса подсознательная деятельность желез у Спарроу не контролируется центрами в коре головного мозга. Возможно, это связано с параноидальными тенденциями. Но это могло быть и расстройством обычных психофизиологических реакций при стрессе, вроде притупления или даже отступления чувства страха, когда человек настраивает себя, что никакой опасности нет».

Рэмси приподнялся на койке. «Этим можно объяснить и религиозные настроения Спарроу, его внешние и внутренние проявления веры. В прошлом случались религиозные фанатики. Они всегда пытались надеть на себя Христовы одежды». Рэмси нахмурился.

Резкий стук в дверь прервал его размышления. Рэмси спрятал ленты с записями в двойное дно коробки с телеметрической аппаратурой, закрыл крышкой и запечатал ее.

Снова стук. «Рэмси?» Голос Гарсии.

— Да?

— Рэмси, лучше всего прими пару таблеток от усталости. Тебя назначили на следующую вахту.

— Хорошо, спасибо.

Рэмси сунул коробку под стол, подошел к двери и открыл ее. Проход был пуст. Рэмси глянул на дверь каюты Гарсии и какое-то время продолжал стоять, вслушиваясь в окружающий его мир корабля. Капля сконденсировавшейся влаги упала ему прямо на лоб. Вдруг Рэмси понял, что совершенно не может противостоять депрессии: на него как бы обрушилось чудовищное давление воды за бортом.

«А знаю ли я, что такое настоящий страх?» — спросил он сам себя.

«Рэм» двигался в медленном ритме подводных течений, прячась под холодными слоями воды — термоклинами, потому что те заглушали звук винта, и экипаж специально выискивал такие слои, пробираясь меж стенками подводных каньонов, будто громадный увалень с волочащимся сзади хвостом, так как стены каньонов поглощали звуки движения буксира.

Менялись вахты, поглощалась еда. Начались шахматные сражения между Спарроу и Гарсией. Стрелка автоматического таймера вращалась по кругу, с каждым оборотом отсчитывая монотонную рутинную жизнь в ожидании опасности. Красная точка, отмечавшая положение судна на панели сонара, проползла вокруг Флориды, вышла к побережью Атлантики и дальше — в океанские просторы — и теперь ползла к Исландии.

Пять суток тринадцать часов двадцать одна минута с момента выхода.

Спарроу вошел на центральный пост и остался в двери, чтобы окинуть взглядом циферблаты приборов — своих следующих органов чувства. В атмосфере слишком много влаги. Ему казалось, что на вахте будет стоять Гарсия. Но вахтенным был Боннет. Главный пульт был переключен на дистанционное управление: репитерный пульт отсутствовал.

На сонарном экране точка, отмечающая их позицию, находилась практически прямо к востоку от северной

оконечности Ньюфаундленда и к югу от самой южной оконечности Гренландии: курс 61° 21'. Прибор регистрации статического давления показывал 2360 фунтов на квадратный дюйм, что соответствовало глубине 5500 футов.

Спарроу прошел через помещение центрального поста и вышел на мостки машинного отделения. Чувствовалось, как поверхность мостков колеблется под его ногами.

Боннет стоял на нижних мостках, спиной к Спарроу, глядя налево вниз. Спарроу последовал за его взглядом: дверь, ведущая в аварийный тоннель реакторного отсека.

«В движениях Боннета нечто странное,— думал Спарроу.— Он как будто что-то подсчитывает».

Но потом Спарроу понял: Боннет нюхал воздух. Спарроу тоже сделал это: пахло вентиляцией, озоном, маслом — самые обыкновенные запахи машинного отделения. Он подошел к краю мостков, перегнулся через ограждение.

— Что-то случилось, Лес?

Боннет обернулся, поглядел снизу вверх.

— А, шкип. Не знаю. Мне показалось, будто тут что-то воняет.

Губы Спарроу растянулись в полуулыбку.

— И что ты можешь сказать про эту вонь?

— Я имею в виду, что-то сгнило. Какая-то падаль. Мясо гнилое. Уже несколько дней я замечал, когда проходил тут.

— Больше никто этого не замечал?

— Никто не говорил.

— Наверное, тебе показалось, Лес. После пяти дней плавания в этой кишке прованивается все вокруг.

— Да нет, шкип. Большинство запахов я еще могу различить. А вот этот как-то нет.

— Постой там.

По переходному мостику капитан спустился к Боннету.

— Понюхайте сами, шкип.

Спарроу набрал воздух в ноздри. В атмосфере был легкий запах падали, на подводном корабле с повышенным содержанием кислорода мясо могло завоняться очень скоро.

— Может это дохлая крыса? — предположил он.

— Как она могла проникнуть на борт? Тем более, что мы прошли по «Рэму» чуть ли не с зубной щеточкой.

Боннет замолчал, повернулся и поглядел на антирадиационную переборку.

— Это единственное место, которое мы не перешерстили,— сказал Спарроу.

— Погодите, мы осматривали все через внутренние телекамеры. Там...— Боннет замолчал.

— Давай глянем еще раз,— предложил Спарроу.

Они направились на контрольный пост и один за другим включили все сканеры реакторного отсека, следя за экранами.

— Ничего,— сказал Боннет. Он поглядел на Спарроу и пожал плечами.

Капитан поглядел на свои часы.

— Джо должен заступить на вахту где-то через час.— Он поглядел на пустынный экран.— Пошли его сейчас же к переднему входу в тоннель. Рэмси пусть будет на центральном посту. Я же пошел вперед.

Он вышел в переднюю дверь на мостики и спустился вниз, на нижний уровень.

Боннет, оставшись на центральном посту, разбудил Гарсию зуммером. В динамике раздался сонный голос:

— Ну?

— Шкип вызывает тебя на бак. Тоннель номер один реакторного отсека.

— Что случилось?

— Он тебе скажет.

Боннет отключился и нажал кнопку общей связи.

— Рэмси?

— Да. Я в комнате отдыха.

— Немедленно на центральный пост.

— Иду.

Боннет отключил общую связь и присоединился к Спарроу. Тут же подошел и Гарсия, натягивая футболку, его черные волосы были всклокочены на лбу.

— Что-то случилось?

Спарроу обратился к нему.

— Джо, ты последним проводил контрольную инспекцию реактора. Вы открывали дверь в тоннель?

— Точно. Только я в него не заходил. Там работала команда из Безопасности.

— Хорошо. А ты ничего не чувствуешь?

Гарсия нахмурился, колебался.

— Вы имеете в виду, чувствую ли я что-то носом?

— Именно.

— Не понимаю,— Гарсия почесал затылок.— А что?

— Понюхай,— предложил Боннет.

Гарсия наморщил нос. Еще раз.

— Что-то завонялось.

— Лес почувствовал это уже несколько дней назад.

— А кто-нибудь проверял вентиляционные короба? — спросил Гарсия.

— В первую очередь,— ответил Боннет.— Только все равно я не был уверен. Где-то близко отсюда идет битва между бактериями и стерилизующей радиацией.

— И бактерии побеждают с тех пор, как мы повысили содержание кислорода,— сказал на это Спарроу. Он указал на закрытый ход в тоннель.— Эта гадость именно здесь. Джо, принеси мне кусок трубы высокого давления.

— Какой длины?

— Футов двадцать. Чтобы можно было достаточно глубоко сунуть в тоннель, а потом вынуть.

— Я пошел.

Гарсия вышел через тыльные двери на склад оборудования.

Спарроу повернулся к настенному захвату и взял портативную телекамеру с осветителем.

— Мы не можем заглянуть в реакторный отсек и рассчитывать на стационарные сканеры, установленные там. Понятно, сейчас мы потеряем одну камеру и осветитель, так как они станут радиоактивными. Но зато мы заглянем во все уголки.

Вернулся Гарсия с отрезком трубы.

— Что вы собираетесь делать?

— Прикрепи камеру и осветитель к одному концу,— приказал капитан.

Гарсия покраснел.

— Об этом я даже и не подумал.

— Я уже говорил Лесу,— сказал Спарроу.— Наши мозги не работают как следует...

Из динамика над его головой раздался голос Рэмси.

— Я вижу вас на экране центрального поста. Что происходит?

Боннет включил свой ларингофон.

— В этом тоннеле что-то завонялось.

Спарроу примерялся, откуда можно было бы сунуть трубку с телекамерой.

— Пускай Рэмси переключается на пульт дистанционного управления и станет здесь, на мостках. Нам может понадобиться еще помощь.

Боннет появился на верхних мостках, подключив портативный пульт. Он перегнулся через ограждение и посмотрел вниз.

— Я тоже унюхал,— сообщил он.— Вы думаете, это крыса?

— Неизвестно,— ответил Боннет.

Спарроу забрал трубку у Гарсии, вернулся к двери тоннеля, повернул штурвал, остановился и поглядел на Рэмси.

— Уберите пульт подальше.

Тот подчинился, отойдя на мостках футов на десять в сторону.

Спарроу кивнул Боннету.

— Лес, отойди-ка немного.

Боннет отступил от двери.

— Что вы задумали?

Жестом головы Спарроу указал на радиационный дозиметр, висящий над входом в тоннель.

— Может быть немного горячевато, так что поглядывай на него.

Гарсия взял портативный дозиметр и встал рядом со Спарроу.

— Ладно уж, будь тут.

И он толкнул дверь.

Гарсия сделал замер.

— Ничего себе! — Спарроу чуть не задохнулся.

— Не нравится мне этот запахок! — вмешался Боннет.

Рэмси перегнулся через ограждение мостков.

— Это не крыса! — заявил он.— Для одной крысы слишком много вони.

Спарроу перехватил трубку поудобнее и включил осветитель. Он повернул трубку, ослепив при этом Рэмси. Когда зрение у того более-менее восстановилось, капитан уже сунул камеру в тоннель. Гарсия наклонился над переносным приемником, глядя на экранчик.

Рэмси включил одну из систем на своем пульте, когда Гарсия вскинулся:

— Шкип, поглядите-ка на это!

Экран показывал часть тоннеля, идущего вниз, к пово-

роту. Там же были видны подошвы мужских ботинок и ноги. Изображение остановилось, дойдя до коленей.

Боннет поглядел на Рэмси, и тот заметил блеск глаз под кустистыми бровями. На лбу у первого офицера выступили капельки пота.

— Вы перевели изображение на свой экран?

Рэмси кивнул в ответ. Из-за того, что он глядел на всех троих почти отвесно, люди под ним съезжились по длине и походили на гномов. Высокое давление воздуха искажало их голоса, делая их писклявыми. Рэмси чувствовал себя зрителем в театре марионеток.

Боннет повернулся к висящему над дверью прибору.

— Уровень радиации немного повышается,— сообщил он.

— Ее не сдержат никакие фильтры,— сказал Гарсия.

Спарроу согнулся, чтобы продвинуть камеру еще дальше в тоннель. Гарсия же убрал свой телевизор чуть подальше, чтобы Боннет мог следить за экраном.

— Больше ничего? — спросил капитан.

— Пока только ноги,— ответил Боннет.

Услышав тихое бормотание, Рэмси понял, что шепчет Гарсия:

— Святая Мария, Матерь Божья...

Его пальцы перебирали висящие на шее четки.

Спарроу чуть повернул свою трубку.

— Нож! — выпалил Боннет.

Рэмси поглядел на экран своего пульта. В груди человека из тоннеля торчала рукоять ножа.

— Принесите сюда видеомагнитофон,— приказал Спарроу.

— Он рядом со мной,—³отозвался Рэмси. Он снял устройство с полки рядом с контрольным пультом и подвесил над экраном приемника.

Спарроу продолжал продвигать трубку дальше в тоннель, пока его камера не захватила человеческое лицо.

— Кто-нибудь узнаёт его?

— Мне кажется, что я видел его,— сказал Гарсия.— Униформа рядового. Знаки отличия, похоже, атомного техника.— Он покачал головой.— Но он не из той команды техников, которую я запускал на борт для окончательной проверки.

Спарроу повернулся и поглядел навверх, на Рэмси.

— А вы, Рэмси?

— Это офицер Безопасности, прикомандированный в распоряжение адмирала Белланда,— ответил тот.— Зовут то ли Фосс, то ли Фостер.

— Откуда вы его знаете? — спросил Боннет.

Внезапно до Рэмси дошло, что он сделал тактическую ошибку.

— Ну, это когда я был еще в Береговом патруле. Он был связным офицером Безопасности.

Ложь проскочила очень легко. Он вспомнил, когда видел этого человека в последний раз: резиденция Белланда, Учитель Рид дает вводные указания.

— Вам известно, что он здесь делал? — спросил Спарроу.

Рэмси отрицательно покачал головой.

— Могу только предположить. Скорее всего, он проводил какую-то особую инспекцию, когда кто-то ударил его ножом.

— Но за что? — спросил Гарсия.

У Рэмси перехватило дыхание, он решил сейчас, что Гарсия и был предполагаемым «спящим» агентом.

— Этот офицер Безопасности инспектировал тоннель и застал в нем кого-то, что-то делавшего, и... — предположил Боннет.

— Но что делавшего?! — рявкнул Спарроу. Он подошел к хранилищу рядом с тоннелем.

— Джо, помоги мне надеть скафандр.

Он открыл дверь и вынул антирадиационный скафандр.

Гарсия направился к нему на помощь.

Теперь голос Спарроу приходил к ним через коммуникатор скафандра:

— Лес, принеси свинцовую коробку и мешок для отходов. Мы поместим туда останки этого человека. Все оставишь здесь, возле входа. Джо, одевай другой скафандр, чтобы помогать мне, когда я буду его выносить. Рэмси, контролируйте меня и записывайте все, что я буду находить. Подключите репитер к дозиметру моего скафандра. Я могу быть слишком занят, чтобы глядеть на него.

— Есть.

Гарсия уже натягивал второй скафандр. Боннет пошел на склад.

Спарроу, неуклюжий в своем объемном скафандре, вошел в тоннель. Тут же репитер счетчика радиации на пульте у Рэмси начал отсчет.

— Там горячо. 5000 миллирентген.

— Вижу,— прозвучал ответ Спарроу.— Подключитесь к сканеру на моем шлеме.

Рэмси включил еще один экран на своем пульте и переключил его на сканер шлема Спарроу. Экран показывал руку в перчатке: руку капитана. Рука исчезла из поля зрения, потом вернулась с фрагментом униформы погибшего.

— Записка,— сообщил Спарроу.— Он оставил записку. Зафиксируйте ее содержание пока на магнитофон, когда я буду ее читать, а потом сфотографируйте. Она датирована 16 апреля, время 08. 45.

«День отплытия,— подумал Рэмси.— В это время мы были в тоннеле».

Голос Спарроу продолжал:

— Капитану Х. Э. Спарроу от лейтенанта Артура Фосса, 0-2204829. Предмет: сегодняшняя дополнительная инспекция подводного буксировщика «Фениан Рэм» силами Службы Безопасности.

Капитан прокашлялся и стал читать дальше:

— Согласно самых последних распоряжений Службы Безопасности, я проводил специальное обследование вашего реактора согласно правил проверки реакторных бригад. Необходимо было быстро проползти по тоннелю, чтобы осмотреть сам реакторный отсек и мануалы — механизмы ручного управления. Я не одел скафандра антирадиационной защиты из-за необходимости провести проверку быстро и для сохранения секретности.

В тоннеле появился Гарсия. В своем скафандре он походил на внеземного монстра.

— Вы хотели, чтобы я пришел сюда, шкип? — спросил он.

— Постой там, Джо,— остановил его Спарроу и продолжал читать: — Мой персональный дозиметр случайно отключился, когда я полз по тоннелю, и я не обратил внимания, насколько здесь сильна радиоактивность. (Спарроу ускорил чтение.) Я обнаружил, что один из ваших гафниевых стержней-замедлителей вынут из реактора и спрятан в тоннеле. Я чуть не наступил на него, прежде чем увидеть. Не было никаких сомнений, что это было такое. Я включил дозиметр и тут же увидел, что схватил смертельную дозу радиации.

Спарроу прервал чтение:

— Да пребудет с ним милосердие Господне,— сказал он. Потом продолжил читать: — Было ясно, что замедляю-

щий стержень извлекли, чтобы со временем вызвать перегрузку, но вот когда это произойдет — было неизвестно, чтобы привести к взрыву, который мог случиться даже во время пребывания на базе. Тогда я спешно доставил стержень к мануалу реактора и поставил его на место. Еще я починил тревожную сигнализацию, провода которой были перерезаны с целью скрыть диверсию.

Спарроу прервал чтение, и теперь Рэмси посредством сканера увидел записку из-за того, что капитан сделал шаг назад.

— Джо, вы не замечали каких-нибудь странностей с сигнализацией? — спросил капитан.

— Нет, ничего не отмечалось, — ответил Гарсия.

Спарроу хмыкнул и продолжал читать:

— Установив стержень на место, я поискал коммуникатор в реакторном отсеке, но нашел его разбитым. Затем я пополз назад, считая, что найду врача, который облегчит мне предсмертные часы. Но тоннель был задраен снаружи, так что я очутился в западне. Я пытался привлечь внимание, крича в вентиляционную шахту, но это ничего не дало. Мое переговорное устройство не работало, так как его экранировала стенка реактора.

Спарроу прервал чтение.

— Теперь становится понятней... — задумчиво проговорил он.

Рэмси склонился над микрофоном своего пульта:

— Что понятно? — спросил он.

— Вентиляционная система открыта вовнутрь судна. Но ее жалюзи можно и закрыть. А если они были закрыты, мы могли и не заметить... — Он замолчал.

Мысленно Рэмси переключился на действия офицера Безопасности: один в тоннеле, с сознанием неминуемой смерти и того, что его никто уже не спасет. И последние минуты посвящает тому, чтобы спасти других.

«Нашлось бы у меня столько смелости?» — размышлял он.

— Он предпочел вонзить в себя нож, чем долго умирать в одиночестве. В записке ничего не сказано, что он узнал, кто проводил диверсию в тоннеле, кто его закрыл, — сказал Спарроу.

— Он мог как-то привлечь к себе внимание, — предположил Рэмси. — Например, если бы он замкнул...

— Ну да, он мог накоротко замкнуть все цепи и вытащить все стержни-замедлители на пол реакторного отсека,— съязвил Гарсия.

— Но взять хотя бы тяговые захваты...

— Откуда он вообще мог знать про то, что здесь что-то не так? — настаивал Гарсия. Его голос срывался от волнения.— И еще это самоубийство...

Спарроу спросил:

— Джо, кто из персонала базы был на борту последним?

— Я ходил тут с двумя нюхачами. Мне казалось, вы видели, как они уходили.

Рэмси подумал: «И снова Гарсия!» Он перегнулся через релинг и крикнул Гарсии:

— Джо, а кто были...

Потом до него дошло, что Гарсия в своем скафандре ничего не слышит, и повторил в свой микрофон:

— Джо, а кто были эти люди?

Смотровая пластина скафандра Гарсии повернулась к Рэмси.

— Два новеньких. Их имена есть в пропускном списке.

Спарроу перебил их:

— Рэмси, запишите окончание.— Он прочитал: — Тот, кто готовил диверсию в вашем реакторном отсеке, надеялся, что взрыв произойдет, когда лодка будет проходить подводный тоннель. Тем самым взрыв прервет деятельность всей базы, пока не восстановят разрушенный участок тоннеля. Несомненно, враги знают о существовании базы. Служба Безопасности обязана принять это во внимание.— Голос капитана стал тише.— Пожалуйста, передайте моей жене, что последние мои мысли были о ней.

Голос Гарсии:

— Грязные сволочи,— он всхлипнул.

Спарроу подержал записку перед сканером, чтобы Рэмси смог ее сфотографировать.

— Есть там что-нибудь еще? — спросил Рэмси.

— Записная книжка с чем-то, напоминающим коды Безопасности. Ага, здесь есть приписка лейтенанта Фосса: «Проследите, чтобы этот блокнот попал в Секцию 22 Службы Безопасности».

Рэмси увидел записную книжку перед сканером скафандра Спарроу.

Капитан приказал:

— Рэмси, я перелистаю блокнот, а вы снимите стра-
ницы.

Он сделал это, потом сказал:

— Я вынул содержимое его карманов и вынесу отсюда.
Потом он попятился назад по тоннелю.

Боннет вернулся из склада, неся с собой мешок для
отходов и небольшую свинцовую коробку. Он глянул на
Рэмси и сказал:

— Пока я отбирал все эти вещи на складе, слышал все.
Господи, как бы хотелось добраться до тех крыс, что убили
этого несчастного парня.

— Ты хочешь сказать: чуть не убили нас,— ответил
ему Рэмси. Он наклонился над микрофоном у себя на
пульте: — Джо, лучше всего, если ты заберешь все у Леса.
Он не сможет подойти близко к выходу без скафандра.

Из динамика раздался голос Гарсии:

— Согласен.

Инженер вернулся в машинное отделение и принес
мешок и коробку.

В тоннеле возник Спарроу, повернулся и сказал:

— Рэмси, запишите все те вещи, которые я положу в
коробку. Прибор, модель XXVII, одно наручное перегово-
рное устройство, один фонарик, один бумажник со следую-
щим содержимым — фотография женщины с ребенком и
подписью: «С любовью, Нэн и Пегги», одна идентифика-
ционная карточка, выписанная на лейтенанта высшего
класса Артура Хермона Фосса, 0-2204829, один пропуск
на базу, один пропуск в столовую, одни водительские
права, банкноты и мелочь на сумму шестнадцать долларов
двадцать четыре цента.

Он возвратился в тоннель и принес оттуда еще узелок,
сделанный из носового платка, и с трудом развязал его
руками в толстых перчатках.

— Здесь кое-что еще: перьевая ручка, брелок с
четырьмя ключами, маникюрный набор и миникамера.
Пленка, конечно же, засвечена радиацией. Один карма-
нный магнитофон с чистой пленкой.

Спарроу высыпал содержимое узелка в коробку. Гарсия
закрыв ее.

Рэмси поглядел на свои часы и запомнил время. «Теле-
метрическое оборудование записывает реакции Спарроу:
что оно отмечает теперь?» — спрашивал он самого себя.

Гарсия у коробки выпрямился.

— Как там, в реакторном отсеке? — спросил он.

Спарроу кивнул головой в направлении вылета тоннеля: гротескный жест неуклюжего создания.

— Все, как он описал. Все, как и должно быть. Все, кроме коммуникатора. Разбит. Но почему?

— Может, этот некто ожидал, что состоится проверка? — предположил Гарсия.

— Возможно.

Пальцы Рэмси двигались по пульту дистанционного управления, компенсируя небольшие отклонения в курсе, вызванные встречным течением. Когда курс был исправлен, он снова поглядел вниз. Гарсия и Спарроу как раз вытаскивали мешок с телом офицера Службы Безопасности.

Спарроу сказал:

— Лес, когда мы его вытащим, обдай все вокруг моющим раствором из шланга. Дай мне знать, сколько мы схватили радиации.

Рэмси нажал кнопку своего микрофона:

— Шкип, эту записку могли и подбросить, чтобы нас обмануть. Вы не думали об этом? Мне тут пришло в голову, что парень ведь мог воспользоваться и магнитофоном?

— Ну да, и бояться того, что запись случайно сотрется, — вмешался Гарсия. — Ну уж нет! — Он подтащил тело под лебедку машинного отделения.

Спарроу обратился к Боннету:

— Лес, когда здесь все помоешь, надень скафандр и проверь мануалы и тупики другого тоннеля. Я и так на восемь минут превысил свой лимит.

Боннет дал знать, что понял.

Гарсия провел датчиком радиоактивности над мешком, в котором лежало тело.

— Горячо, — сказал он. — А нам держать его на борту еще двенадцать часов. К тому же, я не совсем уверен, что фильтры очистят воздух.

Он отложил датчик и застегнул сетку на мешке.

В это время Боннет прошел машинное отделение по правому борту, взял скафандр, надел его и направил струю моющего средства в тоннель.

Гарсия подтянул канат лебедки и обратился к Спарроу:

— Шкип, почему бы Лесу не помочь вам здесь, а я полез бы в тоннель. Ведь это моя обязанность?

Лицевая поверхность шлема Спарроу повернулась к Боннету, который переминался у входа в тоннель.

— Ладно, Джо. Лес, помоги мне здесь.

Боннет подошел к Спарроу.

Гарсия направился к двери в тоннель, повернулся и поглядел оттуда на Рэмси. Кварцевое стекло на шлеме делало его похожим на одноглазого монстра. Он вошел в тоннель и исчез за поворотом. Теперь его голос звучал в динамике:

— Ты следишь за мною, Малыш?

— Да.

— Дозиметр скафандра показывает, что здесь, на самом повороте защитной стенки реактора, горячо. Я на полпути. Вот внутренний коммуникатор. Полностью разбит. (Пауза.) Сейчас я возле панели управления стержнями. (Длительная пауза.) С этой стороны реактора нет никаких заметных следов диверсионной деятельности. Все в норме. Я иду на выход.

В голове у Рэмси крутилась одна мысль: «Если Гарсия и вправду «спящий» агент, что он сейчас там делает? Почему он так обеспокоен этой проверкой? Почему вызвался?»

Еще Рэмси подумал о том, смог бы он сам решиться пойти в тоннель, если бы его послали.

«Да нет,— думал он.— Спарроу не хочет рисковать тем, чтобы три члена его экипажа схватили предельную дозу облучения. Тогда у него не будет резерва на случай, если что-то непредвиденное заставит ползти в тоннель».

Рэмси решил, что стоит сделать проверку реакторного отсека, но используя внутренние сканеры.

Спарроу с Боннетом спускали мешок на лебедке в выпускную трубу под башней. Спарроу попросил:

— Рэмси, оставьте пульт возле тыльной переборки. Мешок слегка пропускает радиацию.

Рэмси исполнил распоряжение и положил пульт на полку у мостков.

Спарроу оставил лебедку на Боннета, вошел в дезактивационную камеру напротив левой декомпрессионной камеры и вышел оттуда уже без скафандра. Он поглядел на Рэмси. Его длинное лицо было серьезным.

— Джо уже выходит?

— Да,— ответил Рэмси.

— На карточке Фосса указано, что он был католиком,— сказал Спарроу.— Спросите у Джо, не прочтет ли он траурную службу?

Рэмси передал его просьбу.

Гарсия остановился на пороге двери в тоннель.

— Он не мог быть католиком,— сказал он.— А если даже и так, то его убили. Православный католик никогда не решится на самоубийство.

Слыша голос Гарсии в динамике, Рэмси сказал про себя: «Боже милосердный, а ведь он прав!» Немного помедлив, он спросил в свой ларингофон:

— Так вы проведете службу?

— В данных обстоятельствах — да,— ответил Гарсия. Он закрыл дверь в тоннель, повернул штурвал замка, зашел в дезактивационную камеру и вышел уже без скафандра.

Боннет поднялся на центральные мостки, закрепил груз на лебедке дополнительным тросом, вернулся на нижнюю палубу и взялся за шланг, чтобы опрыскать площадку мощным раствором.

Спарроу с Гарсией поднялись к Рэмси на мостки.

— В двенадцать ночи по местному времени мы всплывем на поверхность для похорон,— объявил Спарроу. Даже не глянув на необычный груз на лебедке, он прошел в первую дверь.

Рэмси следил за работой Боннета внизу, и его вновь охватило чувство, будто он смотрит кукольное представление. «Действие последнее. Сцена первая».

Стоящий рядом с ним Гарсия сказал:

— Время моей вахты. Я заберу это на центральный пост.

Он взял переносной пульт с полки, поднялся на центральные мостки и прошел через дверь.

Рэмси последовал за ним, у самой двери бросил последний взгляд на длинный сверток, запакованный в сетку: мертвое тело в мешке. Повернулся, прошел через центральный пост и направился прямо к себе, где сразу же вытащил ленты телеметрии.

Никаких видимых отклонений!

Он отметил ленты, спрятал их в двойное дно ящика и улегся в койку. Вокруг себя он чувствовал тихую вибрацию подводной лодки, ее жизненный пульс. Он попытался стать частью каюты, элементом перекрестья труб и венти-

ляционных каналов поверху, репитеров электронных приборов, настенных динамика и микрофона.

Сейчас он был в полудреме, представляя себя глубоко-водной рыбой, пытающейся найти дорогу к светлomu пятну высоко-высоко на морской поверхности.

Только суть была в том, что чудовищное давление держало его в ловушке.

В полночь они захоронили тело лейтенанта Фосса в океане. Холодная ночь, на небе ни звездочки, высокие волны. Рэмси дрожал на палубе, когда Гарсия бормотал молитвы.

— В руки Твои мы поручаем душу его.

Для лейтенанта Артура Хермона Фосса — действие последнее, сцена последняя.

Когда обряд закончился, они спустились в глубину, как бы сбегая с места преступления. Рэмси был потрясен отсутствием выражения в глазах у Спарроу, он услышал, как капитан шепчет строки из первой главы книги «Бытие»:

— «...и тьма была над бездною; и Дух Божий носился над водою...»

Порывшись в памяти, Рэмси процитировал дальше:

— «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет»*.

Рэмси думал: «Если Бог есть, пусть направит он этого храброго человека». С самого детства никогда не был он так близок к молитве. И еще его смущало странное жжение в глазах.

А затем другая мысль промелькнула в его сознании вместе с воспоминанием голоса Гарсии. «А что, если Гарсия «спящий» агент?»

Эта мысль заставила его пойти в мастерскую, чтобы проверить тоннели с помощью внутренних сканеров. Те показывали только конец реакторного отсека. Ничего странного и необычного здесь видно не было. Тогда Рэмси включил один из контрольных сканеров, чтобы проследить за Гарсией. Тот наклонился над левым бортом, схватившись за ограждение, косточки на пальцах побелели от напряжения. Гарсия прижался лбом к холодному металлу корпуса.

«Похоже, он заболел,— думал Рэмси.— Может, спуститься вниз и помочь ему?»

* Бытие, 1:2—3

Рэмси видел, как Гарсия выпрямился, а затем врезал кулаком по стенке внутреннего корпуса так, что сбил кожу на пальцах. В этот момент «Рэм» слегка отклонился от курса, попав в объятия подводного течения. Гарсия метнулся к пульту и скорректировал отклонение. Рэмси видел, как из глаз инженера катились слезы.

Рэмси быстро отключил экран, чувствуя, что влез непрошеным в тайники человеческой души, а так поступать не следовало. Тут же он поглядел на свои руки, размышляя: «Странная реакция для психолога! Что это со мной?» Он снова включил экран, но на сей раз Гарсия спокойно занимался своими обязанностями вахтенного.

Рэмси вернулся к себе в каюту с чувством, будто он не усмотрел что-то необычно важное. Почти час провалялся он на койке, но не смог решить, что же это было. А потом ему опять приснился сон, будто он рыба.

На вахту он проснулся с чувством, будто не проспал и минуты.

Это было время, когда люди считали, будто решат большую часть проблем дальних морских вояжей, спустившись ниже штормов, бушующих на поверхности. Но, как это много раз происходило в прошлом, к каждой решенной проблеме прибавлялось несколько новых.

Под поверхностью океанов текут громадные соленые реки, они не ограничиваются горизонтальной плоскостью, не сковываются берегами. Шестьсот футов пластиковой баржи-танка, буксируемой «Рэмом», крутились и бросались из стороны в сторону, сопротивляясь движению вперед — поскольку течение шло под углом в 60° к направлению их курса. Когда течение стремилось вниз, «Рэму» приходилось задирать нос, при этом не выходя с заданной глубины. Когда же течения направляли баржу вверх, «Рэм» упрямо тащил вниз. Эти изменения заставляли палубу колебаться, как будто буксир пробирался сквозь замедленный во времени шторм.

Автоматика выправляла большинство отклонений, но некоторые из них были достаточны, чтобы привести к серьезной ошибке курса. Поэтому репитер гирокомпаса всегда сопровождал вахтенного офицера.

Боннет как раз поглядел на репитер своего переносного пульта, когда проводил обход машинного отделения на своей вахте. Небольшой репитер автоматического таймера рядом с циферблатом гироскопа показывал семь суток

восемь часов и восемнадцать минут с момента отправления. «Рэм» двигался в глубинах океана, где к югу от Исландии не было населенной земли.

«А может, это и не боевой поход,— думал Боннет.— Детекторы говорят, что мы одни во всем этом чертовом океане.— Он вспомнил ночь перед отправлением и стал размышлять: неужели Елена была ему неверна.— Эти проклятые жены моряков...»

В верхнем углу его пульта зажегся янтарный огонек, сигнализирующий, что кто-то вошел в помещение центрального поста. Боннет сказал в свой ларингофон:

— Я на верхних мостках в машинном отделении.

В динамике переносного пульта раздался голос Спарроу:

— Можешь продолжать свои занятия. Мне что-то не по себе. Вот я и решил все осмотреть.

— Ясно, шкип.

Боннет вернулся к тестированию главного контрольного оборудования на переборке реактора. С тех пор, как они нашли мертвого офицера Службы Безопасности, у Боннета появились какие-то неясные подозрения относительно реакторного отсека.

Внезапно его внимание привлекло мерцание лампочки на контрольном пульте. Температура воды снаружи упала на десять градусов: холодное течение.

В интеркоме раздался голос Рэмси:

— Это Рэмси. Я у себя в мастерской. Мои приборы показали резкое похолодание забортной воды, на десять градусов.

Боннет нажал на кнопку микрофона:

— Ты что там делаешь в такое время, Малыш?

— А я всегда нервничаю, когда ты на вахте,— съязвил Рэмси.— Что-то не спится, вот я и пришел проверить приборы и инструменты.

— Умненький мальчонка,— в тон собеседнику съязвил Боннет.

В их разговор вклинился Спарроу:

— Рэмси, установите, на какой глубине проходит холодная зона. Если это не превышает нашего лимита, можно укрыться под ней и повысить скорость. Эти десять градусов поглотят часть нашего шума.

— Есть, капитан.— Пауза.— Шесть тысяч восемьсот футов, где-то так.

— Лес, спускай лодку вниз,— приказал Спарроу.

Боннет подошел к пульту и взялся за ручку управления рулями глубины. Вдруг репитер показаний статического давления дал ему понять, что собственное его чувство баланса не обмануло: они спускались слишком быстро, и подводное течение, в русле которого они шли, приподнимает буксируемую баржу. Боннет снизил угол схождения до трех градусов.

На глубине в 6780 футов «Рэм» выровнялся.

В своей мастерской Рэмси поглядел на репитер давления: 2922 фунта на квадратный дюйм. Инстинктивно его взгляд направился на стенку корпуса — небольшую ее часть, видимую за лабиринтом труб и вентиляционных каналов. Он пытался не думать о том, что произойдет, если корпус не выдержит — комочки протеинового фарша среди раздавленной машинерии.

«Как там говорил Рид?» Воспоминание было очень ясным, чувствовался даже отстраненный тон инструктора: «Взрыв заряда за корпусом на предельной глубине вскрыет судно как консервную банку. Естественно, не успеете вы понять, будто что-то произошло, как все будет кончено».

Рэмси передернуло.

«Как реагирует Спарроу на грозящую нам опасность? — подумал он. Потом пришла следующая мысль: — Я даже не поинтересовался этим с тех пор, как он оставил меня в покое».

Эта мысль поразила Рэмси. Он осмотрел свою мастерскую, как бы видя ее впервые, как будто он сам только что проснулся.

«Какой же я после этого психолог? Что я наделал?»

Как бы отвечая на этот вопрос, с периферии сознания пришло: «Ты прятался перед собственными страхами. Ты пытался стать винтиком, мелкой сошкой в этой команде. Именно таким образом ты хотел обеспечить личную безопасность».

И еще один ответ: «Ты опасаясь того, что угаснешь сам».

— Такое чувство, будто я умер при родах,— сказал Рэмси, обращаясь к самому себе как можно мягче.— Вообще не родился.

До него дошло, что он весь покрыт потом и дрожит. Казалось, что гнезда тестера сотней требовательных глаз уставились прямо на него. Внезапно ему захотелось заво-

пить, но он обнаружил, что не может даже пошевелить челюстью.

«Если сейчас прозвучит сигнал тревоги, я буду совершенно беспомощным,— думал он.— Я даже пальцем не могу шевельнуть».

Он попытался было поднять указательный палец правой руки, но это ему не удалось.

«Если я сейчас пошевелюсь, то умру».

Что-то коснулось его плеча, и Рэмси окатила волна ледящего ужаса. Голос рядом с его ухом звучал мягко, но казалось, будто адский грохот разорвет сейчас его барабанные перепонки.

— Рэмси. Успокойся, парень. Ты и так держался дольше остальных.

Рэмси чувствовал, как уходит дрожь, видения расплываются.

— Я ожидал этого, Рэмси. Здесь, внизу, каждый проходит через это. И если в какой-то момент ты себя преодолешь, все будет в порядке.

Глубокий голос с отцовскими интонациями. Нежный, успокаивающий.

Всем своим существом Рэмси хотелось повернуться, уткнуться лицом в эту грудь и излиться слезами от душащих его эмоций.

— Ну, давай,— сказал Спарроу.— Поплачь. Здесь никого, кроме меня, нет.

Сначала медленно, а потом все быстрее из глаз покатились слезы. Рэмси скрючился на своем стуле, спрятав лицо в ладонях. Все это время рука Спарроу лежала у него на плече, от нее шло тепло, чувство уверенности и силы.

— Мне было страшно,— прошептал Рэмси.

— Покажи мне человека, который ничего не боится, и я увижу либо слепца, либо болвана. Мы заболеваем от излишка мыслей. Это наша цена за разумность.

Его рука оставила плечо. Рэмси услышал, как дверь мастерской открылась, потом захлопнулась.

Рэмси поднял голову, поглядел на панель тестера перед собой, на включенный интерком.

В динамике раздался голос Боннета:

— Рэмси, вы можете провести акустическую оценку холодного слоя?

Тот откашлялся.

— Есть.

Его руки двигались по пульту сначала медленно, а потом со все большей уверенностью.

— Этот холодный слой над нами заглушает наш шум практически полностью.

Динамик зарокотал голосом Спарроу:

— Лес, можешь добавить скорости. Рэмси, мы идем при давлении всего на девяносто фунтов меньше предельного. Оставайтесь на вахте с Лесом, пока вас не сменят.

Жужжание двигателей прибавило в силе.

— Есть, капитан,— ответил Рэмси.

Теперь в интеркоме раздался голос Гарсии:

— Что произошло? Я услышал работу двигателей.

— Холодное течение,— ответил ему Спарроу.— Пока это возможно, прибавим несколько узлов.

— Я нужен?

— Приходи сюда на пост.

Рэмси слышал голоса в интеркоме с особенной четкостью, на панели стали видны мельчайшие детали: вмятины, легкие царапины.

Вновь пришло воспоминание о депрессии, а потом деталь, которую ранее упустил: по интеркому Спарроу просил провести акустический тест.

«И когда я не ответил, он тут же пришел мне на помощь».

Эту мысль немедленно перебила другая: «Он знал, насколько я неопытен — знал все это время».

— Рэмси.

В двери мастерской стоял Спарроу.

Рэмси уставился на него.

Капитан вошел и уселся на табурет рядом с дверью.

— Что с вами, Рэмси?

Тот прочистил горло:

— Здесь внизу каждый сражается со своими тенями. Вы продержались довольно долго.

— Я вас не понимаю.

— Жизнь здесь такая, что рано или поздно вы выпускаете свои страхи наружу.

— Откуда вам известно, что я боюсь?

— Здесь, на глубине, боится каждый. Это всего лишь вопрос времени, когда вы откроете, что боитесь. А сейчас ответьте на такой вопрос: «Кто вы такой?»

Рэмси уставился на стену за Спарроу.

— Сэр, я офицер-электронщик.

Легкая улыбка коснулась глаз и губ капитана.

— Рэмси, мир, в котором мы живем, весьма печален. Безопасность подбирает храбрых людей.

Он поднялся.

Рэмси выслушал его, не говоря ни слова.

— А теперь давай все-таки глянем на твою коробку,— сказал Спарроу.— Мне интересно.

Он вышел из мастерской и пошел в сторону кормы. Рэмси за ним.

— Почему вы не держите ее в мастерской?

— Для работы с этим оборудованием я использую личное время.

— Можете не оправдываться.

Спарроу и Рэмси спустились на нижний уровень и вошли в каюту Рэмси. Жужжание индукционного двигателя проникало и сюда.

Рэмси уселся на койку, вынул коробку, поставил ее на стол и открыл. «Нельзя давать ему присматриваться»,— думал Рэмси. Он отметил, что маскирующая система в ящике работала.

Нахмутив брови, Спарроу поглядел в коробку.

«Что он собирался там обнаружить?»— думал Рэмси.

Он положил руку на приборы.

— Это устройство прослеживает распространение первичного поискового импульса. Первые модели возбуждались при обратной связи.

Спарроу кивнул.

Рэмси указал на группу сигнальных лампочек.

— Здесь сигнал разделяется по частотам. Когда фаза сигнала превышает установленный уровень, лампочки загораются красным цветом. Отдельные лампочки указывают, какая из систем не в порядке.

Спарроу выпрямился и бросил на Рэмси испытующий взгляд.

— К тому же на внутреннюю ленту ведется постоянная запись,— продолжал объяснять тот.

— Попозже мы еще присмотримся к этой штуке,— сказал Спарроу и оглядел все вокруг.

«Он ожидал увидеть какое-то спецоборудование Безопасности»,— думал Рэмси.

— Зачем Безопасность посадила вас к нам? — спросил Спарроу.

Рэмси промолчал.

Капитан повернулся и поглядел на него оценивающе.

— Сейчас я не собираюсь форсировать этот вопрос,— сказал он.— По возвращению домой у нас будет для этого достаточно времени.— Теперь на его лице появилось горькое выражение.— Безопасность! Да добрая половина наших неприятностей связана с ней!

Рэмси продолжал молчать.

— Хорошо еще, что вы неплохой электронщик. Не сомневаюсь, что вас выбрали ради ваших квалификаций.— Внезапно в его голосе прозвучала нерешительность.— Ведь вы же из Безопасности, не так ли?

Рэмси размышлял: «Если он поверил в это, тогда это маскирует мою истинную задачу. Но я этого не желаю».— И он сказал:

— Мне были даны указания, сэр.

— Да, конечно,— согласился Спарроу.— Это был глупый вопрос.— Вновь нерешительный взгляд.— Ладно, я пойду...

Внезапно он застыл на месте.

И Рэмси тоже, пытаясь скрыть удивление. Дробинка излучателя, вживленная в его шею, издала резкое «п и н». Ему было известно, что подобное устройство в теле Спарроу тоже среагировало на сигнал.

Капитан бросился к двери и помчался на центральный пост, Рэмси вслед за ним. Остановились они только перед главным пультом. Гарсия повернулся к ним от приборов.

— Что-то случилось, шкип?

Спарроу не мог ответить. В его голове вертелась бессмысленная строчка, рожденная уничтожением двадцати подводных буксировщиков за предыдущие несколько месяцев: «Два десятка вышли, двадцати уж нет... два десятка вышли, двадцати уж нет...»

Стоя позади Спарроу, Рэмси почувствовал напряженную атмосферу центрального поста, вонючий воздух, вопросительное выражение на лице Гарсии, шелканье автоматических устройств, колебания палубы под ногами.

Дробинка у него в шее начала высылать ритмичный жужжащий звук.

Гарсия сделал к ним шаг.

— Что случилось, капитан?

Жестом Спарроу приказал ему замолчать, повернулся направо. Рэмси за ним.

Тон сигнала понизился — значит, направление неправильное.

— Возьмите датчик излучения, — обратился через плечо капитан к Рэмси.

Рэмси вернулся к центральной переборке, вынул из зажимов датчик, подключил его и вновь присоединился к Спарроу. Динамик прибора издавал звуки в ритме его вживленного датчика.

Спарроу повернул влево, Рэмси за ним. Тон звука повысился на октаву.

— Шпионский маяк! — воскликнул Гарсия.

Спарроу подошел к пульту контроля за погружением, Рэмси все время следовал за ним. Звук в датчике сделался громче. Они обошли пульт, и тон звука вновь стал ниже. Тогда они вернулись и стали к пульту лицом. Теперь высота сигнала поднялась еще на октаву.

Рэмси размышлял: «Гарсия был здесь один. Мог он включить маяк?»

— Где Лес? — спросил Спарроу.

— В переднем отсеке.

Спарроу как бы пытался взглянуть сквозь стену.

«Он думает, что, может, это Боннет посылает сигнал, — думал Рэмси. Внезапно его охватили сомнения. — А может такое быть?»

Спарроу скомандовал в свой ларингофон:

— Лес, немедленно на центральный пост!

Боннет ответил, что понял. Они тут же услышали лязг металла: первый офицер бежал по мосткам.

Рэмси следил за своим датчиком. Сигнал не менялся по амплитуде, хотя Боннет передвигался. Но могло случиться и так, что «маячок» был спрятан и где-то в переднем отсеке. Рэмси повел датчиком вправо, оставаясь возле центра пульта погружения. Сигнал не менялся.

Спарроу следил за его действиями.

— Эта штука находится в пульте! — закричал Рэмси. Капитан бросился к пульту.

— У нас есть всего лишь несколько минут, чтобы обнаружить передатчик!

В воспаленном воображении Рэмси видел экипаж вражеского истребителя, готовящего еще одно убийство — двадцать первое.

Гарсия поставил ящик с инструментом на палубу возле их ног, открыл его, вынул отвертку и начал снимать верхнюю панель пульта.

Вбежал Боннет.

— Что случилось, шкип?

— Шпионский передатчик,— ответил ему Спарроу.— Он тоже уже взял отвертку и помогал Гарсии снять панель.

— Мы будем проводить маневр уклонения? — спросил Рэмси.

Спарроу отрицательно покачал головой.

— Нет, пусть они считают, будто мы ни о чем не знаем.

— Хей,— вмешался Гарсия,— потяните за тот край.

Рэмси бросился вперед и помог снять верхнюю панель с пульта. Открылась путаница проводов, транзисторов и электронных ламп.

Боннет взял датчик излучения и провел им вдоль пульта, заметив, что сигнал усилился возле ламповой панели.

— Джо, перейди на вспомогательный пульт контроля за погружением,— сказал Спарроу.— Я вытащу всю эту секцию.

Гарсия метнулся к запасному пульту у противоположной стены центрального поста.

— Запасной пульт включен и работает! — отрапортовал он.

— Погодите,— сказал Боннет. Он подвел датчик излучения прямо под лампы, взял одну из них свободной рукой и вытащил из гнезда. Сигнал не смолк, но шел уже от руки первого офицера, когда тот передвигал ею перед датчиком.

«В такой маленькой штучке автономный источник питания!» — Рэмси задохнулся от удивления.

— Господи Иисусе, спаси нас,— пробормотал Спарроу.— Дай-ка мне это.

Он взял лампу из руки Боннета и зашипел, оттого что лампа была очень горячая.

Боннет и сам тряс рукой, в которой держал лампу-маяк.

— Я обжегся,— морщился он.

— Она была в блоке Z 02R,— сказал Рэмси.

— Разбей ее,— предложил Гарсия.

Спарроу отрицательно покачал головой.

— Нет.— Он невесело улыбнулся.— Мы поиграем. Лес, подыми-ка нас на глубину выпуска.

— На шестьсот футов? — спросил Боннет.— Нас же расстреляют, как воробьев.

— Выполнять! — заорал Спарроу. Он повернулся к Рэмси и протянул лампу ему.

Тот взял лампу из его рук, покрутил в пальцах. Вынул из нагрудного кармана маленький фотоаппарат и стал снимать лампу под разными углами.

Спарроу отметил про себя наличие этой камеры, но не успел он прокомментировать этот факт, как Рэмси сказал:

— Хотелось бы поглядеть на нее под лупой.— Он посмотрел на капитана.— У нас есть время, чтобы я обследовал эту штуку в мастерской?

Тот поглядел на шкалу прибора статического давления.

— Минут десять. Делай что хочешь, только не прерви сигнал.

Рэмси помчался к себе в мастерскую. На бегу он услышал, как Спарроу, спеша за ним, говорит в свой ларингофон:

— Джо, возьми контейнер для выброса отходов и подготовь выпускную трубу, чтобы убрать этот шпионский передатчик. Если нам немного повезет, пошлем «восточных» ищек вслед подводному течению.

Рэмси взял у себя на полке кусок мягкой ткани и положил лампу на него.

— Если вы помните какую-нибудь молитву — молитесь,— сказал Спарроу.

— Не могу и представить, чтобы на таком миниатюрном источнике питания получался такой сильный сигнал,— удивился Рэмси.

— И все же эта штука действует,— заметил на это Спарроу.

Рэмси прекратил вытирать пот с ладоней. В голове вертелась мысль: «Что показывает телеметрия эндокринного баланса Спарроу именно сейчас?»

— Чертова штуковина! — пробормотал Спарроу.

— Мы затеяли большую игру,— сказал Рэмси. Он обмерил лампу микрометром и записал все размеры.— Стандартные размеры для Z 02R.— Он положил лампу на весы, уравновесив ее лампой того же наименования. Шпионская лампа перевесила.

— Она тяжелее стандартной,— сказал Спарроу.

Рэмси добавил гирьки и сбалансировал весы.

— Четыре унции!*

В динамике, висящем на переборке у них над головами, раздался голос Боннета:

— Установленная выпускная глубина через четыре минуты. Мы еще дрейфуем по течению.

— Как ты считаешь, сможем мы обнаружить в этой штуке что-то еще? — спросил Спарроу.

— Без разборки — ничего, — ответил Рэмси. — Вообщем-то имеется возможность, что рентгеновские лучи покажут какую-нибудь начинку, но теперь... — Он покачал головой.

— На борту имеются и другие такие штуки, — сказал Спарроу. — Я знаю, что такие будут.

— Откуда вы знаете?

Спарроу поглядел на Рэмси.

— Можешь называть это предчувствием. Эта операция с самого начала шла под наблюдением. Только, клянусь всеми святыми, мы прорвемся!

— Две минуты, — предупредил их голос Боннета в динамике.

— Пора. А теперь дайте мне обдумать то, что у нас уже имеется.

Спарроу взял лампу и скомандовал в ларингофон:

— Опускаться потом будем на полной скорости.

— Они могут услышать наше движение, — сказал Рэмси и покраснел, чувствуя биение метронома из дробины детектора в шее.

Спарроу опять грустно улыбнулся, повернулся, вышел и спустился по центральному проходу. Теперь его голос звучал в интеркоме:

— Мы возле выпускного отверстия и готовы запустить нашу рыбку. Лес, сообщай мне отсчет статического давления.

— Четыреста девяносто... четыреста семьдесят... четыреста сорок, четыреста ровно!

Рэмси услышал тихое «хлоп» выпускной трубы. Этот звук пришел к нему через корпус.

В интеркоме зазвенел голос Спарроу:

— Полный вниз!

* 97,4 г.

Палуба «Рэма» резко дернулась. Жужжание двигателей переросло в вызывающую зубную боль вибрацию.

Рэмси поглядел на индикатор уровня шума. Слишком много! Шумагосительные плоскости не могли маскировать его.

В динамике гремел голос Спарроу:

— Рэмси, переведите систему внутреннего давления на ручное управление. Повышайте его, не согласовывая с внешним. О кессонной болезни заботиться будем позже. Сейчас я желаю одного: чтобы над головой было 7000 футов и термоклин.

Рэмси подтвердил прием приказа, его пальцы уже бегали по пульту. Он глянул на датчик «вампира» у себя на руке. Уровень поглощения пока еще низок. Он повысил концентрацию ангидразы, впрыскиваемой в воздух.

Снова Спарроу:

— Рэмси, мы выстрелили торпеды в направлении, обратном нашему. С замедленными взрывателями. Заметьте сигнал, когда одна из них сработает.

— Есть, капитан.

Рэмси подключил телефон монитора в одно из гнезд перед собой, поглядел на контрольный таймер, висящий над пультом. В это время до него дошло, что устройство, вживленное в его шею, уже не реагирует на сигнал передатчика. Теперь он стал повышать внутреннее давление до уровня, соответствующего глубине. Репитер датчика внешнего давления показывал 2600 фунтов на квадратный дюйм, и стрелка продолжала ползти дальше. Вдруг датчик температуры показал вхождение в холодный слой.

Рэмси сказал в свой ларингофон:

— Шкип, мы в холодном слое.

Снова голос Спарроу:

— Значит мы успели!

Репитер прибора показал 2815 фунтов на квадратный дюйм, и стрелка остановилась. Рэмси почувствовал, что палуба под ногами выровнялась. Щелкнули реле, лампы на пульте загорелись зеленым. Сейчас Рэмси чувствовал всю подлодку — ее плавучесть, собственную жизнь машин, пластика, газов, жидкостей... и людей. Он услышал голос Спарроу, отдающего приказы на центральном посту.

— Полная скорость. Смена курса на 59° 30'.

Второй сонарный экран слева от Рэмси отметил изме-

нение курса. Человек видел красное пятнышко, отмечавшее их месторасположение: практически к югу от восточной оконечности Исландии, точно на шестидесятой параллели. Автоматический таймер показывал: семь суток четырнадцать часов и двадцать семь минут от начала операции.

— Рэмси, от посланных назад рыбок ничего не слышно?

— Ничего, шкип.

— Оставайтесь в мастерской. Начинаем прочесывать оборудование на борту. Надо проверить каждую радиолампу на отклонение от стандартного веса.

— Еще надо проверить в мастерской и на складе,— предложил Рэмси.

— Позже.— В голосе Спарроу звучала спокойная уверенность.

Рэмси глянул на свои часы, скорректировал их с хронометром. «Что показывает телеметрия?» — спрашивал он себя. Опять у него появилось чувство, будто он утерял какой-то очень важный фрагмент информации. Что-то, касавшееся Спарроу. Взгляд Рэмси бегал по стоявшим перед ним приборам. Слух замечал малейший шорох в наушниках монитора. Рэмси поглядел на экран осциллографа: только фоновые шумы. И опять на какое-то мгновение Рэмси почувствовал, что он составляет одно целое с подлодкой, что окружающие его приборы — продолжение его органов чувств. Но потом это ушло, и его не удавалось вернуть.

В это время на центральном посту Спарроу пытался унять тик щеки. Он вставил электронную лампу в панель на сонаре, вынул следующую, прочитал ее обозначение: «РУ 4×4».

Стоящий рядом Гарсия провел пальцем по списку.

— Пятнадцать унций.

Спарроу проверил это на шкале весов.

— Сходится.— Он вставил лампу на место и сказал: — Ты знаешь, когда я учился в колледже, нам говорили, что когда-нибудь подобные системы будут делать на транзисторах и печатных платах.

— Такие уже делаются,— сообщил на это Гарсия.

— Что следует поменять, так это вспомогательное оборудование,— сказал Спарроу. Он вынул из гнезда октод, прочитал наименование и сверил вес.— Например, освети-

тельное.— Он вынул следующую лампу.— Вот что нам настоящему надо — так это диэлектрик, крепкий, как пластисталь.

— Ну да, или прекращение военных действий,— сказал Гарсия.— Тогда можно было бы специально заняться разработкой оборудования для подводных буксировщиков.

Спарроу согласно кивнул и вынул из гнезда следующую лампу.

— Шкип, так что же все-таки за человек, этот Рэмси? — спросил Гарсия.

Тот прервал очередное взвешивание.

— Мне кажется, что это подсаженный к нам агент Безопасности.

— Мне тоже приходило такое в голову,— сообщил инженер.— Но вы не спрашиваете еще про одно: кто подсунул нам этот шпионский «маячок»? Он может быть «спящим» агентом. Именно он, шкип.

Рука Спарроу чуть дрожала, когда он брал для взвешивания следующую лампу. Раздумал ее брать, вытер потные руки о штаны и поглядел на Гарсию.

— Джо...— Дальше говорить не стал.

— Да?

— Ты не задумывался над тем, что все основные проблемы человечества всегда связаны с Безопасностью?

— Это серьезный вопрос, шкип.

— Это и имелось в виду, Джо. Понимаешь, я знаю, кто я есть. Могу тебе рассказать и то, каким я сам себя представляю, о том, что тебе нечего меня бояться. Лес может сделать то же самое. И ты. И Рэмси.— Он смочил губы кончиком языка и поглядел на Гарсию.— И кто-то из нас, или же все вместе, могут солгать.

— Это уже не проблема Безопасности, шкип. Это проблема связи. Как раз то, чем занимается Рэмси.

Не говоря больше ни слова, Спарроу повернулся к пульту и продолжил кропотливую проверку.

— Интересно знать, а чего хотела Безопасность в последнюю минуту от Рэмси? — спросил Гарсия.

— Заткнись! — рявкнул Спарроу.— Пока мы не можем доказать обратного, он один из нас. Как ты и Лес. Как я сам.— Его губы сложились в легкую усмешку.— Мы все в одной лодке.— Губы вернулись в прежнюю позицию.— И перед нами стоит гораздо более важная проблема.— Он взвесил лампу, вставил ее в гнездо.— Как можно нарушить

радиомолчание, чтобы сообщить на базу о том, что мы обнаружили?

Отголосок дальнего взрыва прокатился по корпусу. Потом еще один.

Голос Рэмси в интеркоме:

— Шкип, два взрыва! По заряду соответствуют нашим рыбкам! — Потом он вскрикнул: — Шкип, еще два источника шума! Они идут за нами!

— Боже, избави нас,— прошептал Спарроу.— Боже, избави нас.

Более громкий звук отрезонировал в корпусе лодки, странный двойной удар.

— Антиторпедные самонаводящиеся ракеты,— объяснил Рэмси.— Добивают остатки наших рыбок.

— Эти люди не хотят упустить ни единой возможности,— сказал Спарроу. Голос его охрип, стал еле слышным: «Кто ударит человека, так что тот умрет, да будет предан смерти. Но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать у бийце. А если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то даже от жертвенника Моего бери его на смерть»*.

Появился Боннет, держа в руках электронную лампу.

— Джо, какой стандартный вес у GR5?

Тот бросил взгляд на Спарроу, который вернулся к проверке пульта.

— Восемь унций.

— Тогда я нашел, потому что эта весит тринадцать! В его голосе звенело возбуждение.

Спарроу поглядел на него, его губы дрожали.

— Шкип, кажется я нашел еще один «маяк»,— сообщил ему Боннет.

Гарсия подошел к Боннету и взял лампу.

— Есть лучший путь для жизни и для смерти,— сказал Спарроу** . Потом он вздрогнул и уставился на Боннета.

— Ладно, отложи ее пока и посмотри, нет ли их еще.

Боннет хотел было что-то сказать, но промолчал. Он

* Исход, 21: 12—14.

** Парафраз «Послания к римлянам» (14:7—8) «Ибо никто из нас не живет для себя и никто не умирает для себя. А живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем. И потому, живем ли, умираем — всегда Господни».

взял лампу у Гарсии и осторожно уложил ее в отделение ящика с инструментом.

Спарроу приложил руку к своему лбу. Голова пульсировала какой-то странной болью. «Так есть на борту шпион или нет? — спрашивал сам себя капитан. — Это Рэмси? Лес? Джо? «Восточники» надеются, что мы приведем их к скважине. — Невидящими глазами он уставился на путаницу проводов перед ним. — Но тогда зачем они включают излучатель сейчас? Чтобы проверить нашу готовность? Ведь самое подходящее для сигнала время было бы тогда, когда мы станем на скважину».

Странная внутренняя вибрация отвлекла его от размышлений. Он перепугался, поняв, что стучит зубами. «Когда мы станем на скважину! Боже, помоги мне! Как же избежать этого несчастья?! Не могу же я все время бодрствовать».

— Это последняя, — сообщил Гарсия. Он подал электронную лампу, которую Спарроу автоматически положил на весы.

Потом он вздрогнул, вернувшись в окружающий его мир.

— Можешь поставить ее назад, — сказал он.

Гарсия выполнил.

Спарроу поглядел на Боннета.

— Лес, начиная проверку на складе электронщика.

— Есть, — согласился тот.

Затем Спарроу обратился к Гарсии:

— Оставайся здесь на вахте.

Тот кивнул.

— Вы пойдете отдохнуть, шкип?

Спарроу медленно покачал головой.

— Нет. Нет. Я пойду в мастерскую и буду помогать Рэм... — Он замолчал, глядя на Гарсию. — Мы встретили неприятеля и прорвались. — Спарроу подошел к переборке. — Я пойду помочь Джону и проверять лампы в мастерской.

— А как же насчет этой? — Гарсия указал на лампу, найденную Боннетом.

Спарроу вернулся, взял лампу, снова подошел к выходу и оглядел находку.

— Посмотрим, а вдруг она нам кое-что и расскажет. — Он бросил взгляд на Гарсию. — А ты подумай над тем, как нам связаться с базой.

И он вышел.

Гарсия сжал кулаки и повернулся к пульту. Взгляд его остановился на сонарной карте и на красной точке на ней: красном насекомом, ползущем через безбрежные пространства. «Где? Где же скважина?»

Рэмси оторвал взгляд от своих приборов, когда вошел Спарроу.

— Что-то новенькое, капитан?

— Лес нашел вот это.— Он положил электронную лампу на верстак перед Рэмси.— У нее пять унций лишнего веса.

Не касаясь лампы, Рэмси осмотрел ее.

— А вам не приходило в голову, что эта штука может при вскрытии взорваться?

— Кое-кто из старых салемиких капитанов обычно распоряжались о собственных похоронах еще до того, как взойти на борт,— сказал Спарроу.— Можно сказать, что я тоже позаботился об этом.

— Я имел в виду не это,— сказал Рэмси.— Пол-унции нитрокса разнесут нас обоих. Может, будет лучше, если вы оставите меня с ней одного?

Спарроу нахмурился, пожал плечами и нажал кнопку ларингофона:

— Джо, Лес, послушайте. В этой лампе может быть взрывное устройство. Если со мной или Джонни что-то случится, вы двое открепите баржу и направитесь домой. Это приказ.

«Джонни! — подумал Рэмси.— Он назвал меня Джонни! — А потом вспомнил.— Мы же встретились с неприятелем. Старая магия умерла. На смену ей пришла новая магия».

— Мы хотим записать все на видео,— сказал Спарроу. Он взял телекамеру, закрепил ее над рабочим столом, навел на резкость.— Ладно, ты все-таки спец по подобным устройствам.

Рэмси ответил, даже не глядя на лампу:

— Даже полчаса осмотра, изучения этой штуки со всех сторон могут пригодиться нам.

— Что мы будем искать?

— Понятия не имею. Но что-то неординарное. От чего бы воняло.

Тут Спарроу перегнулся над верстаком, еле успев за что-то ухватиться, когда «Рэм» подпрыгнул, войдя в под-

водное течение. Рэмси схватил лампу и завернул ее в тряпку, не дав ей скатиться со стола. Янтарная лампочка индикатора температуры на пульте перед ним загорелась, погасла, загорелась, погасла...

Рэмси включил репитер термометра рядом с лампочкой: 34°.

Спарроу кивнул в сторону прибора:

— Арктические придонные течения. Здесь полно пищи. И вся эта морская живность прикроет нас перед гидролокаторами.— Он улыбнулся.— Теперь можно вздохнуть полегче.

Рэмси отрицательно покачал головой.

— Пока мы не разгрызли эту штуку — рано.— Он поглядел на лежащую перед ним лампу.— Вот если бы вам надо было привести взрывное устройство в действие, как бы вы поступили?

— Может, какая-нибудь тонкая проволочка. Ее рвешь, и...

— Можно и так. Но гораздо лучший способ, это связать спусковое устройство с изменением давления, например, когда нарушается вакуум...— Он принял решение.— Сначала просветим ее рентгеновскими и инфракрасными лучами. Затем поместим в вакуумную камеру с аппаратурой дистанционных манипуляторов, откачаем воздух и разобьем стекло.

Спарроу коснулся лампы своим длинным пальцем.

— Выглядит как обычное закаленное стекло.

— Одного я не могу понять,— сказал Рэмси. Говоря это, он вынул портативную инфракрасную камеру и поставил ее на столе.— Почему эта штука сработала именно сейчас? Ведь это неразумно. Гораздо умнее было бы подождать, когда мы придем к скважине.

— Я думал о том же самом,— признался Спарроу.

Рэмси настроил камеру.

— Сколько нам еще времени идти до нее?

Непреднамеренность вопроса сбила Спарроу с толку. Он глянул на сонарную карту в мастерской и собрался уже сказать:

— Ну ладно, это на краю...

И тут он застыл.

Рэмси провел экспозицию, повернул лампу другим углом.

«Слишком уж беззаботный тон»,— подумал Спарроу.
— Вы начали говорить,— сказал Рэмси, не отрывая взгляда от исследуемой лампы.

— Мистер Рэмси, цель назначения подводного буксировщика известна лишь капитану, до тех пор, пока мы не достигнем того места.

Рэмси выпрямился.

— Очень глупое правило. Если с вами что-то случится, мы не сможем идти дальше.

— Тем самым вы хотите сказать, что я могу доверять вам нашу цель?

Рэмси заколебался и подумал: «А я уже знаю место назначения. Что будет, если сказать про это Спарроу? Но это еще более укрепит его мнение, что я из Безопасности».

— Ну?

— Капитан, я задал вам не вполне корректный вопрос, сформулировав его довольно-таки свободно. Я хотел знать, через сколько времени мы придем к Новой Земле?

Спарроу заставил себя сдержаться и думал: «Безопасность? Или же это шпион, пробуящий расколоть меня точной догадкой?» Он ответил:

— Никак не могу понять, а какое вам дело до того, сколько времени мы будем куда-то идти.

Рэмси переключил внимание на электронную лампу. «Ну все, теперь он убежден, что я офицер Безопасности».

«Можно было спросить у него точные координаты,— размышлял Спарроу.— Но докажет ли это что-либо, если он их не знает? А даже если и знает?»

Рэмси установил вакуумную камеру и насос, радиолампу поместил на кубик черной мастики внутри камеры, подключил дистанционно управляемый манипулятор и закрыл крышку камеры.

Спарроу внимательно наблюдал за его действиями, не зная, что и решить.

— Это потребует много времени,— сказал Рэмси.

«О Боже, если бы я только знал,— размышлял Спарроу.— Шпион он или нет? Как я могу определить точно? Ведет он себя совсем не по-шпионски».

Рэмси подставил стул к рабочему столу и уселся на него.

— Потихоньку, полегоньку,— сказал он.

Спарроу следил за ним. «Будет умнее, если я займусь проверкой здешних ламп и продолжу присматривать за ним». Он сказал:

— Я начну проверять электронные лампы твоей мастерской.

Он снял панель слева от себя, взял весы, начал вынимать лампы и взвешивать их.

Шли минуты, потом прошел час, два часа... два часа и еще сорок минут. Внутри вакуумной камеры по порядку лежали части лампы. Спарроу давно уже кончил свою проверку и следил за происходящим на рабочем столе.

— Никаких скрытых взрывных устройств,— сказал Рэмси. Он поднял часть сетки лампы магнитным захватом.— И я до сих пор не пойму, как они заставили эту штуку сработать. Все выглядит, как самая обычная лампа.— Он развернул захват.— При перегрузке плавиться здесь нечему. Ничего лишнего, кроме вот этого микроизлучателя и аккумулятора.— Он отложил снятую сетку в сторону.— Наши ребята захотят это увидеть.— Рэмси поднял сегмент катода, повернул, поставил на место.— И никакого устройства запуска. Ну как такое может сработать?

Спарроу глянул на камеру, записывающую каждое движение испытателя и сказал:

— У нас есть еще одна проблема.

— Какая?

Рэмси распрямился и почесал спину.

Спарроу встал со своего места.

— Как нам передать сообщение на базу? Если «восточные» нас накроют, то все, открытое нами, пропадет. Но у меня строжайший приказ не нарушать радиомолчания.

Рэмси потянулся.

— Капитан, вы мне доверяете?

Спарроу не смог сдержать себя:

— Нет.

Он нахмурился.

Рэмси улыбнулся.

— Кажется, я могу решить эту проблему.

— Выкладывайте.

— Переведите свое сообщение на капельный повторитель и...

— Капельный повторитель?

Рэмси стиснул зубы: «Проклятие! Еще один секрет ПсиБю!» Надо было как-то выкручиваться.

— Никогда о таком не слышал,— сказал Спарроу.

— Это новое слово в... ну... в электронике. Вы записываете сообщение при стабилизированной медленной скорости на ленту, а потом скорость увеличивается. Сообщение повторяется снова и снова — быстрые всплески, капли звука. Они записываются с приемника, при воспроизведении замедляются и расшифровываются.

— Но ведь это нарушение радиомолчания.

Рэмси покачал головой.

— Вовсе нет, если сообщение передается с небольшого плавучего буя, передатчик которого включится через много времени после того, как мы с того места уйдем.

Спарроу расслабил челюсти. Его губы сложились в усмешку.

— Вы сможете это сделать?

Рэмси поглядел вокруг себя по сторонам.

— Все, что необходимо, здесь имеется.

— Я пришлю Гарсию тебе на помощь,— сказал Спарроу.

— Не надо мне помощи...

— Он поможет тебе в чем-нибудь другом.

Рэмси снова улыбнулся.

— Все правильно. Вы же не доверяете мне.

Невольно Спарроу улыбнулся ему в ответ, видя веселое лицо Рэмси. Потом он стер улыбку со своего лица и из своих мыслей. Брови его сомкнулись. «А может, Рэмси того и добивается? — думал он. — Развеселить меня, заставить расслабиться. Вполне возможно».

Рэмси поглядел на настенный хронометр.

— Моя вахта.

Он указал на части радиолампы в вакуумной камере.

— Это надо сохранить.

— Я заменю вас на вахте,— сказал Спарроу. Он нажал кнопку на своем ларингофоне.— Джо, подойди-ка в мастерскую. Тут Джонни придумал, как нам передать сообщение на базу. Я хочу, чтобы ты ему помог.

— Это не займет много времени,— сказал Рэмси.— Это действительно простая штука. Как только закончу — сразу же доложу.

Спарроу внимательно поглядел на Рэмси.

— Дело не в том. Я изменяю вахтенную процедуру: теперь на вахте все время будут стоять по два человека, не спуская глаз друг с друга.

У Рэмси глаза полезли на лоб:

— Но ведь нас здесь всего четыре человека, капитан!

— Понимаю, что это неудобно, — гнул свое Спарроу. — Второй человек будет меняться посреди вахты.

— Я не это имею в виду, — сказал Рэмси. — Это более, чем неудобно. Нас здесь всего четыре человека. Мы изолированы. Согласно вашего плана, мы все время будем следить один за другим. Когда вы следите за другим человеком, ваша подозрительность все время увеличивается. А это уже ведет к параноидальным тенденциям...

— Ваши замечания по данному приказу будут внесены в вахтенный журнал, — сухо сообщил Спарроу.

На лице Рэмси появилось выражение отрешенности. Он думал: «Спокойно. Это как раз те параноидальные проявления, о которых говорил Обе». Он сказал:

— Наша эффективность как экипажа уменьшится, если мы...

— На этом судне команду я, — ответил Спарроу.

— Есть, капитан. — Должность Рэмси выговорил с оттенком укоризны.

Спарроу сжал губы. Он повернулся, вышел из мастерской и отправился к себе в каюту. Тщательно закрыв дверь, он сел на койку и опустил доску, заменявшую ему письменный стол. За переборкой тихо шептал индукционный движитель. «Рэм» рыскал из стороны в сторону — природные турбулентности Арктического течения.

Спарроу размышлял: «У нас на борту есть шпион. Ясно, что именно он и включил этот «маяк». Я хотел, чтобы Джо проследил за Рэмси, когда тот станет вскрывать эту радиолампу. Он говорит, что там нет встроенной системы включения, но он ведь мог и что-то утаить от меня».

Из укромного места он вынул свой личный дневник, открыл на чистой странице и разгладил бумагу. Взял ручку, четким почерком проставил дату, а потом написал: «Сегодня энсин Джон Рэмси сделал замечания относительно распоряжений Безопасности по...»

Спарроу перестал писать, вспомнив, что приказал Гарсии прибыть в мастерскую. Он включил свой ларингофон:

— Джо, ты в мастерской?

В настенном динамике раздался голос Гарсии:

— Так точно.

— Смотри там. Когда будешь осматривать этот шпионский передатчик, подумай, а вдруг мы что-то упустили.

— Есть, капитан. Как раз этим и занимаюсь.

— Это все,— сказал Спарроу и вернулся к своему дневнику.

А в мастерской Гарсия поднял взгляд от вакуумной камеры.

— Ты прав на все сто, Джонни. Никаких признаков выключателя.

— Эта штука тебе ничего не напоминает? — спросил Рэмси.

— Только одно — ретранслятор.

Рэмси кивнул, соглашаясь с ним.

— Совершенно верно. Сам сигнал приходит из какого-то иного места.

— Но это место должно находиться не очень далеко. Самое большее, футах в десяти.

Рэмси почесал шею.

— Что у тебя подключено на фонии? — спросил Гарсия. Он показал на наушник в левом ухе Рэмси.

— Сейсмомонитор. Если сработает еще один шпионский «маячок»...

— Хорошая идея.

Рэмси заложил руки за шею, прикрыв небольшой шрам, оставшийся после вживления дробины динамика.

— Что ты нашел на складе запчастей?

— Ничего,— покачал головой Гарсия.

— Когда я возился с лампой, капитан тоже здесь все проверил. И тоже ничего не нашел.

— Может лучше начнем? — предложил Гарсия.

— Что?

— Собирать твою схему.

— Точно.

Рэмси вернулся к своему рабочему месту. Но тут загудел динамик над сейсмокопом. Рэмси уставился на экранчик. Пульсирующая зеленая линия взметнулась раз, другой.

В динамике контрольного пульта раздался голос Боннета:

— Капитан?

— Что случилось, Лес? — загудел бас Спарроу.

— Сейсмический удар откуда-то справа.

— Он у меня на сейсмокопе, — доложил Рэмси. — Торпедный удар. Соответствует «восточным» 24-К. — Он выписал несколько цифр, взял логарифмическую линейку, подсчитал. — Приблизительно в сотне миль по правому борту. Явно в направлении того маленького ящичка, который мы выслали по течению.

— Неужели они станут тратить торпеды на такую мелочевку? — спросил Спарроу, и сам же ответил: — Что это я? Конечно, станут. На экранах своих приборов они отслеживают только сигнал. Они считали, что это мы!

— Я так и думал, — сообщил Рэмси. Он поглядел на Гарсию. — Ты что-то сказал, Джо?

Гарсия весь дрожал, лицо побледнело. Он отрицательно покачал головой. Рэмси вопросительно глядел на него. Он тоже был взволнован.

В динамике гудел голос Спарроу:

— Вниманию всех: как только я закончу свою работу, то сменю мистера Боннета.

Затем раздался звук прочищаемого горла.

Рэмси бросил взгляд на настенный хронометр.

— Самое время. Лес и так уже отстоял три вахты.

Капитанский голос продолжал:

— К этому времени я оставлю в кают-компании новое вахтенное расписание, которое вводится в действие немедленно.

Гарсия не выдержал:

— Да что это шкип слопал, что так рычит?

Рэмси просмотрел новое вахтенное расписание.

— Что за черт! — сказал Гарсия. — Как будто мы и так уже не насточертели друг другу.

Рэмси испытующе поглядел на него. «Странная реакция для инженера, — подумал он. — Такотреагировал бы психолог, но не Гарсия».

В своей каюте Спарроу писал: «Я должен быть уверен, что ни у кого не будет удобного случая включить вражеский «маяк», когда мы будем находиться на скважине». Он расписался, у последнего слова поставил восклицательный знак, закрыл дневник и спрятал его.

Репитер таймера на переборке его каюты показывал семь дней девятнадцать часов и двадцать три минуты с момента отплытия.

Спарроу медленно поднялся, вышел из каюты и тщательно закрыл за собою дверь. После этого он направился к кают-компании. Проходя мимо мастерской, он услышал голос Рэмси: «Это будет стабилизировать скорость ленты...»

Ответные слова Гарсии капитан уже не слышал. Он вошел в кают-компанию и тщательно закрыл за собою дверь.

Свое устройство они запустили на следующей вахте. Спарроу отметил время — семь дней двадцать часов и сорок восемь минут от момента выхода — и занес это в главный журнал. Сюда же он занес и координаты с сонарной карты: $61^{\circ}58'$ северной широты и $17^{\circ}32'$ западной долготы. Передатчик был запрограммирован так, чтобы начать работу только через четыре часа.

— Очень хорошо, Джонни, — сказал капитан. Теплоты в его голосе не было.

Рэмси ответил:

— Мы сделали его из подручных материалов.

— Помолимся, чтобы эта штука сработала, — сказал Спарроу. Он поглядел на Гарсию. — Только не будем на нее особенно рассчитывать.

Гарсия пожал плечами.

— Штука-то сработает, — сказал он. — Вот только кто ее услышит. — Он холодно поглядел на Рэмси.

Спарроу думал: «Джо в чем-то сомневается. О Боже! Ведь если Рэмси шпион, он настроил этот передатчик на длину волны, которую прослушивают «восточные». Сообщение расскажет им про неудачу с «маяком», и они удвоят свои патрули!»

— Я могу быть свободным? — спросил Рэмси.

— После окончания вахты, — ответил капитан.

В своей каюте Рэмси вынул коробку с телеметрической аппаратурой и просмотрел ленты. Линии прыгали во все стороны. Вот теперь Спарроу реагировал. Но на что? Это все напомнило Рэмси возбуждение по обратной связи. Каждая последующая волна имела амплитуду сильнее предыдущей. Вся временная область обнаружения вражеского излучателя была почеркана записью линий возбуждения.

Каюта как бы сжалась вокруг Рэмси, делаясь значительно меньше в размерах.

«Спарроу теряет чувство реальности. Надо что-то делать. Но что?» Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, направить мышление полностью на решение задачи.

«Я пробыл вместе со Спарроу уже целую неделю. Наблюдал его в самых различных видах стресса. Сейчас у меня имеется множество замечаний; достаточно, чтобы выработать какой-то план действий. Так что же у нас имеется?»

Про себя он выстроил свои наблюдения в список:

«Мы начали рейс, и он был хладнокровен.

Но потом нам стало известно, что он может реагировать на окружающее.

Это может указывать на паранойю с религиозным уклоном.

Обе и раньше относил его к параноикам.

Но имеются кое-какие вещи, которые не вписываются в это определение.

Он ясно рассуждает в стрессовых ситуациях, где у тебя был бы нервный срыв.

Чисто мужской тип. Лидер.

Но не деспотичный, даже и не приближается к такому.

И еще — он великолепный подводник. Иногда можно подумать, что он стал частью подводной лодки. И наоборот. Как будто он — встроенный в нее элемент: капитан, тип — подводник, модель I, портативная».

Рэмси покрылся холодным потом. «Часть подлодки. Механическая. Как еще лучше всего описать полнейшее хладнокровие и самообладание?

Он попытался вызвать у себя чувство синхронной связи с лодкой, пытаясь стать частью мастерской, находиться под защитой судна.

«Это могло бы стать сильнейшим фактором самосохранения.

Капитан, тип — подводник, модель I, портативная. Эта может быть ближе к истине, чем я думаю».

Он потер слипающиеся от усталости глаза, поглядел на часы. Два часа до следующей вахты, и уже два часа, как он борется с усталостью. Рэмси убрал телеметрическую аппаратуру и плюхнулся в койку. Сон пришел почти сразу же.

В этом сне над ним наклонился великан-хирург с лицом Спарроу. Какие-то тонкие проводочки. Нервы. Один туда, другой сюда... Очень скоро он будет вмонтирован в подлодку.

Офицер-электронщик, тип — подводник, модель I, портативная.

На вахте стоял Гарсия.

Показания автотаймера: восемь дней четыре часа и девятнадцать минут с момента отплытия.

Боннет сидел на высоком стуле перед пультом поисковой системы.

«Рэм» шел с крейсерской скоростью в двадцать узлов.

Гарсия стоял, опершись о поручень перед основным пультом, взгляд его касался приборов, переходя на индикатор автопилота.

В поисковом пульте раздалось тихое гудение.

Голова Боннета подскочила. Он поглядел на зеленый экранчик слева от себя и ударил по тумблеру, отключавшему двигатель «Рэма».

Теперь корабль бесшумно опускался вниз.

— Что это? — спросил Гарсия.

— Что-то большое, металлическое. Прямо по нашему курсу.

— Одна цель?

— Еще не знаю.

— «Восточные»?

Боннет подкручивал регуляторы. Потом он глянул на экран.

— Цель одиночная. Прет, как будто весь океан — его собственность. Буди капитана.

Гарсия нажал кнопку будильника на пульте интеркома.

Через какое-то время в тыльной двери появился Спарроу. Подходя к пульту, он еще продолжал застегивать ремень.

Боннет указал на пульт локатора.

«Рэм» медленно накренился на правый борт и сошел с прежнего курса. Крен был настолько сильным, что Спарроу пришлось ухватиться за релинг, чтобы не упасть. Он глянул на показания локатора и спросил:

— Как далеко до дна?

— Довольно далеко,— ответил Боннет.

Гарсия, одной рукой держась за поручень, повернулся к ним.

— Надеюсь, вы оба решите, что нам делать, пока мы не перевернулись.

Взгляд Спарроу снова был направлен на показания локатора. Вторая подлодка была менее чем в трех милях от них и очень быстро двигалась. И тут детекторы вдруг разделили сигнал надвое.

— Они идут в спарке,— сказал Спарроу.

В его мыслях возникли страницы учебника тактики: «Подводные лодки, охотящиеся одна за другой в погруженном состоянии, похожи на двух игроков в бейсбол с битами в руках, но с завязанными глазами. Их вместе закрыли в одной комнате, и каждый ожидает, когда другой ударит».

— Они должны пройти где-то в тысяче ярдов,— сказал Боннет.

— В том случае, если будут придерживаться нынешнего курса,— ответил Спарроу.— Опять же, это может быть и хитрость, чтобы мы потеряли бдительность.

— Похоже, там все спят,— прошептал Гарсия,— иначе заметили бы нас раньше.

— Их металлодетекторы не активированы,— сказал Спарроу. Он повернулся к Спарроу.— Джо, выпусти четыре самонаводящиеся торпеды с интервалов в пять минут. Пусть покрутятся перед ними. Это отвлечет их, а мы сможем опуститься как можно глубже.

Пальцы Гарсии заплясали на панели управления, поворачивая верньеры и программируя торпеды. Он нажал на тумблер исполнения, потом перешел к пульту управления двигателями. «Рэм» стал набирать скорость, устремляясь в глубину. Палуба выровнялась.

Спарроу с Боннетом следили за показаниями локаторов.

— Входим в дрейф,— приказал Спарроу.

Боннет отключил двигатели. Теперь подлодка бесшумно падала вниз.

— Надо бы прибавить скорости,— сказал Спарроу.

Двигатели опять начали свое медленное вращение.

Гарсия прошептал:

— Они идут не вслепую, они ничего не слышат.

Спарроу сделал жест, чтобы тот замолчал, потом глянул на большой указатель прибора статического давления: 2790 фунтов на квадратный дюйм... 2800... 2825...

Стрелка указателя продолжала медленно вращаться: 2900... 2925...

Над циферблатом висела бронзовая табличка со всеми данными «Рэма», в том числе и значения некоторых пределов. Алой краской кто-то выделил предел давления: 3010 фунтов на квадратный дюйм.

А стрелка прибора все двигалась: 2975... 3000...

Лицо Гарсии покрылось испариной. Боннет нервно держал себя за мочку уха. Спарроу же стоял неподвижно: он прекрасно чувствовал состояние судна.

— Очень медленно поднимай,— прошептал он и смочил губы кончиком языка.

Осознание величины наружного давления было для него как физическая сила, распирающая его череп изнутри. Всеми силами он старался не выдать своих чувств.

Стрелка остановилась на 3008, очень медленно вернулась на 3004 и осталась на месте.

Боннет прошептал:

— Они как раз над нами...

Стрелка резко метнулась, и они почувствовали удар взрыва, срезонировавший в корпусе. Взгляд Спарроу был прикован к циферблату прибора статического давления: стрелка колебалась от 3004 до 3028.

Гарсия прошептал:

— Я слышал, «Барракуда», прежде чем взорваться, выдержала 3090.

— У нее больший запас прочности...— ответил ему Боннет.

Спарроу же сказал:

— Может, Господь и возьмет их души к себе и подарит им милосердие. Пусть даже они и не с нами. Господь простит нам, ибо мы делаем сие не в гневе, но в потребности.

Гарсия перебирал свои четки.

Внезапно у Спарроу возникла мысль. Он глянул на первого офицера.

— Лес, вот что ты делаешь, когда нам становится жарко?

— Чего? — Боннет бросил на него недоуменный взгляд, потом вернулся к приборам.

— Ладно, о чем ты думаешь?

Боннет не знал, что и ответить:

— Я думаю о себе, о том, что был четыре раза женат — четыре классные бабы. А что еще нужно?!

В помещение центрального поста вошел Рэмси, окинул взглядом собравшихся и прошептал:

— Меня разбудила тишина. Мы за кем-то охотимся?

— И наоборот,— ответил Гарсия.— Иди сюда, поможешь мне на пульте.

— Вас не вызывали,— заметил Спарроу.

Рэмси не знал, что ему теперь делать.

— Оставайтесь с Лесом,— сказал Спарроу.— А я встану с Джо.

Он отошел от приборной панели.

Рэмси стал на освободившееся место.

Спарроу прошел к Гарсии и стал рядом с ним.

Боннет покосился на Рэмси.

— Я подскажу тебе кое-что, Малыш,— сказал он.— Это настолько походит на игру в пятнашки с пантерой, что я уже и втянулся.

Спарроу сказал:

— Нам нельзя идти по следу нашей рыбки. Они как раз поворачивали перед тем, как мы их обнаружили.

— Вторая лодка могла засечь отраженное эхо взрыва,— сказал Боннет.— Сейчас она дрейфует. Они уж выпустили антиторпедный заслон и могли бы...

Три взрыва потрясли их лодку с нарастающей скоростью.

— Это может быть и наша рыбка,— сказал Спарроу.— Не слышно, чтобы она попала в «восточных»?

— Никаких сигналов,— ответил Боннет.

— Тогда с помощью отраженных волн они вычислили нашу позицию,— сказал капитан.— Выпускай приманку и выставляй антиторпедный заслон.— Он хлопнул Гарсию по спине.— Маневр уклонения. Полная скорость!

Рэмси, стоящий рядом с Боннетом, ударил ребром ладони по ряду выключателей. Туча маленьких самонаводящихся торпед, начиненных взрывчаткой, окутала «Рэм».

Боннет нажал на кнопку, выпуская торпеду-имитатор с оборудованием, которое должно было обмануть детекторные системы противника.

— Ну почему я не выбрал для себя легкую и безопасную работу на заводе взрывчатки? — простонал Гарсия.

— А мне рыгать хочется от тех парней, что желают жить вечно,— заявил Боннет.— Здесь ты сидишь в классной такой, уютной помойной трубе с...

— Наверх! — прорычал Спарроу.— Если уж мы входим в тесный контакт, мне нужен больший запас по давлению.

Гарсия выполнил приказ. Палуба задралась вверх.

Рэмси спросил:

— Что мы собираемся?..

— Мы уходим от нашей приманки,— объяснил ему Боннет.

— Выпусти еще одну вперед по курсу,— приказал Спарроу. Он опять хлопнул Гарсию по плечу.— Праворуля и входи в дрейф.

Гарсия повернул штурвал вправо, выпрямил и отключил двигатели. «Рэм» начал медленно отклоняться от прежнего курса. Вновь палуба накренилась на правый борт.

— Мы нарушили балансировку,— констатировал Спарроу.

Боннет нагнулся к Рэмси и прошептал ему на ухо:

— Этот мужик — гений! Мы скользим по самому краю района действия нашей первой приманки. А та, которую мы выслали только что, оставит след, по которому пойдет вторая лодка и...— Он замолк на полуслове, его глаза были прикованы к датчикам системы обнаружения.— Капитан! — взвизгнул он; его голос ломался от ужаса.— Они прямо над нами — прут на всю катушку прямо вверх. Самое большее — в сотне футов!

Спарроу отпихнул Гарсию и подстегнул «Рэм», заставив лодку мчаться на полной скорости, заворачивая ее вслед за вражескими кораблями. Он крикнул Боннету:

— Держись за их хвост! Только осторожнее, дружок... осторожно!

Гарсия прошептал:

— Слышал я, что такое случилось со старым «Планжером», но не думал, что увижу сам.

Рэмси объяснил ему:

— Для них — мы в зоне молчания. Он не может услышать нас из-за турбулентности, создаваемой собственным всплытием.

Голос Боннета звучал спокойно и уравновешенно:

— Два градуса влево.

Спарроу сворачивал «Рэм» по следу.

Рэмси пригнулся к осциллографу.

Боннет, следя за уходящей вражеской лодкой, сообщил:

— Капитан, по правому борту вся их стая. Они сбегаются к последней посланной нами приманке.

— Мы слишком близко, чтобы успокаиваться,— сказал Спарроу. Одной рукой он постепенно снижал скорость, другую держал на кнопке торпедного аппарата.— Дайте мне хоть небольшое поле действий. Пока же все будет слишком быстро. Как только их торпеды будут рядом с нами, взрывай приманки по всем четырем сторонам.

Боннет вел отсчет:

— Сто ярдов... сто двадцать пять... сто и пятьдесят... сто и семьдесят.— Он глянул на репитер сигнала.— Каждый второй из этой стаи получит два сигнала от нас, и один из них будет обманывать их торпеды. Двести пятьдесят... двести семьдесят пять...

Спарроу выпустил одну торпеду, полностью отключил двигатели и начал свой отсчет:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять...

«Рэм» страшно тряхнуло.

Боннет взорвал приманки.

В ушах Рэмси звенело.

Спарроу ударил по тумблеру включения форсированной скорости. «Рэм» сделал крутой разворот и помчался в обратном направлении. Капитан послал Гарсию обратно к штурвалу, а сам отошел назад.

— Они подумают, что потопили нас. Продувай цистерны.

Гарсия принял управление, и «Рэм» начал подъем.

Спарроу приказал:

— Лес, сообщишь, когда мы будем в полусотне футов от нашего антиторпедного поля.

— Есть,— отвечал тот.— Пока еще место есть.

Он весело поглядел на Рэмси и сказал:

— «Восточные» изучают подобные штучки, но никогда не подумают, что их сейчас провели на такой мякине. Как мы их, а?

Рэмси только покачал головой.

— Сейчас мы всплываем,— продолжал Боннет.— Мы сможем находиться под самой поверхностью. Пусть нам еще не удалось удрать, но попытаемся сделать это тихонько.

Спарроу поглядел на показатель статического давления: 1200 фунтов — меньше чем 3000 футов глубины. Он вопросительно глянул на Боннета. Тот покачал головой.

Шли секунды.

Вдруг Боннет крикнул:

— Давай!

Гарсия заглушил двигатели.

Спарроу вытер лицо рукой и удивленно уставился на окровавленную ладонь.

— Кровотечение из носа,— сказал он.— Давление меняется слишком быстро.— Всем принять таблетки.— Он выудил из кармана плоскую зеленую пилюлю и сунул в рот. Реакция, как и всегда, резкая. Он скорчил гримасу, силой протолкнул таблетку внутрь и передернулся.

Рэмси тоже проглотил свою таблетку через силу.

Боннет, прикрыв рот платком, сказал:

— Нельзя людям переживать такие удары.

Он потряс головой.

«Рэм» стал медленно крениться на правый борт

Спарроу поглядел на Рэмси и приказал:

— Джонни, отойди-ка влево.

Рэмси послушался, думая при этом: «Какое же значение приобретает первое имя! Ведь я же все еще желторотый новичок».

Когда он проходил мимо Гарсии, тот высказал свои мысли вслух:

— Могу поспорить, что тебе хотелось, чтобы тебя называли еще Малышом Рэмси.

Тот лишь улыбнулся.

Крен палубы постепенно уменьшился, но полностью она еще не выровнялась.

Спарроу кивнул Боннету.

— Ручные насосы. Перекачивай воду. Только потихоньку.

Боннет подошел к тыльной переборке и схватился за рычаг. Спарроу остановился у пульта локатора.

Очень медленно, но они выровнялись, но теперь начал заваливаться нос. Палуба же медленно стала крениться влево.

Спарроу жестом подозвал Рэмси к себе.

— Займись выравниванием дифферента, только ни звука.

Рэмси отправился выполнять приказ. Он глянул на циферблат показателя давления: 840 фунтов на квадратный дюйм. Они уже перешли границу 2000 футов.

— Будем подниматься, пока не очутимся в зоне волнения,— сказал Спарроу.— А там рискнем включить двигатели.

«Рэм» медленно поднимался вверх, переваливаясь и кренясь.

Рэмси уловил этот своеобразный ритм. Им не удавалось убрать колебания полностью, и они раскачивались, будто на качелях. Он улыбнулся Боннету, который тяжело трудился на насосах, выравнивая боковой крен.

Внезапно палуба перестала крениться влево и стала переваливаться вправо, нос задрался вверх. В корпусе резонировал свистящий звук.

Экран на передней переборке, подключенный к камере башни, стал молочно-зеленым.

Спарроу стоял на посту управления, рука на релинге. Он вглядывался в экран.

«Когда же он поведет нас вперед?» — удивлялся Рэмси.

В это время «Рэм» сильно накренился влево.

В какой-то пугающий миг Рэмси глянул на путаницу труб с левой стороны силового корпуса. «Мы переворачиваемся!»

Но «Рэм» выровнялся. Экран очистился от пены и теперь показывал туман над покрытыми белыми барашками волнами. Лодка качалась на них взад-вперед.

— Согласен с вами, капитан,— сказал Боннет.— Что так сдыхать, что иначе. Но они, конечно же, нас не слышали.

Гарсия с трудом пробирался вдоль релинга, сражаясь с качкой.

— Если бы мы хоть на плавучий якорь могли стать.

— У нас уже имеется один,— заметил на это Спарроу.

— Господи! Баржа! — ударил себя по лбу Гарсия.

— Слава Богу, что послал нам такой хороший туман,— сказал Боннет.

«Рэм» плыл по ветру, связанный с баржей-танком канатом, который сейчас провисал гигантской пляшущей аркой. Танк рвался, будто необъезженная лошадь.

— Смотрать канат на барабан,— скомандовал Спарроу.

Гарсия бросился выполнять.

Прыжки палубы немного уменьшились.

Спарроу не спускал глаз с пульта слежения.

— Джо, на каком мы курсе?

— Приблизительно 58°.

— Ветер подходящий. И эти парни внизу курс не поменяли.

— Они все еще вынюхивают нашу последнюю приманку,— сказал Гарсия.

— Джо, тебе самое время сдать вахту,— сказал Спарроу.— Я сменяю тебя.

— Может, кто желает сэндвич, перед тем как я завалюсь спать? — спросил тот.

— С ветчиной и сыром,— попросил Боннет.

— Спасибо, мне не надо,— сказал Спарроу. Он всматривался в экран гидролокатора.— Будем дрейфовать по ветру, пока стая не скроется.

Рэмси зевнул.

Спарроу указал ему на тыльную дверь.

— Ты тоже свободен, Джонни. Ты хорошо поработал.

Рэмси ответил:

— Есть,— и последовал за Гарсией по центральному проходу. После непривычной работы на балластных насосах ужасно болели мышцы.

Возле двери кают-компания Гарсия повернулся, глянул на Рэмси.

— Тоже пожевать?

Рэмси пытался сохранить равновесие, одной рукой держась за переборку. Палуба под ногами ходила ходуном.

— Эти буксировщики не разрабатывались для плавания по поверхности,— объяснил Гарсия.— Тебе какой хлеб для сэндвича?

Мысль о еде заставила желудок Рэмси сжаться. Длинные мостки раскачивались перед ним, согласуясь с колебаниями подлодки. Он зажал рот ладонью и помчался к себе в каюту. В санузел успел вовремя.

Гарсия пришел за ним и втиснул в руку голубую пилюлю, заставив проглотить.

Чувство тяжести в желудке ушло. Он поблагодарил.

— В люлю, Малыш.

Гарсия помог ему дотащиться до койки, уложил и накрыл простыней.

«Морская болезнь! Мне никогда не удавалось справиться с ней»,— думал Рэмси. Он услышал, как Гарсия вышел. Только сейчас он вспомнил о телеметрической

аппаратуре. Но он был слишком разбит, слишком устал. И Рэмси стал засыпать. Качания «Рэма» убаюкивали его.

«Засыпай... Засыпай...»

И еще он слышал голос. Где-то далеко-далеко. В глупине тоннеля. В пещере, где гуляло эхо.

«Эта лодка — моя мать. И я не хочу...»

Когда он проснулся после вызова на вахту, у него еще было несколько минут, чтобы просмотреть записанные ленты.

Спарроу опять был хладнокровен и жестко контролировал эмоции.

Подсознательно Рэмси понял, что больше уже фактов не потребуется, но имеющееся надо обдумать, разжевать. А ответ всплывет в сознании сам.

А потом он уже знал, что ему делать.

Двадцать три часа «Рэм» дрейфовал с ветром, отклоняясь от Исландии к северо-востоку. Серое пятно в серых волнах и пене. А за буксировщиком — громадная и толстая кишка их баржи-танка, морской монстр, выплывший из глубины.

Во время второй вахты Рэмси они пропустили в двух милях от себя радиоактивный айсберг, отколовшийся, скорее всего, от ледника на северо-восточном побережье Гренландии. Рэмси отслеживал уровень радиоактивности, пока айсберг не скрылся за горизонтом. Ледовая гора, подгоняемая ветром, будто парус, уже готова была расколоться на более мелкие обломки. Сейчас же она отплывала от «Рэма», как величественный корабль.

Рэмси записал в вахтенном журнале: «Течение отклоняется от нашего курса к востоку. След айсберга мы не пересекали.

Радиоактивность внешней среды: 1800 миллирентген в час».

Через помещение центрального поста прошел Гарсия.

— Все спокойно?

— Чисто, — ответил Рэмси.

Рэмси и Гарсия поглядели на катящиеся на центральном экране волны.

— Ветер стихает.

— Лишь бы удержался туман.

Появился Спарроу. Его худощавая фигура казалась более обычного расслабленной.

«Он расслабился,— подумал Рэмси.— И неудивительно после прошедшего. Мог ли командир «восточной» подлодки подумать, что мы окажемся наверху? А с поверхности нас точно уж не увидишь, мы слишком глубоко сидим в воде».

— Все спокойно, капитан,— доложил он.

— Очень хорошо,— ответил Спарроу. Он поглядел на показания автотаймера: девять дней три часа и сорок семь минут с момента отплытия.

— Джо, сколько прошло времени, как мы в последний раз слышали сигнал наших «друзей»?

— Уже почти десять часов, как от них ни слуху, ни духу.

Спарроу поглядел на карту. Красная точка находилась в месте с координатами 66°9'20" северной широты и 2°11" западной долготы. Капитан кивнул Рэмси:

— Погружаемся. Дроссель на три четверти. Держите скорость восемь узлов.

Рэмси отправился исполнять.

«Рэм» дрогнул под напором морской воды, сопротивляясь шлепкам волн. Он медленно погружался.

— Лодка руля слушается, сэр,— доложил Рэмси.

Спарроу кивнул.

— Курс — тринадцать градусов. Мы отдрейфовали слишком близко к береговой линии Норвегии. У «восточников» здесь есть гидроакустические стационарные посты.

Рэмси направил подлодку на новый курс.

— Пока лежит туман, будем оставаться под самой поверхностью,— сказал Спарроу.

— Наши ангелы-хранители работают сверхурочно,— сказал Гарсия.

— Интересно, а профсоюз у них есть? — любопытствовал Рэмси.

Спарроу глянул на таймер: девять дней и четыре часа ровно. Он жестом позвал Гарсию и показал ему на таймер и руль.

— Будь добр, Джо, займись-ка этим.

Гарсия сменил Рэмси на посту управления.

— Ты сменен,— сказал Спарроу.

Рэмси почувствовал, как усталость овладела всем его телом. Но он вспомнил, что надо сделать, и переборол слабость.

— Мы скоро уже дойдем до цели? — сказал он.

Спарроу нахмурился.

— Но я до этого не доживу, — продолжал Рэмси. — Я чувствую, будто мы проживаем занятое у кого-то время. И хотелось бы сделать вклад в банк — весь груз этой нашей великолепной нефти.

— Может, хватит? — спросил Спарроу. Атмосфера добросердечия и веселья, царившая до того на центральном посту, исчезла.

— Вы боитесь, что я сейчас выдам какой-то прибацанный древний секрет Безопасности? — спросил Рэмси с вызовом.

Гарсия бросил на него любопытный взгляд.

— Идите в свою каюту, — приказал Спарроу.

— Есть, шкип, — ответил Рэмси, копируя акцент Гарсии. Тон его был достаточно оскорбительным, но обвинить в несубординации его еще было нельзя. Потом Рэмси направился к задней двери.

— Я хочу переговорить с вами перед следующей вашей вахтой, — сказал Спарроу. — У нас было мало времени, чтобы прийти к взаимопо...

Его перебило то, что на контрольном пульте реактора загорелась красная лампа тревоги. Потом цвет сменился зеленым, снова красным, снова зеленым...

Гарсия тоже увидел это.

Рэмси обернулся и увидел последнее перемигивание красного и зеленого огней.

— Что-то нарушено в реакторном отсеке, — воскликнул Спарроу.

— Наверное, это последствия близкого взрыва торпеды, — предположил Рэмси.

— Скорее всего, при волнении на поверхности, — сказал Гарсия.

— Это цепь «Т» во вторичной системе замедлителя, — присмотрелся к приборам Спарроу. — Спереди, по правой стороне. Буди Леса, пусть идет на помощь.

Гарсия нажал на кнопку тревоги.

— Попробуем просмотреть на экранах, — предложил Спарроу.

Рэмси вернулся к рулю и взял управление на себя. Гарсия только поглядел на него и бросился к пульту телеконтроля.

Появился Боннет.

— Что стряслось?

— В реакторном отсеке что-то неладно,— объяснил ему Спарроу.— Цепь «Т».

— Это прямо и справа,— сразу же включился Боннет. Он прошел вперед, чтобы лучше видеть экраны, схватился за релинг, потому что качка была приличной.

Спарроу заявил:

— Я иду туда.

Он поглядел на контрольный пульт. Лампочки все перемигивались: красная, зеленая, красная, зеленая...

— Лес, пойдешь со мной, сможешь надеть скафандр. Я проползу по правому тоннелю, а там воспользуюсь ручным манипулятором и зеркалами.

— Поглядите, капитан,— сказал Гарсия.— Гляньте вот сюда.— Он показал на экран.

Спарроу подошел к нему.

— Управление центрального замедлителя,— сказал Гарсия.— Когда мы проваливаемся в волну, это как раз и происходит. Вот!

Все увидали. Длинная рука манипулятора дергалась, будто многосуставчатая конечность насекомого. Поломка была в верхнем шарнире плеча. Обломок верхней распорки болтался при качаниях лодки.

— Плечо раскололось у самого шарнира,— сказал Гарсия.— И теперь оно болтается свободно.— Он поглядел на контрольный пульт. Красный, зеленый, красный, зеленый.

Когда загоралась красная лампочка, болтающийся обломок касался кабеля контрольного устройства. Вспыхивала искра.

Теперь Гарсия указал на нижнюю часть экрана, где было основание системы управления.

— Вот здесь неприятности покруче. Свернуло основание системы. Поглядите на эти срезанные болты.

— Лес, я передумал,— сказал Спарроу.— Оставайся с Джонни на центральном посту. Джо, идем со мной.— Он бросил взгляд на Рэмси, поколебался, потом приказал:

— Опустись поглубже, чтобы не мешало волнение.

Руки Рэмси легли на рукоятки управления: горизонтальные рули на два градуса, компенсационная система открыта, давление внутри корпуса в норме. Внезапно он открыл, что лучше довериться телу, запомнившему уроки интенсивной подготовки, и был уверен, что это будет правильной всего.

Спарроу прошел на мостки машинного отделения. Гарсия за ним.

Рэмси включил сканеры машинного зала, чтобы следить за их действиями. «Ну и выбрал же я времечко, чтобы начать свою операцию,— подумал он и поежился.— Хотя для этого годится любое время».

— Мы идем сделать это,— сказал Боннет.— Нас ничто не остановит.

Рэмси удивленно поглядел на первого офицера.

Боннет уставился на экран. Рэмси последовал за его взглядом. Спарроу и Гарсия спускались по лестнице к тоннелю по правому борту. Спарроу рывком открыл хранилище в переборке и снял скафандр.

— «Восточники» безумцы, если думают, что победят его,— сказал Боннет.— Он как Бог!

Что-то в его голосе...

Рэмси переборол дрожь.

Экран показывал Гарсию, помогающего капитану надеть неуклюжий скафандр.

Рэмси вернулся к своим рычагам, чтобы выровнять подлодку. Ему показалось, что необходимо что-то сказать, и он сказал:

— Мы опустились ниже зоны поверхностного волнения.

Боннет поглядел на него.

— Ты что-то сказал?

И обратил свое внимание опять на экран.

Рэмси манипулировал рукоятками, держа лодку в равновесии.

Спарроу был уже одет в скафандр. Он неловко повернулся. Гарсия помогал ему.

Рэмси прямо-таки распирало от любопытства: «Что показывает телеметрия? Контролирует капитан себя, или начинается возбуждение обратной связи?»

В плотном скафандре Спарроу быстро почувствовал, что покрывается потом. Пальцы слушались плохо. «Чертов скафандр! Ага, вот!» Последняя застежка стала на место.

Спарроу сделал глубокий вдох и сказал в свой микрофон:

— Проверка... проверка... Лес, ты меня слышишь?

Голос капитана грохотал из динамиков на контрольном пульте. Рэмси убрал громкость.

Боннет ответил в свой ларингофон:

— Слышу четко и громко.

— Джо, ты меня слышишь? — спросил Спарроу.

— Так точно, капитан.

— Слушай меня, Лес. Если это сломанное звено разболтается сильнее, оно станет бить по реактору. Станешь проследивать все мои действия у себя на экране. Может статься, что я не смогу увидеть, как мне извернуться.

Боннет поглядел на экран, показывающий реакторный отсек.

— Сейчас сломанное звено стоит на месте, уперлось в зажимы первого уровня.

— Раз болты срезаны полностью, — сказал Спарроу, — вся установка может свалиться на реактор.

Боннет изучал изображение на экране.

— Капитан, имеется шанс, что вам удастся зацепить приводное плечо передним манипулятором. — Он еще сильнее нагнулся над экраном. — Вы сможете провести его под сломанным коленом.

— Какой там будет просвет?

— Дюймов шесть. Не больше. Правда, зеркало тут стоит под неудобным углом.

— Будешь меня вести, — ответил Спарроу. — Мы сделаем это. — Он повернулся, открутил болты, запирающие вход в тоннель и включил фонарь на шлеме. — Джо, оставайся здесь, пока я тебя не позову. — Он сунул руку в тоннель, нащупал выключатель системы фильтрации воздуха и запустил ее. Он подсоединил шланг своего скафандра, попробовал воздух.

— Я буду следить за временем, а Лес смотрит за уровнем радиации в тоннеле, — предложил Гарсия.

Боннет, слыша переговоры в интеркоме, сказал:

— Я буду сообщать данные и по радиации, и по времени отсюда.

Он подсоединил разъем, повернул регулятор и проверил цепь.

— Я пошел, — объявил Спарроу. Он нагнулся и вошел в тоннель. — По ходу я стану рассказывать обо всем, что

увидю, пока не доберусь до манипуляторов. Лес, все записывай на пленку. База захочет иметь полную запись происходящего.

— Капитан, только осторожно и не торопясь,— попросил Боннет.

Спарроу ответил:

— Джо, закрой за мной вход в тоннель. Если основание системы управления сползет направо, оно раздавит все разъемы. Тогда будет весело!

— Есть!

Легкий хлопок позади, и чувство изменения давления сказали Спарроу, что Гарсия выполнил приказ. Свою изолированность капитан чувствовал, будто плотный ремешок, что стянул его лоб. Капли пота стекали по лбу, по носу. Белье пропиталось полностью и липло к телу.

Голос Гарсии в телефонах пришел будто из иного мира.

— Что вы видите, шкип?

— Тоннель свободен. Радиация пока в норме.

Фонарь на шлеме высвечивал яркое пятно в металлической темноте.

«Еще один родовой канал,— думал Спарроу. Еще он вспомнил, что подобная мысль ни разу не приходила ему в голову, когда он много-много раз проползал в похожем тоннеле макета в школе подводников.— Каждый раз что-то делаешь впервые: в первый рождаешься, в первый раз умираешь.— У него было страстное желание стереть со лба пот.— Пока не родишься вновь, не войдешь...»

Луч осветил закрытую дверь в конце тоннеля. Здесь заканчивалась защитная антирадиационная переборка. Дальше была уже только свинцовая обшивка, закрывающая внутреннюю поверхность реакторного отсека. И в самом конце — манипуляторы. Он открыл дверь, спрятав створку в специальную нишу.

Система освещения реакторного отсека заливала голубым сиянием тоннель перед ним; отражаясь в системе зеркал, свет превращался в сказочный фейерверк отблесков и теней. Спарроу вступил в это сияние.

— Я возле манипуляторов,— сообщил он, затем развернулся, сопротивляясь охватившему его ужасу. За голубым сиянием реакторного отсека было... что? Весь мир со всеми его ценностями.

В интеркоме раздался голос Гарсии:

— Шкип, с вами все в порядке?

Спарроу сделал глубокий вдох.

— Да.

«Представлю, как будто это всего лишь школа подводников,— думал он.— А это всего лишь тест. Надо его сдать или просто получить плохую оценку. Они сделали вид, будто сломалось оборудование, и я должен отремонтировать его как бы в реальных условиях. Старый лейтенант Мори стоит на выходе из тоннеля и ждет, когда я сделаю ошибку. Так что на самом деле здесь нет никакого реактора, всего лишь макет. Не станут же они рисковать пусть даже и не совсем прилежным курсантом. Им надо, чтобы ты прошел все их дорогостоящее обучение, так что глупо будет тебя терять. Так что...»

— Капитан,— голос Леса с металлическим призвуком наушников.

— Да?

— Вы готовы?

— Погоди секундочку, Лес.

— Хорошо.

Спарроу вложил руки в гнезда управления на панели манипулятора и отжал кнопку включения. Он отвел правую руку и увидел в зеркале, как захват поднялся.

— Лес?

— Вижу, шкип. Приподымите захват фута на три. Поравняйте с подпружиненным звеном «лапы», только держитесь подальше от поломанного шарнира.

Спарроу потянул за правую рукоять, слегка ее повернул, вводя в действие гидроусилитель. Захват дернулся вверх. «Слишком быстро!» По лбу катились крупные капли пота.

— Чуть помедленней,— подсказал Боннет.

Спарроу прошептал:

— Боже, сейчас я похож на Давида. И я в бедственном положении; да будем мы в руках Господних: ибо милосердие его велико, но не дай мне попасть в руки людские. В Твои руки отдаюсь. Я грешил и поступал превратно: но эти овечки, что сделали они? Боже, поддержи меня! Веди!

И к нему пришло спокойствие.

— Вы что-то говорили, капитан? — спросил Боннет.

— Я готов, Лес. Говори, что надо делать.

— Хорошо. Вам необходимо поднять захват на шесть дюймов и влево на дюйм. Постарайтесь не спешить.

Спарроу снял нагрузку с гидроусилителя, заменив его силой своих мышц. Рычаг захвата медленно поднялся вверх, остановился и отклонился влево.

— Точно, шкип. Теперь проведите его на три фута вперед и зафиксируйте. А потом начинайте выравнивать заднее звено.

Сейчас «лапа» захвата двигалась так, будто была частью его собственного тела. Капитан повернул левую рукоять, чтобы зафиксировать конечное звено манипулятора и стал выравнивать следующее звено.

— Ну как?

— Великолепно. Теперь надо поднять все это плечо хотя бы на дюйм. Вы слишком близко от сломанного шарнира.

— Но тогда одновременно я не смогу видеть захват и следующее звено, Лес. Я не смогу их выровнять в прямую линию.

— Ладно. Подравняйте как можете и подымайте, но не выше, чем по четверти дюйма за раз.

Спарроу закричал, подымая узел.

— Шкип, это полдюйма. Еще разок и точно так же. Капитан снова закричал, подымая захват.

— На волосок выше, но ничего, запас есть.

— Мне подравнять?

— Пусть так и стоит. Теперь проводите сам захват мимо шарнира. Прямо, вперед на три фута.

Спарроу вывернул голову, пытаясь увидеть захват в зеркале. Ему казалось, что сейчас он въедет прямоком в сломанный шарнир.

«Не тот угол зрения,— подумал он.— Как конструкторы могли так напортить».

Он потянул за правую рукоятку. Манипулятор рванул вперед, остановился.

— Притормозите там, шкип.

Спарроу услышал в наушниках приглушенный спор.

Опять голос Боннета.

— Шкип, вам нужно пропустить через этот проем три звена манипулятора, и только потом можно будет опускать захват. Следующее звено выравнивайте лучше.

Спарроу выравнивал следующую секцию.

— Ровно?

— Ровно. Теперь вперед.

Его руки послушно, уверенно задвигали рычагами. Еще одно звено поднялось, выровнялось, двинулось вперед.

— Еще на фут, шкип.

Спарроу продвинул манипулятор.

— Теперь самое веселое. Опускайте конец в третьем шарнире. Когда скажу, остановитесь.

Капитан начал сгибать передние звенья «лапы» вниз. Ему показалось, что он чувствует манипулятор как продолжение собственной руки.

Нужное положение он почувствовал и остановился еще до того, как Боннет успел скомандовать. Теперь захват скрылся за основанием системы управления. Чтобы увидеть его, надо было бы подстроить четыре зеркала.

— Вы сейчас в десяти дюймах над звеном главного привода. Чтобы дотянуться до него, надо перегнуть секцию над сломанным шарниром.

— Не хотелось бы трогать этот чертов шарнир. Слишком большое плечо рычага — я могу его просто оторвать.

— Я замерял штангелем на экране. У вас около дюйма в запасе.

Спарроу чувствовал усталость в кистях и запястьях. «Еще немного, Боже, и мы это сделаем!»

— Готово? — спросил Боннет.

— Готов. Командуй.

— О'кей. Передвиньте конец захвата на четыре дюйма к себе.

Спарроу двинул захват.

— А теперь на шесть дюймов вниз.

Спарроу опустил захват ниже, уверенно чувствуя механизм.

— Как с горизонтальным выравниванием?

— Полдюйма вправо.

Капитан изменил угол наклона, продолжая опускать конец.

— Как там с просветом сверху?

— У вас еще есть пара дюймов.

Спарроу почувствовал, как захват коснулся привода. Он опустил его дальше и зажал.

— Шкип, вы не сделали бы это лучше, даже если бы действовали своей рукой.

Спарроу зафиксировал положение «лапы», закрепил вспомогательными манипуляторами.

Теперь он попятился назад по тоннелю, пока не дошел до манипуляторов на втором посту, включил короткую «лапу» и захватил ею сломанный манипулятор. Тот закачался.

— Славу Богу! — облегченно сказал Боннет. — Если бы вы не зажали этот привод, вся штука опрокинулась бы.

Спарроу выдвинул горелку, зафиксировал ее над сломанным шарниром и поднял отломившийся конец, соединив части разлома. Зажег горелку.

— Шарнир заварим намертво. Это все, что можно сделать. Подвижность других звеньев почти полностью будет компенсировать это. Мы сможем покрыть более восьмидесяти процентов рабочей зоны манипулятора, остальное придется уж вручную.

— Что вы собираетесь делать теперь, шкип? И как нам быть с основанием?

— Я хочу выбить срезанные болты в отстойник.

Он опустил пламя горелки, проводя им по излому. Когда металл начал плавиться, капитан выключил горелку и сжал сломанные элементы вместе. Получилась клинообразная выемка. Спарроу залил ее флюсом, включил электросварку и заварил.

— Кажется, держать будет, — заметил Боннет.

— Я проверил основание. Оно цело, но сбито с места. Вам понадобится домкрат, — сообщил он чуть погодя.

— Ясно. Какой перекося?

— Около одного градуса. Вставляйте новые болты изнутри, они будут держать, пока вы не запустите привод, зажатый манипулятором.

— У меня есть идея получше, — ответил Спарроу. — Смотри внимательно, если что пойдет не так.

— Что вы хотите сделать?

— Вставлю болты изнутри, а потом несильно прокручу привод. Он упрется в наш манипулятор и толкнет основание на место.

— Рискованно.

— Не рискованней, чем упирать домкрат в реактор, чтобы толкнуть эту тварь на место. А так мы реактор толкать не будем. — И продолжил, не отрываясь от работы. — Правило Номер Один при ремонте реактора: не трогай реактор, если в этом нет необходимости.

— Вы здесь уже девять минут, шкип. Через пять минут пора уходить.

— Ну вот, еще одна причина сделать по-моему.

— А Джо не может закончить за вас?

— Не хотелось бы, чтобы мы вдвоем остывали после радиации в лазарете.

Спарроу коснулся выключателя привода. Основание качнулось, зажатое манипуляторами. Протестующе скрежетнул металл. Два болта встали на место. Спарроу наживил гайки и намертво затянул их гайковертом. И опять он тряхнул основание приводом. Оставшиеся болты попали в свои гнезда.

Пальцы Спарроу буквально летали над рукоятками управления манипулятора, когда он закончил работу. Он разжал захват, убрал с дороги отремонтированное звено, поднял его.

— Две минуты, капитан. Вам уже пора идти, немедленно!

Спарроу убрал все временные подпорки, попятился спиной в тоннель, закрыл и задрал дверь в антирадиационной переборке. После голубого сияния в реакторном отсеке его фонарь на шлеме был всего лишь бледной заменой. Он прополз назад и услышал, как Гарсия отворяет лаз перед ним, почувствовал одетые в перчатки скафандра руки, помогающие преодолеть последние несколько футов.

В наушниках раздался голос Боннета:

— Вы пересидели там лишнюю минуту. Немедленно в лазарет получать свои уколы!

Спарроу усмехнулся: пусть Лес покомандует, это снимет с него напряжение.

— Напоминаю, капитан. Каждая секунда задержки означает, что вы дальше будете в лазарете.

Спарроу подавил внутреннее раздражение. Согласно Пункта Девятнадцатого Боннет мог взять командование на себя, если его начальник получал лишнюю дозу облучения. Но всего одна минута!

Гарсия водил над ним дозиметром, не говоря ни слова, прося повернуться жестами. Инженер выпрямился, отложил прибор.

— В камеру дезактивации.

Он отключил шланги скафандра Спарроу от системы тоннеля, закрыл ход и задрал его.

Спарроу крутился в камере дезактивации, чувствуя, как бьет по скафандру струя моющего средства.

— Джо, почему задержка? — Это снова Боннет.

— Сейчас он в камере, Лес. Превышение лимита — полминуты.

— Рэмси уже бежит со шприцем и сделает укол прямо там, это позволит сэкономить несколько минут.

На верхних мостках появился Рэмси, неся под рукой аптечку первой помощи при радиационных поражениях. Он спустился на нижний уровень и помог Гарсии справиться с застезжками скафандра.

Спарроу вышел из камеры уже без защитного костюма, нахмурился, увидав аптечку в руках Рэмси.

— Нагнитесь, капитан,— сказал тот.

Спарроу послушался, спустил трусы, покосился на шприц.

— Не очень-то увлекайся, Джонни.

Рэмси проверил шприц, протер кожу на бедре капитана спиртом.

— Надеюсь, капитан, что вы никогда не будете делать это со мной.

Напряжение становилось чуть ли не материальным.

Рэмси уложил шприц в аптечку, закрыл ее.

— Пошли,— скомандовал Спарроу.

Гарсия повесил свой скафандр на место и поднялся за ними.

Рэмси думал: «Что там на телеметрии? Господи, мне казалось, что он никогда не выйдет из этого тоннеля».

Они поднялись на центральный мостик и направились на пост управления. Внезапно громадные моторы замолкли. Спарроу бросился бегом и, склонив голову, ворвался на центральный пост. Рэмси бежал сразу за ним.

Боннет стоял у пульта локатора, рука на рукоятках контроллеров двигателей. Он всматривался в экран гидролокатора. Не поворачиваясь, сказал:

— Сигнал. На самой границе слышимости. А сейчас мы его потеряли.

— Но в целом они могут определить наше направление,— сказал Спарроу.— И прочешут весь район. Какая тут глубина?

— Сейчас мы в районе субарктических отмелей,— сказал Боннет.— Глубина порядка 350 фатомов.

— Слишком мелко для нас, чтобы спрятаться. Они будут вынюхивать очень тщательно...

— Вот они, снова! — крикнул Боннет. Он склонился к экранчику, стал вращать боковые регуляторы.— В северо-

восточном квадранте. Судя по шуму — целая волчья стая*.

— Идем в Норвежское море,— скомандовал Спарроу.— Нам нужна глубина.— Он глянул на карту.— Курс — девять градусов.

Боннет включил двигатели и повернул руль влево, пока они не легли на новый курс.

Спарроу остановился у штурманского поста, нагнулся над ним, что-то обдумывая. Затем выпрямился.

— Расчетное время хода — два часа шесть минут.— Он повернулся.— Джонни, оставайся здесь, на локаторе. Они выслеживают нас, но мы можем себе позволить осторожно двигаться.

Рэмси прошел к пульту.

В дверях машинного отделения показался Гарсия.

— Пока «восточные» охотятся на нас, может, лучше затаиться? — спросил он.

— Океан большой,— ответил на это Спарроу.

— Но мал мир,— заметил Гарсия.

Капитан поглядел на аптечку первой помощи при лучевых поражениях, которую Рэмси оставил на стуле, потом поглядел на часы.

— Кто-нибудь завел таймер для последующих уколов?

— Да, я поставил,— ответил Рэмси.

— Пока еще есть время, капитан, пойдите отдохнуть,— предложил Боннет.— Я посмотрю за вами, пока мы не найдем хорошего местечка для укрытия.

— Я тоже могу этим заняться,— предложил Гарсия.

Боннет согласился с ним.

— Таймер в аптечке,— сказал Рэмси.

Гарсия подхватил закрытую аптечку и жестом указал капитану на тыльную дверь.

«Они волнуются за меня,— думал Спарроу,— но одна минута — разве это так уж серьезно?»

Рэмси уже отметил собственническую позицию Боннета и Гарсии относительно Спарроу и вдруг понял, что завидует им. «Ведь он наш общий капитан»,— подумал он.

Спарроу с Гарсией направились к каютам.

* «Волчья стая» — термин обозначает подразделение подлодок, ведущее поиск противника в определенном строю или враспыленную.

«Рэм» накренился вперед.

— Уже чуточку глубже,— сообщил Рэмси.— Мы пересекли гребень бассейна.

— Так, за ним дно понижается от 400 до 600 фатомов,— сказал Боннет.— Когда достигнем глубины в 600 фатомов, можно будет ложиться на дно.

— Сейчас глубина — 450.

— Нам не очень подходит профиль дна,— объяснил Боннет.— «Восточные» хорошенько прочешут этот район в шахматном порядке.

Гарсия скользнул в помещение центрального поста.

— Лес?

— Как он там?

— Ты уверен, что капитан пересидел там всего минуту?

— Естественно, что-то не так?

— Очень низкое число лейкоцитов. Выглядит так, будто он просидел лишние полчаса.

— Есть лучевые ожоги?

— Нет, пока не заметно.

— Может, он еще не полностью оправился после того, как вытаскивал того лейтенанта из Безопасности,— предположил Рэмси.

— Я тоже об этом думал,— сказал Гарсия.— А пока дал ему успокаивающее и вкатил усиленную дозу сульфони карбовыводящих препаратов.

— Хорошо.— Боннет обратился к Гарсии.— Посиди с ним, пока я тебя не вызову.

— Есть.— И Гарсия вышел.

«Боннет в качестве командира,— размышлял Рэмси.— Мы никогда не рассматривали такую возможность. Сможет он наладить работу?— Потом ему в голову пришла другая мысль: — Боже, а что, если он «спящий»?» Боковым зрением он внимательно следил за первым помощником.

«Рэм» двигался вперед.

— Глубина — 550 фатомов,— доложил Рэмси.

Боннет повернул рули глубины и заставил «Рэм» полого скользнуть на глубину 500 фатомов. Когда внешнее давление достигло 1300 фунтов на квадратный дюйм, он выравнивал подлодку.

— Идем уже двадцать минут,— сообщил Рэмси.

— Пройдем где-то столько же,— ответил Боннет и поинтересовался: — Что там с Джо? Почему он не сообщает, как там с капитаном?

— Ты не сказал ему об этом,— заметил Рэмси.

— Да, но...

— Скорее всего, нечего докладывать. Да и времени прошло еще мало.

— Вызови его через интерком.

Рэмси пожал плечами и нажал кнопку на своем ларингофоне.

— Джо?

— Я здесь.

— Как там капитан?

— Спит. Мне все же интересно, какую сверхдозу он подхватил?

— Дозиметр скафандра проверял?

— Сразу после того, как он вышел из тоннеля. Чуть-чуть больше нормы, как Лес и говорил. Знаешь, я не опытный медик, но у меня такое чувство, будто он надышался зараженным воздухом.

— Как это могло случиться?

— Честное слово, не знаю. Перед тем, как он пошел, я проверял внутреннее давление скафандра. Когда он вернулся, давление оставалось на прежнем уровне. Уверен, что никаких утечек не было.

— А ты не проверял фильтровальную систему в тоннеле?

— О чем я и беспокоюсь, Джонни. Вообще-то я рассчитывал...

В их разговор вмешался Боннет:

— Ты можешь оставить капитана?

— Да. Он спит спокойно.

— Тогда пойд и проверь этот фильтр.

— Иду.

Боннет повернулся к Рэмси.

— Это и тебе урок. Мне не хотелось сейчас говорить этого Джо: никогда ни на что не полагайся. Ты обязан знать наверняка.

— И ему нельзя было рассчитывать на то, что с фильтром все в порядке?

— Ну...

— Ведь в нашем маленьком мире мы полагаемся на множество вещей.

— Идеальная экология,— пробормотал Боннет.— Самоподдерживающаяся.

Гарсия прошел через центральный пост и, не говоря ни слова, скрылся за передней дверью.

— Если фильтры травят, тогда я...— начал было Боннет.

— Сигнал! — Рэмси ударил по тумблеру отключения двигателей. «Рэм» понесло течением.— С востока!..— Он подкрутил регулятор.— Вся стая. На большом отдалении от нас.— Он отрегулировал полосу.— И еще один. На курсе 340.

— Они хотят зажать нас! — воскликнул Боннет.— Нас унюхали?

— Точно сказать не могу. Пока еще нет ни одного встречного курса.

— Какая глубина?

— Сейчас 680 фатомов. Мы пока еще на самом краю бассейна.

Боннет включил двигатели на самую малую скорость.

— Сообщишь, когда заметишь изменение курса хотя бы одного из этих сигналов.

— Есть.

В интеркоме раздался голос Гарсии.

— Лес?

— С фильтрами все в порядке, но вот во внутренних шлангах я обнаружил небольшую утечку.

— Какого порядка?

— Шестьдесят миллирентген в час. Я оцениваю ее как 38-минутную сверхдозу.

— И где же трещина?

— Где-то внутри реакторного отсека. Может, это поломанное плечо манипулятора что-то нарушило. Пока же ничего определенного сказать не могу.

— Задраивай ход и подымайся сюда. Мы обнаружили сигнал.

— Есть. Я слышал, как вы останавливали двигатели.

Боннет обернулся к Рэмси:

— Глубина?

— Чуть больше 7200 футов. Лес, шельф здесь резко обрывается вниз. Стая за нами изменила курс! — Рэмси подстраивал настройку.— Они сжимают угол, но пока еще не идут точно за нами.

— Это может быть уловкой! Нам нельзя на нее поддаться.

Он прибавил мощности двигателям. Теперь «Рэм» шел с большой скоростью.

— Нас засекли. Они изменили направление и прибавили скорость.

Боннет врубил полную скорость. Они слышали вой громадных моторов.

На центральном посту появился Гарсия, вытер масляное пятно на руке и поглядел на экранчик локаторного пульта.

— Ребята, а они нас-таки усекли?

Боннет проигнорировал его слова.

— Глубина?

— Чуть больше 1500 фатомов, оцениваю в 9100 футов.— Рэмси покрутил другим регулятором на своем пульте.— Восточная стая тоже поменяла направление. Сейчас они вышли на встречный курс.

— Интересненькое сообщеньеце, джентльмены,— заметил Гарсия.

— Мы не можем свернуть на восток или юг,— сообщил Боннет.— Глубина здесь ниже нашего предела на 2000 футов.

— Я обнаружил интерференцию на глубине 8400 футов,— сказал Рэмси.— Подводная гора. Курс — 215 градусов.

— Ее вершина может лежать и ниже этого уровня,— вмешался Гарсия.— Давление там где-то 3600 фунтов на квадратный дюйм, то есть на 600 превышает наш лимит.

— Через полчаса они выйдут на огневой рубеж,— сказал Рэмси. Он поглядел на Боннета.— Что произойдет с силовым корпусом, если мы повысим внутреннее давление до 10 атмосфер?

— Живыми мы, может, и не успеем этого узнать,— заметил Гарсия.

— Возможно,— сказал на это Рэмси. Он вынул «вампир» из поясной сумки, одел его на запястье и воткнул иглу в вену.— Сколько понадобится времени, чтобы сменить нашу внутреннюю атмосферу на кислородную?

— На чистый кислород? — ужаснулся Гарсия.

— Что ты надумал? — спросил Боннет.

Рэмси объяснил:

— Перевести выпуск ангидразы на ручное управление и регулировать ее концентрацию по мере необходимости.— Он указал на прибор на своем запястье.

— А что по этому поводу говорят медики? — спросил Гарсия.

— Ничего определенного,— ответил Рэмси.— Я слышал, что они относятся к этому по-разному.— Он поглядел на экран перед собой.— Думаю, это наш единственный шанс.

— Джо, принимай управление,— приказал Боннет. Гарсия встал за руль.

— Что ты собираешься делать, Лес?

— Снять предохранитель-регулятор выпуска ангидразы. Гарсия дернулся.

— Ты что, серьезно решил принять это идиотское предложение?

Боннет уже снимал верхнюю панель системы контроля атмосферы.

— Да.

— Но ведь это же самоубийство!

Боннет поглядел на экран локатора.

— Мы и так сдохнем. Так что нам терять?

Он осторожно положил панель на пол, осмотрел путаницу проводов.

— Вот, этот красный кабель спереди,— показал Гарсия.

— Знаю,— ответил ему Боннет.— Он взял кусачки и откусил кабель.— Ты считаешь, что с капитаном все в порядке?

— У нас нет времени беспокоиться об этом.

Боннет кивнул, соглашаясь, и проверил работу воздушных насосов.

— Джонни, какой процент гелия?

— Четыре десятых.

Боннет вынул свой «вампир» и одел его на запястье.

— Джо, погружайся. Курс — 215 градусов. Джонни, сколько там еще до этой подводной горы?

— Шесть минут.

— Ты что, в уме это просчитал?

Рэмси был занят на своем пульте. В это время палуба «Рэма» накрылась вниз.

— Да.

— Мы еще сделаем из него подводника! — сказал Гарсия. Он поглядел на Боннета. — А ты не уверен, что было бы лучше попробовать смыться?

— Они слишком близко, — ответил тот. — С другой стороны, боюсь, что у нас все снова может пойти кувырком. Основание манипулятора было срезано. — Он кивнул в сторону носа. — И никто не может сказать, как там с основанием самого реактора.

Гарсия смочил губы кончиком языка.

— Они не услышат, как мы погружаемся? — спросил Рэмси.

— Им известен наш предел глубины, — ответил Боннет.

— Это была твоя идея, — заметил Гарсия. — Ты все еще уверен, что мы выйдем сухими из воды?

— У них никуда не годные металлодетекторы, — объяснил Боннет. — Я рассчитываю на то, что они подумают, что нас и так раздавит на глубине, и не станут тратить на нас торпеды.

— Но они же не услышат звуков нашего крушения, — сказал Гарсия.

— И мы будем на это надеяться, — ответил ему Рэмси. Гарсия побледнел.

Рэмси поглядел на большой циферблат показателя давления. Внешнее давление — 2900 фунтов на квадратный дюйм. Он глянул на Боннета.

— Капитан?

— У нас только один капитан, — ответил тот. — Сейчас он в лазарете.

— Нет, я не там.

Все повернулись. Спарроу стоял в задней двери, опираясь на стенку. Лицо бледное, покрытое бисеринками пота.

— Какая у нас ситуация, Лес?

Боннет объяснил.

Спарроу обратил вопросительный взгляд на Рэмси.

— Это ваша идея?

Рэмси кивнул. «Сколько времени он стоял там?» — подумал он.

— Какие будут приказы? — спросил Боннет.

— Давай, действуй, — ответил Спарроу. — Командуешь ты.

Боннет повернулся к указателю давления.

— Гелий уже не обнаруживается,— сказал он.— Джо, удастся нам просидеть на дне?

— Врачи говорят, что в кислородной атмосфере и при впрыскивании ангидразы, человек может выдержать внутреннее давление в 400 фунтов на квадратный дюйм,— сообщил Рэмси.

— Они все так говорят? — спросил Боннет.

— Нет, только некоторые.

— А сейчас я сам смогу в этом убедиться,— сказал Гарсия.— Увидеть весь комплекс реакций четырех человеческих тел при внутреннем давлении в 400 фунтов в подлодках класса «Хеллс Дайверс» со всевозможными комментариями после вскрытия.

Рэмси поежился и поглядел на красную стрелку прибора внутреннего давления: 297 фунтов на квадратный дюйм, потом поглядел на «вампир» у себя на запястье и сказал:

— Поглощение CO_2 сейчас составляет 0,266, а будет — 0,054.

Боннет предложил:

— Давайте для начала я подыму внутреннее давление до 350 фунтов.— Он открыл кран и отрегулировал подачу ангидразы.

— До остановки две минуты,— объявил Рэмси.— Это длинный подводный хребет, вершина которого — параллельный нашему курсу гребень длиной миль в десять.

— Давление держится,— сообщил Боннет.— Сейчас проверим, насколько хорошо построены наши «Хеллс Дайверс».

— А мне интересно знать, насколько хорошо построено мое собственное тело,— заявил Гарсия.

— Могу сказать, что наш добрый Господь сделал великолепную работу. Он подумал обо всех случайностях,— сказал Боннет.

Рэмси подумал: «На него это непохоже. Подобного замечания можно было ожидать скорее уж от Спарроу».

— Господи, мы просим твоей защиты,— сказал Спарроу.— Мы, не имеющие права просить у тебя. Аминь.

— За сколько времени ищейки доберутся до нас? — спросил Боннет.

— Через пятнадцать минут,— ответил Рэмси.

— Уменьшить угол спуска,— приказал первый офицер. Гарсия отправился выполнять приказ.

— Включи носовые камеры и прожектора.

Главный экран на передней переборке ожил, показывая пятно света в мутно-зеленой воде. Бледные фосфоресцирующие создания бросились в темноту.

Рэмси поглядел на указатель внутреннего давления, 400 фунтов.

— Теперь осторожно сходи вниз,— приказал Боннет. Палуба накренилась.

Внешнее давление росло: 3400 фунтов... 3420... 3440...

Рэмси обнаружил, что не может оторвать глаз от циферблата.

3500... 3520... 3540...

— Поглощение CO_2 в норме,— сообщил Боннет.— У кого-нибудь появились неприятные ощущения?

— Я чувствую, что тупею,— сказал Гарсия.

— Держись!

— Будьте готовы к кислородной интоксикации,— предупредил Спарроу.

Стрелка манометра двигалась дальше: 3600... 3620...

— Выровнять спуск,— приказал Боннет.

Гарсия выполнил.

— Как далеко до дна?

Рэмси через силу оторвался от манометра и глянул на прибор.

— Пятьдесят футов.

— Спускаемся.

Палуба снова накренилась.

Теперь уже все уставились на большой экран.

— Есть! — воскликнул Гарсия.

Это походило на то, как будто они погрузились в зеленый туман. Прожекторы высветили длинный лист бурой водоросли. Подводные заросли были рассечены по диагонали каменной грядой. И никаких признаков морских обитателей.

Гарсия выровнял носовые рули, и «Рэм» осторожно опустил на грунт, вслубив водоросли.

— Отключить двигатели,— скомандовал Боннет.

Рука Гарсии уже лежала на выключателе. Моторы смолкли.

Рэмси прошептал:

— Мы на глубине 8460 футов.

— Новый мировой рекорд,— сказал Гарсия.

Спарроу сделал шаг к главному пульту.

— Благодарю тебя, Господи,— сказал он.

— Это я принял это решение. Я — самый обычный трус. Но ничего в жизни не приходило ко мне так легко.

— Кто-нибудь ощущает болезненные последствия повышения давления? — спросил капитан.

— Я все еще чувствую тупость,— ответил Гарсия.

— Кто-нибудь еще?

Рэмси отрицательно покачал головой, изучая показания локатора.

— Поглощение — 0,214,— отметил Боннет.— CO_2 выделяется гораздо быстрее, чем мы успеваем поглощать.

Рэмси воскликнул:

— Великий Боже на небесах!

— А где еще ты надеялся его обнаружить? — спросил его Гарсия.

— Здесь есть холодное течение. Прямо над нашей головой.

— Господь распростер свой покров над нами,— сказал Спарроу.

— Стая проходит над нами по направлению на юг,— сообщил Рэмси.— В восьми тысячах ярдов.

— И никаких признаков, что нас вынюхали? — спросил Боннет.

— Нет.

— Они и не собираются искать нас там, где не надеются нас найти,— сказал Гарсия. Он улыбнулся.— И в этом нет ничего странного. Я сам в это не совсем верю.

— Я не слышу их за этим холодным течением,— объявил Рэмси.

— И кэп, и Бог — дружбаны,— внезапно заявил Гарсия.— Очень близкие кореша. Они каждый раз держатся друг за друга.— Он покачнулся.

Рэмси схватил Гарсию за руку и поглядел на показания его «вампира».

— Поглощение CO_2 в норме. Что бы это могло...

— Люди по-разному реагируют на кислород,— объяснил Боннет.

— Ре-бяата? Чего это с ва-ами?

Голова Гарсии болталась из стороны в сторону. Он глядел на всех невидящими, хоть и широко открытыми глазами.

— Успокойся, Джо,— сказал Спарроу.

— Успокоиться? — покосился тот на Спарроу. — Я тебя знаю, шкип. Ты вновь пришедший царь Давид. И я услышал тебя. — Он вяло опустил голову и поднял правую руку: — «В тесноте моей я призвал Господа, и к Богу моему воззвал, и он услышал из чертога своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его».*

— Все в порядке, Джо. Давай лучше пойдем и ляжем. — Спарроу взял Гарсию под локоть и повел к двери.

— Отвали, — сопротивлялся тот. Он стряхнул руку Спарроу, пошатнулся, но устоял, затем повернулся и нарочно уставился на Рэмси. — Я все про тебя знаю, мистер Долговязый Джон Рэмси! Ты суешь свой длиннющий нос в мои дела! Думаешь, чего-то вынюхаешь? А ни фига ты не знаешь! Ни фига!

— А может хватит, мистер Гарсия! — В голосе Спарроу звенели металлические нотки.

— Из-звините, капитан. — Гарсия повернул к двери. — Пош-шли. Я ус-стал.

Спарроу внимательно поглядел на Рэмси, затем повернулся и вывел Гарсию за дверь.

В помещении центрального поста стояла тишина, временами прерываемая лишь тихим урчанием какого-нибудь механизма. Потом Боннет сказал:

— Долговязый Джон? Как вы могли получить подобное прозвище?

Рэмси уставился на свои приборы. «Проклятое прозвище! Так значит, Гарсия знает о моем прошлом — истинном прошлом».

Боннет сказал:

— Я спросил...

Рэмси повернулся к нему.

— Да, я тебя слышал. Так меня окрестил один снабженец. Он говорил, что я пиратствую почище настоящего Долговязого Джона Сильвера.

— Пиратствуешь? Каким образом?

— Протащил кое-какое лишнее оборудование. Самогонный аппарат.

Боннет ухмыльнулся.

— Только не пойму, как это осталось у Джо в голове. Видно, он рвет к тем, кто оказался лучше его.

* 2-я Книга Царств., 22:7. Гарсия цитирует молитву царя Давида.

А Рэмси напряженно размышлял: «Гарсия все выболтает капитану. Как пить дать».

— Тебе не кажется, что здесь слишком жарко? — спросил Боннет.

Рэмси поглядел на бисеринки пота, выступившие на лице Боннета, потом глянул на приборы «вампира». Температура крови нормальная. Затем поглядел на индикатор термодатчика у себя на пульте и сказал:

— Температура снаружи — 71°.

— У меня чешется кожа, — признался Боннет.

Усилием воли Рэмси подавил желание и самому почесать руку.

— Я тоже заметил похожее.

Боннет поглядел на раскрытый пульт контроля атмосферы, обследовал показания циферблатов.

— Впуск ангидразы в два раза выше нормы: двадцать кубиков на кубический метр.

— И мы совершенно не знаем, как это отразится на нас, — сказал Рэмси.

— Все должно быть нормально, — возразил Боннет. — Мы пользуемся углеродной ангидразой уже сорок лет.

Рэмси поглядел на показания локатора.

— Что-нибудь слышно?

Рэмси отрицательно покачал головой.

— Интересная эта штука — ангидраза. Мы на длительное время подвергали шимпанзе давлению в четыреста фунтов на квадратный дюйм, прибавляя ее в воздух. Некоторые обезьяны выжили. Некоторые — нет. Кое-кто из шибко умных парней думает, что знает, почему так случилось.

— Ну и?

— Считается, что ангидраза воздействует на ретикулярную область центральной нервной системы, которую называют «метаболическим регулятором». Он удерживает от быстрого окисления при повышенном поступлении кислорода. Эти парни считают, что «регулятор» иногда не срабатывает, и тогда организм идет вразнос, как при возбуждении обратной связи, что приводит к смерти.

— Почему?

— А вот этого они не знают. Может, потому, что «метаболический регулятор» просто устает?

— И какова вероятность того, что кто-то из нас тоже пойдет вразнос?

Рэмси быстро глянул на него, а потом вернулся к локационным приборам.

— Это был глупый вопрос, Лес.

Боннет покраснел. У него даже челюсть слегка отвисла.

— Хочешь, чтобы я тебя успокаивал? Я знаю лишь то, что мы пока еще живы, хотя немного и... Сигнал! — Он нажал на кнопку компьютера на пульте, чтобы расшифровать данные.— В пятистах ярдах. Идут с юго-запада.

— А Господь все еще держит свой покров над нами?

В его голосе Рэмси уловил неожиданную нотку цинизма, которого никогда до сих пор не замечал. Он поглядел на индикатор термодатчика.

— Холодный слой проходит над нами периодически. Сейчас его нет. Мне кажется, эта подводная гора для Арктического течения действует как барьер. Но, скорее всего, здесь много различных факторов.— Он снова поглядел на экран локатора.— «Восточные» снова прочесывают весь район.

— А что, были сомнения, что они не станут этого делать?

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе следует узнать кое-что про нашего капитана,— сказал Боннет.— Джо не шутил. Только вот не совсем умест...

Внезапно «Рэм» дернулся и накренился влево на пару градусов.

Рэмси схватился за релинг возле пульта.

— Что это...

— Наша баржа,— ответил Боннет.— Течение держит ее.

— Я и чувствовал, что когда мы спускались, она нас подтолкнула,— признался Рэмси.— Но амортизаторы...

Подлодка накренилась еще на градус влево.

— Теперь надо молиться, чтобы баржа не потащила нас вниз по склону. Лишних пятисот футов мы не выдержим.

— С чего ты взял? — спросил Рэмси, всматриваясь в приборы.

— Я чувствую, что гора у нас под ногами вся в тумане.

Рэмси оторвался от пульта.

— Что ты сказал?

— Я чувствую у себя в мозгах сплошной туман,— говорил Боннет. Он перегнулся через релинг.— Туман скачивается с горы. И я ненавижу туман.— Он с трудом выпрямился.— Мысли путаются. Вступай во владение, мистер Рэмси. Я же... Я...— Он уселся на пол, хватаясь одной рукой за ограждение.

Рэмси вспомнил, что ему уже приходилось иметь дело с подобным случаем. Он в последний раз глянул на свой пульт, повернулся и силой заставил себя на спеша пройти к Боннету. Он склонился над ним, проверил его «вампир». Поглощение углекислого газа составляло 0,228, что было выше нормы. Он взял Боннета за запястье, посчитал пульс, а затем подрегулировал выпускной клапан генератора ангидразы.

— Что с Лесом?

В тыльных дверях центрального поста стоял Спарроу и глядел на приборы главного пульта. Когда Рэмси повернулся, он переступил порожек.

— Только не двигайтесь резко,— предупредил его Рэмси.

— Что...— Спарроу запнулся.

Рэмси склонился над Боннетом, вновь проверил его «вампир». Пока никаких изменений. Прошло слишком мало времени. Он сказал:

— Я как раз формулировал теорию Рэмси, почему некоторые шимпанзе умерли, а другие — нет.

Спарроу сделал несколько шагов и наклонился над Боннетом.

— Какие еще шимпанзе?

— Подопытные. При давлении около 400 фунтов я запускал максимальную дозу ангидразы. Мне не хотелось бы давить на вас, действительно, организм возбуждается, нервы не выдерживают...

— Про шимпанзе я знаю,— сказал Спарроу.— Вы думаете...— Он поежился.

— Это похоже на расстройство функций коры головного мозга,— объяснял Рэмси.— Но что еще, кроме эмоционального возбуждения, даже потрясения, может заставить быть физически активным?

Спарроу кивнул, соглашаясь.

Рэмси увидел, что поглощение CO_2 вернулось в норму. Он стал массировать левую руку Боннета.

— Лес, с тобой все в порядке. Ты только расслабься. Кризис уже прошел. Все уже нормально... Все нормально...

Боннет непонимающе потряс головой.

— Мы выдержали очень сильное нервное потрясение,— продолжал объяснять Рэмси.— Наши тела здесь, внизу, находятся в очень неустойчивом равновесии.

Спарроу постоял возле них, потом подошел к пультам лоатора.

— Я дал Джо успокоительное. Он плакал, бредил. Может, я...— Он замолк.

Боннет открыл глаза.

— Не шевелись,— приказал ему Рэмси.— Лес, ты меня слышишь?

Тот кивнул.

— Не будет ничего страшного, если ты расслабишься.

— Вы не можете приказать ему расслабиться, он не послушается,— заметил Спарроу.

Рэмси схватил голову первого офицера пальцами, нащупал нервный узел сзади на шее и стал его массировать.

— Тебе уже лучше.

Боннет смочил губы языком.

— ...порядке. Возвращайся... на пульт.

— Дыши неглубоко и медленно.

Рэмси не уходил.

Боннет сглотнул и проговорил с трудом, насколько ему позволял непослушный язык:

— Это как обморок... Сейчас... уже лучше.

Рэмси повернулся к Спарроу.

— Вот теперь с ним все будет в порядке.

Тот поглядел сверху вниз на Боннета.

— Посиди так, Лес, пока не почувствуешь, что сможешь подняться.— Он обратился к Рэмси.— Я тут поглядел в наши телекамеры. Течение развернуло нашу баржу на сорок пять градусов к нашей оси. Если мы подтянем буксирный трос, можно будет ее выправить, но при резком рывке он может оборваться.

— Лучше оставить все, как есть.

— Как близко к краю подводной горы мы находимся? Камеры этого не показывают.

— Ярдов семьдесят пять. Понятно, для баржи. При посадке мы немного перекосили.

Спарроу поглядел на лоаторный пульт.

— Прерывистый сигнал на самом пороге слышимости.
— Это холодное течение овекает нас будто опахалом,— объяснил Рэмси.

Спарроу походил вокруг пультов, затем обратил внимание на Рэмси, причем глядел на него, как на еще один прибор.

— Так чем же занимался «Долговязый Джон»? Джо не смог объяснить толком.

Рэмси повторил ему то, о чем уже рассказывал Боннету.

— А принесут подобные пристрастия пользу «Рэму»?

— Только не в этой операции, капитан.

Спарроу поглядел вверх на ряд контрольных индикаторов реакторного отсека.

— Так может в следующей.

От своего места отозвался Боннет.

— Да, мы еще выйдем в путь. Если только не сломаемся, как несчастный Хепп.

— Этого мы не хотим,— ответил ему Спарроу.

Боннет с трудом встал на ноги.

— Рад, что Господь обещает нам это.

Спарроу испытующе глянул на него и сказал:

— Беру командование на себя, Лес. Этого требуют обстоятельства. А лишняя доза облучения мне уже не так грозит.

— Конечно, капитан.— В голосе Боннета чувствовалось облегчение.

— Сейчас я схожу и посмотрю, как там Джо. Джонни я оставляю на пульте локатора. Все ясно?

— Все ясно, капитан.

Спарроу медленно повернул свое худощавое тело и вышел.

— Он будто автомат,— сказал Рэмси, адресуя эти слова пустому месту, где только что стоял Спарроу.

— Он находится под еще большим давлением, чем наша подлодка.— Боннет тяжело вздохнул.— Следи лучше за локаторами.

Рэмси нахмурился и вновь вернулся к своим приборам и кнопкам.

Меж ними повисло молчание. Первым его нарушил Боннет:

— Спасибо, Джонни. Возможно, ты спас мне жизнь.

Рэмси вздрогнул, но не сказал ни слова.

— Я слышал, о чем ты говорил капитану. Похоже, ты прав. Думаю, что ты спас жизнь всем нам.

— Ну да, чтобы вы торчали здесь, нагоняя тоску,— ответил Рэмси.

— Ты бы, конечно, предпочел трех фигуристых блондинок. Если подумать, то я с тобой согласен.

— Еще сигнал! — крикнул Рэмси. — Шесть лодок в шахматном порядке. Идут из юго-восточного квадранта.

— Они все ищут там, где никого быть не может, — сказал Боннет. — Не могу ставить им эту вину. Я сам до сих пор не верю, что нахожусь здесь. — Он вновь глянул на показатель давления.

— Сейчас нет специальной необходимости торчать здесь вдвоем. — Сказал Рэмси.

— Но капитан приказывал оставаться по двое.

— Глупый приказ.

— Спокойней, дружище, — предупредил Боннет. — Нельзя бороться с Уставом Военно-Морского Флота и нельзя бороться с Богом. — Он поежился. — А когда двое в одной команде...

— Что заставляет тебя верить в эту чушь? — спросил Рэмси.

Боннет ответил холодно:

— Я шучу, парень. Это одно. А что скажешь ты — другое. — Он покачал головой. — Я сорок раз ходил с Сувви Спарроу. Так что не надо говорить мне про чушь. Я знаю то, что сам видел.

«И ты знаешь, что хочешь верить», — подумал Рэмси.

Его внимание привлек тихий плеск: конденсация на трубах. «Рэм» внезапно осознал холодную пустоту вокруг себя, вписался в нее.

«Мы не сможем выполнить нашу задачу, — думал Рэмси. — Тысячи врагов готовы встать на нашем пути. Это безумие — посылать нас. Шаг отчаяния».

Лампочки термомонитора на пульте замигали и стали гаснуть.

«Над нами Господен холодный покров! Наверное, лучше всего поверить в это. Наши жизни направляются имеющимся знанием. Мы едим плод с дерева познания и учимся лишь тому, чтобы бояться».

«Рэм» слегка дернулся, когда течение потянуло баржу. Палуба накренилась.

— Если мы всколотили ил, плюхаясь на дно, враги могут заметить это на поверхности,— сказал Боннет. Здесь полно их летунов — берег совсем близко.

— А как они заметят это в тумане? — спросил Рэмси. Он чувствовал удивительную ясность духа.

— Наверху туман? Откуда ты знаешь?

— Шкип договорился с Господом Богом.

— Ты думаешь, это шутки? — Боннет поглядел на Рэмси.— Не так?

Тот включил и настраивал компьютер локационного пульта.

— Человек живет вместе со своей лодкой — становится ее частью,— сказал он, слова звучали возвышенно. Рэмси чувствовал потребность говорить. Он будто вышел из своего тела и со стороны следил за его действиями.— А эта подлодка верит в Бога! — закончил он.

Стрелка автоматического таймера сделала круг... еще один... и еще. Менялись вахты, а «Рэм» все еще вжимался в ил подводной горы.

Одиннадцать дней и тридцать две минуты с момента отплытия.

Спарроу стоял возле командного пульта рядом с Рэмси, деля с ним вторую половину вахты. Чувство неустанного давления на корпус стало уже привычным.

— Сколько времени прошло, как ты последний раз слышал сигнал той стаи? — спросил Спарроу.

— Уже больше шести часов.

— Как с баржей?

Рэмси поглядел на ряд индикаторов, затем на мониторы боковых телекамер.

— Лежит справа от нас. Угол отклонения от нашей оси — 30 градусов. Тросы свободны.

Спарроу проверил контроллеры и включил двигатели. Чувство предвкушения движения пробежало по всему корпусу подводного судна. Рэмси и сам почувствовал этот трепет всем своим телом, начиная от ног, упирающихся в палубу.

— Поехали брать эту чертову нефть,— сказал Спарроу. Он нажал на клавишу включения движителя.— Только надо стряхнуть с себя грязь. Джонни, сбрось четыре

незаряженные торпеды. Это немного повысит нашу плавучесть.

— А как быть с баржей? Давление не позволит ей всплыть с такой глубины.

— Мы подыдем ее рывком. Попусти трос, чтобы было достаточно места для разгона.

Рэмси нажал на черный рычаг, и четыре торпеды упали на дно.

«Рэм» начал всплывать. Спарроу добавил мощности двигателям. Подлодка рванула вверх, буксирный трос разматывался за нею.

— Стопори трос! — приказал капитан.

Рэмси включил магнитные тормоза тросового барабана. Подлодка почти остановилась. Двигатели напрягались изо всех сил. Они очень медленно продвигались вперед.

— Трос натянулся, — сообщил Рэмси. — Чертов «слизень» ужасно тяжел.

— Сколько еще осталось троса?

— Футов восемьсот.

— Попусти немного.

«Рэм» снова подымался под углом вверх. Спарроу повернул штурвал направо, потом влево, ведя корабль змеиным зигзагом.

— Операционная глубина, — объявил Рэмси. — Внешнее давление — 2994 фунта на квадратный дюйм.

— Стопори трос и продуй первую цистерну*, — приказал Спарроу.

Рэмси вновь остановил барабан троса. Его правая рука нажала на красный рычаг с надписью «Сжатый воздух» и переключила его подачу на первую цистерну.

— Сжатого воздуха не жалеть! — приказал Спарроу.

Рэмси дважды повернул кран на вентиле подачи.

Спарроу дал двигателям полную мощность. Нос «Рэма» задрался на десять градусов вверх. Они подымались дюйм за дюймом, но давалось им это нелегко.

— Баржа оторвалась от грунта, — доложил Рэмси.

— Как там с компенсационной системой давления на «слизне»?

Рэмси поглядел на показания приборов.

* пространство между внешним и внутренним, силовым, корпусами на подлодке; при погружении туда закачивается забортная вода, при всплытии вода вытесняется сжатым воздухом.

— Действует согласно изменениям внешнего давления.
— Продувай цистерны на носу баржи и на корме лодки.

— А мы не...

— Продувай. Давление воды удержит воздух, когда баржа достигнет оперативной глубины. Нам сейчас годится для подъема всякая помощь, причем как можно быстрее.

Рэмси, выполняя приказ, действовал на пульте управления.

Дюйм за дюймом они поднимались над дном. Рэмси следил за показаниями датчиков давления на барже.

— Передний танк уже всплывает.

Они сразу же почувствовали это: палуба выровнялась, скорость росла.

— Передний танк продут полностью,— доложил Рэмси.— Перехожу к заднему.— Он отер пот с лица.

— Это как раз то, о чем должен был подумать Лес,— сказал Спарроу.— Теперь мы знаем, что всплывать сможем. И это нам удастся всегда, если будет какой-то начальный вес, от которого можно будет избавиться для получения начальной плавучести.

— А откуда вы знаете, что Лесу это не...

— Я знаю своего помощника,— объяснил Спарроу.— Учись тут, Джонни, и станешь хорошим подводником. Никогда не влезай вместе со своей подлодкой в что-нибудь, если перед тем не разработаешь план, как можно будет выбраться с другой стороны.

Рэмси очень осторожно выбирал слова.

— Ну а насчет нефти? Вы уже продумали план, как нам выбраться с другой стороны?

— И не один,— сказал Спарроу.— У меня продуманы планы для самых разных случаев. Но какие-то вещи я, возможно, и не продумал.

Спарроу обернулся и осмотрел его с ног до головы.

— К примеру, что члены моего экипажа один за другим начинают сходить с ума.

У Рэмси даже челюсть отвисла. Слова вылетели сами, он не успел их остановить:

— А что вы скажете про себя?

Глаза Спарроу блеснули.

— Это первое, о чем я и подумать не мог,— ответил он и повернулся к пульту управления.

«Да он же совершенно как часть автомата,— подумал Рэмси.— Великий Боже на небесах, как могло случиться, что этот человек стал таким?»

Вошел Боннет. В руке он держал шприц, игла которого была защищена стерильной ватой.

— Капитан, вам пора делать укол.

— В левую руку?

— Хорошо...

— И я не растеряю своего достоинства?

Рэмси улыбнулся.

— Я чувствую, ребята, что вы втихомолку смеетесь надо мной,— ворчал капитан.

— Для вашей руки здесь будет слишком много,— сказал Боннет. Он поглядел на показатель давления.— Шесть тысяч футов! Что мы делаем на этой отмели?

Спарроу довольно захихикал.

— Можешь заняться сам, чтобы я не морочил голову.— Он отошел от пульта управления.

— Джонни, встань-ка к штурвалу.

Рэмси занял его место. За собой он слышал ворчание Спарроу:

— Потихе, Лес.

— Как умею, шкип. Во время своей вахты Джо сделает вам следующий укол. Похоже, что с вами все в порядке.

— Как тут не быть в порядке! Имея таких трех сиделок...

Спарроу направился к Рэмси.

— Держи нас на курсе шестьдесят четыре градуса сорок пять минут.

Рэмси повернул штурвал и направил взгляд на сонарную карту.

— Получается, мы обойдем Нордкап.— Он сделал в уме кое-какие расчеты, сверяясь с показаниями таймера.— Где-то двадцать шесть с половиной часов.

Спарроу удивленно поглядел на него.

— Он шикарно считает в уме,— объяснил ему Боннет.

— И к тому же он слишком интересовался, куда это мы направляемся и когда прибудем на место,— сообщил Спарроу.

— Все эти предупреждения Безопасности годятся только для малых детей,— заявил Рэмси.

— Осмелюсь напомнить, что мы обнаружили на борту

мертвеца, опять же, постоянные попытки устроить диверсию...— Капитан отошел, пристально глядя на Рэмси.

Теперь уже пришла очередь Боннета глядеть удивленно.

«Сейчас события вышли из-под моего контроля. Дай Боже, чтобы я оказался прав в своих расчетах... ведь у меня нет возможности вылезти с другой стороны».

Спарроу глядел на таймер.

— Пора Лесу заступать на вахту.— Жестом он приказал Боннету встать за штурвал.— Ставь на автопилот и так держать!

Рэмси отправился к тыльной двери и заметил, что Спарроу провожает его взглядом. Увидав, что Рэмси глядит на него, капитан делано повернулся и подошел к Боннету:

— Как только станем на автопилот, будешь следить за локаторами.

— Есть, капитан.

Рэмси вышел за дверь, прикрыл ее и остановился, прижав ухо к щели.

Боннет спросил:

— Как там Джо?

— С ним все в порядке. Свою вахту он стоять будет.

— А что насчет Долговязого Джона Рэмси? Капитан, может он быть не тем, за кого себя выдает?

— В этом нет никаких сомнений,— ответил Спарроу.— Меня занимает один вопрос: какого рода не тот это человек?

— А может он быть...

— Вполне вероятно. Ведь кто-то напичкал лодку шпионскими «маяками», загнал в смертельную ловушку этого офицера Безопасности.

— Но ведь тогда Рэмси на борту не было.

— Вот это меня и беспокоит. Но может этот тип из Безопасности что-то напутал с временем. Тогда все сходится.

— Я буду следить за ним, капитан.

— Так и решили. А я предупрежу Джо.

Рэмси на цыпочках отошел от двери. «Так, я сделал это. Боже, лишь бы я оказался прав».— Подумав об этом, он вздрогнул, направился по центральному проходу и спустился на свой уровень. Перед каютой Гарсии он остановился, поглядел на голую металлическую дверь. Вновь

пришла мысль: «Боже, лишь бы я был прав в своих расчетах».

Он зашел в свою каюту, тихонько запер дверь на замок, потом достал телеметрическую аппаратуру и размотал ленты.

Это были реакции Спарроу во время пребывания в тоннеле, ремонта манипулятора — но капитан проявлял полнейшее самообладание. График напоминал траекторию резинового мячика, отбивающегося от двух параллельных стенок.

«Я должен сломать это самообладание,— думал Рэмси.— Он сделал ошибку только раз. В подходящее время и подходящих обстоятельствах».

Но другая часть его сознания говорила ему:

«Это чертовски трудно, сделать что-нибудь».

Рэмси подавил эту мысль.

«Должно сработать. Проверено на практике. И уже работает».

«В большинстве случаев».

Ему вспомнилось замечание Спарроу: «Никогда не влезай в какое-нибудь дело, пока не разработаешь план, как можно будет выбраться с другой стороны».

Рэмси сел на койку, сложил аппаратуру, закрыл ящик и спрятал его под стол.

Он завалился на постель, глядя на узор заклепок над головой. «А что, если план мой не сработает? Имеется ли у меня альтернатива на случай непредвиденных обстоятельств?» Тихие постукивания и урчание механизмов подлодки уводили Рэмси в какие-то фантастические миры. Он погрузился в беспокойный сон, а когда проснулся, чтобы заступить на следующую вахту, понял, что ни капельки не отдохнул, припоминая сны — нет, кошмары — которые никак не удавалось объяснить.

Автотаймер показывал двенадцать дней семь часов и пять минут с момента отправления. Вторая половина вахты Гарсии и первая — Боннета. Красное пятнышко на сонарной карте находилось у побережья Нордкапа: отмели, где «Рэм» прижимался ко дну на глубине в 100 фатомов.

Центральный пост ярко освещен, мерцали индикаторные лампы, рычаги и штурвалы отбрасывали плотные тени. Постоянное шевеление стрелок приборов. Два человека, занятые своим делом, напоминают рабочих в металлической пещере.

Боннет поглядел на показатель статического давления: 260 фунтов на квадратный дюйм.

— Что это шкип надумал так близко прижаться к берегу?

— Не надо задавать так много вопросов.— Гарсия ненадолго изменил угол наклона носовых рулей, поглядел на репитер показателя глубины.— Мы в двадцати футах от дна.

Из тыльной двери вышел Спарроу.

— Локаторы ничего не показывают?

В его голосе чувствовалась усталость. Он закашлялся.

— Ничего,— ответил Боннет.

— Это уже их воды,— сказал Спарроу.— На северном побережье у них нет береговых следящих станций, только южнее, в Норвегии.

— И все-таки мы в опасной близости от них,— заметил Боннет. Он тоже поглядел на репитер глубины.— И здесь чертовски мелко.

— И ты не считаешь, что для нас это самое безопасное место?

— Нет.

— Прекрасно. Значит и они так думают. Они знают, что мы — глубокоководный буксировщик. Вот они и рыскают в Норвежском бассейне. Там глубина соответствует нашему пределу погружения.

— Ну и?

— Поэтому мы и решили проскочить по мелководью.— Он поглядел на Гарсию, потом на карту.— Джо, курс — семьдесят градусов.

Гарсия повернул штурвал, проследил по компасу, пока они не встали точно на курс, а потом и он поглядел на карту.

— Новая Земля,— прошептал он.

— Лес, найди-ка для нас изобару, идущую параллельно нашему курсу. Хотелось бы подольше идти не открываясь.

Боннет достал карту региона, покрытую плотно линиями изобар.

— Джо, пять минут держи нас на курсе 69°.

Гарсия коснулся руля. Теперь все следили за репитером показателя температуры забортной воды. Внезапно вода стала холодней на 15°.

— Возвращайся на прежний курс,— приказал Спарроу.

Теперь «Рэм» пробирался под покровом холодной воды.
— Так держать,— сказал Спарроу.— Выставить лока-
тор на дальний поиск. Надо идти прямо.

— К Новой Земле, не так ли? — спросил Гарсия.

— Там ракетная испытательная база «восточных»,—
сообщил Боннет.— Там полно самолетов, и все напичкано
детекторной аппаратурой.

— Мы провертели скважину прямо у них под но-
сом,— сказал Спарроу. Уж если нам удалось ее пробурить,
и они нас не услышали, нам и удастся и опорожнить место-
рождение досуха, чтобы они не вычислили.

— Они тоже ищут здесь нефть?

Спарроу по-волчьи оскалил зубы в усмешке, его длин-
ное лицо блестело в свете индикаторных ламп контроль-
ных систем.

— В том-то вся и прелесть! Они и понятия не имеют,
что здесь есть нефть!

— Господи,— прошептал Боннет.— Девственная сква-
жина! И что, мы будем искать ее по каким-то знакам?

И вновь Спарроу внутренне содрогнулся, в то время
как его глаза следили за красным пятнышком на сонарной
карте. «Если «восточные» засекут нас здесь, для них это
перестанет быть секретом,— подумал он.— Но мы теперь в
Божьих руках».

— Будем искать узкую расщелину,— сказал он.— Ее
называют «кишкой», и она тянется поперек островного
шельфа. Если искать, то пропустить ее будет невозможно.
Глубина ее 3600 футов, а ширина — всего лишь 400.

— И правда, расщелина,— заметил Гарсия.— И мы
войдем в нее?

— Нет. Для нас это указатель.— Он снова поглядел на
карту.— При данной скорости нам до нее идти тридцать
три часа.— Спарроу повернулся к выходу.— Если что
изменится, вызовите.

И он вышел.

— Если что-то изменится,— пробормотал Боннет.—
Здесь мы у всех на виду, как подсадные утки. Если что и
изменится, то это рыба у нас в желудках. Вот тогда он про-
снется.

— А мне кажется, что он прав,— сказал Гарсия.—
«Восточные» будут искать нас в глубоких водах. А здесь,
похоже, мы прорвемся.

— И все же мне страшно вато,— ответил Боннет. Он замолк, следя за показаниями локаторов.

«Рэм» несли вперед через мели, как перепуганная рыба. Стрелки таймера продолжали отсчитывать время.

— Сменяю на вахте мистера Гарсию,— сказал Рэмси, когда, пригнув голову, он вошел в помещение центрального поста. Он чувствовал враждебность двух других членов экипажа и растущее напряжение.

Гарсия попытался все перевести в шутку:

— Ты погляди, Лес, вот кто требует от нас все флотские формальности.

Рэмси встал рядом с Гарсией.

— Курс — семьдесят градусов.

Гарсия передал штурвал.

— Шуруем напрямик через мели. Если это нам удастся — поставлю свечку святому Губерту.

— Не сглазь,— заметил Боннет.

— А вы не слыхали, чем занимаются «восточные»? — спросил Рэмси.— У себя на Новой Земле они уже прогревают двигатели. Как только мы подойдем поближе, нас зацапают и зашлют в Сибирь.

— Умные ребята,— заметил Гарсия.

— Капитан загоняет нас прямо к ним в сеть,— продолжал Рэмси.— До конца войны просидим в концлагере, нам промуют мозги, а «Рэм» разберут до винтика...

— Заткни свой грязный рот! — взорвался Гарсия.— Мы идем выполнить задание. А как только мы выйдем в своем доке, я с удовольствием начищу тебе...

— А ну перестань! — крикнул Боннет.— Только драки здесь не хватало!

— Ты бы не говорил так, если бы знал этого умника получше. Исключительная голова: все знает, все видит и ничего не говорит!

— Уматывай, Джо,— вмешался Боннет.— Это приказ!

Гарсия отвернулся от Рэмси и вышел в тыльную дверь.

— Зачем ты это делаешь, Джонни?

— Что ты имеешь в виду?

— Зачем заводишь Джо?

— Он слишком легко заводится.

Боннет пристально поглядел на него.

— Если хочешь гибели кораблю, испортишь отношения в экипаже,— сказал он.— Больше такого не должно повторяться.

— Сейчас ты говоришь, будто старые тетки из Безданности.

Боннет побагровел.

— Не нарывайтесь, мистер Рэмси. Со мной это не пройдет.

«Мой план уже работает»,— подумал Рэмси. Он сказал:

— Веселенькая компашка из нас получится, когда мы доберемся наконец до Новой Земли. Уже сейчас каждый подсматривает друг за другом.

— Откуда ты знаешь, куда мы идем? — удивился Боннет.— Тебя же не было здесь, когда капитан говорил нам о цели назначения.

— Нагадал на кофейной гуще.— Рэмси кивнул в сторону прибора, вычерчивающего на ленте профиль дна.— Вы это ищете?

Боннет переключил свое внимание на ленту. Прерывистая линия спустилась к самому низу ленты и только через некоторое время вернулась к середине.

— Вот оно, и з м е н е н и е,— сказал Боннет.— Буди капитана.

Рэмси нажал на черную кнопку под табличкой с первым номером.

— Курс не меняем?

— Нет. Через четверть часа развер... Сигнал! — Он включил компьютер, расшифровывающий показания локаторов, и одновременно вырубил двигатели.

— Они на курсе перехвата. В восемнадцати милях.

Рэмси повернул штурвал вправо.

— Они услышали нас?

— Пока об этом ничего не говорит.

Они бесшумно спускались. Боннет был занят данными на экране.

К ним вбежал Спарроу.

— Сигнал?!

— По курсу 270°.

— Какая здесь глубина?

— Около четырехсот футов.

— Ты кое о чем забыл,— сказал Рэмси. Он показал на ленту с профилем дна и глубоководной расщелиной в шельфе.

— Что, прятаться там? — От волнения голос Боннета поднялся на пол-октавы.— Там у нас не будет возмож-

ности маневра. Мы зайдем в эту долину, и нас там закупорят.

Когда они сошли с курса, «Рэм» накренился влево.

— Веди нас прямо,— приказал Спарроу.

Рэмси вел подлодку на самой малой скорости, следя за показаниями эхолота и изменениями профиля дна. Проход возник чуть ли не рядом. Не ожидая приказа, Рэмси повернул штурвал влево, и они вошли в расщелину.

— Прижмись ко дну,— приказал Спарроу.

— Но вдруг она совершенно сузится? — спросил Боннет.— Мы не сможем вывернуть, не запутав буксирный трос. Мы...

— Следи за своими приборами,— прикрикнул на него Спарроу.

Изображение дна на экране спустилось вниз, потом вообще пропало.

— Полная скорость,— приказал капитан.— Погружай нас, Джонни.

Рэмси чувствовал, как от волнения сжимается желудок.

— Стены расщелины скроют наши шумы.

— Но если мы врежемся, весело не покажется,— заметил Боннет.

Спарроу бросил взгляд на главный показатель давления: 1240 фунтов на квадратный дюйм.

— Пройдись-ка по этим стенкам сонарами импульсами с интервалами в пять секунд.

— А что я, по-вашему, делаю?

Спарроу улыбнулся и положил руку на плечо Рэмси.

— Чуть-чуть подыми нас.

— А скорость?

— Ничего. Веди нас поровней.

Рэмси выровнял носовые рули. Палуба «Рэма» тоже выровнялась.

— Один градус вправо,— сказал Боннет.

Рэмси повернул штурвал.

— Сейчас мы делаем двадцать два узла. Если нам удастся...

— Два градуса вправо,— сказал Боннет.

— Упроси ее двигаться чуточку побыстрей,— сказал Спарроу.

Рэмси выжал рычаг индукционного двигателя до отказа.

— Снять звукоглушащие плоскости,— приказал Спарроу.

— Но...

Пальцы капитана вцепились в плечо Рэмси.

— Выполняй!

Рука Рэмси отжала большой красный рычаг над штурвалом. Они сразу же почувствовали прибавление скорости.

— Двадцать восемь узлов,— отметил Спарроу.— У старушки еще есть порох в пороховницах.

— Два градуса влево,— скомандовал Боннет.

— Подводный крейсер «восточных» может делать сорок пять узлов,— заметил Боннет.— Вы что, собираетесь гнаться с ним наперегонки?

— Как быстро смогут они зажать и заблокировать последнюю, известную им нашу позицию? — спросил Спарроу.

— Расчетная поисковая скорость — двадцать узлов,— ответил Боннет.— Скажем, 45—50 минут, но, учитывая повышение скорости после того, как мы засветились своим шумом... Тогда, где-то полчаса.

Спарроу поглядел на регистратор пройденного пути.

— Будем рассчитывать на полчаса.— Он ждал, не говоря ни слова.

— Два градуса влево,— сказал Боннет.

Рэмси повернул штурвал, выводя лодку на новый курс.

— Расщелина сужается книзу,— сообщил Боннет.— Ширина дна — не более трехсот футов.— Он подстроил локатор.— Уже 250... Два градуса влево!

Рэмси повернул штурвал.

— Будет прекрасно, если мы не счешем бок «слизня» о стены этой расщелины,— заметил Спарроу.

— Три градуса вправо.

Рэмси выполнил приказ..

— Две сотни футов,— считывал Боннет с экрана ширину прохода.— Еще меньше... меньше... 185... 200... 215... Два градуса вправо.

«Рэм» дернулся при повороте на полной скорости.

— Ставь звукоглушащие плоскости,— приказал Спарроу.

Рэмси отжал назад большой красный рычаг. Все почувствовали, как тормозит подлодка.

— Половинная скорость! — скомандовал капитан.— Как далеко до края каньона?

— Могу лишь догадываться,— ответил Боннет.— Слишком малый угол слежения, чтобы сказать точно.

— Ладно, так сколько, по-твоему?

— Около 1800 футов.

— За нами что-нибудь слышно?

— Нет.

— Вырубай двигатели,— приказал Спарроу.

Рэмси выключил тумблер.

— А сейчас что-нибудь слышно?

Боннет засуетился возле своей аппаратуры.

— Ничего.

— Полная скорость,— приказал капитан.— Носовые рули — два градуса.

— Носовые рули — два градуса,— повторил Рэмси. Он приподнял рули, идти стало легче, и лодка понеслась вперед и вверх.

— Один градус влево,— сказал Боннет.

Рэмси тронул штурвал.

Спарроу поглядел на показатель давления: 860 фунтов на квадратный дюйм, они поднялись выше уровня в 2000 футов. «Рэм» продолжал всплывать.

— Половинная скорость,— приказал Спарроу.

Рэмси потянул дроссельную заслонку.

— Я уже могу сказать про край каньона,— сообщил Боннет.— Приблизительно 90 фатомов.

— Это 540 футов,— перевел Спарроу.— Ты уверен, что это вся глубина?

Боннет перепроверил показания приборов.

— В общем-то уверен. Через минуту можно будет сказать поточнее.

Спарроу вновь поглядел на показатель давления: 600 фунтов.

— Точнее — 80 фатомов,— сказал Боннет.— Я не учел угловых искажений.

— Это 480 футов. Четверть скорости, пожалуйста. Лес, что-то слышно?

— Ничего.

Стрелка показателя давления поднялась уже до 400 фунтов на квадратный дюйм: они были теперь выше уровня в 1000 футов.

— Могу сообщить, что сейчас ширина каньона — 460 футов,— сказал Боннет.

— И никаких акустических данных, сигналов?

— Пока еще тихо.

— Давай на двигатели полную мощность, пока не наберем максимальной скорости,— приказал Спарроу.— Потом все отключай и садись на самый край каньона. Но садись как можно осторожнее.

У Рэмси глаза на лоб полезли.

— Давай! — крикнул Спарроу.

Рэмси потянул дроссельную заслонку до отказа. Лодка рванулась вперед. Все видели, что скорость возросла до двадцати трех узлов.

— Давай! — еще раз воскликнул капитан.

Рэмси вырубил двигатели и индукционную систему, винт теперь вращался свободно. Он так выставил рули глубины, что «Рэм» с легким скрежетом сел на киль.

— Мы на краю,— сообщил Боннет.

Рэмси проследил за показателем скорости баржи, пока не убедился, что буксирный трос провис. Он выровнял носовые рули.

Они сели на дно, но вперед двинуться уже не могли.

— Я слышу их, шкип,— доложил Боннет.— Они в десяти милях позади нас и направляются...

— Что такое?

— Я их потерял.

— Они зашли в «кишку» по нашему следу,— сказал Рэмси.

— Подымай нас,— приказал Спарроу.— Как можно быстрее!

Рэмси включил двигатели, дал вращение винту, оторвался от дна и отжал дроссельную заслонку до упора.

Спарроу следил за таймером. Пять минут.

— Вырубить ход.

— Пока все тихо,— сообщил Боннет.

— Еще пять минут.

Снова Рэмси рванул лодку вперед. Пять минут. Слушать, дрейфуя. Пять минут. Дрейфовать и слушать. Пять минут. Снова дрейф и прослушивание.

— Джонни, ложись опять на дно.

«Рэм» опустился вниз и лег на кочкообразное дно, сложенное из черных марганцевых конкреций.

— Мы отошли от «кишки» на восемь миль,— сообщил Боннет. Он поглядел на показатель давления: 300 фунтов на квадратный дюйм.— Здесь всего лишь 700 футов глубины.

— Так чего мы осторожничаем? — спросил Рэмси.— Сейчас они в расщелине, где будут прочесывать каждую пядь дна.

— Но оттуда к нам ведет явный след,— заметил на это Спарроу.

Рэмси непонимающе глянул на него.

— Что вы имеете в виду?

— Они засекли нас слишком близко от цели. И прямо по нашему следу придут к скважине.

— Откуда им знать, что это не ложный маневр?

— Нет, они знают, что мы прячемся. Знают...— Он замолчал.

— Вы хотите сказать, что мы уйдем с пустыми руками? Это был Боннет. В голосе горечь.

— Не хотелось бы доставлять им такой радости,— раздался голос от тыльной двери: Гарсия.

Все, находящиеся на центральном посту, повернулись. Гарсия медленно подошел к посту управления.

— Мы же уже показали им нос, шкип!

— Как долго ты там стоял? — спросил Спарроу.

Гарсия погрустнел.

— Минут десять. Я услышал, что нечто случилось, по переменам скорости...— Он не стал продолжать.— Капитан, мы прошли такой путь...

— Успокойся,— сказал Спарроу.— Мы собираемся прорваться.

— Каким образом?

— Тем, что посидим тут.

— Как долго?

— День, может, больше. Пока им не надоест искать, или же они решат, что нам удалось смыться.

— Но тогда они окружают весь район,— запротестовал Боннет.

— Помолись, чтоб так оно и было,— сказал Спарроу.— Лес, становись за штурвал и будь начеку. Джонни, ты вместе с Джо пойдешь за мной.— Спарроу направился к столу. Он отложил свои предыдущие расчеты, взял новый лист бумаги и стал рисовать на нем волнообразные линии. Потом взял следующий листок и повторил рисунок.

Рэмси с интересом следил за ним. Гарсия наклонился, чтобы видеть получше.

Наконец Спарроу выпрямился.

— Как ты считаешь, Джонни, что это такое?

— Это может быть акустическая кривая, но...

— Это модулированный сигнал одной из наших торпед А-2,— догадался Гарсия.

Спарроу кивнул.

— А теперь глядите сюда.— Он соединил оба листка, поднял их к свету и чуть передвинул один относительно другого. Он сколол листки вместе и, все еще держа их против света, начал рисовать новую кривую, небрежно ведя карандашом.— Довольно грубо, но важен принцип.

— Акустический «портрет» винта «Рэма» с включенной звукопоглощающей плоскостью,— сказал Рэмси.

— Это две наши «рыбки» А-2, соединенные вместе, у которых винты вращаются в резонанс,— объяснил Спарроу.

— Это обманет «восточных» лишь до тех пор, пока эта спарка не подойдет к ним поближе, тогда они заметят разницу в массе,— заметил Рэмси.

Спарроу кивнул, соглашаясь с ним.

— А что, если наша парочка торпед будет нести еще и имитатор звуков, а они еще не успеют обнаружить разницу по массе?

Рэмси отступил на шаг и поглядел на Спарроу.

— Здесь мелко,— рассуждал он вслух.— «Восточные» обязательно окружают весь этот район, пригонят сюда противолодочные корабли и...

— И будут страшно довольны, взорвав эту штуку.

— Все это замечательно, но как мы пошлем наших «рыбок», когда мы на глубине всего в 700 футов и не можем запустить двигатели? — спросил Гарсия.

— У нас имеется отличный стабилизатор — «слизняк»,— объяснил Спарроу.— Мы продует цистерны, чтобы всплыть, затем футов на триста попустим буксирный трос, чтобы отойти от баржи и сделать свое дело. А «слизняк» будет нас якорить.

— Баланс на буксировочном тросе,— бормотал Гарсия.— Это будет чертовски интересно. И это должно работать.— Он поглядел на Спарроу.— Шкип, вы гений!

— Сможете вы так отстроить эти торпеды, чтобы симитировать звук нашего винта? — спросил Спарроу.

— Только пошлите нас,— улыбнулся ему Рэмси.

— Еще одно,— сказал Спарроу.— Я хочу, чтобы вы сделали со скоростью вот что...— Он снова наклонился над столом, черкая на листке.

Рэмси перебил его.

— Погодите, капитан.

Тот выпрямился, удивленно глядя на Рэмси.

Офицер-электронщик взял карандаш из рук Спарроу

— К черту изменения самой скорости. Это слишком сложно. Вы хотите что: поначалу з в у ч а н и е подводного буксировщика класса «Хеллс Дайверс», идущего на четверти скорости, потом на половине, а потом на полную катушку, имитируя бегство. Так? — Он начертил ряд гармоник. — А мы просто поменяем резонансную частоту и...

— Перестройка резонанса не даст особой потери в скорости, — заметил Гарсия.

— Этого будет вполне достаточно. Не станут же они вникать во все тонкости. Предложение Джонни гораздо проще, значит, меньше возможностей не сработать. — Спарроу положил руку на зарисованный кривыми листок. — Вы сможете сделать это вдвоем?

— Пошлите нас.

Спарроу повернулся к Боннету.

— Лес, ты слышал?

— Достаточно, чтобы ухватить идею. — Жестом он указал на локатор. — От этих парней до сих пор ни звука.

— Будем надеяться, что они направились прямо на Новую Землю, — сказал Спарроу. — Обеспечь нам полупроцентную плавучесть в носовой цистерне.

Боннет сделал шаг влево, повернул регулятор на долю градуса, сверился с циферблатом и завернул рукоять.

— Джо, подымай нас на тросе, — приказал Спарроу.

Гарсия прошел к пульту контроля буксирного троса и освободил магнитные зажимы тросового барабана. Очень медленно, почти незаметно для глаз «Рэм» оторвался от грунта и пополз вверх.

Все следили за датчиком статического давления. Стрелка указывала 200 фунтов на квадратный дюйм, 180... 160... 140...

— Чуть помедленней, — приказал Спарроу.

Гарсия слегка прижал тормоза. 130... 120... 115...

— Стопори!

Стрелка остановилась на показании 110 фунтов на квадратный дюйм.

— Это соответствует 250 футам, — сказал Спарроу. — Ну что ж, Джонни, Джо, ваш выход.

Гарсия еще раз проверил пульт троса.

— Лес, следи за балансом натяжения тросов, а то, если течение дернет...

— Это уже наши заботы,— сказал Спарроу.— Перед тем, как выпустить вас двоих под давление, я продую цистерны.

— Извините, шкип,— робко улыбнулся Гарсия.— Вы знаете, как я чувствую с...

— С тобой отличный электронщик,— подбодрил его Спарроу. Он кивнул в сторону Рэмси и значительно поглядел на Гарсию.

— Я понял, капитан.

«Почему бы ему не сказать: «Присмотри там за этим подозрительным типом»? — подумал Рэмси. Он поглядел на Гарсию и спросил:

— Ты что, боишься искупаться?

Смуглое лицо Гарсии побледнело.

— Хватит вам,— вмешался капитан.— У вас есть работа!

Рэмси пожал плечами.

— Ладно, пошли, поплаваем,— сказал он и прошел в переднюю дверь, в машинное отделение, чтобы пройти к выпускному отверстию.

Костюмы для подводного плавания и акваланги находились в небольшом складе рядом с выпускной камерой. Рэмси вытащил один комплект и встал рядом с Гарсией, готовясь встретиться с морем. Наконец, он раздраил люк камеры и наклонился к штурвалу на внешней стенке.

Гарсия последовал за ним, проверил свой загубник и поглядел на Рэмси.

— Когда-нибудь, где-нибудь, кто-то стукнет тебя по башке.

— Угу, пробиватель голов.— Рэмси глянул на инженера.— Что...

— Все вы, психи... то есть, психологи, одинаковые,— сказал Гарсия.— Вы думаете, что храните темные, глубинные знания... и кроме вас других таких нет.

— Я не из них.

— Пошли уже наружу,— сказал Гарсия.

— Но я думал, что ты...

— Ну? — Гарсия невесело улыбнулся.

— Хорошо, я...

— Ты думал, что я принимаю тебя за шпиона, веселого такого «спящего» агента,— неожиданно сказал Гарсия. Он

отрицательно покачал головой.— Вовсе нет. Я совершенно уверен, что ты не из них.

— Что заставило тебя подумать, будто я психолог?

— Мы понапрасну теряем время,— Гарсия взял свой загубник, закрыл люк, ведущий вовнутрь, и задраил его.

Рэмси взял холодную резину загубника в зубы, попробовал воздух. Тот горчил какой-то химией.

Гарсия открыл доступ забортной воде.

Холодная мокрая масса вскипела вокруг них, вращаясь по цилиндрическим стенкам камеры и устраивая небольшие водовороты.

Толчок ластами заставил Рэмси выйти в открытое пространство. Снаружи была совершенная темнота, нарушаемая лишь светом в выходной камере и маленьким ручным фонарем, что был у Гарсии. Долгая арктическая ночь на поверхности и толща воды скрывали какой-либо отблеск света. Несмотря на подкладку своего подводного костюма, Рэмси чувствовал пронизывающий холод воды.

Одной рукой Гарсия выставил предохранитель замка, уже закрепив на поясе страховочный конец. Ручной фонарь, закрепленный на руке, высвечивал торпеды внизу: тонкие, смертельно опасные силуэты, опоясывающие корпус, как пули в патронташе.

Рэмси тоже закрепил карабин страховочного конца на своем поясе.

Гарсия направил луч на проход, указал на веревку, змеившуюся в зеленоватом свете выходной камеры. Рэмси потянул за нее. Это была сумка с инструментом.

Течение подхватило Рэмси, относя от люка. Но довольно короткий страховочный конец остановил его. Рэмси поплыл обратно и взял сумку.

Гарсия оттолкнулся от корпуса и поплыл вниз, к торпедной обойме. Рэмси, подняв голову к чернильно-черной поверхности, последовал за ним. Остановился инженер в самом низу обоймы, держась за винт на носу торпеды. Желтые полосы на корпусе за винтом говорили, что это аппарат ближнего действия с замедленным взрывателем.

Смертоносные «рыбки» покрывали поверхность «Рэма» ряд за рядом.

Гарсия поглядел на Рэмси.

Тот отрицательно покачал головой и показал на следующий ряд, с красными полосами на корпусах — для поиска целей на больших расстояниях.

Гарсия кивнул.

Они опустились вниз к торпеде, осторожно отключили взрыватель. Рэмси запомнил номер: четырнадцать.

Он снял панель на боку торпеды, подсветил. Он заранее продумал все изменения схемы: отсоединил поисковые детекторы, перенастроил уровень глубины, перевел двигатель на новые обороты винта: 400—600—8000. Занятый работой, он забыл думать про Гарсию.

И вот все уже сделано. Они спустились к другой торпеде того же класса и повторили все необходимые переключения, не забывая про резонансную частоту. Потом пришло время отсоединить верхнюю торпеду и сцепить их обе вместе с помощью шарнирных болтов.

Чуть ниже уже приготовленных торпед Рэмси нашел красно-желтые торпеды-приманки. В одну из них он подсоединил капсулу искателя, снятую из первой торпеды. С помощью кабеля он подсоединил приманку к торпедной спарке.

Когда он уже заканчивал работу, луч фонаря становился все слабее и слабее. Рэмси вставил последний разъем и поглядел вверх, вдоль корпуса подлодки.

Гарсия плыл высоко над торпедным поясом, направляясь к выпускной камере. Плыл быстро. Темнота подводного мира сгущалась вокруг Рэмси.

«Он что, готовит мне засаду? Собирается закрыть люк прямо перед носом?»

Его охватила паника. Рэмси заработал лапами, спеша за исчезающим пятном света.

«Гарсия подождет в выпускной камере, пока в его акваланге не закончится воздух, зная, что у меня точно такой же запас. А потом он спокойненько пройдет в лодку. Пока они смогут вернуться за мной, я уже утону. А он потом расскажет какую-нибудь правдоподобную историю о моем отсутствии».

Луч фонаря Гарсии исчез в выпускной камере, оставляя снаружи только темноту.

«Я не позволю ему так сделать!»

Внезапно страховочный конец дернул его. Рэмси потянул. За что-то зацепился? Он отцепил конец от пояса и бросил его болтаться.

Сейчас Рэмси был у самого выпускного люка. Он схватился за край люка и почувствовал руку, втягивающую его вовнутрь. Гарсия! Рэмси почувствовал облегчение. Уже в

камере он увидел, что Гарсия запутался в страховочном тросе. Тот натянулся между крышкой люка и барабаном. Гарсия указывал на выходной люк.

«Он хочет, чтобы я вышел наружу и распутал конец»,— догадался Рэмси. Он отрицательно покачал головой.

Гарсия вновь показал на люк.

И снова Рэмси отрицательно покачал головой.

Гарсия пожал плечами, кое-как размотал свой конец троса и выплыл из камеры, забирая с собой фонарь. Потом он вернулся, намотал трос на барабан и закрыл внешний люк.

Рэмси открыл затвор воздухопровода. Уровень воды стал понижаться.

Когда вода уже опустилась до уровня пояса, они сняли маски. На губах у Гарсии была легкая ухмылка.

«Он знает, что напугал меня,— подумал Рэмси.— И сделал это сознательно».

Остатки воды ушли в дыру в полу. Гарсия открыл внутреннюю дверь выпускной камеры и вышел на верхние мостки машинного отделения. Не говоря ни слова, они сняли костюмы и прошли на центральный пост.

Спарроу встретил их уже у двери.

— Все нормально?

— Сделали,— ответил Гарсия.— Номер четырнадцатый сцепили с двадцать вторым. Обе будут отстрелены с позиции «22». Они пойдут к северу, держась фатом в десяти над поверхностью дна.

Спарроу поглядел на Рэмси, тот кивнул. Капитан обратился к Гарсии:

— Какие-нибудь сложности?

— Джонни — истинный электронщик. Он сделал всю работу.

Спарроу повернулся к Рэмси. Тот пожал плечами:

— Это и вправду было легко.

Гарсия доложил:

— У нас запутался страховочный конец, я распутал. Немножко поплавал снаружи.

— У нас тоже все спокойно,— сказал Спарроу. Он кивнул в сторону раскладушки в дальнем конце помещения, на которой растянулся Боннет.— Лес решил подремать. Вам тоже лучше всего последовать его примеру. А потом вам на вахту.

— Правильно,— согласился Гарсия.— Плавание меня утомило. Пошли, хлопец Джонни.— И он вышел. Рэмси за ним.

У порога своей каюты Гарсия остановился и расцвел улыбкой:

— Приятных сновидений... пробиватель голов.

Рэмси вошел в свою каюту, закрыл дверь, но не уходил от нее, прислушиваясь. Он чувствовал, как сильно бьется его сердце.

«Чтобы этого Гарсию черти взяли!»

Он заставил себя немного успокоиться, вытащил коробку с телеметрической аппаратурой и просмотрел новые отрезки ленты.

Чувства Спарроу находились под стопроцентным контролем.

Рэмси перезарядил ленту, выключил свет, лег в койку и погрузился в беспокойный сон. Казалось, он только-только закрыл глаза, как прозвучал зуммер будильника. Он еле поднял непослушное тело с кровати и поплелся на центральный пост. Все остальные уже были там.

— Займись локаторами,— приказал ему Спарроу. Он подождал, пока Рэмси не проверит приборы, и нажал кнопку отстрела торпеды «22».

Рэмси тут же услышал пульс ее сигнала у себя на пульте. Он почувствовал, что Спарроу встал у него за спиной. Они вместе уставились на маленький экранчик сонара.

— Хорошая работа,— сказал капитан.— Ну точь в точь как наша жестянка. Рэмси поворачивал наружный приемник гидроакустической системы.

— Совершенно нет признаков того, что они окружили весь район,— доложил он.

— Может случиться и прокол,— сказал Гарсия.— Все попытки наших пробиться сюда закончились ничем. Я всегда...

— Вот он,— сообщил Рэмси.— С северо-востока. Идет быстро.

— Курс перехвата,— добавил Спарроу.

— И тут наша приманка удвоила скорость. Точно по расчетам.

— Лучше времени и не выберешь,— добавил Боннет.

— Еще один сигнал. С запада,— доложил Рэмси.— Наши охранники вызвали загонщиков.

— И сразу же имитация полной скорости,— порадовался Спарроу.— Прекрасная работа, Джонни!

Они ожидали, следя за изменениями сигналов. Тут, как и было придумано, включился генератор приманки.

Все ждали.

Далекий двойной взрыв срезонировал в корпусе «Рэма», и тут же сигнал приманки исчез.

— А теперь проследи за каждым из них,— приказал Спарроу.— Если «восточные» уйдут, значит нам и вправду удалось оставить их с носом.

Рэмси следил за показаниями на экране.

— Стая разделилась и расходится по всему району взрыва. Ушли четыре корабля.— Он продолжал ждать.— Еще два уходят на юго-запад. И последние уходят.

Он прослеживал их до последнего, затем с торжествующей улыбкой повернулся к Спарроу:

— Все как вы и запланировали, шкип!

— Ммммм, да.— Капитан повернулся к остальным.— Обождем еще четыре часа и отправляемся к скважине.

«Рэм» пробирался в расщелине на четверти скорости, то подымаясь футов до шестисот, то прижимаясь к самому дну, будто гигантская рыба, ищущая еду в придонном иле. За штурвалом был Спарроу, рядом Гарсия.

— Вот и край шельфа,— сказал Спарроу. Он указал на передний экран, где прожектора высвечивали каменистый уступ в темной воде.

— Вызывать остальных? — спросил Гарсия.

— Да.

Тот нажал кнопку. Рэмси отозвался из своей мастерской.

— Что ты там делал? — спросил его Спарроу.

— Мне не спалось, вот я и...

— Вас что, не касается мой приказ, чтобы все работали парами?

— Капитан, у меня появилась идея про...

— Секунду.— Спарроу указал на верхний экран — насыпь в форме морской звезды.— Направляемся туда, Джо.— Он уменьшил скорость, продрейфовал к насыпи и посадил подлодку на грунт.

— Давление — двести пятьдесят фунтов на квадратный дюйм ровно, капитан.

Спарроу кивнул, включил боковые телекамеры и осмотрел дно.

— Для балласта здесь полно ила.

Вошел Боннет.

— Капитан, мы что?..

— Мы прибыли на место! Лес, ты смог бы пройти на корму, чтобы посетить Джонни в его мастерской?

— А разве он не...

— Какое-то время он находился там... один!

Боннет развернулся и выскочил в дверь.

— Я не имею права выдавать месторасположение этой скважины,— сказал Спарроу.

— Что вы имеете в виду, капитан? — спросил Гарсия.— Не думаете же вы, что я...

Взглядом Спарроу заставил его замолчать.

— Мистер Гарсия, мы были курсантами, потом были главным механиком, а я — желторотым энсином. Но именно сейчас я не могу вам доверять, хотя мы давно и знаем друг друга. Офицера Безопасности заманили в ловушку и убили на борту моего судна. Тут же «восточные» напихали своих передатчиков. Кто-то это сделал. Так могу ли я быть спокоен?

— Так точно, сэр.— Гарсия отвернулся к пульту локатора.

У себя в мастерской Рэмси взял электронную лампу, которую перед тем осматривал. «Так вот каким образом они задействуют свои передатчики,— думал он.— И это означает, что здесь есть и другие, готовые заработать в любую секунду».

Его рука дрожала, когда он собирался вставить лампу в гнездо тестера. Внезапно рука его была отброшена в сторону, а в челюсть врезался кулак.

— Ах ты, сволочь, шпион! — загремел Боннет. Он снова ударил Рэмси в челюсть.

Тот, свалившись со стула, пытался объяснить:

— Лес, я... Погоди...

— Не собираюсь выслушивать твои оправдания,— прохрипел Боннет. Он ударил Рэмси локтем прямо в зубы, колено поднялось, чтобы пнуть в бок.

«Боже! Он готов меня убить!» — мелькнуло в голове Рэмси. Он в отчаянии перекатился на спину, пытаясь дотянуться до горла Боннета. Но сильный пинок заставил его скрючиться от боли.

Боннет приподнял электронщика и опять ударил его кулаком в зубы.

— Да Господи! — простонал тот. — Не шпион я!..

— Ты грязная, лживая змея...

Боннет отступил на шаг, приподнял Рэмси под шею и снова заехал ему в челюсть.

Рэмси чувствовал, как уходит сознание, и лишь беспомощно поднял руки, чтобы защититься. Удар в ухо. Рэмси почувствовал его, будто удар молотом и отключился.

Голоса.

Они приходили к Рэмси откуда-то из мрачной бездонной дыры. Он попытался было не обращать на них внимания, повернул голову. Боль пронзила все тело.

— Мне кажется, он приходит в себя. — Гарсия.

— Вот. Дай ему выпить. — Спарроу.

— Зачем только переводить продукт? — Боннет.

— Мне не нравится то, что ты натворил. — Спарроу.

— Но я же говорил вам, капитан. Я своими глазами видел, как он вставлял эту лампу с шпионским передатчиком в гнездо и...

— Откуда ты знаешь, что это был передатчик? Кто-то из вас наступил на нее и совершенно раздавил во время заварухи.

— Шкип, все это выглядит чертовски подозрительно.

— Подозрительно... презрительно. — Гарсия.

Рука под шеей. Что-то горько-кислое во рту, обжигающее глотку.

Кашель. Горло перехватило.

Рэмси поперхнулся. Началась рвота.

И снова через силой разжатые зубы полилась жидкость. Рэмси весь дрожал, он попытался прилечь. Тело болело, будто одна сплошная рана.

— Ты можешь говорить? — Спарроу.

Рэмси открыл глаза. Спарроу наклонился над ним, придерживая ему голову.

Рядом стояли Боннет и Гарсия.

Рэмси попытался сфокусировать взгляд на окружающем: лазарет, лежанка, стол, аптечка первой помощи.

Отвернуться от Боннета и Гарсии.

Боннет смотрит исподлобья, зло, но чувствует себя не вполне уверенно.

Гарсия же обеспокоен совсем мало.

Одной рукой Рэмси ощупал челюсть — будто огненное копье впилося в голову.

— Я... н... м...гу говорить быс...ро,— сказал он.

Спарроу подложил ему под голову подушку.

— Что вы делали в мастерской?

Электронная лампа! Шпионский «маяк»!

Рэмси через силу выдавливал слова:

— Кажется, я выяснил, как включаются шпионские передатчики.

Взаимный интерес в глазах Спарроу и Гарсии. Во взгляде Боннета уверенности все меньше.

— Кто-то здесь, на борту? — спрашивает Спарроу.

— Нет. И это очень важно... кап...тан. Не подымайте пер...ск...п.

— Почему?

— Через него идет сигнал.

— В эфире полно сигналов. Так почему...

— Тут совсем другое дело. Это вы подали мне идею.— Рэмси провел языком по губам, заставляя себя говорить разборчиво.— Попро...буйте по...нять. Резонанс. «Восточные» высылают гармонику сигнала, соот...ветствующую сигналу наших ламп «Л-4». Наверно, это как-то разрушает их, и наблюдается микрофонный эффект. Те лампы... что мы обнаружили, были только... усилители, И «Л-4» могут сейчас стать «маяками».

— Но ведь мы же убрали все эти... усилители.

— Если «восточные» пошлют сигнал на «Л-4», те возбудятся по обратной связи,— сказал Гарсия.— И никаких усилителей не будет нужно. Они устроят такой вой, что отовсюду будет слышно.

— А при чем тут перископная камера? — спросил Спарроу. Но потом сам же и ответил: — Ну конечно, им надо получить от нас чистый, сильный сигнал, а кабель перископной камеры — единственная возможность не быть заглушенным нашим корпусом.

Он покачал головой.

— Уверен, что ты прав, и так оно и было...

— Надо найти замену всем нашим «Л-4», — сказал Гарсия.— Это самое слабое место во всей нашей системе.

— Как раз этим я и занимался, когда Лес на меня набросился,— сказал Рэмси.

Боннет нахмурился.

— Капитан, это может быть только уловка.

— Ты уверен в этом, Лес? — спросил его Гарсия.

— А ну всех вас к черту! — взорвался Боннет. — Еще вчера вы оба говорили мне, какой он подозрительный...

— Мы поговорим об этом в следующий раз, — сказал капитан. Он повернулся к Гарсии. — Джо, а ты что думаешь?

— Похоже на правду, капитан. — Гарсия стал загибать пальцы: — Первое: здесь все достоинства простоты; им надо знать лишь анодную частоту соответствующей лампы, и они уже могут ее разрушить. Второе: если вместе с этим появляется сигнал и усиливается всей нашей системой, у них появляются все основные элементы сонарной системы, а это позволяет им локализовать нас с высокой точностью. И ведь это очень трудно обнаружить! Их передача будет постоянно высылаться в эфир, мы каждый раз будем поднимать перископную камеру, наши бортовые фильтры не будут автоматически отсекают **этот** сигнал, считая его «своим», значит безопасным, и на **всех** длинах будет раздаваться сигнал: «Вот они мы! Берите нас!»

Даже Боннет кивнул, соглашаясь, когда Гарсия закончил.

Гарсия посмотрел на Рэмси.

— Ты тоже так рассуждал?

— Да.

— Возможно, мне удастся придумать какой-то заместитель лампе «Л-4», — сказал Гарсия, — но спец по электроники у нас ты. Так как?

— Схема лежит на столе в мастерской.

— Лес, сходи посмотри, — приказал Спарроу. — Если она таким будет, это еще одно подтверждение всей истории.

Боннет вышел.

Рэмси закрыл глаза, попытался сползти с подушки и растянуться на лежанке.

— Пока лучше не надо, — сказал Спарроу. Он помог Рэмси сесть получше. — Джо, придержи его, я посмотрю на его нос.

Гарсия прижал руки Рэмси к кровати.

Капитан осторожно прикоснулся к носу Рэмси.

— Оооу! — Тот отдернулся.

— Не похоже, что нос сломан, — сказал капитан. Затем он приподнял левое веко Рэмси и помахал рукой у него перед лицом. — Возможно, небольшое сотрясение мозга.

— Как долго я был без сознания?

— Где-то с час,— ответил ему Спарроу.— Ты...

Вернулся Боннет, неся замасленный листок, покрытый рисунками. Он передал его Гарсии, который освободил руку Рэмси, чтобы взять бумажку.

— Что ты на это скажешь, Джо? — спросил Спарроу.

Тот молча изучал листок, кивнул и передал эскиз капитану.

— Очень умно. Просто. Это будет работать, причем лампы здесь с другой анодной частотой.

— Что это значит? — спросил Боннет.

— Это значит, старик, что ты свалил дурака,— сказал Гарсия.— Говоря грубо, ты облажался.

— Это действительно так? — В голосе Боннета звучало подозрение.

— Говоря по-правде, мы все лажанулись,— сказал Гарсия.— А ты невольно стал инструментом нашего упущения.

Боннет сверху вниз поглядел на Рэмси.

— Если я был не прав, прошу прощения.— Он посмотрел на Спарроу, который все еще изучал схему Рэмси.— Но я оставляю право на собственное мнение.

Спарроу отошел от кровати, посмотрел на Гарсию.

— Джо, пусть он полежит несколько часов. Пошли, Лес. Нам надо наполнить нашего «слизняка» и поменять лампы. Не будем терять время.

— Я вам не нужен, чтобы справиться с электроникой?

— Посиди с ним.— Спарроу подошел к двери, последний раз изучающе поглядел на Рэмси и вышел. Боннет за ним.

— Как ты считаешь, а смогут «восточные» нарушить работу наших «Л-4» без накачки через перископную камеру? — спросил Гарсия.

— В свое время — да,— ответил Рэмси.— Они станут различными способами наращивать силу сигнала, чтобы получить ответ по обратной связи, путь даже и не усиленный, когда наш «Рем» всплывет на поверхность.

— Умные гады,— пробормотал Гарсия.— А ты как это усек?

— Это капитан подал мне идею, когда предложил смонтировать звук нашего винта.

— И это навело тебя на мысль о резонансе?

— Скорее о том, как построить сигнал с помощью гармоник.

— Это то же самое,— Гарсия подошел поближе.— Парень, а здорово он тебя обработал.

— Могу представить.

— Это твоя вина.

Рэмси повернул голову, чтобы взглянуть на Гарсию, скривился от боли.

— Почему ты так считаешь?

— Потому, что ты сам заставлял капитана подозревать тебя. Ты забыл об одной вещи: подозрительность заразна.

— Из-за давления у тебя перемешалось в голове.

— А мне кажется, я знаю, к чему ты ведешь,— признался Гарсия.— Наверное, ты хочешь вывести кэпа из равновесия.

— Чушь! У тебя слишком разгулялось воображение.

— Джонни, здесь мы все одинаковые. Время в подлодке тащится медленно. И воображение несется галопом.— Какое-то время он просто глядел в переборку.— Но ведь это проблема и капитана, правда?

— Замечательный пример интуиции! — воскликнул Рэмси.

Гарсия сделал вид, будто не расслышал.

— Излишнее воображение, когда на наших плечах такая ответственность — это слабость.

Они услышали, как «Рэм» дернулся, остановился.

— Мы встали на скважину,— сообщил Гарсия.— Чтобы заполнить «слизняк», понадобится несколько дней, потом отправляемся домой.

— Если бы это было так легко,— вздохнул Рэмси.

Гарсия отвернулся от него, подошел к книжной полке, нашел книгу, какое-то время перелистывал ее и снова обратился к Рэмси:

— Мне кажется, Джонни, тебе лучше прочесть вот это. Тут самый любимый фрагмент Сэвви Спарроу.

Он вручил Рэмси Библию, указал на начало главы:

— Исая, глава двадцать седьмая, стихи первый и второй.

Рэмси начал читать вслух, сначала тихо, потом все громче:

— «В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея прямобегающего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище из моря».

Гарсия продолжил по памяти:

«В тот день воспойте о нем — о возлюбленном винограднике...»

Рэмси следил по книге, потом покачал головой:

— Но что это означает для него?

— «...и убьет чудовище из моря», — процитировал опять Гарсия. Он взял Библию назад. — Сэвви Спарроу считает, что мы и есть левиафан, чудовище из моря.

— Погоди, оставь мне это. — Рэмси взял книгу из рук Гарсии. — Думаю, я еще почитаю.

— Только смотри, не заразись религией, — сказал Гарсия.

— Не бойся. Мои преподаватели всегда говорили мне: если хочешь понять какой-то предмет, явление, изучай важнейшие источники. Этот будет для нашего капитана.

— Для огромного множества людей, — неожиданно мягко заметил Гарсия. — А психолог, не проникшийся духом этой книги — как врач без инструментов. И, вдобавок, слепой, которого надо гнать.

Рэмси глядел на Гарсию поверх раскрытой книги.

— Ты когда уймешься?

— Когда ты проснешься, — ответил Гарсия.

Рэмси скрыл свое недовольство за толстым томом Библии, вновь открыл книгу на месте, указанном Гарсией, а потом уже позабыл о себе в ярости Исайи, скорби Иезекиля, громовых посланиях пророков.

В холодных арктических водах за стенками «Рэма» заработали насосы, наконечники шлангов высасывали донный ил для балласта. Пластиковый «слизняк» начал раздуваться содержимым — нефтью, будто живое существо сосало яремную вену Земли.

А стрелка таймера делала оборот за оборотом. Пятьдесят один час на скважине.

«Слизняк» заполнен. Он растянулся позади «Рэма», переполненный содержимым, почти в милю длиной, поддерживая неустойчивый гидростатический баланс, позволявший барже плыть под водой.

Рэмси с Гарсией вместе пришли на центральный пост. Спарроу с Боннетом уже были там.

— Ты прав. Лучше, если мы... — согласился Гарсия с предыдущими словами Рэмси.

— В чем прав? — спросил Спарроу.

— Только что Джонни говорил, что компенсационная система «слизняк» будет терять балласт, если по пути домой мы будем погружаться слишком глубоко.

— Он прав, — сказал на это Спарроу. — Но если мы не обеспечим компенсацию веса, «слизняк» прорвется.

— И вся нефть выльется на поверхность, — добавил Боннет. — Вот будет весело, а?

— Да, таким вот образом мы сможем ее потерять, — сказал Спарроу. — Будем надеяться, что мы этого не будем пытаться сделать. — Он повернулся лицом к посту управления. — Лес, начинай подымать нас. На самой малой скорости. И заводи нас прямо в «кишку». Мы воспользуемся ею, чтобы прятаться как можно дольше.

— Есть. — Руки Боннета легли на рычаги управления.

— А вы не думаете, что врагам будет легче налечь на нас в таком месте? — спросил Рэмси.

— Так мы же мертвые, ты что, забыл? — напомнил ему Гарсия.

— Джо, станешь проводить вспомогательную локацию и держать нас точно по середине каньона, — приказал Спарроу. — Джонни, ты стоишь на главном локаторе и прослеживаешь вражеские сигналы. — Он воздел руки перед собой. — Господь был добр к нам, джентльмены. Мы возвращаемся домой.

— Детская прогулка, — сказал Гарсия.

— Ага, для безумцев и англичан, — поддержал его Боннет.

Палуба «Рэма» накренилась вперед, какое-то время походила вверх-вниз. Очень медленно следующая за ними баржа оторвалась ото дна и последовала за буксировщиком. Они направились вниз, к «кишке».

— Один градус вправо, — скомандовал Гарсия. — Так держать.

— Так держать, — пропел Боннет.

— Мы еще должны благодарить нашу счастливую звезду, что «слизняк» может следовать за нами, — сказал Рэмси. — Если мы скребнем о стенку каньона...

— Два градуса влево, — сказал Гарсия.

— Два градуса влево, — подтвердил Боннет.

Спарроу поглядел на Рэмси.

— Ты что-то говорил?

— Да так, слова.

— Просто слова оставь для лагеря отдыха,— сказал Спарроу. Он повернулся спиной к Боннету.— Будем принимать тонизирующие таблетки каждые три часа, через час и с четырехчасовыми перерывами, пока не пересечем Северный полярный круг. Но сразу же докладывайте, если у кого-то появится реакция Ларсона.

Боннет заметил:

— Говорят, что эти таблетки гарантируют бессонницу на всю оставшуюся жизнь. Интересно, чего это туда сунули?

— А вот я слышал, что луна сделана из зеленого сыра,— ответил на это Гарсия.

— Может, займетесь делом, джентльмены? — спросил Спарроу.

Рэмси улыбнулся. Он чувствовал распространяющуюся жизненную силу экипажа, как сильный прилив энтузиазма. Он почесал еще саднящее место на челюсти, куда Боннет бил его, и подумал: «Я не ожидал, что со мной такое произойдет, но Катарсис Номер Один пришел и ушел. А я все еще жив. И Спарроу все еще функционирует».

Капитан прокашлялся.

— Как только мы выйдем из Норвежского бассейна, непосредственной опасности для нас уже не будет. Сейчас их поисковые группы станут следить за исландским проходом и не будут ожидать кого-то у себя за спиной. Наша главная задача — стеречься «восточных» подлодок и пройти через их заслоны. И у нас есть шанс проскочить.

— Моя главная забота — умереть от старости,— сказал Гарсия.

— Ты постареешь раньше времени,— ответил ему Боннет.

— Один градус влево,— сказал Гарсия.

— Один градус влево,— повторил Боннет.

В подводном каньоне «Рэм» направлялся прямо на запад. У самого края Норвежского бассейна они вышли из «кишки» и прижались к самому разделу, идя курсом 276°. Дно все повышалось. Достигнув 200 фатомов, они свернули к югу, параллельно береговой линии Норвегии.

Восемьдесят один час и пятьдесят восемь минут с момента отхода от скважины, в двух градусах от Северного полярного круга.

— Сигнал! — воскликнул Рэмси и нажал на кнопку

отключения двигателей.— Я засек их на самом краю чувствительности локатора: это тридцать пять миль.

— Продолжать движение,— приказал Спарроу.— Они слишком далеко.

— Они идут из юго-восточного квадранта, направляются на запад, склоняясь чуть-чуть к югу,— сообщил Рэмси.— Если они будут поддерживать этот курс, то через минуту выйдут из зоны действия нашего локатора.

— Ради своей же безопасности сделаем так: пять минут идем прямо к востоку, а потом восстанавливаем курс.

Гарсия у штурвала подтвердил приказ. «Рэм» поменял направление.

— Курс, расстояние и направление движения «восточных»? — спросил Спарроу через какое-то время.

— Я потерял их,— ответил Рэмси.

— Продолжать движение прежним курсом.

Они вновь двигались параллельно норвежскому берегу, спустились к югу, потом курсом запад — юго-запад обогнули на большом расстоянии береговые следящие станции на южной оконечности Норвегии. Затем свернули к югу и опять на запад, чтобы обойти Фарерские острова. Теперь они находились на самом краю глубоководной впадины юго-восточнее Исландии.

На вахте были Рэмси — у локаторов, и Спарроу — на руле.

— Вы очень тщательно продумали этот бросок,— сказал Рэмси.

— Не искушай судьбу,— ответил Спарроу.— Все еще может измениться.

— Что заставляет моряков быть такими суеверными?

— Сознание ограниченности нашей науки,— ответил Спарроу.— И еще жизненный опыт, говорящий, что удача действительно существует.

— Удивляюсь, как это правительство еще не выдало нам на счастье кроличьи лапки?

— Я постараюсь убедить тебя, когда...

— Стая! — Рэмси немедленно включил звукоглушение.— Капитан, они идут прямо на нас!

Спарроу нажал на сигнал тревоги.

— Они идут справа по нашему следу на расстоянии пятнадцати миль.

На полной скорости Спарроу развернул подлодку и баржу на северо-восток.

В помещение центрального поста влетели Боннет и Гарсия.

— На нас идет стая,— сообщил им Рэмси.

— Вы оба, к штурвалу,— приказал капитан.

Боннет с Гарсией встали на свои боевые посты. Боннет к штурвалу, Гарсия — к торпедному пульта. Спарроу подошел к Рэмси.

— Глубина 800 футов,— доложил тот.

— Мы еще можем все изменить,— сказал Спарроу.— Лес, погружение. Джонни, следи за атмосферой.

Рэмси включил генератор ангидразы на одно деление.

Палуба накренилась вниз.

— Джо, докладывай уровень глубины,— приказал Спарроу.

— Шесть тысяч восемьсот футов — давление 2880 фунтов на квадратный дюйм... 7000 футов и 3010 фунтов... 7500 и 3235... 8000 и 3440... 8500 и 3655...

— В дрейф,— приказал Спарроу.

Боннет заглушил двигатели.

Гарсия продолжал докладывать:

— 8600 и 3700... начались изменения свойств воды, капитан... 8700 и 3750... это на девять фунтов выше нормы...

— Понял.

— 8750 и 3780... это уже на восемнадцать фунтов выше нормы...

— Понятно. Лес, выравнивай носовые рули глубины и переключи носовые телекамеры на главный экран.

— Дно в сорока футах,— доложил Рэмси.— Стая быстро сжимает строй. Дальность — около одиннадцати миль.

Большой экран у них над головами показывал светлое пятно, а потом — совершенно неожиданно — донный ил.

— Сначала опускай «слизняк»,— приказал Спарроу.

Боннет поднял носовые рули еще до того, как они почувствовали, что баржа за ними проехала по дну. «Рэм» опустился в ил на глубине 8800 футов. Манометр показывал давление 3804 фунта на квадратный дюйм: на двадцать больше, чем должно было быть на этой глубине.

— До стаи девять миль. Они разворачиваются веером. Я насчитал шестнадцать кораблей.

— Разворачиваются веером,— задумчиво повторил Спарроу.— Это означает, что они удивлены нашим...

— Две подлодки направились к поверхности,— докладывал Рэмси.— Они посчитали, будто мы всплываем.

— Давление тут больше обычного,— размышлял Спарроу вслух.— Это означает, что плотное холодное течение или слой над нами сбило их акустиков с толку. Пока они не обнаружат металл, мы в безопасности.

— Если мы не взорвемся,— сказал Боннет.

— Если у нас имеется ветчина, то есть и яичница с ветчиной, конечно же, если есть яйца,— сказал Рэмси.

Гарсия захихикал.

— Нам сейчас важнее всего расслабиться,— сказал Спарроу.— Нам не надо тех проблем, что были в прошлый...

— Проблем-морблем,— перебил его Гарсия.— Все время только бу-бу-бу. Так он, может, псих... Может, ему захочется, чтоб мы делали тук-тук-тук... Джонни, я прав, а?

— Джо, я приказываю тебе пойти со мной,— приказал Спарроу.

У Гарсии покатались слезы.

— Мне надо облегчить душу,— всхлипнул он.— Я хочу исповедаться, но никто из вас...

— Пошли! — Спарроу схватил его за руку и потащил к задней двери.

— Спокойней, капитан,— сказал Рэмси.

Тот сделал глубокий вдох.

— Правильно.

— Я сам пойду,— сказал Гарсия.— Не буду сопротивляться. Я не хочу доставлять неприятностей. Я и так их доставил уже много. Чудовищных неприятностей. Меня никогда не простят. Никогда.

Он направился к двери, бормоча под нос:

— Никогда... никогда... никогда...

— Каркнул ворон: «Никогда»,— сказал Рэмси. С отсутствующим видом он потерял все еще саднящую чепуху.

— Теперь кое-что становится ясным,— сказал Боннет.

— Что именно?

— Насчет пробивателя голов. Тебя к нам заслало ПсиБю.

— Только не ты, Брут,— вздохнул Рэмси.

— Точно, все сходится,— сказал Боннет.— Хепп тронулся, вот они и наслали тебя на нас, чтобы выяснить почему.

— Чего?

— Точно. Ты хочешь знать, кто из нас будет следующим.

— Им буду я, если еще немного послушаю твою чушь. Я...

— Или же ты шпион,— сказал Боннет.— Хотя, догадываюсь, ты не из них.

— Ради Бога!..

— Я попытаюсь объяснить,— сказал Боннет.— Это не просто. Я, вообще-то, терпеть не могу головокопателей. Вы все, психодоктора, одинаковые. Исключительно... всезнайки. На каждый случай имеется объяснение: религиозность — это проявление глубинных комплексов, которые...

— Да заткнись же ты! — вспыхнул Рэмси.

— То, что я пытаюсь сказать, чувствуется лучше, чем могу тебе вталдычить. Можешь назвать это своеобразным успокоительным. Иногда случалось держать врага в руках. Он напоминал мне насекомое, которое я мог раздавить.

— Ну и?

— Ну и. Я никогда не ловил врага... вот этими руками.— Он поднял руки и помахал в воздухе кистями.— Но именно здесь... я кое-чему выучился.

— Чему, конкретно?

— Это может прозвучать глупо.

— Скажи уж как-нибудь.

— Может, не надо?

— Тебе очень важно сформулировать эту мысль, сосредоточиться на ней,— сказал Рэмси. При этом он думал: «Неважно что я сейчас делаю. Сейчас я выступаю в роли психоаналитика!»

Боннет вытер руки о футболку, поглядел на пульт управления.

— Когда ты встречаешь своего врага и распознаешь его, касаешься его, ты вдруг понимаешь, что он похож на тебя: возможно, он даже часть тебя.— Он замотал головой.— Нет, не могу сказать правильно.

— Попробуй.

— Не могу.

Боннет свесил голову и устался в пол.

— На что это похоже? Попробайся сравнить с чем-нибудь.

Очень низким, почти неслышным голосом Боннет сказал:

— Ну, это вроде того, когда ты — маленький, слабый пацан на детской площадке. И вот когда старший парнишка шлепает тебя, тогда все в порядке, он тебя заметил. Это значит — ты живешь. И это гораздо лучше, чем когда тебя совсем не замечают. — Он поднял голову и посмотрел на Рэмси. — Или еще, когда ты с женщиной, и она глядит на тебя, и ее глаза говорят, что ты мужчина. Ага, именно так. Когда ты и вправду живешь, другие знают об этом.

— А что это имеет общего с врагом в твоих руках?

— Он живой, — ответил Боннет. — Черт побери, парень, он живой, и у него такая, как и у тебя жизнь. Каждый из нас — враг. — Голос Боннета становился все уверенней. — Каждый для другого и для самого себя. Я вот что имею в виду: я — одно целое со своим врагом. Пока я не хозяин своему врагу, я всегда проигрываю.

Рэмси удивленно глядел на Боннета.

— Ты можешь объяснить мне ход моих размышлений?

Рэмси отрицательно покачал головой.

— А почему нет? Я чувствую эти вещи, как и всякий иной. Потому что я скрываю эти чувства дольше. Но кто я такой, чтобы это скрывать? — Боннет презрительно усмехнулся. — Я! Вот кто.

— Почему ты выкладываешь мне все это?

— Я нашел того, кому могу высказаться. Но этот кто-то, в силу профессии, должен будет заткнуть рот, потому что...

— Подожди. — Взгляд Рэмси, отвлекавшийся от приборов не более, чем на пару секунд, успел уловить резкий сигнал. — Акустический разведывательный взрыв. И еще один. Если они рванут бомбу рядом с нами, корпус лопнет, как нарыв на пальце — толстом металлическом пальце.

— Они не могут искать нас здесь, на глубине.

— Не рассчитывай на это. Еще од...

— Что здесь происходит? — Спарроу, пригнувшись, вошел в помещение центрального поста.

— Акустические разведбомбы, — доложил Рэмси. — «Восточные» отслеживают звуковое отражение металлического хвостуна с табличкой «Фениан Рэм».

Спарроу подошел поближе и стал рядом с ним.

— Одна же подлодка прет прямо на нас.

— Мы его быстренько,— ответил Рэмси. Он положил руку на тумблер залпового антиторпедного огня.

— Оставь, они не станут тратить «рыбку», чтобы просто устроить взрыв.

— Он в миле от нас, на глубине в шесть тысяч футов. Вот, выслал следующую разведбому.

Все почувствовали снаружи глухой удар, срезонировавший в корпусе.

— Если что-нибудь из нашего подвешного снаряжения бабахнет, нас вскроет как...

— Лес, мы все читали руководство по эксплуатации,— сказал Спарроу. Он отвернулся, склонив голову.— Боже, мы, не имеющие права просить, молим о твоём милосердии. Ты сделаешь это... Что такое?

— Он отвернул.

— Боже, не отворачивай от нас лица своего...

— «Восточный» подводный корабль. Он повернул в другую сторону.

Спарроу поднял голову.

— Спасибо тебе, Господи.— Он поглядел на Боннета.— Я ввел Джо успокоительное. Иди к нему, посиди там.

Боннет пошел в лазарет.

Спарроу снова занял место рядом с Рэмси.

— То, что ты сделал для Леса — доброе дело.

Рэмси застыл.

— Я стоял за дверью, пока он снимал тяжесть со своего сердца. Вы более глубокий человек, Джонни, чем я ожидал.

— О, да ради Бога!

— Да, именно, ради Бога. Вы очень скользкий и верткий тип.

Рэмси закрыл глаза. Внутренне он был доведен до предела. «Я — папаша-исповедник, хочу я того или нет», — подумал он. Затем открыл глаза и сказал:

— Боннет уже не грудной ребенок.

— Я проплавал с Джо уже несколько лет,— сказал Спарроу.— Не раз видел его пьяным. Действие давления ничем не отличается от действия спиртного. Он не из тех, кто себя оговаривает. Так что могут быть сделаны неправильные выводы...

— Он говорил только лишь о...

— Его душа в смятении,— сказал Спарроу.— Он нуж-

дается в таком, как вы, исповеднике. Пусть даже вы сами, ребята, и не считаете себя странствующими священниками...

— Подобное я уже слышал,— ответил Рэмси и внезапно понял, что и сам начинает исповедоваться.

— Всегда следует иметь выход с другой стороны, Джонни,— улыбнулся капитан.— Всегда надо продумать безопасный путь для отступления. Джо ненавидит тебя сейчас именно потому, что не желает себе признаться, как сильно он нуждается в тебе.

Рэмси подумал: «Интересно, кто здесь доктор, а кто пациент?»

— Капитан, вы хотите внушить мне, что я вкладываю свою лепту в религиозные игры?

— Здесь не может быть речи о мелких ставках,— ответил на это Спарроу.

— Н-да, догадываюсь, что вы правы,— согласился с ним Рэмси. Его губы сами собой сложились в улыбку.— У психоаналитиков есть такая шуточка: «Женюсь сразу же, когда закончу анализировать». А анализ никогда не заканчивается.— Про себя же он думал: «Отлично, маска сброшена. Почему бы мне не почувствовать облегчения? Подозрительно. Никакого облегчения не чувствую».

Спарроу изучал показания локаторов.

— Они уже вне зоны действия наших приборов.

Сначала он мурлыкал, а потом низким голосом запел:

— На скейте в рай не въедешь ты,

Не проскочишь жемчужны врата...

— Я больше не хочу огорчать Господа,— сказал Рэмси.

— Чего? — Спарроу отвернулся от пульта.

— Вы пели гимн «Я больше не хочу огорчать Господа».

— Да, это он.— Спарроу кивком головы указал на пульт.— Они ушли от нашего наблюдения в северо-восточный квадрант. Поверхностные течения идут здесь на северо-восток. Это значит, они решили, что мы всплываем. Дадим им часок поболтаться.

Рэмси проверил гидроакустический монитор на пульте и сказал:

— Все настроено на тот квадрант, капитан. Похоже, что там нет никаких следов засады.

— Ты уверен?

Рэмси кивнул на ленту монитора.

— Они сейчас суетятся, а это значит, что в любом случае не будут размышлять здраво,— сказал Спарроу.— Будь всегда спокойным, Джонни, и ты...

— Капитан!

В задней двери появился Боннет.

Спарроу и Рэмси обернулись к нему.

— У Джо что-то с кровяным давлением. Оно то падает, то поднимается, причем с каждым случаем амплитуда растёт. Сам он будто в шоке.

Спарроу повернулся к пульту управления.

— Они нас не услышат. Сматываемся, Джонни. Подымай нас на глубину 6000 футов. Быстро! — Он с шумом направился к двери.— Пошли со мной, Лес.

— А как же с баржей? — спросил Рэмси.

Спарроу остановился на полпути.

— Я бы послушался своего совета. Лес, сделай для Джо все, что только сможешь. Джонни, освободи муфту сцепления буксирных тросов.— Он направился к посту управления.— Мы подыдем «Рэм» и снимем «слизняк» с грунта, когда разматываем трос полностью.

— Так может попробовать стронуть его рывком? — предложил Рэмси.

— Если даже мы его и сможем стронуть, нас будет держать компенсационная система.

— Так,— согласился с ним Рэмси.

— Сбрось парочку «рыбок».

Рэмси нажал на две кнопки с красной обводкой.

Подлодка дернулась, но осталась на дне.

— Еще две,— приказал Спарроу.

Рэмси снова нажал на кнопки сброса торпед.

Нос подлодки медленно пошел вверх. Его подъем сопровождался вибрацией всего корпуса. Но корма оставалась внизу. Рэмси прибавил мощности двигателям, повернул носовые рули вверх.

Теперь «Рэм» скользил вперед и вверх. Все чувствовали громохание длинного троса, тянущегося за лодкой.

Когда его длина достигла 1700 футов, Спарроу сказал:

— А теперь попробуй притормозить трос на барабане.

Рэмси зажал ступицы барабана. «Рэм» натянул трос полностью.

— Попусти еще пять сотен футов.

Спарроу дал полную нагрузку двигателям.

— Стопори барабан.

Рэмси включил тумблер магнитных тормозов.

Подлодка остановилась практически полностью, но затем медленно-медленно все же продолжила подъем. Рэмси следил за показаниями приборов на пульте контроля баржи.

— Капитан, мы ее освободили. Только вот сколько мы потеряли ила компенсационной системы? — Он отклонился вправо, чтобы отрегулировать состав атмосферы. — Если мы потеряли балласт, тогда...

— Капитан! — Голос Боннета от задней двери.

Не отворачиваясь от пульта управления, Спарроу спросил:

— Как он там?

— Уже легче. Отдыхает. — Боннет поглядел на большой циферблат показателя статического давления. — 2790 фунтов. Выскочили нормально.

— Нормального еще ничего нет, — сказал Спарроу. — Становись за штурвал. — Сам он прошел к посту Рэмси.

— Какой курс? — спросил Боннет.

— Держать 197°.

— Есть держать 197°, — подтвердил Боннет.

— А теперь нам надо хоть немного везения, — сказал Рэмси.

— Святой Христофор работает уже сверхурочно, надзирая за этой операцией, — сказал Боннет.

— Похоже, что баржа держит гидростатический баланс, — сообщил Рэмси.

— Оставайся на посту, — удержал его Спарроу. — Рано еще говорить.

— Отсек «двадцать семь» немного капризничает, — доложил Рэмси.

— Как сильно?

— Процентов пять.

— Следи за ним. — Спарроу прошел к Боннету и поглядел на показания сонара. — Стая ушла от нас в самый угол северо-восточного квадранта.

— Они промахнулись, — сказал Боннет.

— Ты уверен, что с Джо все в порядке? — спросил у него капитан.

— Когда я уходил, все возвращалось к норме.

— Мммм, хммм. Так, не станем поддаваться на уловку командира противников. У него неполная информация. Поверхностные течения идут вот в этом направлении, —

Спарроу указал на нижнюю часть карты.— Южная акватория заражена радиоактивностью с Британских островов. Он знает, что мы не повернем на восток, в зону действия их береговых станций слежения. Ergo: Он считает, что мы пойдем с течением.

Боннет указал на обведенную красным границу области радиоактивного заражения к западу от Британии:

— Капитан, здесь есть глубоководное холодное течение, идущее на юг через эту зараженную область.

— Ты читаешь мои мысли,— ответил Спарроу.

— Оно не может быть таким же «горячим», как поверхность.

— Тут все зависит от того, насколько хорошо мы будем идти с этим холодным течением.

— Это все равно, что осторожно двигаться в тоннеле с односторонним движением,— сказал Рэмси.— Будем следовать в холодном течении незараженной воды. Но вот что случится, если мы подыдемся вверх, через «горячую» воду?

— Дай-ка подумать,— ответил Спарроу. Он вынул из кармана лист бумаги, что-то написал, поглядел на результат, дописал, опять проверил.— Держать курс 197°,— командовал он.— Для нас это лучший шанс.

— Так как насчет Джо? — спросил Боннет.

— Я схожу туда и посмотрю. Оставайся с Джонни. Дадите мне знать, когда забортная вода покажет выше 1000 миллирентген.

— Есть.

«Рэм» шел на юго-восток, все ближе и ближе прижимаясь к гибельному побережью Шотландии, подымаясь во все более мелкие воды. Относительно незараженное радиацией холодное течение становилось все меньше, пока не достигло толщины всего лишь в два раза больше размеров «Рэма» снизу доверху: около 120 футов.

Спарроу вернулся из лазарета.

— С Джо все в порядке. Никаких остаточных явлений.— Он остановился перед пультом контроля баржи.— Больше никаких отклонений в двадцать седьмом отсеке?

— Никаких. Мы не можем быть достаточно долго на одной глубине, чтобы перевести отсеки баржи на постоянное давление.— Рэмси поглядел на локационный пульт, на зеленое окошечко осциллографа.— От «восточных» пока

сигналов нет.— Он повернулся к Спарроу.— Мы можем рискнуть прозондировать «слизняк»?

Спарроу потянул себя за нижнюю губу, поглядел на осциллоскоп.

— Ладно. Только один раз.

Рэмси отрегулировал записывающую аппаратуру на пульте баржи и нажал кнопку сонара. Стрелки приборов дрогнули, отсчитывая показания отношения плотность/ время.

Спарроу заметил:

— Балластный отсек сдвинулся вперед.

Рэмси сравнил сигналы, проходящие внутри и снаружи баржи.

— Нефть в балласте,— сообщил он.— У нас где-то внутри трещина.

— И на поверхности мы оставляем нефтяные пятна,— прорычал Спарроу.— Если «восточные» проводят воздушное патрулирование этого района, они немедленно заметят след. Для них это станет прямой записью нашего движения.

Рэмси повернулся к таймеру.

— До рассвета наверху еще четыре часа. Что говорит Безопасность про воздушное патрулирование этого района?

— Не знаю. Надеюсь, что они...

— Что случилось?

В двери, ведущей к кормовым помещениям, стоял Гарсия.

— Тебе еще нельзя вставать. Марш в лазарет,— приказал Спарроу.

— Со мной все в порядке.— Он подошел к пульту управления.— Так что происходит?

— У нас утечка нефти,— объяснил ему Боннет.

Взгляд Гарсии метнулся к сонарной карте.

— Святая Дева! Что мы здесь делаем?

Спарроу приказал:

— Лес, всплываем. Джонни, следи за уровнем внешней радиации. Отмечай каждую тысячу миллиренгтен. Немедленно дайте знать, если треснутый отсек начнет рваться.— Он повернулся к Гарсии, какое-то время глядел на него.— Джо, как ты себя чувствуешь, чтобы подрихтовать баржу?

Гарсия пожал плечами.

— Почему бы и нет. Я прекрасно отдохнул. А чем я еще занимался?

— Квасил бормотуху,— сказал Боннет.— Признавайся, где спрятал бутылку? — Он подрегулировал угол подъема носовых рулей.

— Два градуса. Не больше! — буркнул Спарроу.

— Два градуса,— подтвердил Боннет.

Гарсия направился к двери, ведущей на мостки машинного отделения.

— Уровень радиации — 2200 миллиренгтен,— сообщил Ремси.— Давление — 690 фунтов на квадратный дюйм.

— Утечка нефти?

— Пятьдесят пять галлонов в минуту.

— Джонни, давай я постою тут вместо тебя,— предложил Спарроу,— а ты иди вперед и помоги там Джо.

— Есть.— Рэмси сдал пост и направился к двери, ведущей на мостки. Все четыре электромотора гудели под его ногами, серый металл корпусов матово отблескивал под лампами. Через паутину лестниц, мостков и заграждений высоко над собой Рэмси мог видеть Гарсию возле выходного аварийного люка, разматывающего страховочный конец.

Рэмси поднялся по лестнице и подошел к Гарсии.

— Джо, похоже, мы пойдем искупаться вместе.

Гарсия быстро глянул на него и вернулся к своему делу.

— Нет, это мое дело.

Рэмси перегнулся вперед и остановил барабан с тросом.

— Почему?

— Я здесь лучший пловец. Так что...

— А мне как-то показалось, что ты можешь бояться воды.

Гарсия усмехнулся, но тут же стал серьезным.

— Я несу ответственность за смерть одного человека во время игры в водное поло. Шею ему сломал. Но там был азарт игры. Тут — дело.

— Но ведь ты не совсем отошел после кессонной болезни.

— Я хорошо отдохнул.— Он распрямился.— Дай-ка мне с полки пластырь для подводных работ. Отличная штука.

Рэмси подошел к переборке и взял на полке пластырь. За спиной он услышал, как Гарсия говорит в микрофон интеркома:

- Это двадцать седьмой отсек?
- Да. А что? — Голос капитана в динамике был совершенно лишен человеческих тонов.
- Размышляю, как его ремонтировать...
- Джо, я сам это сделаю. Это...
- Я отдохнул, шкип. Чувствую себя прекрасно. Вы что, меня не помните? Соревнования по плаванию?
- Тишина. Затем:
- Ты уверен, что чувствуешь себя хорошо?
- Все тип-топ, капитан. Лучше не бывает.
- Рэмси.
- Тот повернулся, реакцией была улыбка, нажал кнопку ларингофона.
- Я здесь, капитан.
- Как самочувствие, Джо?
- Рэмси поглядел на Гарсию.
- Как обычно.
- Ладно, Джо. Но как только почувствуешь себя слишком весело, тут же возвращайся. Это приказ.
- Приятно, капитан. Сколько нефти мы теряем?
- Потери снижаются по мере нашего подъема. Сейчас — где-то галлонов тридцать в минуту. Пусть Рэмси оденет тебя в мою гидрокостюм. Эта нефть — такая мерзость, а тебе в ней работать.
- А помните, — сказал Гарсия, — на курсах переподготовки, когда отказал ваш гидрокостюм. Вы были похожи...
- Ладно, Джо. Как-нибудь в другой раз.
- Как «горячо» снаружи?
- Джо, ты можешь находиться там около часа. То есть, через сорок минут работы тебе надо будет возвратиться.
- Слишком мало времени, шкип. Хотя какой-нибудь запас имеется?
- Не думаю. Будешь следить за дозиметром своего гидрокостюма. Мы всплыли на глубину 150 футов и будем держаться на ручных насосах. Внешнее давление — 66 фунтов на квадратный дюйм. Радиация — 9050 миллирентген. Можешь выходить, Джо. Будь осторожен.
- Капитан, может мне выйти с ним? — спросил Рэмси.
- Мне не хочется, чтобы вы оба потом были в «остывающих», если можно без этого обойтись, — ответил Спарроу. — Помоги собраться и будь наготове у аварийного выхода.

— Есть.

Рэмси достал моющийся гидрокостюм, помог Гарсии одеть его и проверил все застежки.

Гарсия сказал в микрофон своего скафандра:

— Костюм даст мне кое-какой запас по времени. Так что получше проверь непроницаемость.

Рэмси снова тщательно просмотрел все застежки.

— Все плотно.

— Центральный пост, слышите меня?

— Четко и громко, Джо.

Я пошел.

— Мы попробуем проследить за тобой с помощью телекамер. Будь осторожен!

— Хорошо.

Гарсия нырнул в открытый люк, закрыл его изнутри. Рэмси слышал шум воды, заполняющей выходную камеру. Он достал еще один гидрокостюм и надел его, дважды проверив все застежки. В интеркоме он услышал голос Боннета:

— Давление в выходной камере выровнялось. Внешняя дверь открылась... закрылась...

Голос Спарроу:

— Джонни?

— Тут.

— Как только из камеры выйдет вода, сразу же зайди в нее и будь готов заполнить.

Шум сжатого воздуха. Возле выходного люка загорелась зеленая лампочка.

— Я пошел внутрь,— доложил Рэмси. Он проверил внешний запор, открыл крышку люка, влез в камеру и закрыл люк за собой. Над краном заполнения камеры мигала лампочка. Рэмси подобрался поближе к крану и уселся на пол.

— Включи переговорное устройство,— раздался голос Спарроу.

— Вы ко мне? — спросил Рэмси.

— Да. Мы не видим Джо через носовые камеры.

Рэмси смотрел на капли воды, просачивающиеся через вентиль затопления камеры, глянул на дозиметр гидрокостюма. Остаточный фон: опасная доза наберется только через семьдесят часов. Он осмотрел овальный отсек выходного люка. Гарсия был снаружи, скорее всего уже проник в двадцать седьмой отсек, где была трещина. Рэмси

мог себе только представить эти мучительные поиски в черной взвеси липучей нефти. Глаза у него стали закрываться, и он прибавил поступление кислорода от своего акваланга.

Стрелки часов продолжали вращение: пятьдесят пять минут.

— Рэмси!

Тот похолодел. До него дошло, что он уже получил какую-то дозу облучения.

— Здесь, капитан.

— У Джо закончилось данное ему время. Отправляйся посмотреть, что случилось... и будь поосторожней.

— Есть.

Рэмси повернул круглую рукоять заполняющего вентилia, почувствовал, как вода залила ноги. Холод проник даже через костюм. Одновременно загорелась лампочка предупреждения об радиационной опасности и зажужжал дозиметр. Красная стрелка показывала, что при данном уровне можно находиться в воде только семьдесят минут.

Давление в выходной камере выровнялось. Рэмси открыл внешний люк и закрепил крышку. Он взял фонарь, оттолкнулся от края выходного отверстия и выплыл наружу. И тут же его охватило чувство одиночества: никаких переговоров с лодкой, поскольку их могли подслушать враги.

Ручной фонарь осветил страховочный конец Гарсии, змеящийся в сторону кормы, в темноту. Рэмси пристегнул к тросу кольцо у себя на поясе и поплыл вдоль него. Вода была чернильно-черной, и луч фонаря не мог ее пробить. Он скорее почувствовал, чем увидал округлость «слизняка»: зрение мало могло помочь. Страховочный конец шел вдоль пластиковой стенки и забирался вверх, к выпуклости на спине «слизняка».

Рэмси потянул за конец. Никакой реакции. Тогда он поплыл вверх. Страховочный трос был обмотан петлей вокруг выпуклости входного люка, продолжение терялось в глубине баржи.

Вход в заполняющий патрубок. Рэмси распутал трос и снова потянул. Потом открыл задвижку впускного патрубка и нырнул вовнутрь.

Тут же навстречу ему рванулось целое облако нефти. Черные ее потоки циркулировали по всей протяженности заполняющей трубы. Рэмси закрыл задвижку, как вдруг

движущаяся масса коснулась его. За плечо схватила рука и сжала: раз, два, три.

Гарсия. Все в порядке.

Возвращались они вместе. Свет из выпускной камеры звал к себе из мрака, и они направлялись к светлomu пятну. Рэмси отстегнул пояс от страховочного конца, и Гарсия забрался в камеру, сматывая трос. Инженер закрыл крышку люка, задраил его. Рэмси открыл вентиль подачи сжатого воздуха, затем повернулся лицом к Гарсии.

— В барже все в порядке? — Голос Спарроу в интересе.

— Скорее всего, капитан, — ответил Рэмси.

— У Джо 25 минут переоблучения.

Рэмси глядел на нефтяные пятна на своем гидрокостюме. С бульканием из камеры вышли остатки забортной воды. Рэмси открыл кран подачи моющего раствора, чувствуя тугие удары бьющих под давлением струй. Нефть сходилa, растворяясь в пене.

— О'кей, Джо, — сказал он.

Гарсия оставался недвижимым.

— Давай, Джо, пошли.

Тот даже не шевелился.

— Капитан, с ним что-то случилось.

Никакого ответа.

Рэмси бросился к люку, ведущему вовнутрь лодки.

Гарсия вяло кивнул, отступил. Рэмси раздраил люк. Крышка отскочила в сторону сама, открытая изнутри, и Рэмси увидел Спарроу, уставившегося на него. Капитан протянул руку к его горлу.

И только сейчас Рэмси понял причину молчания. Микрофон выключен! Он нажал на кнопку одетой в рукавицу рукой и еще ухватил рычание Спарроу:

— ...немедленно в лазарет, Джо!

— Это струя моющего средства отключила мой микрофон, — оправдывался Рэмси.

— Смотреть надо! — рявкнул Спарроу. — Пошли отсюда.

Рэмси последовал за Гарсией, помог капитану снять с инженера гидрокостюм. Спарроу помог Гарсии подняться на мостки и снял с него ласты. Рэмси отступил назад и стянул с себя маску.

— Устал, — бормотал невнятно Гарсия. — ...знал, кто-то придет за мной... вытащит меня... опасности...

Он направился вниз по лестнице.

Рэмси снял гидрокостюм, взял гидрокостюм Гарсии и тоже спустился. Гарсия со Спарроу уже исчезли в двери, ведущей на центральный пост. Когда Рэмси прошел туда же, заработали электродвигатели.

Боннет стоял за штурвалом, один в путанице рычагов и циферблатов. Не оборачиваясь, он сказал:

— Иди на пост и помоги мне снова найти это холодное течение.

Рэмси прошел на вое место, проверил показания внешнего термометра. На глаза ему попался дозиметр.

— Кто поднял тревогу?

— Капитан. Он не отрывал глаз от него.

— Так мы с Джо болтались в этом слое?

— Нет. К этому времени люки были уже закрыты.

Рэмси опять задрожал, глянув на показания: 42000 миллирентген.

— Это же смертельная доза. Наверное, течение перемешало слои.

— Где это холодное течение? — перебил его Боннет.

Рэмси попробовал провести быстрый поиск сонаром, дождался эха.

— А ну, два градуса вправо... Так.

— Точно, удалось.

— Мы снова нашли его, — сказал Рэмси. — И радиация падает. — Он поглядел на показатель давления: 262 фунта на квадратный дюйм. — Мы снова нашли свое холодное течение, — сказал Рэмси. — Пусть оно тащит нас вниз.

— У баржи положительная плавучесть, ее выталкивает вверх, — нахмурился Боннет. Он нажал кнопку ларингофона. — Капитан, у «слизняк» положительная плавучесть.

— На какой мы глубине? — ответил ему голос Спарроу.

— Мы снова в холодном течении. Глубина — около 600 футов.

— Сворачивай на запад. Курс — 260° ровно.

— А если мы выйдем из термального потока?

— Вроде не должны.

— Как там Джо? — спросил Рэмси.

— Весь в дырках от укулов, — ответил Спарроу.

Боннет повернул штурвал, выставил носовые рули глубины. Палуба накренилась вниз градуса на три.

— Эта собака еще играет с нами, — сказал Рэмси.

— Ну почему бы нефти не быть тяжелой как свинец? — спросил Боннет. Он поменял угол наклона кормовых рулей глубины, потом носовых, поглядел на показатель скорости. — Эта зараза наполовину снизила нам скорость.

В помещение центрального поста вошел Спарроу, проверил положение рулей глубины, глянул на показания приборов.

Вдруг до Рэмси дошло, что Спарроу понадобился всего один взгляд, чтобы ознакомиться с жизнью корабля.

«Он сам часть этой машинерии», — подумал он.

— Баржа плохо слушается руля, — доложил Боннет. — Мы потеряли много балласта. Теперь надо найти где-нибудь чистый, «холодный» ил, чтобы восполнить его запас.

Рэмси поглядел на сонарную карту. Красное пятнышко, отмечающее их позицию, находилось севернее зараженных шотландских шхер, на линии, ведущей к Ньюфаундленду.

— Как раз по нашему курсу есть подводная гора Ольга, — сообщил он. — Западный ее склон омывается чистыми течениями и...

— Ил там может быть «горячее» наших замедлительных стержней в реакторе, — перебил его Спарроу. — И все же это может быть для нас шансом. Посему мы сменим курс.

— Внешняя радиация повысилась. Холодное течение уже меньше нашего диаметра.

— Так держать, — скомандовал Спарроу. — Баржа подцепила тут самую минимальную дозу. Есть возможность еще произвести антирадиационную обработку. А наша главная задача — доставить эту нефть домой.

— Но ведь он тоже будет «горячей», — удивился Боннет.

— И такую можно использовать, — объяснил ему Рэмси.

— Ближайшая наша задача, — сказал Спарроу, — набрать балласт. Но как это сделать, если мы не можем спуститься? Думаю, придется нам потерять еще одну «рыбку». — Он обратился к Рэмси. — Джонни, чувствуешь ли ты себя достаточно шустрым, чтобы, управляя дистанционно, зацепить конец шланга, засасывающего балласт, концом нашей торпеды «Соп-5» и опустить его на дно?

Рэмси вспомнил Учителя Рида на торпедной базе в

Бока Рэтон. Он поглаживал агатово-темную, гладенькую поверхность тонкой торпеды: «Это Соп-5. Пуговицы на носу — радар и телекамеры. С их помощью вы как бы сидите на носу этой крошки, наводя ее на цель». Затем он показал черную коробку радиопередатчика с телескопической антенной. «А это блок управления. Поглядите, что можно делать с торпедой. Штука довольно капризная, так что можно наделать много ошибок».

— Ладно, так что ты думаешь об этом? — спросил Спарроу.

— Как только эта крошка сойдет с крепления, она тут же приводится в боевую готовность и готова к взрыву. Если я зацеплю ее носом где-то рядом с нашим корпусом, нам конец.

— Так ты считаешь, что не сможешь управиться с ней?

— Этого я не говорил. — Рэмси поглядел на свои руки. Те не тряслись. — Если может кто-то другой, то могу и я, но...

— Здесь надо молодые руки, — сказал Спарроу. — Лес и я уже стары для этого.

— А как же, дедуля, — отозвался Боннет.

— Я серьезно, — сказал Спарроу. — Наконечник балластосборного шланга выступает где-то на фут. «Соп-5» делает более 15 узлов, так что шланг натянет хорошо. Это значит...

— Это значит, что лучше бы я был в порядке, — ответил Рэмси.

— Такое в первый раз, — сказал Боннет.

Рэмси вздрогнул.

— Ладно, в Бока Рэтон говорили, что с «Соп-5» я управляюсь нормально.

— Бока Рэтон? — спросил Спарроу. — Что это за Бока Рэтон?

Тут до Рэмси дошло, что он сделал следующую ошибку. Бока Рэтон была торпедной школой... для специалистов Службы Безопасности.

— Это, случаем, не тренировочный центр Безопасности? — спросил Боннет.

— Из-за болезни я не смог заниматься со своим курсом, вот меня и послали туда, — объяснил Рэмси, молясь про себя, чтобы ему поверили.

— Мы будем над Ольгой через двадцать минут, — сообщил Боннет.

— Я пойду глянуть, как там Джо,— сказал Спарроу и вышел.

— Гарсия собирается стать единоличным владельцем лазарета,— съехидничал Рэмси.

— Надеюсь, что с ним все в порядке,— ответил Боннет.— Не думаю, чтобы капитан специально посылал его на ремонт «слизняка». Только я не смог бы это сделать.

— И я не смог бы,— сказал Рэмси.— Но, догадываюсь, у капитана был свой резон.— Он нахмурился.— Хотелось бы знать, чем он руководствовался сейчас, пручая мне эту заковыристую работку.

— А ты уже игрался с «Соп-5»? — спросил Боннет. Рэмси неожиданно улыбнулся.

— А как же. Мой инструктор считал себя отчаянным парнем. Мы брали две торпеды: он управлял одной, я — другой. Устраивали в бухте игру в пятнашки. Кто запятнает первым, тот победил. Знаешь, я брал...

— Прекрасно, прекрасно,— перебил его Боннет.— Я хочу дойти до сути. Мне не надо большой «ба-бах!». Это игры для молодых, скажем, школьные игры. Так вот, мы уже давно кончили школу. А ты нет.

— О!

Боннет довольно засмеялся.

— Обычно я тоже неплохо играл в эти игрушки. Знаешь что, когда вернемся, сходим в торпедную школу, и я вызову тебя на подводный турнир. Весело?

Рэмси быстро пришел в себя.

— Значит, капитан никогда не ошибается, так?

— В людях никогда,— ответил Боннет.— То же самое касается и машин.— Он прервался, чтобы поправить угол наклона горизонтальных рулей.— А когда мы вернемся домой, его вызовут на ковер и намылят шею за то, что напрасно потерял много «рыбок». Опять же, запчастей.

Рэмси размышлял: «Уже психолог-первокурсник знает, что лидер группы — это объединяющая сила... логос. Теперь понятно, почему у этого экипажа самые высокие показатели. Спарроу — это...»

— Так вот, когда я подумаю про это, у меня прямо кровь вскипает,— сказал Боннет.

— Что заставляет твою кровь вскипать? — спросил вернувшийся Спарроу.

— Все эти высокопоставленные придурки на базе.

— А для чего они еще существуют? Сколько там до этой горы?

— Пять минут.

— О'кей. Джонни, посмотрим, насколько ты хорош в играх с «Соп-5»,— Спарроу указал на торпедный пульт.

— Как там Джо? — спросил Боннет.

— Я только что до краев напичкал его декарбонизирующими уколами. Если радиация осядет в костях, как инженера его можно списывать.

Рэмси неторопливо изучал торпедный пульт.

— Мы еще вовремя его вытащили,— сказал Боннет.— Ничего, через несколько дней будет как новенький. Без кальция, без карбонатов, без...

— Только сейчас же закажи ему резиновые кости,— перебил его Рэмси.— А сейчас помолчи.

— Маэстро готовится к выступлению,— понимающе сказал Боннет.

Рэмси глядел на батарею красных тумблеров, смотровых экранов, спусковых устройств. Перед ним была небольшая голубая палочка, которая в его руках будет представлять «Соп-5». Он выбрал одну модельку, подключил управление и сказал:

— Я готов. Глубина?

— Двадцать две сотни футов до дна,— ответил Боннет.— Можешь начинать сразу же.— Гора прямо под нами.— Он приглушил двигатели настолько, что «Рэм» еле двигался.

— Еще один запасной шланг у нас есть,— сказал Спарроу.

— Я могу сделать тренировочную попытку, чтобы взять пробу ила на радиационную проверку? — спросил Рэмси.

— Нет. Все надо сделать быстро. «Восточные» могут услышать наши управляющие импульсы. Если дно «горячее», что ж, у нас будет «горячая» нефть, ее можно будет использовать на смазку в атомном производстве.

— Так что, сейчас?

— Запускай,— скомандовал Спарроу.— Лес, подсвети шланговый барабан.

— Уже готово,— ответил Боннет.

Рэмси переключил телеэкран на носовые камеры своей торпеды, включил источник излучения широкого спектра, расположенный рядом. Сейчас на экране была часть кор-

пуса «Рэма», видимая в инфракрасных лучах. Пыхтели боковые прожектора, овеивавшие барабан со шлангом. В другой части экрана показывалось относительное положение подлодки и тоненькой «Соп-5».

— Добавьте, пожалуйста, скорости,— сказал Рэмси.— Мы будем идти ровнее.

Боннет продвинул рычаг управления скоростью на одно деление, и «Рэм» двинулся быстрее.

Рэмси подвел смертельно опасную торпеду поближе к корпусу. Он не мог видеть ее остроконечных стабилизаторов, но знал, где те находятся — спереди, возле игольчатого носа.

— Помигай боковыми прожекторами,— попросил он Боннета.

Тот нажал на тумблер: включено, выключено, включено, выключено.

Сияние на экране у Рэмси стало тоже мерцать в ритме выключения.

— Хотелось знать точно, что это те самые прожектора,— обяснил Рэмси. Он провел торпеду над самыми фонарями. Сейчас наконечник шланга был спереди и торчал под углом в 45° от плоскости барабана.

— Отлично,— сказал Рэмси.— Поехали.— Он отвел торпеду назад на десять футов и дал на ее двигатели полную мощность. Та рванулась вперед, налетела на конец шланга, как бы поколебалась, но потом помчалась дальше.

— Захват получился,— сообщил Боннет.

— Что еще? — спросил Рэмси. Он чуть-чуть снизил скорость торпеды и поглядел на данные прибора, показывающего скорость барабана шланга. Внезапно та снизилась до нуля.

— Ты упустил наконечник,— сказал Спарроу.

Рэмси повел торпеду по кругу. Змеящийся шланг снова был виден на экране. Электронщик снова разогнал свою маленькую «Соп-5», и та захватила наконечник будто голодная акула. «Надо получше его держать».

— Я стану ходить по кругу над этой горой,— сказал Боннет.— Слежу за тобой на своем локаторном пульте. За сотню футов до дна предупрежу. А оттуда уже пойдешь сам.

— На этот раз я ухватил шланг где-то футах в десяти от наконечника,— сказал Рэмси.— Включишь насосы сразу же, как только я воткну шланг в ил, это его удержит

на месте. Не хотелось бы припиливать эту опасную булавочку слишком близко.

— Насосы готовы,— доложил Боннет.

Рэмси быстро поглядел по сторонам, увидел Спарроу возле пульта управления баржой, его руки, лежащие на рукоятках.

Он представил себе все соединения, идущие через управляющий пульт к корме, паутину проводов, соединяющих «Рэм» и «слизняк». Если там не будет никаких разрывов... если удастся воткнуть наконечник шланга в ил... если...

— Сотня футов,— доложил Боннет.— Ты идешь над восточным склоном горы.

— Я уже вижу ее очертания,— сказал Рэмси, не отрывая глаз от экрана.

Он подводил торпеду все ближе и ближе ко дну.

— На месте,— сказал он.— Скорее всего, ил тут имеется.

— Помолись, чтобы он был «холодным»,— сказал Спарроу.

— Лучше помолитесь, чтобы у нас был балласт.

Он подводил торпеду и наконечник шланга все ближе... ближе...

— Есть.

— Качай и... держи,— сказал Спарроу.

Рэмси отцепил «Соп-5» от шланга и повел ее наверх.

— Не уводи эту штуку слишком далеко, будь наготове,— предупредил Спарроу.— Может надо будет переместить шланг.

Они ждали.

— Нос «слизня» опускается,— сказал Спарроу. Он подключил радиометр балластного отсека.— Слава Богу, ил «холодный».

Пока «Рэм» кружил над подводной горой, «слизняк» понемногу приобретал гидростатический баланс. Наконец Спарроу сказал:

— Отлично, Джонни. Найди какую-нибудь глубокую впадину для «Соп-5» и загони ее туда. Только не надо взрывать.

— Есть.— Рэмси послал маленькую торпеду вниз, вдоль склона подводной горы, нашел край подводного обрыва и посадил металлическую «рыбку» на дно. Он отключил дистанционное управление и встал из-за пульта.

— Шланг уже смотан,— сообщил Спарроу.— Лес, погружение, и сразу же входим в это холодное подводное течение. Курс — 260°. Джонни, глянешь на Джо?

— Есть, капитан.— Внезапно Рэмси почувствовал себя совершенно обессиленным, он держался исключительно на нервах.

— А после того и сам пойдешь отдохнуть.

Рэмси направился в лазарет.

Гарсия, одетый только в шорты, лежал на кровати под лучами кварцевой лампы. Он развалился на спине, закрывая смуглой рукой глаза. На коже блестели капельки пота. Когда Рэмси вошел, Гарсия отнял руку и поглядел из-под нее.

— Это ты?

— А ты кого ожидал? Генерального хирурга?

— Не смешно.

Рэмси коснулся его лба тыльной стороной ладони.

— Морозит?

Гарсия прокашлялся.

— Немного. Это после чертовых декальцифицирующих уколов.

Рэмси поглядел на расписание инъекций, подвешенное Спарроу над кроватью.

— Самое время делать следующие уколы: декарбанатный и дефосфатный. А через час еще один — десульфатный.— Он прошел к медшкафчику у противоположной стены, заметил, что Спарроу уложил уже необходимые шприцы на стерильной вате, проверил этикетки.

— Что вы там делали? — спросил Гарсия.

Рэмси подошел с приготовленными шприцами и сказал: — Закачали новый балласт в «слизняк». Повернись-ка.

— Этот в левую руку,— указал Гарсия. Он протянул руку, проследил, как Рэмси продезинфицировал участок кожи, сделал укол и уложил шприц в аптечку.

После всего Гарсия спросил:

— Ну что, разгадал ты со своей черной коробочкой капитана?

Рэмси застыл на месте. Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться и повернулся к Гарсии.

— Что ты имеешь в виду?

Лицо Гарсии перекосило усмешкой.

— Только не строй из себя невинного младенца,

Джонни. Ты знаешь меня. Я их тех, кто способен заменить тебя в электронной мастерской, если ты будешь в отключке.

— Но...

— У меня хобби такое — вскрывать замки и заходить. — Гарсия подложил руки под голову, скривившись, когда пришлось шевельнуть левой рукой. — Не стоило искушать такого парня, как я. Слышал про ящик Пандоры? — Рэмси смочил языком пересохшие губы.

— Ты имеешь в виду аппаратуру для дальнего зондирования?

— Старик, ты что, не понял, твое дело швах. — Он испытующе поглядел на Рэмси. — Это устройство в коробке лишь для того, чтобы замылить глаза капитану. Не знаю как, но...

— Ладно, давай завяжем про это, — предложил Рэмси. — Ты...

— И я подверг эту штуку испытанию.

— Испытал?

— Ты чертовски упрямый тип, Джонни. Если бы я не...

— Начни с начала, — устало сказал Рэмси. — Хочу знать, что ты думаешь про все это.

— Довольно-таки много, — ответил Гарсия и лег поудобней.

Рэмси взял стул и подсел ближе.

— С самого начала, — начал Гарсия, — ты не посвятил меня во все эти тайны с черной коробкой. С твоей стороны это было ошибкой. Любой нормальный электронщик всегда переполнен желанием похвастаться своими цацками перед другими, знающими в этом толк, кто говорит на одном жаргоне с ним. — Уголки губ Гарсии натянула улыбка. — Кстати, ты не употребляешь жаргона.

— И что с того?

— Следовательно, на борту нет никого, кто пользовался бы твоим личным жаргоном.

— И потому ты решил, что я шпион?

Гарсия покачал головой.

— Я никогда не считал тебя шпионом. — Он нахмурился. — Извини. Наверно, я смог бы предотвратить эту твою несчастную стычку с Лесом. Но я все время был уверен, что ты не шпион.

— Откуда такая уверенность?

— Твоя ирония неуместна. — Гарсия поколебался. —

К тому же — моя жена, — это двоюродная сестра командера Гедсена с «Дельфина». На Геда огромное впечатление произвел один парень по прозвищу Долговязый Джон Рэмси из ПсиБю, который вытащил их из больших неприятностей, когда у них накрылась кислородная система. Он рассказывал, что этот Рэмси на ходу симпровизировал «вампиры» и проделал эффектные штучки с ангидразой, о чем не писалось в книжках. Он считал, что этот Рэмси спас им всем жизнь.

— И откуда ты решил, что я тот самый Рэмси?

— Гед был чертовски поражен этим Долговязым Джоном Рэмси, кроме одного: он говорил, что рыжий сукин сын действовал всем на нервы своим всезнайством.

— Но в мире полно рыжих...

— А как же! — Гарсия покачал головой. — Ты из ПсиБю. И только две вещи на нашей плавучей канализационной трубе интересуют тебя больше всего остального: капитан и черная коробка в твоей каюте. Потому-то я и вскрыл ее.

Рэмси через силу пытался оставаться бесстрастным.

— И?

На лице Гарсии появилась таинственная усмешка.

— Там было отдельное записывающее устройство, сопряженное с таймером. Я скопировал четыре из твоих лент и проверил назад по времени, что мы тогда делали.

— И что это тебе показало?

— Когда капитан спал, линии на твоих графиках выравнивались. И это каждый раз.

Рэмси вздрогнул, но не сказал ни слова.

— Но мне надо было главное, основное доказательство. Дважды, когда капитан калечился — когда его ударило током, и когда он счесал кожу на лодыжке — я заметил точное время. Так вот, именно в эти моменты линии графиков на твоих лентах зашкаливали.

Рэмси про себя промотал ленты назад; теперь его тогдашние недоумения объяснились.

— Умно.

— Спасибо, старик. Я тоже так о себе подумал.

— И что это доказывает?

Гарсия поднял брови.

— Это доказывает, что ты записываешь какие-то внутренние реакции капитана. А только одну разновидность парней интересуется, что тикает в человеке.

— Ну?

— И это элементарно приписывает тебя к головокопателям.

Рэмси улыбнулся, пусть и невольно. «Ну вот, меня и умыли,— подумал он.— Хорошо еще, что я в приличной компании».

— Не думаю, что буду тебя выдавать,— сказал Гарсия.— Представление еще до конца не выдохлось. Мне следует помнить, что надо благодарить ПсиБю за одно из самых увлекательных путешествий в своей жизни.

— Мне кажется, что ты хочешь вмешаться в действие.

— Боже упаси, нет! У меня всегда имеется своя роль. Но одно, старик, я должен сказать. Не стоит подцеплять нашего Сэвви Спарроу на крючок.

— Не понял?

— Это он режиссер всего спектакля. Знаешь ты это или нет, но это он следит за ходом сценария.

Рэмси подавил неприятное чувство беспокойства.

— И поэтому ты не хочешь меня выдавать?

— Естественно, ты правильно все понял.— В голосе Гарсии появились низкие, звенящие злостью нотки.— А теперь делай мне следующий укол и уматывай к чертовой бабушке! Меня уже начинает доставать твое чувство превосходства.

Рэмси почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Он пару раз глубоко вздохнул и встал на ноги.

Гарсия делано перевернулся на живот и прохрипел, прижав губы к подушке:

— На этот раз, старик, в левую ягодицу. Только не разряди на мне свою злость.

Рэмси прошел к шкафчику с препаратами, вернулся со шприцом и сделал укол.

— Совсем не больно,— удивился Гарсия.— У тебя железные нервы.

Рэмси прошел к кровати, положив шприцы на место.

— Так какое чувство превосходства? — требовательно спросил он.

Гарсия перекатился на спину, скорчил гримасу, и сказал:

— Я не имею в виду, что тебе не нравится Лес или я, но, ради Бога, жизнью своей ты обязан...

— Хватит! — прорычал Рэмси.— Ты говорил здесь о

превосходстве. Любой придурок будет говорить тут о превосходстве...

— Ну ты и сказанул. У всех нас есть свои маленькие недостатки. В том числе и у юного эсина...

— Ты имел в виду нечто другое,— нахмурился Рэмси.

— Да, имел,— согласно кивнул Гарсия.— Скорее всего, ты просто хотел стать в нашей банде своим. Вопреки...— он замолк.

— Вопреки чему?

— Своей второй работе.

— Может и потому...— ответил Рэмси.

Гарсия отмахнулся.

— Я никогда над этим не задумывался. Но в этом есть смысл. Вы, психмены, должны быть чертовски одинокими. Все ваши приятели — не по профессии — всегда насто-роже, чтобы не попасться к вам же в когти.

Рэмси сунул руки в карманы брюк.

— С чего это такое плохое мнение о психологах?

— Наблюдал за вашими операциями, док.

Рэмси фыркнул.

— Ты же никогда не видел, как я провожу операции.— Он подвинул стул к кровати Гарсии и уселся.— Ты хотел поговорить серьезно.

Гарсия приподнялся на локте.

— Смотри, старина, я действительно...

— Твоя тайна вышла наружу,— сказал Рэмси.

Гарсия побледнел.

— Что... ты... имеешь... в виду?

— Сейчас ты ведешь себя и действуешь, как человек под страхом лишения жизни, более ужасным, чем даже страх перед смертью. Ты пытаешься изобразить из себя жертву, как будто тебя собираются наказывать...— Рэмси замолк и пристально поглядел на Гарсию.

— Ну?

— До этого я как-то не обращал на это внимания. Джо, ты связан каким-то образом со смертью лейтенанта из Безопасности?

Гарсия упал на подушку.

— Нет.

— И даже косвенно?

— Я ничего не знал о нем, пока мы не нашли тело.

Рэмси уже собрался кивнуть, но тут к нему пришла

мысль: «Погоди, ведь это не прямой ответ. Это только увертка, отговорка, похожая на ответ». Он сказал:

— Ты предпочитаешь лгать косвенным образом?

Гарсия уставился в потолок, губы сомкнулись в твердую линию.

— Ладно, Джо. Поговорим о чем-нибудь еще.

— А почему бы не поговорить о тебе самом?

— Ты для меня слишком приятный собеседник. Скажи, Джо, только не как психологу, что просматривается через твою притворную стенку неадекватной агрессивности...

— Вот посмотри, парень.— Гарсия повернул голову на подушке так, чтобы глядеть прямо на Рэмси.— Вот ты пришел за мной, когда я ремонтировал «слизняка». С твоей стороны это был напрасный, бойскаутский поступок, если можно так выразиться, и я поблагодарил тебя, когда мы возвратились, но...

— Поблагодарил меня?

— А, я и забыл, ты свалил дурака с напором моющего средства, и при этом твоя аппаратура связи отключилась. Бывает. Так вот, тогда я сказал нечто вроде того, что поступок твой был ненужным. В случае опасности я мог бы выбраться из «слизняка», прорубил бы стенку... Так что мы...

— С чем ты мог выбраться?

— Не понял.

— Перед тем, как надеть гидрокостюм, ты вывернул карманы. Твой нож оставался здесь, в шкафчике, когда я был готов выйти наружу. Так с чем ты собирался прорваться из «слизняка» — с куском пластыря?

Смуглое лицо Гарсии побледнело.

— Валяй, продолжай,— предложил Рэмси.

— Ты выстроил свою роль еще круче, чем даже собирался вначале, Джонни. Кто писал для тебя сценарий?

— Все потому, что ты никогда не видел моих операций. А сейчас я хочу задать тебе вопрос. Хотелось бы получить прямой ответ и немедленно. Хорошо?

Гарсия слабо усмехнулся.

— Договорились.

— Что есть в этой службе, что по-настоящему «давит» на подводника?

— Ничего на нас не давит,— ответил Гарсия. Мы любим свою работу. Во всем мире ничего не может срав-

ниться с подводными буксировщиками. Ты будто играешь с пантерой, ловя ее за хвост.

— Я серьезно, Джо. Я ищу нечто внутри тебя, что закупорено и не может найти выхода. Мне кажется, я знаю, что это такое, только хотелось бы услышать об этом от кого-нибудь еще. Например, от такого, как ты, что разбирается и в людях, и в подлодках. Мне кажется, что раньше мы искали не в том направлении.

— Что ты хочешь знать?

— Я не собираюсь тебе подсказывать. Хочу знать, что есть такого в этой службе, что по-настоящему жжет твою задницу, о чем вы предпочитаете не говорить даже среди своих.

Гарсия снова оперся на локоть. Он поморщился, когда двинул рукой, куда перед тем делались уколы.

— Хорошо, Джонни-малыш. Ты заслуживаешь прямого ответа хотя бы за то, что парень ты наблюдательный: нож и все такое. Ты видел, как мы уходили в плавание?

— Да.

— Выползали, как змеи. Тебе могло показаться, что так заведено.

— Это требования Безопасности.

— Да к чертовой матери Безопасность. Или эти тупицы до сих пор представляют, будто «восточные» понятия не имеют о размещении наших баз?

Рэмси покачал головой.

— Ну ладно, допустим, Безопасность уверена, что «восточные» знают, где находятся наши базы. Если они получили наше шифрованное послание, они подтвердят эту уверенность.

— Они и без того знают об этом. Все эти игры в «казанки-разбойники» — это для придурков. Единственная причина, по которой стаи «восточных» не сторожат выходы из всех наших пяти баз — это морское и воздушное патрулирование.

— Пяти?

— Пять баз, Джонни. Об этом знает любой подводник. Знают капитаны, значит знают и моряки. Это лишь Безопасность может умалчивать...

— Я тебя не понимаю, Джо. Извини.

— Джонни, скажем, ты единственный на борту умеешь управлять кораблем. Остальные разбираются в чем-то остальном. Допустим, в реакторах. Для тебя, Джонни,

вопрос жизни и смерти знать, что медцентр по лучевой болезни находится на другом конце Чарлстонского короткого тоннеля, что тоннель этот выходит в Чарлстонскую бухту уже за молом, в сотне футов слева...

— Я понял, что ты имеешь в виду. Значит, у нас пять баз.

— Вообще-то было шесть. Но «восточные» устроили диверсию на одном из наших подводных крейсеров, и тот взорвался, проходя тоннель — как проходили и мы сами. Сейчас мы имеем там кратер Тела Христова...

— Погоди! — Рэмси потряс головой. — Но ведь это была «восточная» ракета!

— Дерьмо собачье! И от него так просто не отмоешься, Джонни. Невозможно объяснить, каким образом эта ракета пробила нашу «совершеннейшую» автоматизированную систему защиты и плюхнулась прямиком в тоннель.

— Как это, в тоннель?

— Джонни, я был там. Как и другие ребята-подводники. Пусть Безопасность вешает лапшу на уши кому другому, только не нам. Ты не скажешь мне, как это ракета, наводимая из Сибири, пусть даже и случайно попадает в Техасе прямиком в яблочко? Уж слишком притянута за уши.

Он откинулся на подушку.

— Допустим, что я согласен с твоими доводами, — сказал Рэмси. — Но как быть с моим главным вопросом?

— Ты все еще собираешься влезть в мои мысли?

— Я хочу получить ответ на свой вопрос.

Гарсия уставился в потолок.

— Ладно, Джонни. На твой вопрос можно ответить приблизительно следующее: во всех службах есть люди — не только на подводных лодках — которые настолько больны от войны — войны год за годом, год за годом — настолько больны от вечного страха, что им уже безразлично что-то другое. Смерть? Старинная подруга, живущая по-соседству, за переборкой. И предпочтительным становится уже совершенно противоположное. Например, хочется плевать на свои обязанности, хочется, чтобы выиграла другая сторона. Пусть побеждает кто угодно, лишь бы остановить, прекратить это дело — кровавое, глупое и бесконечное.

Голос его затих, и Гарсия отвернулся, уставившись в стенку.

— Но ведь это же безумие,— прошептал Рэмси.

— Вот именно,— тихо сказал Гарсия.— Не станешь же ты доказывать, что война дело разумное. Ведь мы люди, что бы это ни значило. Если безумие — это образец для поведения, тогда все мы и ты мало кого найдем, кто понимал бы это противоречие. И вот тогда небольшие остатки здравого смысла, когда везде льется кровь, будут проявляться совершенно иным образом.

— Каким?

— Как у нашего капитана. Ты видел, как он молился за души тех, кого убил. Вот это и есть остатки здравого смысла, нормальности. Ты можешь почувствовать это.— Он устремил горящие глаза на Рэмси.— Ты когда-нибудь думал про то, какие они — эти парни? Черт побери! Не могут же они слишком отличаться от нас! У них есть жены, дети, любимые, надежды и страхи. Я точно знаю, имеются люди, которые думают про эту долбаную войну то же самое, что и мы, их враги.— Голос его стал громче.— Ничего! Главное — сказать. Это как боль в груди, которая никак не кончается, а только накапливается и накапливается.

— Джо, спокойней.

Гарсия расслабился.

— Все в порядке.

— Это все военный синдром, давление войны,— сказал Рэмси.— О чем-то подобном я и думал.— Он вздрогнул.— Нет, скорее всего ты говоришь о том же самом.

— Каком том же?

— Каким-то образом это может быть связано с инстинктом смерти.

— Ой, для таких, как я, это слишком заумно.

— Я этого не говорил.

— Но предположил, Джонни-малыш. Еще один из ваших эзотерических нонсенов. Я изучал психологию. Читал и старых, и новых мастеров: Фрейда, Юнга, Адлера, Фримана, Лози, Кмисая. Я искал ответы, а нашел лишь толкования, оговорки. Но жаргон я знаю.

— Тогда ты знаешь и про «инстинкт смерти».

— А как же, Джонни. И «восточные», и мы — все слепы прут к тотальному уничтожению. Ты это хотел мне сказать?

— Нет, не совсем то. Я думал про другое. Но, может, я ошибался.

— А может, и я хочу быть слепым.

— Да. Мы слишком рано перескочили к другим проблемам, Джо. Ты мне не ответил. Готов ты мне сказать, что это «восточные» сделали тебе предложение делать грязные делишки для них?

Гарсия холодно поглядел на него.

— Надеюсь, что мы оба будем жариться в аду, — сказал он, четко выговаривая слова.

Рэмси поднялся.

— Ты мне очень помог, Джо. Но тебе и вправду надо отдохнуть.

Он отключил кварцевую лампу над кроватью и пошел к двери.

— Ты думаешь, что я «спящий» агент? — спросил Гарсия.

Не поворачиваясь, Рэмси ответил:

— А разве «спящий» ползет получать сверхдозу радиации, чтобы укрыть нас от врагов?

— Возможно, — ответил Гарсия. — Если ему осточертела его работа, и он устал от войны так же, как и я.

«И это именно тот ответ, которого я боялся», — подумал Рэмси. Он сказал:

— Отдыхай.

— Чтоб тебя черти разодрали.

Рэмси вышел в коридор и внезапно заметил, что этот серый проход не ведет никуда. Он подумал: «Мой собственный мир катится к шизофрении. Безопасность! Их задача — сделать нас еще большими шизоидами, разрушить как можно больше коммуникативных связей». Он опять повернулся, чтобы посмотреть на Гарсию. Тот повернулся на бок и глядел в стенку. «Вот почему так важно принадлежать к группе Сэвви Спарроу. Здесь есть островок здравого смысла».

Тут он вспомнил Хеппенера, сошедшего с ума электроника. «Если ты не можешь быть вместе, и не можешь уйти — что тогда?»

И форма, и содержание вопроса стали преобразовываться в сознании Рэмси.

Он направился на центральный пост. Помещение показалось ему громадным: тепло, горят красные и зеленые огоньки, свистящий шум двигателей, легкий запах озона и масла, протекающего в глубоко скрытых системах,

запахи, которые не могли полностью поглотить никакие фильтры.

Спарроу стоял у штурвала, совершенно истощенная фигура, одежда болталась на нем мешком. Внезапно до Рэмси дошло, что капитан страшно потерял в весе, хотя, вроде бы, для этого не было никакого повода.

— Как там Джо? — спросил Спарроу, не поворачиваясь.

«Он увидел мое отражение на приборном стекле,— подумал Рэмси.— От него ничего не уйдет».

— Похоже, что с ним все будет в порядке,— ответил Рэмси.— Его «вампир» показывает отрицательное поглощение. Наверное, он немного облысеет, и, конечно, его ждут приступы тошноты.

— Мы высадим его в Чарлстоне,— сказал Спарроу.— «Вампир» ничего не может сказать, как там у него с костным мозгом. Главное, чтобы не было слишком поздно.

— Пока что все говорит за то, что он выкарабкается. Ионы кальция заменятся на незараженные. По сульфатам показатели отрицательные. Так что с ним все будет хорошо.

— Дай Бог, Джонни. Я проплавал с ним долгое время, и потому мне не хотелось бы его терять.

— Он знает об этом, капитан.

Спарроу обернулся, сделал странный, плавный жест рукой, улыбнулся.

— Догадываюсь, что так оно и было.

А Рэмси подумал: «Ты не можешь сказать мужчине, что любишь его. Нет, если ты сам мужчина. Еще одна проблема. У нас нет подходящего слова, которое не перешло бы на секс». Он спросил:

— А где Лес?

— Пошел немного отдохнуть. Двадцать минут назад мы вышли в Арктическое течение.

Рэмси направился к своему посту у локационного пульта, положил руку на вентиль воздухообменника. В голове клубились мысли. После разговора с Гарсией он будто бы поднялся к поверхности, давление внутри головы уменьшилось.

— Через час Лес заступит на вахту,— сказал Спарроу.— Пока же я справляюсь и сам. Ты придешь через три

часа. Будем уплотнять расписание, пока нет Джо.
— Хорошо, капитан.

Он направился к себе в каюту и вдруг понял, что чертовски устал. Ему было не до телеметрии и лент с записями. Он и так знал, что там увидит: железное самообладание, самоконтроль, выдающие себя за нормальность. Но может это и была нормальность. Он заснул, даже не раздеваясь.

«Рэм» пробирался на юго-запад, в родные воды, стрелки таймера продолжали отсчитывать дни. Монотонная смена вахт среди холодных труб, циферблатов, рычагов, вентилей, мигающих ламп и жужжания приборов. Те же самые лица и те же самые опасности.

Но даже и риск может надоесть.

Далекий звук винтов в зоне, где все звуки означают «охотника».

Ждать и слушать. Пробирайтесь вперед на самой малой скорости. Ждать и слушать. Опять проползти на несколько миль. Ждать и слушать. Далекие звуки исчезли. «Рем» наращивает скорость, следя за происходящим вокруг красными глазками локаторов и сонара.

Гарсия поднялся уже на четвертый день — выглядел он угрюмо и злобно, особенно, когда рядом был Рэмси.

Буксировщик, не смотря ни на что, держал путь в безопасные для себя воды, таща за собой упирающегося «слизняк» — приз, уведенный из-под носа у самой смерти.

И особенное напряжение — новый род давления — влияло на поведение экипажа «Рэма». Оно как бы говорило: «Мы собираемся сделать это... Мы собираемся сделать это... Мы уже почти сделали это...»

Разве не мы?»

Рэмси спал в своей койке, сражаясь с безмолвным кошмаром, в котором Спарроу, Гарсия и Боннет внезапно поворачивались к нему, и у всех были лица безумного Хеппнера.

Медленно, очень медленно кошмар покинул его, оставив лежать неподвижно в схожей с материнской утробой неподвижности подлодки.

Неподвижность!

Рэмси уселся на койке, уже полностью проснувшись. Все его чувства буквально кричали о присутствии стран-

ного, чужеродного элемента: спокойствия. Он взял себя в руки и включил бра над койкой. Свет был тусклым — значит, они шли на аварийных аккумуляторах.

— Джонни! — Голос Спарроу в настенном динамике.

— Я здесь, капитан.

— Немедленно в мастерскую. У нас неприятности с реактором.

— Бегу.

Ноги сами вскочили в туфли. Рэмси выключил свет, выскочил в дверь, наверх по лестнице, перескакивая по две ступени за раз, потом вниз по проходу, в мастерскую, где сразу же включил переговорное устройство.

— Я на месте, капитан. Что-то серьезное?

Ответил Боннет.

— Авария на всю катушку.

— Где капитан?

— Впереди, вместе с Джо.

— Но ведь Джо нельзя там ни в коем случае находиться. Он еще «остывает».

— Это случилось на его вахте. Ты же знаешь, как...

— Джонни! — Голос Спарроу в интеркоме.

— Здесь.

— Переводи мастерскую на минимум потребления энергии и беги вперед.

— Есть.

Рэмси обнаружил, что руки уже сами знают, за какой тумблер взяться. Он благословил долгие часы упорных тренировок на макете. Но сейчас произошло то, о чем говорил куратор Рид: «На подложке нет такого понятия как маленькая, небольшая авария». На всякий случай Рэмси снова оглядел все вокруг: лампы готовности горят янтарным светом, все штеккера отключены, главный рубильник отключен, индикатор релейной цепи связи с центральным постом горит зеленым. Он включил ларингофон:

— Лес, все на тебе.

— Беги уже.

И он выбежал в дверь, повернул в центральный проход, через помещение поста управления, даже не глянув на Боннета и на центральные мостки машинного отделения. Здесь тихо гудел всего один электромотор: аккумуляторы позволяли лишь самый тихий ход.

Гарсия стоял рядом со входом в тоннель, ведущий к реактору. Его руки дергали молнию скафандра антирадиационной защиты.

Первой мыслью Рэмси было: «Что случилось со Спарроу? Он не мог послать Джо туда!» Но потом он все понял.

Рядом с Гарсией был захват наконечника шланга с моющим средством. Спарроу стоял в футах двадцати, на нижних мостках. Пространство между ними было все запачкано пятнами пены. Как только капитан попытался сделать шаг вперед, Гарсия бросил молнию и схватился за шланг.

— Оставайтесь на месте!

Голос Гарсии звучал металлическим эхом, и Рэмси понял, что тот говорит в микрофон своего скафандра.

Гарсия направил наконечник шланга на Спарроу.

— Еще шаг, и снова испытаете эту дрянь на вкус.

Рэмси прошел к левой вертикальной лестнице, спустился к Спарроу. Он увидел, что весь перед одежды Спарроу был в пятнах пены, и догадался, что может сделать с человеком струя, бьющая под высоким давлением.

— Набросимся на него, капитан? — спросил он. — Я мог бы спуститься.

— О, а это, случаем, не головокопатель? — спросил Гарсия. Молния на скафандре уже пустила. Пластина кварцевого стекла на шлеме скафандра поблескивала, будто глаз циклопа.

Спарроу взглянул на Рэмси, потом повернулся к Гарсии спиной.

— Пока у него шланг, мы ничего не сможем сделать. Придется согласиться на его условия.

— Пусть и головокопатель соглашается, — сказал Гарсия. Его голос гремел из динамика на переборке. — Это его прерогатива.

— Ведь Джо всего четыре дня назад получил уже дозу облучения, — заметил Рэмси.

— Это мое представление! — сказал Гарсия. — Это моя роль. Я собираюсь зайти в тоннель, и ничто не сможет меня остановить. К тому же я знаю эту часть лодки лучше всех.

Рэмси глянул на открытую дверь в тоннель и вдруг вспомнил, что это тот самый, где они нашли мертвого офицера Безопасности.

Гарсия уже наполовину повернулся к ходу в тоннель.

— Остановись, Джо! — загремел Спарроу. — Это приказ! — Он резко рванул вперед, но тут же был отброшен тугой струей из шланга.

Рэмси за его спиной тоже получил свою порцию, поскользнулся и упал на колени. В то время, как он поднимался на ноги, Гарсия исчез в тоннеле, закрывая за собой ход.

— Он взял с собой ломик, собираясь завернуть запоры изнутри, чтобы мы не пошли за ним.

Они услышали скрежет металла по металлу.

Голос Гарсии пришел из стенного динамика.

— Правильно, капитан. Вы не сможете со своими ребятами помешать мне сыграть мою роль. Зато у вас есть места в переднем ряду, так что наслаждайтесь представлением.

— Он успел запереть дверь? — спросил Рэмси.

Спарроу, скользя на пене, подобрался к ходу, проверил запоры.

— Завертки затянуты.

— Он что, с ума сошел?

— Да нет же! — заорал на него Спарроу. — Авария реактора. Вот он и помчался сделать все, что можно!

Рэмси глянул на радиометр над ходом в тоннель и заметил, что его стрелка была в красном секторе.

— Капитан, здесь «горячо»!

Спарроу хлопнул рукой по прибору, стрелка отошла назад, указывая на семичасовой предел пребывания в этой зоне.

— Заклинило, когда он открывал ход! — Он метнулся к ящику с инструментом. — Джо! Ты меня слышишь?!

— А как же, капитан! Не надо так кричать. Я пока еще в тоннеле.

— Джо! Неподчинение приказу — это серьезный проступок!

В динамике загрохотал смех Гарсии:

— Ладно, шкип, заведите на меня дело!

— Что случилось в реакторном отсеке? — спросил Рэмси.

Спарроу стал вытаскивать инструмент из ящика.

— Весь мой ремонт пошел к чертям собачьим. Болты снова срезало. Весь реактор пополз влево и заклинил систему дистанционного управления. — Он глянул на часы. — Заряда аккумуляторов нам хватит еще на полчаса.

Когда рули глубины перестанут удерживать нас на одной глубине, нам конец. И многое зависит от реактора. Если повезет — критической массы не получится. А если не повезет — вся лодка будет заражена, а мы вместе с ней. Это долгое умирание...

— Но если Джо и выживет, его все равно не достанешь, — сказал Рэмси. — Даже если он и рискнет...

— Идиот! — заорал Спарроу. — Что это за намеки? Ты что, не понимаешь, есть только одна возможность — поставить реактор на место.

В голове Рэмси пульсировала только одна мысль: «Я сделал это! Я пробил его железное самообладание! Теперь его эмоции будут нормальными!»

— Капитан! — Голос Боннета в интеркоме.

— Да? — ответил Спарроу в свой ларингофон.

— Я подключился к боковым телекамерам в реакторном отсеке... Господи! Джо! Убирайся оттуда! Капитан, он уже в реакторном отсеке!

— Этого я и опасался, — пробормотал Спарроу. — Отче наш, защити его. — Он уставился на дверь, ведущую в тоннель. — «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...»*

— А теперь послушайте! — В динамике на переборке раздался голос Гарсии. — Я могу оставаться здесь минут пятнадцать. Когда я освобожу устройство дистанционного управления, будьте готовы сразу же его испытать.

— Обязательно, Джо, — прошептал Спарроу.

Он открыл панель на передней переборке, проверил возможность работы левого манипулятора. Когда он включил тумблер, индикаторные лампочки загорелись красным.

— Практически, он уже мертв, — сказал Рэмси.

— Заткнись! — прорычал Спарроу. — Лучше подключи главный экран к телекамерам реакторного отсека.

Рэмси бросился выполнять приказ. Экран ожил. На нем был неуклюжий в своем скафандре Гарсия. Он согнулся в три погибели, пытаясь поставить реактор на место с помощью домкрата. Медленно-медленно смертельно опас-

* Псалом 22: 1—3.

ный блок возвращался на свое место на фундаменте. Они чувствовали, как Боннет управляет рулями, чтобы выровнять перемещение масс.

Спарроу нагнулся над инструментальным ящиком, который он взял из хранилища в переборке и вытащил большой торцевой ключ.

— Давай попробуем сломать один из запоров.

— Нижние заворотки он затянуть не мог,— сказал Рэмси.— Ломаем верхние!..

Спарроу вставил ключ в головку верхнего запора.

— Они шикарно натаскали тебя для выполнения этого задания.

«Черт, что он хотел этим сказать?» — подумал Рэмси.

— Давай сюда! — прохрипел Спарроу.

Рэмси навалился на ручку ключа. Внезапно задрай про-
вернулся, головка сломалась. Рэмси взял молоток и про-
бойник и пробил кусок запора в тоннель.

Спарроу вставлял ключ в головку уже другого запора.

Рэмси глянул вверх, на экран. Реактор уже вернулся на
свое основание, а Гарсия закреплял его новыми болтами.

— Давай, давай! — поторопил Спарроу.

Они сломали второй задрай, услышали звон металла в
тоннеле, когда упал ломик, оставленный Гарсией. Спарроу
распахнул дверь настежь.

Стрелка радиометра зашкалила.

— Скафандр! — крикнул Спарроу и бросился к храни-
лищу.

— Шкип! — Голос Гарсии в динамике.— Передайте
моей жене, что теперь ей нечего бояться. Она поймет.

— Обязательно, Джо.

— Скажите, пусть она переедет куда-нибудь и сменит
имя.

— Зачем?

Рэмси бросил капитану скафандр и стал одевать свой.

— Джонни поймет.

Спарроу влез в свой скафандр, поглядел на Рэмси.

— Ты понимаешь?

Тот лишь кивнул, так как не мог издать ни звука.

Надев шлем, капитан сказал в свой микрофон:

— Джо, мы взломали двери в тоннель. Я тащу шланг с
моющим раствором и свежий скафандр. Выходи оттуда!

— Я слишком «горячий», — ответил Гарсия.— Оставьте
меня здесь.

— Выходи, или я приду за тобой сам! — крикнул Спарроу.

Рэмси подал капитану запасной скафандр, глянул на верхний экран. Там был Гарсия, сидящий на пластинах внутреннего покрытия отсека. Внезапно гигантский манипулятор над его головой рванул вниз. И тут же в интеркоме раздался голос Боннета:

— Шкип, дистанционное управление манипулятором восстановлено. И я могу воспользоваться им, чтобы убрать оттуда этого придурка. Может, у него еще имеются какие-то шансы выжить, — Боннет всхлипнул.

— Я пойду за ним, — сказал Спарроу.

— Вы что, не поняли?! — крикнул Гарсия. — Оставайтесь на месте, шкип!

— Я пошел, — повторил капитан. Он взял шланг с моющим средством за наконечник.

Гарсия уже почти визжал:

— Капитан! Я тот самый ваш шпион! Не валяйте дурака!

— Ты инженер моей команды, — сказал Спарроу. Он прошел в тоннель, волоча за собой шланг и скафандр.

— Вы не можете... — дошел до них голос Гарсии. После этого инженер замолк, скрючился и упал на пол.

В машинном отделении, где оставался Рэмси, уже загорелись лампы, все четыре электромотора завели привычную песню. Ему показалось, как будто «Рэм» поднялся на ноги, услышав чей-то приказ. Рэмси не мог оторвать взгляд от экрана. Громадная лапа манипулятора согнулась над лежащей ничком фигуркой Гарсии, осторожно сомкнула захват, перенесла тело в тоннель и принялась укладывать на место плиты покрытия.

— Я схватил его, — сообщил Спарроу. Из тоннеля понеслись клочья пены.

Рэмси боялся даже взглянуть на радиометр над дверью. Стрелку заклинило на красном поле. «Мы подхватили дозу, да ладно», — подумал он.

Когда Рэмси пришел на центральный пост, Боннет уже стоял за штурвалом.

— Мне помощь не нужна, — сказал он и прошел в заднюю дверь.

Рэмси вернулся в машинное отделение по своим же мокрым следам. «Обнаженные душой, обнаженные те-

лом,— думал он.— Сейчас мы всего лишь элементарная суть, квинтэссенция».

Он подскочил к блоку управления на переборке и включил вентиляцию на полные обороты, чтобы убрать из воздуха радиоактивные ионы.

— Джонни! — голос Спарроу.

Тот ответил в свой ларингофон:

— Здесь, капитан.

Спарроу понизил голос:

— Здесь ты ничем не поможешь, Джонни. Если ценишь свои мужские достоинства, убирайся от выхода из тоннеля. Джо «горячий». Слишком!

— У меня есть двое детей,— ответил Рэмси.— Выносите его.

— Он уже здесь.

Безвольное тело Гарсии выползло из тоннеля, будто личинка насекомого из трещины в коре. Рэмси уложил его на полу. Спарроу помог ему.

— Я пока только окатил его моющим средством, прежде, чем всунуть в свежий скафандр. Но все равно, он слишком «горячий».

Рэмси наклонился, расстегнул молнию в передней части скафандра Гарсии. Капитан помог извлечь ни на что не реагирующее тело. Они затолкнули Гарсию в камеру антирадиационной обработки. Спарроу стянул с себя скафандр и тоже вошел в камеру. Рэмси забрал их скафандры, бросил их подальше в тоннель, потом стянул с себя свой и затолкал туда же. После этого закрыл дверь, посадив ее на болты торцевым ключом.

Дверь в камеру антирадиационной обработки распахнулась настежь. Оттуда вышел голый Спарроу, волоча за собой Гарсию.

— Мы заменим ему каждую капельку крови,— сказал капитан.— Заходи в камеру, только сначала сбрасывай одежду, а потом приходи в лазарет.— Он взял Гарсию за руки и стал подниматься на мостки, мышцы на спине и ногах напряглись под тяжестью груза.

Рэмси сказал в свой ларингофон:

— Лес, капитан несет Джо наверх. Помогите ему.

Потом он сам забрался в камеру и включил программу обработки для средней степени зараженности. Тугие струи моющего средства, рассчитанные на человека в защитном

скафандре, иглами били в его тело. Рэмси силой стащил с себя одежду и бросил ее в угол, отключил душ, вышел и пошлепал по мокрым следам.

В лазарете Спарроу уложил Гарсию на кровать, прикрепит бутылку с плазмой и ввел в вену инженера гибкую трубку с иглой, отходящей от банки с плазмой. Сейчас капитан настраивал аппарат кровообмена, регулируя венозное и артериальное давление, скорость протекания крови и пережал предплечье Гарсии.

Рэмси прошел к банку-хранилищу крови, проверил автоматические системы обращения и гемолиза крови, убедился, что те действуют.

— Кровь готова,— доложил он.

— Отлично.

Спарроу подключил кровообменник в систему обращения, положил руку на вентиль.

— Контролируй то, что мы будем из него откачивать.

Рэмси прошел к головной части устройства кровообмена, поглядел на отводы от руки Гарсии. Тот дышал очень медленно, сбивчиво, движения грудной клетки еле заметны. Кожа на лице и груди приобрела синюшный оттенок.

Спарроу открыл систему кровообмена. Кровь из тела Гарсии стала стекать в покрытое свинцом хранилище устройства, в то время как взамен накачивалась консервированная кровь. Показатель уровня радиации у Рэмси сразу же зашкалило.

— Капитан, зашкал по радиации.

Спарроу дал знак, что понял.

— Я могу использовать все?

— Что вы имеете в виду?

— Может случиться, что для нас крови уже не останется.

Память Рэмси вернулась к радиометру над выходом из тоннеля, где стрелку зашкалило на красном поле.

— Обойдемся плазмой,— ответил он.

— Я так и думал. Рад, что ты согласился.— Он обошел кровать, отсоединил бутылку с плазмой от левой руки Гарсии.— Если нам понадобится, это все, что есть. И, скорее всего, она понадобится скорее мне, чем тебе. Ведь я же был в тоннеле.

— Давайте оставим несколько смен крови для вас,— предложил Рэмси.

— Но ты не сможешь...

— Со мной все будет хорошо.

Рэмси замолчал, следя за показаниями приборов. Стрелка показателя уровня радиации все так же была загнана вправо.

— Я уже сделал уколы ему и себе. Теперь давай займемся тобой.

— Валяйте,— Рэмси протянул левую руку, не отрывая глаз от приборов.— Прошло уже три смены крови, но радиометр все зашкаливает. Капитан, я никогда не слышал, чтобы...

— Это декарбонизатор. Смотри, будет больно,— предупредил Спарроу. Он зажал руку Рэмси и ввел сыворотку в мышцу.— За Джо не беспокойся, он в Господних руках.

— А разве все мы не в его руках?

— Капитан! — Голос Боннета в интеркоме.

Спарроу подошел к микрофону в стене, нажал кнопку.

— Валяй.

— Я только что протестировал реактор. Все действует нормально.

— Курс на Чарлстон,— приказал Спарроу.— Полный вперед.

— Есть. Как там Джо?

— Пока еще рано говорить.

— Скажите мне, если...

— Скажем.— Спарроу отключился.

Гарсия свернулся на кровати клубком, губы его шевелились, он покачивал головой из стороны в сторону. Внезапно он заговорил на удивление сильным голосом:

— И все-таки я сделал это, Беа! Они давили на меня через детей, разве ты не поняла?

Теперь, казалось, он прислушивался.

— Больше я ничего сказать не могу! Меня застрелят!

— Успокойся, Джо,— сказал Спарроу.

Гарсия открыл глаза, закрыл, снова открыл. Он непонимающе уставился на Спарроу.

— А где Беа? Они забрали ее?

— С ней все будет хорошо,— успокоил его Спарроу.

Гарсия весь затрясся.

— Если бы мы могли куда-нибудь уехать и сменить имя. Это все.

Он закрыл глаза.

— Знаешь, где ты находишься? — спросил его Спарроу.

Гарсия кивнул.

— В кошмаре.

— Он уже вышел из зашкала, — доложил Рэмси. — Но до возможности выздоровления еще далеко.

— Спокойно, — заметил Спарроу. Он поглядел на показания прибора. — Кровь сменилась восемь раз.

— Осталось шестнадцать смен.

Спарроу снизил скорость протока крови.

— Оставили бы меня там, — сказал Гарсия.

— Не дури, — перебил его капитан.

— Меня готовили в диверсионной школе Буэнос-Айреса, — начал Гарсия. — Двадцать лет назад. Потом я прибыл на место, встретил Беа. Я залег на дно. Успокоился. Меня научили, как маскироваться.

— Тебе лучше не разговаривать, — сказал Рэмси. — Давление подымется.

— Буду говорить. Шесть месяцев назад меня нашли, сказали: «Выполняй или же... дети...» Сами понимае-те, я...

— Понимаем, Джо, — сказал Спарроу. — Но сейчас, будь добр, полежи тихонько. Не трать силы.

— Впервые в жизни я с кем-то, я кому-то нужен — вам и команде, по-настоящему нужен, — прошептал Гарсия. — Ну и, конечно же, Беа. Но это уже другое.

— Тебе надо набираться сил.

— Зачем? Чтобы Джонни-Безопасность мог вытащить меня на расстрел?

— Я не из Безопасности, Джо.

— Он из ПсиБю, — вмешался Спарроу. — Его послали насесть на меня.

У Рэмси и челюсть отвисла.

— Я заметил это в тот день, когда впервые спустились ниже предельной глубины, — сказал Спарроу. — Мне это стало понятно по тому, как он наседавал на Леса.

— Но он и из Безопасности тоже, — настаивал Гарсия.

— Меня там лишь усыновили, — оправдывался Рэмси. — Я не мог...

— Если проболтаешься, — погрозил Спарроу, — я тебя...

— Я только хотел сказать, что не мог хорошенько слышать,— сказал Рэмси. Он улыбнулся, потом снова нахмурился и поглядел на Гарсию.— Ты имел что-нибудь общее со смертью инспектора Безопасности?

— Ничего. Бог мне свидетель.

— А как насчет диверсий?

— Это сделали мои старые «друзья», но только для перестраховки.— Он покачал головой.— Мне было поручено выдать расположение скважины, когда мы достигли бы ее. Я предложил, что сообщу тогда, когда мы уже будем в своих водах. Они до того собирались захватить нас в плен.

— Как ты собирался сообщить им про нас? — спросил Спарроу.

— Подключив сонар к специальным образом переделанной ламповой панели.

— И когда же ты решил не сообщать им про скважину?

— Я и не собирался делать этого.

Спарроу облегченно вздохнул.

— Я приказал Беа взять детей и обратиться в Безопасность, как только мы выйдем в море, и с «Рэмом» нельзя будет связаться.

Гарсия замолк.

— Попробуй заснуть,— сказал Спарроу.

Гарсия лишь фыркнул:

— Джонни, что там показывает твоя стрелочка?

Тот поглядел на капитана. Тот разрешающе кивнул.

— Возможность смертельного исхода,— сказал Рэмси.

— Возможность смертельного исхода,— повторил Гарсия.

— Но уровень радиации в крови снижается.

— Хочешь, мы закатим тебе сейчас повышенную дозу дефосфатов и декальциатов? — спросил Спарроу.

Гарсия поглядел на него с иронией.

— Хотите подольше потянуть эту глупую битву? — он усмехнулся.— Если хотите колоть, валяйте. Только лучше морфий, шкип. Дадите? — Его усмешка превратилась в ухмылку черепа.— Зачем вам возиться со мной?

Спарроу вздрогнул, потом сделал глубокий вдох.

— Для него это единственный шанс,— сказал Рэмси.— Если только можно назвать это шансом.

— Ладно,— сказал Спарроу. Он подошел к шкафчику с лекарствами, отобрал шприцы и вернулся.

— Морфий,— напомнил ему Рэмси.

Спарроу поднял ампулу, показывая ему.

— Спасибо вам за все, капитан,— сказал Гарсия.— Одна просьба: вы не присмотрите за Беа и ребятами?

Спарроу быстро кивнул, наклонился и сделал уколы: один, два, три.

Они следили за тем, как действует наркотик.

— В машине еще осталось восемь перемен крови,— сказал Рэмси.

— Установи максимальную скорость прохождения.

Рэмси отрегулировал вентиль.

— А теперь, Джонни, я хочу услышать всю эту историю от тебя самого,— сказал Спарроу, не отрывая взгляда от Гарсии.

— В принципе, вам все уже известно.

— Я хочу знать все детали.

Рэмси подумал: «Выдерживать роль в стиле «плаща и шпаги» было бы смешно. Спарроу вычислил меня уже давно, скорее всего, виной тому Гарсия. Я же метался вслепую, не сознавая этого. Или сознавая?» К нему вернулось непонятное чувство опасности.

— Ну? — настаивал Спарроу.

Чтобы собраться с мыслями, Рэмси спросил:

— Насколько подробно?

— Начни с самого начала.

Рэмси внутренне скрестил пальцы и подумал: «Вот он — кризис. Если Спарроу и вправду психически ненормален, он сорвется. Но рискнуть надо. Я не знаю, как много ему известно. Проколоться нельзя».

— Начинай немедленно,— настаивал Спарроу.— Это приказ.

Рэмси тяжело вздохнул и начал от звонка доктора Оберхаузена и совещания у адмирала Белланда в первом отделе службы Безопасности.

— А эта телеметрическая аппаратура? — спросил Спарроу.— Что же она рассказала обо мне?

— Что вы как бы часть подлодки. Вы реагируете не как человек, а будто один из механизмов или приборов.

— Так я машина?

— Если хотите — да!

— А ты полностью доверяешь своей черной коробочке?

— Выделения желез не умеют лгать.

— Надеюсь, что это так. Но вот интерпретация может быть ошибочной. Не думаю, что ты правильно отградуировал ее, когда мы находились на глубине.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ты помнишь тот день, когда чуть не сошел с ума у себя в мастерской?

Рэмси вспомнил свои страхи, невозможность даже шевельнуться, успокаивающее влияние Спарроу. Он кивнул.

— Как бы ты назвал это состояние?

— Временный нервный срыв.

— Временный?

Рэмси удивленно поглядел на Спарроу.

— А что общего здесь с нашей проблемой?

— Мог бы ты сказать, что твое поведение на борту «Рэма» всегда было разумным?

Рэмси почувствовал, как горячая кровь прилила к лицу.

— Капитан, а какая машина вы сейчас?

— Счетная, — ответил тот. — А сейчас послушай меня, слушай внимательно. Здесь, на подводных буксировщиках, мы, как человеческие существа, обязаны приспосабливаться к огромному психическому давлению, при том оставаясь дееспособными. Мы уже а да п т и р о в а л и с ь. Одни в большей степени, другие в меньшей. Одни — по-своему, другие — как-то иначе. Но каким бы ни был способ адаптации, всегда остается одна проблема: с точки зрения людей, живущих давлением, наша адаптация не выглядит как нормальное поведение.

— Как вы знаете об этом?

— Уж знаю. Как ты сам наблюдал, моя личная адаптация машиноподобна. Рассматривая это в свете обычной человеческой нормальности, вы, психологи, даже придумали для подобной адаптации свой термин.

— Расщепление психики, шизофрения.

— Вот я и расщепил свою жизнь с точки зрения психики, — сказал Спарроу. — Во мне есть какая-то часть, можешь назвать ее цепью, схемой, которая поддерживает меня здесь, на глубине. Эта часть во мне верит в потусторонний мир, потому что он в ней имеется...

Рэмси напрягся.

— Но что не дает мне права всегда быть таким; таким, каким, я бываю здесь? — спросил Спарроу. Он потер длинными пальцами свою щеку. — Мне хотелось знать, почему я делаю, поступаю так, а не иначе. Поэтому я стал себя изучать, анализировать, рассчитывать поведение в каждом случае, который только мог представить. Я был совершенно безжалостен к самому себе.

Он замолчал.

Заинтригованный его словами, Рэмси спросил:

— И?

— Я понял, что я псих, — ответил Спарроу. — Но мое безумие проявляется так, чтобы наилучшим образом приспособиться к своему миру. Это приводит к тому, что мир делается «психованным», а я нормальным. Не психически здоровым, не здравомыслящим. Нормальным. Приспособленным.

— Так вы говорите, что мир шизоиден, расщеплен, фрагментарен?

— А разве это не так? — спросил Спарроу. — Где в нем не разрушенные полностью коммуникативные связи? Покажи мне полнейшую социальную интеграцию.

Он медленно покачал головой в жесте отрицания.

— Все это давление, Джонни.

Рэмси на мгновение отвлекся, чтобы поглядеть, как идет кровообмен в теле Гарсии. Он посмотрел на инженера, лежащего под действием наркотика. Лицо у того ослабло, стало спокойным и миролюбивым. На какое-то время для него давление исчезло.

— Мы расцениваем психическое здоровье, как нечто утопическое, — продолжил Спарроу. — Ничто не давит. Ничто не мешает твоему выживанию. Вот почему мы испытываем мечтательную ностальгию по старым добрым Южным морям. Минимум усилий для выживания. — Он снова покачал головой. — Каким бы ни было давление, какой бы ни была адаптация к нему, вашей наукой она всегда определяется как нездоровая. Иногда я думаю, что в этом лежит истинное объяснение евангельской фразы: «Дети наследуют им». Как правило, у детей нет комплексов давления и выживания. Ерго: они более здоровы психически, чем взрослые.

— У них есть свои проблемы, свои давления и прессинги,— возразил Рэмси.

— Совершенно иного плана,— ответил Спарроу.— Он наклонился, пощупал пульс Гарсии.— Сколько еще крови осталось?

— На две перемены.

— Уровень радиации?

Увидав показания, Рэмси даже недоверчиво дернул головой.

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Он будет жить,— сказал Спарроу. В его голосе звучала абсолютная уверенность, даже непререкаемость.

Рэмси почувствовал смутное раздражение.

— Черт побери, почему это вы так уверены?

— Ты будешь удивлен, когда получше присмотришься к счетчику.

— Чудо, что он вообще так долго протянул.— Вопреки намерениям, в голосе прозвучало раздражение.

— Правильно, чудо,— согласился Спарроу.— Послушай меня, Джонни. Вопреки всей вашей медицине, всей вашей науке, есть нечто, что люди частенько отказываются признать.

— Что именно?

Сейчас его голос был уже откровенно враждебным.

— Это подобно тому, как иметь Бога в душе, быть в согласии с миром. Действительно, это связано с чудом. Но все довольно просто. Тыходишь в... ладно, в фазу. Механистически можно описать это и так. Ты сливаешься с волной, вместо того, чтобы ее ломать.

В голосе Спарроу появилась нотка спокойной отрешенности.

Рэмси сжал губы, чтобы не выпалить свои мысли вслух. А над всем этим его психологическое образование и подготовка уже сортировали данные: «Религиозный фанатизм. Фрагментация. Непокколебимая уверенность в своей правоте. Весьма высокая возможность диагноза: параноидальный тип».

— Твоя личная адаптация продиктована твоей подготовкой психолога,— сказал Спарроу.— Твоя функция: сохранять возможность действовать. Назовем это нормой. Ты веришь, что я психически нездоров, и в твоём понимании этот диагноз будет абсолютно верным. Таким путем ты наверху, ты управляешь процессом, контролируешь его.

Это твой личный путь выживания. Ты можешь направлять меня и управлять мною как истинным животным, каким я и являюсь, но это я выведу тебя туда, где давление уменьшается.

— Это бессмыслица,— рявкнул Рэмси.— Психологический нонсенс! Вы даже понятия не имеете, о чем говорите!

— Если твой диагноз точен, каким тогда представляется тебе направление моей жизни? — спросил Спарроу.

Прежде чем подумать и остановиться, Рэмси выпалил:

— Вы совершенно сходите с ума! Совершенно!

Внутри у него что-то оборвалось.

Спарроу засмеялся, покачал головой.

— Нет, Джонни. Я вернусь туда, где давление меньше. Вздохну полной грудью. Сыграю в покер по-маленькой в Гленн Гарден. Нажрусь раз или два, потому что от меня этого ждут. Еще раз переживу медовый месяц с женой. А она будет со мной мила. И будет сильно сокрушаться из-за того, что подгуливает, пока я далеко от дома. Это ее личная адаптация. Меня это уже не волнует.

Рэмси устался на него.

— Ну и, конечно же, будет масса новых удивлений. Зачем это все вокруг? Что представляем собою мы — человеческие животные? Есть ли смысл во всем этом? Но у меня очень крепкие корни, Джонни. Я уже видел чудеса.— Он склонился над Гарсией.— Мне известны последствия событий еще до того, как те произойдут. Это дает мне...

На аппарате искусственного кровообращения загудел сигнал. Рэмси отключил перекачку крови. Спарроу обошел кровать, отсоединил венозные и артериальные иглы.

— Шестьдесят на сорок,— сообщил Рэмси.

— Через двадцать два часа мы будем в Чарлстоне,— сказал Спарроу и поглядел на Рэмси.

— Что ты собираешься рассказать парням адмирала Белланда про Джо?

— Не могу вспомнить ничего такого, что я мог бы рассказать им про Джо.

Губы Спарроу медленно растянулись в улыбку.

— Вот это и есть нормально,— сказал он.— Не разумно, но нормально.

Рэмси только засопел. «Почему я так раздражен?» — спросил он у самого себя. А его подготовка психолога тут же подсунула ответ, от которого нельзя было отмахнуться: «Потому что не повернулся лицом к чему-то в самом себе. Существует нечто, чего я не хочу видеть».

— Давай поговорим о Хеппнере,— предложил Спарроу.

Рэмси чуть не заорал: «Господи! За что?!»

— Он тоже пришел к мысли о психической нормальности,— продолжил Спарроу.— И однажды ему стало ясно, что я не совсем психически здоров. Тогда он стал размышлять дальше: а что такое психическое здоровье? Он рассказывал о некоторых своих мыслях. Внезапно он открыл, что не может дать этому определения! И это привело его к тому, что сам он посчитал себя несколько тронутым.

— Так? — прошептал Рэмси.

— Он подал рапорт о переводе из службы подводных буксировщиков. Мне он подал прошение об уходе, когда вернемся на берег. Это было в тот последний наш поход.

Рэмси сказал:

— И он поплыл сам.

Спарроу кивнул:

— Он сам себя уговорил, что у него нет якоря, нет точки отсчета, куда можно было бы плыть.

Рэмси чувствовал внутреннее возбуждение, как будто находился на пороге великого открытия.

— И поэтому,— продолжал Спарроу,— мне следует готовить нового офицера-электронщика. Тебе надо возвращаться в ПсиБю, где находятся твои корни. Там тот океан, в котором ты знаешь пути.

Рэмси уже не мог сдержаться, чтобы не спросить:

— А как вы определяете душевное здоровье, капитан?

— Возможность плавать,— ответил Спарроу.

Рэмси почувствовал холодный шок, будто его внезапно кинули в ледяную воду. Из всех сил он заставлял себя дышать нормально. Голос Спарроу доносился до него как бы с огромного расстояния:

— Это означает, что душевно здоровый человек понимает течения, он знает, что надо делать в различных водах.

Рэмси слышал тяжелые удары грома, совпадающие с прозаичным, сухим тоном Спарроу:

— А психически больной похож на тонущего. Он падает вниз, барахтается, он... Джонни! Что случилось?

Рэмси слышал слова, но они теряли для него смысл. Комната превратилась во вращающуюся центрифугу, в которой он был на краю... быстрее... быстрее... быстрее... Он ухватился за аппарат искусственного кровообращения, не удержался и свалился на пол. Какая-то часть его самого чувствовала чьи-то руки на лице, пальцы, нажимающие на глазные яблоки.

Гремящий голос Спарроу, будто из трубы:

— Обморок!

Бум! Бум! Бум! Бум!

шаги

хлопание двери

звон стекла

Он плыл в желеобразном гамаке, сковывающем все его тело. Перед глазами открылась миниатюрная сцена. Спарроу, Гарсия и Боннет стояли плечом к плечу, кукольные фигуры, освещенные миниатюрной, лилипутской рампой.

Марионетки.

Пустым, монотонным голосом миниатюрный Спарроу сказал:

— Я командер, подводник, портативный, модель I. Миниатюрный Гарсия сказал:

— Я офицер-инженер, подводник, портативный, модель I.

Миниатюрный Боннет сказал:

— Я первый офицер, подводник, портативный, модель I.

Рэмси попробовал было что-то сказать, но губы его не слушались.

На кукольной сцене Спарроу сказал:

— Я ненормален, ты ненормален, он ненормален, мы ненормальны, они ненормальны.

Гарсия сказал:

— К сожалению, должен рапортовать о повреждении составных частей: самого себя.

Боннет сказал:

— Этот Рэмси — катализатор.

Спарроу сказал:

— Я не могу помочь тебе; он не может помочь тебе; мы не можем помочь тебе; они не могут помочь тебе; ты не можешь помочь себе сам.

В это время лилипутский Гарсия растворился, оставляя Боннета и Спарроу одних в пространстве. Из пустоты донесся его голос:

— Сожалею, что не могу поблагодарить тебя лично. Боннет сказал:

— Мое поколение не верит в вампиров.

Рэмси снова попытался заговорить, но не смог издать ни звука.

Спарроу и Боннет заговорили в унисон:

— Успокойся... успокойся... успокойся... успокойся...

Все слабее

слабее

слабее

Голос Гарсии был уже слабеньким-слабеньким эхом, едва различимым сквозь ритм ударов.

глубокая, всеокутывающая темнота

темнота, окружающая плод в материнском лоне

Рэмси почувствовал движение, жужжание: электромоторы. Голос Боннета: «Кажется, он приходит в себя».

Спарроу: «Ты слышишь меня, Джонни?»

Сам он не хотел отвечать. Это требовало энергии. Для этого необходимо было взять мировую субстанцию. Но годы тренинга психолога вдруг сказали ему: «Ты лежишь в позе зародыша».

Спарроу: «Давай попробуем его распрямить. Это может помочь».

Боннет: «Сообщите ему об этом как-нибудь помягче, капитан».

Руки хватают его за лодыжки, за предплечья, пихают на какие-то сдутые мячи. Он хочет сопротивляться, но мышцы будто из ваты.

«О чем сообщить помягче?»

В голосе Спарроу настойчивость: «Джонни!»

Рэмси смочил спекшиеся губы непослушным языком. «О чем сообщить помягче?» Голос его прозвучал слабо-слабо:

— Да...

— Открой глаза, Джонни.

Он послушался и глянул прямо в переплетение труб и воздухопроводов. Центральный пост. Рэмси почувствовал, что Спарроу рядом, повернулся к капитану. Тот глядел на него сверху, с беспокойным напряжением на вытянувшемся лице. Боннет на своем посту, спиной к ним.

— Как... как...

Рэмси попытался прочистить горло.

Спарроу объяснил:

— Мы принесли тебя сюда, чтобы присматривать. Мы уже почти в Чарлстоне.

Рэмси чувствовал живой ритм подводной лодки, моментально вжился в него. «О чем сообщить помягче?» Но он спросил не о том:

— Что произошло?

— На тебя что-то подействовало,— ответил Спарроу.— Может, это декальцифицирующий укол. Но может, это как-то связано с нашими сверхперегрузочными погружениями, реакцией на ангидразу. Как ты себя чувствуешь?

— Паршиво. Как там Джо?

Похоже, Спарроу было очень трудно выдержать внутреннее смятение. Он сделал глубокий вдох.

— У Джо перестали вырабатываться красные кровяные тельца. Мы ничего не смогли сделать.

«Вот и прошло твое чудо»,— подумал Рэмси и сказал:

— Извините, капитан.

Спарроу прикрыл глаза рукой.

— Может, это и к лучшему.— Он вздрогнул.— Ты тоже был...

— У меня на экране что-то есть,— доложил Боннет. Он подключил цепи системы опознания «свой-чужой», проверил их.— Это монитор, один из наших. Быстро идет.

Спарроу крутнулся, подбежал к переговорному пульта, проверил релейные цепи.

— Мы уже достаточно близко для голосовой связи?

Боннет изучал показания приборов.

— Да.

Спарроу повернул регулятор, включил микрофон.

— Это Умелый Джон. Повторяю. Это Умелый Джон. У нас полный «слизняк». Один член экипажа погиб от радиации. Просим разрешения на заход в Чарлстон. Прием.

В динамике возник нечеловеческий голос, сопровождаемый искажениями и модуляциями.

— Привет, Умелый Джон. Ты слегка «горячий». Остановись для дозиметрической проверки. Прием.

Боннет отжал рычаг, и они снизили скорость.

Со своего места на раскладушке Рэмси мог видеть экранчик осциллоскопа: зеленые мигающие линии вытягивались все сильнее по мере приближения монитора.

Вновь в динамике возник прежний нечеловеческий голос:

— Монитор Умелому Джону. Можете проходить. Спускайтесь на входную глубину. Мы станем сопровождать вас с фланга. Прием.

Боннет прибавил мощности. «Рэм» устремился вперед.

— Подключи носовые камеры,— сказал Спарроу.

Большой экран над локаторным пультом ожил. Зеленая вода и пришедшая случайно помощь.

Спарроу повернулся к Рэмси.

— Скоро мы отдадим тебя в хорошие руки, Джонни.

У Рэмси было странное смещение чувств. Он попытался представить Чарлстонский входной тоннель — черную дыру в стене подводного каньона. Мысли его расползлись в разные стороны. «Почему так произошло?» — спросил он сам себя. Потом: «Что сообщить помягче?» Какая-то часть внутри него пыталась оставаться в боевой готовности, делать клинические заключения: «Тебе не хочется возвращаться. Еще недавно ты хватал пантеру за хвост, помнишь? Очень интересно!»

Но он чувствовал, что ответы имеются и спросил:

— Капитан?

— Да, Джонни.

— Я пережил кататонию, так? Кататонический шок?

Спарроу отрывисто сказал:

— Просто шок.

Его тон сообщил Рэмси обо все, что он хотел знать. Практичная часть его сознания сказала: «Кататония. Ну-ну». Внезапно раскладушка стала ему страшно неудобной, неприятно давление веса всего тела на спину. И в тот же миг части головоломки встали на место. Он глубоко вздохнул.

— Только не придавай этому особого значения,— сказал Спарроу.

Боннет взглянул на них. В глазах осторожность.

— Со мной уже все в порядке,— сказал Рэмси. Он и сам удивился правдивости слов. Сила в нем так и была ключом.— Я потерпел полное поражение, отступление по всему фронту. Но теперь знаю почему.

Спарроу сделал шаг к его лежанке, положил руку ему на лоб.

— Тебе надо попытаться расслабиться.

Рэмси подавил нарождающийся смех.

— Капитан, Джо уже говорил мне, но я тогда не поверил.

Голос Спарроу был немногим громче шепота:

— О чем тебе говорил Джо?

— Что вы продумали все возможные ситуации и держите все под контролем.— Он кивнул.— А этот подводный канал — и вправду родовой. Проходя через него, рождаешься как бы заново. Подложка — это своеобразная матка, способная изрыгнуть нас во внешний мир.

Спарроу заметил:

— Было бы лучше, если бы ты еще помолчал.

— Нет, я хочу сказать. И мы рождаемся уже совершенно в другой реальности. Здесь, внизу, существуют свои виды психических расстройств, там, наверху — совсем другие. Но только поглядите на старину «Рэм». Это замкнутый мир со своей собственной экологией. Сырой воздух, вечная угроза снаружи, постоянный ритм движения...

— Это будто сердцебиение,— спокойно заметил Спарроу.

Рэмси улыбнулся.

— Мы плаваем в околоплодных водах.

— То есть как?

— Морская вода. По химическому составу она практически идентична водам, окружающим зародыш. Это вспомнилось как-то подсознательно. И вот отсюда мы направляемся, стремимся к своему появлению на свет.

— Ты сделал даже более подробное сравнение, чем было у меня,— сказал Спарроу.— А что же есть наша пуповина?

— Наш жизненный опыт, наши переживания. То, что привязывает нас к лодке, делая составной ее частью. Вы находитесь с нею в идеальном симбиозе. Теперь и мы стали детьми одних родителей, братьями, со всеми их эмоциональными связями и даже соперничеством...

— Первый контрольный пункт,— спокойно доложил Боннет.— Теперь уже идем прямо на мол Чарлстонской базы. Капитан, хотите заняться этим?

— Нет, займись этим сам, Лес. Ты все сделаешь как следует.

Боннет подобрался. Проверил показания датчиков расстояния. Его руки сейчас как бы обрели новые способности. Внезапно Рэмси понял, что в этом походе Боннету прибавилось лет, что он уже готов тоже обрезать свою собственную связь. Эта мысль заставила его почувствовать глубокую нежность к Лесу Боннету, он с грустью подумал, что им придется расстаться.

«И вправду, будто братья»,— подумал он.

Спарроу поглядел на Рэмси.

— Почему бы тебе не перевестись из ПсиБю на подводные буксировщики? — спросил он.

— Правильно,— подтвердил Боннет.— Нам нужны хорошие мужчины.

Печаль стеснила грудь Рэмси.

— Это самая лучшая похвала, которой я мог ожидать,— сказал он.— Но не могу. Меня прислали сюда, чтобы решить такую проблему: почему подводники сходят с катушек? Вы дали мне ответ. Теперь следует приложить руки, чтобы применить эти знания. Доктор Оберхаузен из ПсиБю пообещал дать мне целый отдел, занимающийся проблемами подводников.

— Великолепно, Джонни. Долгая, серьезная работа,— сказал капитан.

— Было бы неприятно терять тебя,— сказал Боннет.— Станешь ты разговаривать с такими как мы, если будешь шишкой?

— Не беспокойся,— ответил ему Рэмси.

— Так какво же это решение? — спросил Спарроу.

— Нервные срывы — это результат отказа родиться. Человек подсознательно стремится в мир, где был до своего рождения. Как ребенок воспринимал бы рождение, если бы знал, что на другой стороне его будут ждать боль, страх и постоянные угрозы?

— Все опасности и угрозы находятся здесь, внизу,— сказал Спарроу.

— Зато наш маленький мирок под водой обманывает все подсознательное.

— Это понял даже я... мне так кажется,— высказался Боннет, с легким оттенком сарказма. Положив одну руку на штурвал, он отступил, чтобы проконтролировать на пульте ход баржи.

— И нам следует сделать весь этот цикл перерождений желанным,— продолжил Рэмси.— Я буду рекомендовать совершенно неожиданные вещи: лучшие дома и квартиры для подводников, намного большую оплату за каждую операцию, за каждый рейс.

— Это по мне! — сказал Боннет.

— Все это должно привести к каким-то изменениям,— продолжал Рэмси.

— Джонни, пообещай мне кое-что,— перебил его Спарроу.

— Говорите.

Спарроу отвел взгляд, сглотнул.

— Похоже, что ты собираешься стать важной шишкой и...— Он помялся.— Ты можешь как-то устроить, чтобы затушевать всю историю, связанную с Джо? Это ради его жены.

— Все, что смогу. Обещаю.— Он тяжело вздохнул.— А кто возьмет на себя неприятную обязанность сказать ей?

— Я скажу,— ответил Спарроу.— Постараюсь сказать по возможности мягче.

Внезапная судорога сковала Рэмси. «Сообщите помягче». Он прокашлялся.

— Шкип, мне кое-что вспомнилось. Я слышал, как Лес говорил нечто о сообщении мне неприятной новости. Какой?

Спарроу смочил губы языком, оглянулся по сторонам, посмотрел на Боннета, занятого своими рычагами управления.

— Сообщить помягче о чем? — повторил Рэмси.

— О том, что Джо умер.

— Но...

— Каждый раз, когда мы пытались вывести тебя из шока, ты...

— Каждый раз?

— Мы пробовали раз пять. И все время ты звал Джо вернуться. Нам казалось, что это бред, но...

Он замолчал.

— Подсознательно ощущается различным образом,— сказал Рэмси. Он чувствовал внутри себя пустоту, вдруг вспомнился кошмар. Голос Гарсии: «Боюсь, что не смогу поблагодарить тебя лично».

За что?

— У нас было много общего,— сказал Рэмси.— Джо понимал меня. Он просматривал насквозь все мои действия... скажем так. Догадываюсь, что это меня обижало. Джо играл в мои игры лучше, чем я сам.

— Он восхищался тобой,— сказал Спарроу.

Глаза Рэмси блеснули и погасли.

— Уже перед самым концом он пришел в себя,— сказал капитан.— Беспокоился о тебе. Говорил, что поступил с тобой нечестно, возбудив наши подозрения против тебя. Джо считал, что в тебе есть задатки незаурядного подводника.

Рэмси отвернулся.

— Так ты сделаешь все, что будет можно, для его жены?

Тот лишь кивнул. Говорить он не мог.

— Мы подходим к молу. Приближаемся к маркеру глубины номер два.— Голос Боннета звучал неестественно небрежно. Он указал на главный экран. Два прожектора, включенные их системой распознавания «свой-чужой», пробивали толщу зеленой воды.

— Ты включил программу автоматического всплытия? — спросил Спарроу.

— Все сделано,— ответил Боннет.

— А мы-таки сделали это и добились успеха,— сказал Рэмси.

В голосе Боннета была неосознанная попытка имитировать акцент добродушного подначивания Гарсии:

— Мы-таки банда долбанных героев!

В кабинете чарлстонского бюро доктора Оберхаузена было спокойно. Морщинистый глава ПсиБю сидел за столом, похожим на все другие столы в ПсиБю, откинувшись назад и пощипывая свою козлиную бородку. Коробка радара, заменявшая ему глаза, отсоединенная сейчас от держателя на плече, стояла перед ним на крышке стола.

Неподвижные, выпуклые глаза доктора, казалось, глядели на Рэмси, сидящего по другую сторону стола.

Рэмси почесал голову, чувствуя отрастающий ежик волос.

— Это довольно долгая история,— сказал он.— Большая ее часть в моих заметках. Они у вас, хотя врачи и не хотели, чтобы мы встретились.

Оберхаузен молча кивнул.

Рэмси откинулся на спинку своего стула. Тот заскрипел, и Рэмси внезапно понял, что доктор, возможно, отождествляет его со скрипящим стулом — для слепого это был знакомый и понятный сигнал.

— А теперь о тебе, Джонни. Лучевая болезнь — штука неприятная.— Он провел рукой по своим выжженным радиацией глазам.— По счастью, агенты ПсиБю практически неуничтожимы.

— Это видно по моим заметкам и телеметрическим лентам?

Доктор Оберхаузен кивнул.

— Да, видно. Спарроу уже буквально стал частью своей подлодки, ощущая в ней все — в том числе и команду. Его случайные замечания и размышления относительно поисков правильной линии поведения сделали из него великолепного психолога. Я подумываю о том, чтобы забрать его в нашу контору.

— А как насчет моих рекомендаций по предупреждению нервных срывов?

Доктор Оберхаузен пожевал губу, пощипал свою козлиную бородку.

— Старая как мир наполеоновская терапия пышного мундира: фанфары при каждом удобном случае.— Он кивнул.— Безопасность разорется, что это будет раскрытием тайны прибытий, но одну уступку они уже сделали.

— Какую?

— Они объявили официально, что мы ворует нефть у «восточных».

— Это вообще было бессмысленно скрывать.

— Сделали они это с большой неохотой, но их заставили.

— Нам лучше не связываться с Безопасностью,— пробормотал Рэмси.— Нам лучше бы работать над тем, чтобы

от нее вообще избавиться. Безопасность подавляет связи. А это приводит к социальной шизофрении.

Доктор Оберхаузен отрицательно покачал головой.

— Нет, Джонни. Мы не станем работать над тем, чтобы избавляться от Безопасности. Это старое заблуждение. Пользуясь аналогией капитана Спарроу: в ненормальном обществе безумец нормален. В Безопасности присутствует тот род ненормальности, который является естественным для военного времени. Естественным и необходимым.

— Ну а после войны, Обе! Ты же знаешь, что они собираются править вечно.

— Они будут пытаться. Но к этому времени Безопасность будет уже под контролем ПсиБю. Мы будем способны довольно эффективно контролировать их.

Рэмси уставился на него, потом довольно хихикнул.

— Так вот почему вы вмешиваетесь в дела Белланда?

— Не только Белланда, Джонни.

— Иногда вы пугаете меня, Обе.

Козлиная борода Оберхаузена задержалась от смеха.

— Прекрасно. Это значит, что моя поза превосходства и всемогущества более эффективна, чем знания.

Он усмехнулся.

Рэмси тоже улыбнулся и поерзал на стуле, устраиваясь поудобней.

— Если это все, Обе, то мне пора уматывать. Они не хотели пускать Дженнет с детьми ко мне, когда я был в госпитале, а теперь...

— Я тоже ждал, Джонни. Диктат МедБю даже несколько превышает возможности великого ПсиБю. Здесь бал правят радиомедики.

Он медленно покачал головой.

— Так как?

— Ах, нетерпение юности,— сказал доктор Оберхаузен.— Осталось несколько моментов, которые стоило бы выяснить. Почему ты думал, что мы никогда до сих пор не видели необходимости в этой пышномундирной терапии?

— Отчасти из-за Безопасности,— ответил Рэмси.— Но, по-правде, это и не было очевидным. Ошибочные симптомы. Наполеон выстраивал службу вербовки, но удерживал своих пушкарей от того, чтобы лететь, сломя

голову. У нас таких проблем никогда не было. Действительно, наши подводники, похоже, страстно желают вернуться на службу, под воду. Но тут парадокс: сложности у них встречаются в обеих сферах — и на берегу, и в море. Когда они на берегу, то, кажется, забывают про опасности моря, потому что подсознание маскирует их, затирает. Лодка означает для них полную безопасность, возвращение в материнское лоно. А когда они возвращаются на берег, они как бы переживают новое рождение, подвергаясь риску и опасностям большого мира. Для желающего укрыться человека, самая страшная вещь — это небо.

Доктор Оберхаузен откашлялся. В его голосе появились сухие, деловые нотки:

— Давай ненадолго вернемся к твоим заметкам. Там ты говоришь, что особое значение ПсиБю должно придать религиозной подготовке. Объясни эту мысль.

Рэмси подался вперед, и стул опять заскрипел.

— Потому что это душевное здоровье, Обе. Это...

— Хочешь сказать, Джонни, что это панацея? Патентованное средство?

— Нет, Обе. Церковь связывает людей, тем самым устанавливая линию коммуникативной связи. Даже если ПсиБю и откроет телепатию или обнаружит абсолютное доказательство существования потустороннего мира, это не сможет заменить религию. Чем раньше мы осознаем это, тем раньше сможем дать свои предложения...

Доктор Оберхаузен хлопнул ладонью по крышке стола:

— Религия — не наука! Это вера! — «Вера» он сказал так, будто «грязь».

«Он подкалывает меня или ловит на крючок», — подумал Рэмси и ответил:

— Ладно, Обе. Я хочу сказать только вот что: нам не нужен суррогат религии. Но мы же сами предлагаем людям нашу так называемую науку в качестве замены. Это все, что я...

— Так называемую?

— Сколько вы можете назвать самостоятельных психологических школ и направлений?

Доктор Оберхаузен усмехнулся.

— Как минимум столько же, сколько и различных религий.

— Мы даже тут следуем шаблону,— сказал Рэмси. Шеф ПсиБю захихикал.

— Я не прервал ход твоих размышлений?

Рэмси помолчал, потом продолжил:

— Я никогда еще не встречал психоаналитика, который не предлагал бы свою систему — пусть и несознательно — в качестве замены религии. Включая и наш случай. Мы поставили себя наверху, над всеми, в качестве маленьких божков — всезнающих, всеизлечивающих. Люди возмущаются этим, и правильно. У нас имеются вежливые таблички для всех наших неудач. И меж собою мы согласились, что все, отмеченное подобной этикеткой, неизлечимо.

В голосе доктора Оберхаузена появилась нотка отстраненности:

— Да это же прямо обвинительный акт, Джонни. Следует понимать, что это добрый капитан Спарроу обратил тебя в свою веру?

Рэмси откинулся назад на стуле, засмеялся:

— Черт подери, нет. Просто лично я уже не собираюсь строить из себя мессию.

Оберхаузен облегченно вздохнул:

— Это не может не радовать.

— Полагаю, что я все же буду копать в человеческих мозгах. Тогда можно будет получше объяснить все, что мы делаем.— Он улыбнулся.— Я останусь в психологии.

— И что ты ожидаешь открыть?

Рэмси чуть помолчал, потом ответил:

— Хороший ученый не ожидает что-то открыть, Обе. Он сообщает о том, что видит.

Доктор Оберхаузен захлопал в ладоши.

— Если найдешь Господа Бога, дай мне знать, пожалуйста.

— Обязательно.— Теперь Рэмси заговорил живей.— Раз уж мы подвязали все торчащие концы, может поговорим обо мне? Когда я смогу снять этот чертов мундир и заняться своими милым новеньким отделом в ПсиБю?

Доктор Оберхаузен отодвинулся вместе с креслом, положил руки на край стола и склонил голову, как бы глядя на коробку радара.

— Сначала тебе придется поиграться в героя. Президент собирается всем вам приколоть по медали. Этим занимается Белланд. Кстати, адмирал предоставил миссис Гарсии работу в своей канцелярии. Это вежливый жест, но для нее большое подспорье.

— Но когда я сам выйду из его подчинения?

— Джонни, я не могу сейчас забрать тебя оттуда.

Рэмси почувствовал, как вскипает изнутри.

— Почему?

— Ну ладно. Ты герой. Они хотят этим воспользоваться.— Глава ПсиБю откашлялся.— Кое-какие вещи сложны даже для ПсиБю. Видишь, я даже не мог пробиться через МедБю, чтобы увидеться с тобой...

— Вы обещали мне...

— И я сдержу слово, Джонни. Только в свое время.— Он откинулся в своем кресле.— Кстати, здесь имеется один коммодор, отвечающий за продвижения по службе и классификацию. Он президентский мальчик на посылках, и ему нужен... э... адъютант.

— О, нет! — Рэмси изумленно уставился на Оберхаузена.

Маленький доктор пожал плечами.

— Джонни, он вычислил, что ты и есть тот самый ловкий Долговязый Джон Рэмси, который на месте симпровизировал «вампиры» из пары шприцов и бутылок и спас «Дельфин» от катастрофы во время учебной операции. Он хочет...

Рэмси застонал.

— Ты прыгнешь прямо в лейтенанты,— сказал Оберхаузен.

— Спасибо,— едко поблагодарил его Рэмси. Он скрипил губы, пародируя голос своего шефа.

— А как же, Джонни. у тебя будет свой отдел...

— Ты молод,— сказал Оберхаузен.— Время еще есть.

— Он будет заставлять чистить ему ботинки.

— Нет-нет. Он и вправду восхищен твоими талантами. Говорит, что ты слишком хорош для ПсиБю. А уж то, что ты приволок эту нефть, никак не снизило его восторгов по поводу тебя.— Шеф ПсиБю снова прочистил горло.— Так вот, когда ты будешь с коммодором, есть кое-какие вещи, связанные с этим отделом, которые я поручил бы тебе...

— Так вот оно что! — рявкнул Рэмси. — Еще одно долбаное шпионское поручение! Вы хотите, чтобы я вынюхивал секреты коммодора, чтобы вы могли на него воздействовать. Занимайтесь этими делишками сами!

— А я уверен, что ты поймешь необходимость этого, — сказал Оберхаузен. — В этом и заключается здравомыслие.

— Я так не считаю.

— Мне нравится аналогия твоего капитана Спарроу про здравомыслие и плавание. Но я должен добавить, что пловец все время должен быть готов схватиться и за весло.

Рэмси улыбнулся, хоть понимал, что Оберхаузен рассмешил его только лишь ради того, чтобы снять напряжение, возникшее меж ними.

— Ладно, Обе. Еще разик. Но предупреждаю сразу: это уже все.

— Честное слово, Джонни, в последний раз. А теперь, если ты...

Дверь в прихожую за спиной Рэмси приоткрылась. Он услышал шум голосов. Какая-то женщина кричала: «Вы не можете не разрешить мне пройти!»

Д ж е н н е т!

Сердце забилося сильнее.

Женский голос поднялся уже до визга:

— Я знаю, он здесь, с этим ужасным доктором Оберхаузенем. И, клянусь Богом, я туда пройду!

Дверь раскрылась настежь. Рэмси повернулся, встал, но это была секретарша.

— Извините, но здесь...

— Пусть пройдет, — сказал доктор.

Внезапно Рэмси почувствовал, что у него кружится голова. Дженнет из двери ворвалась прямо в его объятия. Знакомые духи. Знакомое лицо прижалось к его щеке, знакомое тело рядом с его собственным.

— Джонни! О, Джонни!

Он услышал, как Оберхаузен встает, и увидел, что тот уходит, взяв радарные «глаза» в руки.

— Джонни, мне так тебя не хватало!

— И мне тоже.

— Я и не знала, что это будет так опасно. Почему же, они говорили...

— Все было не так уж плохо, Дженнет. Честное слово.

— Но ты так долго лежал в госпитале!

Доктор Оберхаузен остановился в двери и, показав себя в новой перспективе, стал внезапно маленьким. От него исходило чувство одиночества, так что Рэмси захотелось крикнуть ему что-нибудь, только не знал что. Он сказал;

— Обе!

Шеф ПсиБю обернулся.

— Ладно, скоро увидимся,— сказал ему Рэмси.

Доктор улыбнулся, кивнул, вышел и закрыл за собой дверь.

А потом Рэмси пришлось объяснить Дженнет, почему он захотел включить «этого ужасного старого Обе» в программу торжеств по их воссоединению.

БАРЬЕР САНТАРОГИ

ГЛАВА 1

Солнце уже село, когда пятилетний грузовик марки «форд» миновал ущелье и начал спускаться по длинному крутому спуску в долину Сантарога. Петляющая боковая дорога выпрямилась только на выезде на автостраду. Джилберт Дейсейн, выведя свой грузовик на шоссе, посыпанное гравием, остановился у белого барьера, преграждавшего путь в долину, секреты которой ему предстояло раскрыть. Он некоторое время смотрел вниз, в долину.

Двое уже погибли при расследовании этого дела, напомнил себе Дейсейн. Несчастные случаи. Обычные несчастные случаи. Что же происходит там, в этой котловине, погруженной в тени и освещаемой лишь редкими огнями? Неужели и его ждет какой-нибудь несчастный случай?

Спина Дейсейна ныла после долгой поездки из Беркли. Он заглушил двигатель и выпрямился. Кабину переполнял острый запах машинного масла. Снизу и сзади грузовика доносились поскрипывания и хлопки.

Простирающаяся внизу долина оказалась почему-то совсем не такой, какой ожидал ее видеть Дейсейн. С неба, голубым кольцом опоясывавшим ее, на верхушки деревьев и скал падал ослепительный солнечный свет.

От этого места исходило ощущение спокойствия — островок, где можно переждать бурю.

«Каким же я ожидал увидеть это место?» — спросил сам себя Дейсейн.

Он-то думал, что, изучив карты и прочитав все сообщения о Сантароге, будет достаточно, чтобы составить об этой долине правильное представление. Но карты — это отнюдь не сама земля, а сообщения не способны создать полного впечатления о людях, проживающих на ней.

Дейсейн взглянул на наручные часы: почти семь. Ему почему-то расхотелось продолжать спуск в долину.

Вдалеке слева от него, вдоль долины, среди деревьев сияли полосы зеленого света. Этот район на карте был помечен как «зеленые строения». Располагавшийся на скалистом холме справа от него квартал молочно-белых домов, похожих на замки, он определил как сыроваренный кооператив Джасперса. Желтый свет окон и перемещающихся огней вокруг него говорил о деловой активности.

Неожиданно Дейсейн услышал стрекот насекомых, доносившийся из темноты, хлопанье крыльев ястреба, отправившегося на ночную охоту, и далеко печальное завывание собак. Стая голосила, похоже, где-то за кооперативом.

Дейсейн сглотнул, подумав, что эти желтые окна внезапно как бы превратились в злобные глаза, всматривающиеся в еще более темную бездну долины.

Покачивая головой, Дейсейн улыбнулся. Не нужно так думать. Это непрофессионально. Нужно забыть всю эту чертову чепуху о Сантароге. С подобными мыслями нельзя проводить научного расследования. Он включил в кабине свет и из-под сиденья рядом достал портфель. На коричневой коже переплета золотым тиснением сверкала надпись: «Джилберт Дейсейн, факультет психологии, Калифорнийский университет, Беркли».

Вынув из портфеля потрепанную папку, он начал писать: «Прибыл в долину Сантарога примерно в 18.45. Все вокруг напоминает процветающую фермерскую общину...»

Вскоре он отложил портфель и папку в сторону.

«Процветающая фермерская община, — подумал он. — С чего это я взял, что она процветающая?» Нет — тому, что он видел, не подходило слово «процветающая». На ум приходило другое, что он узнал из сообщений.

Долина, простирающаяся перед ним, сейчас передавала ощущение ожидания и тишины, подчеркиваемой случайным звоном колокольчиков. Он мысленно представил, как после работы возвращаются домой семейные пары. Что же они обсуждают в этой наполненной ожиданием темноте?

О чем говорит Дженни Сорже со своим мужем — если только у нее есть муж? Казалось невероятным, что она до сих пор не вышла замуж — прелестная, давно достигшая брачного возраста Дженни. Уже больше года прошло с тех пор, как они виделись друг с другом в последний раз в университете.

Дейсейн вздохнул. Он не мог избавиться от мыслей о Дженни — тем более здесь, в Сантароге. Дженни тоже составляла часть тайны этой долины. Она была элементом Барьера Сантароги и главным объектом его начавшегося расследования.

Дейсейн снова вздохнул. Он не пытался обмануть самого себя. Он знал, почему согласился участвовать в

этом проекте. Вовсе не из-за крупной суммы денег, которые обещал ему университет, и не ради большого оклада.

Он приехал сюда, потому что здесь жила Дженни.

Дейсейн сказал себе, что при встрече с ней он будет улыбаться и вести себя как ни в чем не бывало, совершенно естественно. Он приехал сюда в командировку — психолог, которому пришлось оторваться от обычных преподавательских треволнений, чтобы провести изучение рыночной экономики долины Сантароги.

Впрочем, что это значит: вести себя как ни в чем не бывало с Дженни? Как вести себя естественно, когда сталкиваешься с необычным?

Дженни была жителем Сантароги, — а к этой долине не подходили обычные мерки.

Он мысленно вернулся к сообщениям, «известным фактам». Все эти папки с собранными сведениями, заявления официальных лиц, второстепенные секретные данные, которые являлись главным козырем во время заключения торговых сделок, — все это на самом деле лишь подтверждало один простой «известный факт» о Сантароге: в том, что происходило здесь, было нечто необычное, гораздо более тревожное, чем что-либо, с чем раньше сталкивалась так называемая наука об изучении рынка.

Мейер Дэвидсон, невысокий розовощекий крепыш, казавшийся мягким и слабовольным и представившийся агентом инвестиционной корпорации, которая вкладывает деньги не только в магазины, но и в изучение этого проекта, гневно обрушил на него во время первой ознакомительной встречи град вопросов: «Главное, нам нужно знать: почему мы вынуждены там закрывать наши предприятия? Почему даже хотя бы один сантарожанец не желает вести торговлю с внешним миром? Вот что нам нужно узнать. В чем заключается этот Барьер, из-за которого мы не можем вести дела в Сантароге?»

Дэвидсон оказался совсем не мягким человеком, каким выглядел на первый взгляд.

Дейсейн включил двигатель и фары, после чего продолжил путь по извилистому спуску.

Все данные представляли собой один простой факт.

Прибывшие извне не обнаружили в долине домов, которые продавались бы или сдавались в аренду.

Официальные власти Сантароги заявили, что у них нет данных о преступлениях несовершеннолетних.

Призывники из Сантароги всегда возвращались после окончания срока прохождения службы. Если говорить откровенно, то ни один сантарожанец не выезжал из долины, чтобы поселиться в каком-нибудь другом месте.

Почему? Неужели барьер этот существует с обеих сторон?

И вот еще одна любопытная аномалия: в сообщениях упоминалось о статье, написанной дядей Дженни доктором Лоуренсом Паже, опубликованной в одном медицинском журнале. Дядя был известен как ведущий физик долины. Статья называлась: «Синдром отравления сантарожанцев непривычной окружающей средой». Суть ее вот в чем: у сантарожанцев, вынужденных по стечению обстоятельств жить за пределами долины в течение продолжительного времени, проявляется необычная чувствительность к аллергенам. Это является главной причиной, по которой юноши из долины Сантароги оказываются не в состоянии нести воинскую службу.

Постепенно из данных вырисовывалась стройная картина.

Власти Сантароги не сообщали о случаях умственного помешательства или психических отклонениях в Государственный департамент психической гигиены. Ни одного сантарожанца невозможно было обнаружить в какой-либо государственной лечебнице для психических больных. (Доктор Шами Селадор, возглавлявший факультет, где работал Дейсейн, находил этот факт «тревожным».)

Сигареты, продаваемые в Сантароге, в основном предназначались для приезжих.

Сантарожанцы оказывали железное сопротивление национальной рекламе (как считал Мейер Дэвидсон, это был симптом, чуждый американцам).

На рынке Сантароги невозможно было купить сыр, вино или пиво, изготовленные во внешнем мире.

Все деловые предприятия долины, включая банк, принадлежали уроженцам Сантароги. Они открыто выступали против денежных инвестиций извне.

Сантарога успешно сопротивлялась всем правительственным проектам о предоставлении дотаций. Готовясь к началу своего расследования, Дейсейн встречался со многими политиками, но лишь немногие среди них считали, что сантарожанцы на самом деле не «скопище чудаков или религиозных фанатиков», как заявил сенатор из Портер-

вилля, расположенного всего в десяти милях от Беркли и значительно дальше от долины.

— Послушайте, доктор Дейсейн,— сказал сенатор,— вся эта чепуха, окутанная мистикой,— не более, чем выдумка.

Сенатора, тощего, чувственного мужчину с копной седых волос и глазами с красными прожилками, звали Барстоу. Он являлся потомком старинного калифорнийского рода.

Барстоу считал:

«Сантарога — последний аванпост американского индивидуализма, типичные янки, населявшие в свое время восточные земли Калифорнии. Ничего таинственного в них нет. Они не требуют к себе никакого особого внимания и не раздражают мой слух глупыми вопросами. Мне бы очень хотелось, чтобы все мои избиратели были бы такими же прямыми и честными».

«Мнение одного человека»,— подумал Дейсейн.

Не разделяемое подавляющим большинством.

И вот теперь Дейсейн уже мчит на своем грузовике по этой долине.

Узкая дорога перешла в широкую, по обочинам росли громадные деревья. Это была Авеню Гигантов, извивающихся между великанами секвойями.

Среди деревьев виднелись дома. Как следовало из сообщений, некоторые из этих домов остались здесь со времен золотой лихорадки. Декор, выполненный в готическом стиле, обрамлял карнизы зданий, многие из которых были трехэтажными. Из окон струился желтый свет.

Дейсейн не слышал из этих домов ни звуков работающих телевизоров, ни людских голосов, на стенах не было следов сажи дымоходных труб, и вдруг он понял, что в них никто не живет.

Впереди дорога разветвлялась. Стрелка налево указывала на центр города, а две другие стрелки направляли вправо — к гостинице Сантароги и сыроваренному кооперативу Джаспера.

Дейсейн свернул направо.

Его дорога вилась вверх. Он проехал под аркой: «Сантарога — город, где производят сыр». Вскоре из леса дорога вынырнула в долину, поросшую дубами. Справа за железным забором вырисовывались серо-белые очертания кооператива. А на противоположной стороне дороги слева

находилась длинная трехэтажная гостиница, построенная в сумбурном стиле начала двадцатого века, с верандой и крыльцом; здесь-то и хотел Дейсейн побывать в первую очередь. Ряды окон (в основном, темные) выходили на стоянку, покрытую гравием. Надпись на табличке у входа гласила: «Гостиница «Сантарога». Музей времен золотой лихорадки. Время работы с 9.00 до 17.00».

Большинство припаркованных к краю обочины (которая тянулась параллельно веранде) машин являлись хорошо сохранившимися старыми моделями. Несколько сверкающих новых автомобилей стояло во втором ряду, немного в стороне.

Дейсейн остановился рядом с «шевроле» 1939 года выпуска, сверкающего восковым блеском. Дейсейну показалось, что красно-коричневая кожаная обшивка сидений внутри машины выполнена вручную.

«Игрушка богатого человека», — решил Дейсейн.

Он достал портфель из грузовика и вернулся ко входу в гостиницу. В воздухе стоял запах свежескошенной травы и слышалось журчание воды. Дейсейну вспомнилось его детство, сад его тетушки, в задней части которого протекал ручей. Сильное чувство ностальгии охватило его.

Внезапно резкие звуки разорвали тишину. С верхних этажей гостиницы донеслись хриплые голоса мужчины и женщины, споривших между собой. Мужчина выражался грубо, а визжащий голос женщины поразительно напоминал крик уличной торговки рыбой.

— Я не останусь еще даже на одну ночь в этой богом забытой дыре! — орала женщина пронзительным голосом. — Им не нужны наши деньги! Мы им не нужны! Поступай, как знаешь, — но я уезжаю!

— Белл, перестань! Ты...

Окно захлопнулось. Их спор теперь был почти не слышен — просто какое-то бормотание.

Дейсейн глубоко вздохнул. Эта ссора вернула его к действительности. Вот еще двое, кто был недоволен Барьером Сантароги.

Дейсейн прошел по гравию, поднялся по четырем ступенькам на веранду и вошел через вращающиеся двери, украшенные затейливой резьбой. Он оказался в вестибюле с высоким потолком, с которого свисали хрустальные люстры. Панельная обшивка из темного дерева, потрескавшаяся от времени, подобно древним письмам, делала

пространство замкнутым. Закругленная стойка начиналась от угла и заканчивалась справа от него. За ней виднелась открытая дверь, откуда доносились звуки коммутатора. Справа от этой стойки зияло широкое отверстие, через которое Дейсейн увидел столовую — белые скатерти, хрусталь, серебро. Старинный почтовый дилижанс, словно бы сошедший с экрана вестернов, был установлен слева, рядом с латунными почтовыми ящиками, к которым крепилась бархатная каштановая лента с надписью: «Руками не трогать!»

Дейсейн остановился и внимательно осмотрел дилижанс. Он пах пылью и росой. Табличка в рамке на багажном отделении сообщала его историю: «Обслуживал маршрут «Сан-Франциско — Сантарога» с 1868 по 1871 год». Ниже, в рамке чуть побольше, желтел лист бумаги с текстом, выведенным буквами медного цвета и гласившим: «Послание от Черного Барта, разбойника с большой дороги, почтовое отделение 8». Далее неровным почерком на желтой бумаге были написаны небольшие стихи:

«Вот здесь я стоял, пока ветер и дождь
Не заставили эти деревья рыдать,
Ради проклятого дилижанса я жизнь поставил на кон,
Хоть не стоил он того грабежа».

«Зачем рисковал я башкой в этой серой унылости
Грабя чертов дилижанс, не имеющий никакой ценности.
Ветер, играя деревьев верхушками,
Окропляет землю дождевыми каплями,
И продрогшему мне кажется здесь:
Это вместе со мной рыдает сам лес».

Дейсейн хмыкнул, перехватил портфель в левую руку, подошел к стойке и позвонил.

В открытых дверях появился лысый с морщинистым лицом мужчина в черном костюме и уставился на Дейсейна, словно ястреб, увидевший свою жертву.

— В чем дело?

— Мне бы хотелось снять комнату, — сказал Дейсейн.

— У вас какие-то возникли проблемы?

Дейсейн ответил резким, вызывающим тоном:

— Я устал. И нуждаюсь в ночлеге.

— Ну тогда проходите,— проворчал мужчина. Он, шаркая ногами, прошел к стойке и подтолкнул Дейсейну регистрационный журнал в черном переплете.

Дейсейн достал ручку из кармашка в журнале и расписался.

Служащий вытащил медный жетон с ключами и сказал:

— Ваша комната — 52, рядом с той, где живет идиотская парочка из Лос-Анджелеса. Потом не обвиняйте меня, если они не будут давать вам ночью спать.— Он бросил ключи на стойку.— С вас десять долларов — для задатка.

— Я проголодался,— заметил Дейсейн, доставая бумажник и расплачиваясь.— Столовая открыта? — Он получил квитанцию.

— Закрывается в девять,— ответил служащий.

— Здесь есть посыльный?

— Вы выглядите достаточно сильным, чтобы самому отнести свой портфель.— Служащий указал рукой Дейсейну, куда идти.— Комната наверху, на втором этаже.

Дейсейн повернулся. Позади дилижанса имелось свободное пространство. Там в беспорядке были расставлены оббитые кожей стулья и тяжелые кресла, на нескольких восседали люди пожилого возраста, которые читали газеты и книги. Свет, окутанный тенями, исходил из медных массивных ламп, стоявших на полу.

Эта сцена, которую Дейсейн потом вспоминал неоднократно, была первым ключом к пониманию истинной природы Сантароги. Казалось, что владельцы гостиницы пытаются намеренно воспроизвести обстановку прошлого века.

Чувствуя смутное беспокойство, Дейсейн произнес:

— Я проверю свою комнату позже. Могу я оставить свой чемодан здесь, пока буду ужинать?

— Оставьте его на стойке. Никто его не возьмет.

Дейсейн поставил чемодан на стойку и заметил на себе внимательный взгляд служащего.

— Что-то не так? — спросил Дейсейн.

— Нет.

Служащий протянул руку к портфелю, но Дейсейн, шагнув назад, выхватил его из рук служащего, который окинул его гневным взглядом.

— Гм-м! — фыркнул тот. Он, несомненно, был разочарован — ему так и не дали посмотреть, что же находится внутри портфеля.

Дейсейн неуверенно произнес:

— Я... э-э... хочу просмотреть кое-какие бумаги во время ужина.— Про себя он добавил: «С какой стати я должен ему это объяснять?»

Сердась на себя, он повернулся и пошел в столовую. Она оказалась огромным квадратным залом, в центре которого висела одна массивная люстра, а стены, оббитые панелями из темного дерева, украшали медные лампы. Вокруг круглых столов стояли глубокие кресла с подлокотниками. Слева вдоль стены тянулась длинная стойка бара из тикового дерева. Огни люстры светили гипнотически. Под зеркалом стояли бокалы.

Зал поглощал звуки. Дейсейну показалось, что он идет во внезапно наступившей тишине, и все люди оборачиваются, чтобы посмотреть на него. На самом же деле его появление осталось почти незамеченным.

Бармен в белой рубашке, обслуживающий немногочисленных клиентов, окинул его быстрым взглядом, потом продолжил беседовать со смуглым мужчиной, нависшим всем телом над кружкой пива.

Около дюжины столиков занимали семьи с детьми. Рядом с баром за одним столиком резались в карты. Еще за двумя сидели одинокие женщины, полностью поглощенные трапезой.

Люди в зале разделялись на две группы, это сразу же почувствовал Дейсейн. Нервное напряжение, которое ощущалось почти что зримым образом у одних, резко контрастировавшее со спокойствием остальных посетителей зала. Дейсейну казалось, что он может определить прибывших извне людей — они выглядели более утомленными и издерганными, а дети — непослушными.

Пройдя дальше по залу, Дейсейн оглядел себя в зеркале — на худом лице пролегли морщины усталости, курчавые черные волосы спутались в беспорядке, в глазах — все то же напряженное внимание, с которым он вел грузовик. На ямочке подбородка темнела полоска грязной дорожной пыли. Дейсейн стер ее и подумал: «Вот был еще один приезжий».

— Вам нужен столик, сэр?

Рядом с ним возник негр-официант — в белом жакете, с ястребиным носом, резкими чертами, оставшимися от мавританских предков, с проседью на висках. Он производил впечатление человека, привыкшего командовать, несмотря

на то, что был в лакейском костюме. Дейсейн тут же подумал об Отелло. В карих глазах светилась пронизательность.

— Да, пожалуйста, на одного,— ответил Дейсейн.

— Сюда, сэр.

Негр провел Дейсейна к столику, стоявшему у ближайшей стены. Одна из боковых ламп наполняла пространство вокруг столика теплым желтым светом. Усевшись в глубокое кресло, Дейсейн обратил все свое внимание к столику рядом с баром — где в карты играли... четверо мужчин. Он узнал одного из них — он видел его на снимке, который ему когда-то показывала Дженни. Это был Паже, ее дядя, автор статьи в медицинском журнале, где говорилось об аллергиях,— крупный седовласый мужчина с мягкими чертами круглого лица. Что-то в его облике наводило на мысль о восточном происхождении, особенно в том, как он держал колоду карт у груди.

— Желаете меню, сэр?

— Да. Одну минутку... Среди вон тех игроков в карты есть доктор Паже?

— Сэр?

— Кто они?

— Так вы знакомы с доктором Ларри, сэр?

— Я знакомый его племянницы, Дженни Сорже. Она показывала мне фотографию доктора Паже.

Официант взглянул на портфель, который Дейсейн поставил на середину столика.

— Дейсейн,— сказал он, и на его смуглом лице возникла широкая улыбка; сверкнули белые зубы.— Значит, вы приятель Дженни, с которым она вместе училась.

За этими словами скрывалось несколько значений, так что Дейсейн уставился на официанта, разинув рот.

— Дженни рассказывала о вас, сэр,— продолжил официант.

— Да.

— Вы хотите знать, с кем играет доктор Ларри? — Он повернулся в сторону игроков.— Хорошо, сэр, напротив доктора Ларри сидит капитан Эл Марден из службы дорожной инспекции. Справа — Джордж Нис, управляющий сыроваренным кооперативом Джаспера. А слева — мистер Сэм Шелер. Мистер Сэм заведует нашей независимой службой техобслуживания... Сейчас я принесу вам меню, сэр.

Официант направился к бару.

Дейсейн не сводил глаз с игроков в карты, удивляясь своему возникшему к ним интересу. Сидевший спиной к нему Марден был в муфти и темно-синем костюме. Он слегка повернулся, и Дейсейн увидел сначала поразительную копну рыжих волос, а в следующий миг — и узкое лицо, плотно сжатые губы, цинично изогнутые вниз.

Шелер из независимой службы техобслуживания (Дейсейн вдруг спросил себя, почему она так называется) оказался смуглым человеком с прямоугольными индейскими чертами лица, плоским носом и массивными губами. У сидевшего напротив него Ниса, уже начавшего лысеть, были песочного цвета волосы, голубые глаза с массивными веками, широкий рот и резко раздвоенный подбородок.

— Ваше меню, сэр.

Официант положил большую папку в красном переплете перед Дейсейном.

— Доктору Паже и его друзьям, похоже, нравится эта игра, — заметил Дейсейн.

— Традиция, сэр. Каждую неделю, примерно в это время, с той же регулярностью, как заходит солнце, они обедают здесь и играют в карты.

— Во что они играют?

— Когда как, сэр. Иногда это бридж, иногда пинокль. Время от времени они разыгрывают партию в вист и даже в покер.

— Что вы имели в виду, говоря о независимой службе техобслуживания? — спросил Дейсейн и посмотрел на смуглое лицо потомка мавров.

— Знаете, сэр, мы здесь, в долине, не имеем дело с компаниями, которые устанавливают твердые цены. Мистер Сэм производит закупки у тех, кто делает самые выгодные предложения. Например, за один галлон бензина мы платим всего четыре цента.

Дейсейн заметил про себя, что нужно будет заняться этим аспектом Барьера Сантароги. Ладно, они не хотят покупать что-либо у больших компаний, но где же в таком случае они добывают нефтепродукты?

— У нас отличный ростбиф, сэр, — предложил официант, указывая на меню.

— То есть вы рекомендуете заказать его, верно?

— Да, сэр. Пшеница созревает прямо здесь, в долине. У нас есть свежая кукуруза, помидоры Джасперса, вместе

с сырным соусом будет просто восхитительно, а на десерт есть клубника, выращенная в теплице.

— А как насчет салата? — спросил Дейсейн.

— С зеленью на этой неделе неважно, сэр. Я подам вам суп со сметаной. Он отлично пойдет вместе с пивом. Может, принести что-нибудь нашего, местного?

— Когда вы рядом, и меню не требуется, — заметил Дейсейн. Он вернул официанту папку с красным переплетом. — Принесите все до того, как я примусь есть скатерть.

— Да, сэр!

Дейсейн смотрел, как удаляется этот черный — в белой рубашке — широкими, уверенными шагами. Настоящий Отелло.

Вскоре официант вернулся с тарелкой супа, от которой поднимался пар, где плавал белый островок сметаны, и кружкой темно-желтого пива.

— Я заметил, что вы единственный негр-официант здесь, — произнес Дейсейн. — Здесь что, существует особый отбор?

— Вы думаете, что меня держат здесь специально, вроде, как напоказ? — Голос официанта прозвучал с незапно появившейся настороженностью.

— Просто подумал, может, в Сантароге существует проблема интеграции.

— В долине, сэр, где-то тридцать — сорок цветных семей. Мы не делаем различий в цвете кожи. — Голос негра стал твердым и обрывистым.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Дейсейн.

— А я и не обиделся. — Легкая улыбка в уголках рта исчезла. — Должен признаться, что негр-официант — явление здесь не столь уж редкое. В заведениях, вроде этого... — он обвел взглядом зал, — должно работать много негров. В традициях местного колорита нанимать таких, как я, на работу. — Снова на его лице мелькнула ослепительная улыбка. — Это хорошая работа, но мои парни устроились еще лучше — они работают в кооперативе, а дочка хочет стать юристом.

— У вас трое детей?

— Два мальчика и девочка. Прошу меня извинить, но меня ждут за другими столиками, сэр.

— Да, конечно.

Дейсейн, когда официант ушел, взял кружку пива.

Он поднес ее к носу и задержал на несколько секунд. Резкий запах — запах подвала и грибов. Дейсейн вдруг вспомнил, что Дженни высоко отзывалась о местном сантарогском пиве. Он отхлебнул его — мягкое, некрепкое, с привкусом солода, — все, как Дженни говорила.

«Дженни, — подумал он, — Дженни... Дженни...»

Почему она никогда не приглашала его посетить Сантарогу, каждый раз уезжая домой на уикк-энд, без каких-либо исключений? Их свидания всегда происходили в середине недели. Он вспомнил, что она рассказывала ему о себе: сирота, воспитывалась дядей Паже и его кузиной... Сарой.

Дейсейн сделал еще один глоток пива, затем попробовал суп. Действительно, вместе они пошли отлично. Сметана, как и пиво, имела тот же самый незнакомый привкус.

«Дженни действительно привязалась ко мне, — подумал Дейсейн. — Между нами возникло нечто, что-то возбуждающее. Но она никогда прямо не приглашала меня познакомиться со своими родственниками, посетить долину». Робкие намеки, прощупывание почвы, да, они были: «Что ты думаешь насчет практики в Сантароге? Ведь тогда ты сможешь время от времени обсуждать с дядей Ларри некоторые интересные случаи».

«Какие еще случаи?» — подумал Дейсейн, вспомнив этот разговор. В информации относительно Сантароги, которую обобщил доктор Селадор и которую он прочитал в папках, совершенно однозначно подчеркивалось: «Никаких сведений о случаях психических заболеваний».

«Дженни... Дженни...»

Дейсейн мысленно вернулся в ту ночь, когда она сделала ему решительное предложение: «Сможешь ли ты жить в Сантароге?». Это были уже не робкие попытки прощупать, что он думает о подобной возможности.

Он вспомнил, как удивленно воскликнул.

«Да с какой стати нам жить в Сантароге?»

«Потому что я не смогу жить нигде в другом месте». — Вот что она сказала тогда: Потому что я не смогу жить нигде в другом месте.

«Люби меня, люби мою долину».

Как он ни умолял ее объяснить, что заставляет ее принять это решение, ему так и не удалось вытянуть из нее ни слова. Для нее все было ясно. Под конец он вышел из себя, в нем кипел гнев, усиленный задетым мужским само-

любием. «Неужели она думает, что я не смогу содержать ее в каком-нибудь другом месте, а не только в Сантароге?»

«Приезжай в Сантарогу, сам увидишь», — умоляла она его.

«Если только ты решишься жить в другом месте».

Тупиковая ситуация.

При воспоминании об этой сцене щеки Дейсейна покрыл румянец. Заканчивалась последняя неделя их учебы в университете. Два дня она не отвечала на его звонки... А потом он сам уже решил не звонить ей. Дейсейн замкнулся в скорлупе своего уязвленного «эго».

И Дженни вернулась в свою драгоценную долину. Когда же он написал ей, усмирив свою гордыню, и предложил ей приехать к нему — ответа не последовало. Вернувшись в долину, она отрезала себя от внешнего мира.

Проклятая долина.

Дейсейн вздохнул и оглядел столовую, вспоминая, с каким волнением говорила Дженни о Сантароге. Этот зал с оббитыми панелями стенами, сантарожанцы, которых он видел здесь, совсем не соответствовали мысленным представлениям, что сложились у него в голове перед приездом сюда.

«Почему она не отвечала на мои письма? — спросил он себя. — Вероятно потому, что вышла замуж. И в этом все дело».

Официант обошел край бара с подносом в руках. Бармен поднял руку и крикнул:

— Уин!

Официант остановился и поставил поднос на стойку. Они приблизили друг к другу головы и начали перешептываться. По выражению их лиц Дейсейн понял, что они спорят. Вскоре официант произнес что-то, резко дернул головой, потом схватил поднос и отнес его к столику Дейсейна.

— Черт побери, вечно он сует нос в чужие дела! — сказал он и, поставив поднос на стол, принялся расставлять тарелки перед Дейсейном. — Хотел, чтобы я не подавал вам Джаспера! Лучшему другу Дженни — и не подавать Джаспера!

Гнев официанта уже остывал. Он, покачивая головой, улыбнулся и поставил перед Дейсейном тарелку.

— Бармен, — начал Дейсейн. — Я слышал, он назвал вас Уином.

— Уинстон Бурдо, сэр, к вашим услугам.— Официант обогнул столик.— Не захотел давать мне пива Джасперса для вас, сэр! — Он взял с подноса покрытую инеем бутылку и поставил рядом с кружкой пива, которую принес в первый раз.— Это несколько хуже того, что я приносил раньше. Впрочем, в еде-то присутствует Джасперс. Никто, черт побери, не смеет указывать, что делать мне, а чего не делать!

— Джасперс,— повторил Дейсейн.— А я думал, что это только вид сыра.

Бурдо, плотно сжав губы, казалось, на мгновение задумался.

— Да нет же, сэр. Джасперс добавляют во всю продукцию, которую производит кооператив. Разве Дженни не говорила вам об этом? — Он нахмурил брови.— Вы что, никогда раньше не приезжали с ней в нашу долину, сэр?

— Да, не приезжал.— Дейсейн покачал головой отрицательно.

— Так вы доктор Дейсейн — Джилберт Дейсейн?

— Да.

— Вы — тот парень, в которого Дженни влюблена по уши.— Он ухмыльнулся и добавил: — Кушайте, сэр. Это отличная еда — пальчики оближешь.

Прежде, чем Дейсейн успел собрать воедино разбегавшиеся мысли, Бурдо повернулся и торопливо ушел.

«Тот парень, в которого Дженни влюблена по уши,— подумал Дейсейн.— Он использовал настоящее время — не прошедшее.— Дейсейн почувствовал, как гулко застучало сердце, но тут же обругал себя — ну не идиот ли он, что решил принять слова официанта всерьез! Да просто у Бурдо такая манера разговаривать! И не нужно строить из этого что-то особенное!»

В смущении он принялся за еду.

Ростбиф оказался таким, каким его расхваливал Бурдо: нежным, сочным. Сырный соус, которым была полита картошка, обладала тем же острым привкусом, что пиво и сметана.

«Тот парень, в которого Дженни влюблена по уши».

Эти слова продолжали отдаваться в голове Дейсейна, пока он ел, полностью запутав все его мысли.

Дейсейн оторвал взгляд от тарелки и стал искать взглядом Бурдо. Официанта нигде не было видно. Джасперс... он придавал еде острый запах и какой-то необычный при-

вкус. Его внимание вернулось к бутылке пива, произведенного не кооперативом Джасперса. «Говорит, не такое вкусное?» — Он отхлебнул прямо из бутылки. Горький металлический вкус. Потом сделал глоток из кружки — пиво из нее оказалось мягким и успокаивающим. Дейсейн почувствовал, как по мере того, как с языка исчезает неприятный привкус, его голова проясняется.

Он поставил на стол кружку, бросил взгляд через весь зал и заметил, что бармен уставился на него с хмурым видом. Потом сантарожанец отвел взгляд.

На первый взгляд, все это казалось весьма несущественным: два пива, спор между официантом и барменом, с таким вниманием взирающим на его столик, — обычные мелочи, встречающиеся в жизни, но почему-то какую-то скрытую угрозу ощущал в них Дейсейн! Он напомнил себе, что два исследователя уже погибли в результате несчастных случаев в долине Сантарога — случайные смерти: первый погиб, когда его машина на слишком большой скорости не вписалась в поворот на горной дороге и свалилась в пропасть; второй сорвался со скалистого уступа в реку — и утонул. Несчастные случаи, вызванные естественными причинами, так уверяли проводившие расследование официальные лица.

Погруженный в раздумья, Дейсейн вернулся к еде.

Вскоре Бурдо принес клубнику, которая тоже оказалась очень вкусной.

— Как, сэр, нравится?

— Отлично! Лучше, чем пиво.

— Ну, пиво уж — моя вина, сэр. Возможно, как-нибудь в другой раз. — Он осторожно прокашлялся. — А Дженни знает, что вы здесь?

Дейсейн опустил ложку и стал вглядываться в тарелку с клубникой, словно пытаясь разглядеть в ней свое отражение. Перед глазами вдруг возникла Дженни — в красном платье, такая жизнерадостная и энергичная.

— Нет... еще не знает, — ответил он.

— Вы знаете, что Дженни до сих пор не вышла замуж?

Дейсейн взглянул на игравших в карты сантарожанцев. «Какой прекрасный у них загар на лице. Значит, Дженни еще не вышла замуж?» Доктор Паже оторвал взгляд от карт и сказал что-то человеку слева от него. Они оба рассмеялись.

— Ее... телефон указан в справочнике, мистер Бурдо? — спросил Дейсейн.

— Она живет вместе с доктором Паже, сэр. И почему бы вам не звать меня Уином?

Дейсейн посмотрел в лицо собеседника с резкими чертами мавританских предков, внезапно заинтересовавшись им. В его голосе звучал едва заметный акцент уроженца юга. А дружелюбие, то, с какой охотой он сообщал ему сведения о Дженни — все это было типично для южанина... С виду доверительная, дружеская беседа, но к ней примешивалось что-то еще: Бурдо как бы прощупывает его, осторожно пытается выведать какую-то информацию. Дейсейн почувствовал, как в нем просыпается психолог.

— Сколько лет вы живете здесь, в долине, Уин? — спросил он.

— Около двенадцати лет, сэр.

— А как вы попали сюда?

Бурдо покачал головой. Уголки рта тронула печальная улыбка.

— Сэр, лучше, если вы не будете знать эту историю.

— Но мне все же хочется услышать ее. — Дейсейн внимательно и выжидающе посмотрел на Бурдо. Где-то ведь должен найтись ключ, которым можно приоткрыть дверь ко всему загадочному в этой долине. «Дженни не замужем?» возможно, Бурдо и есть этот ключ. Негр вел разговор с некоторой застенчивостью, которая, как знал Дейсейн, располагает к доверительности. Сейчас он на это только и надеялся.

— Что ж, если вы действительно хотите знать, сэр, — начал Бурдо, — тогда слушайте. Я отбывал срок в тюрьме в Новом Орлеане (Дейсейн обратил внимание на резко усилившийся южный акцент). Мы ходили одной компанией, каждый занимался чем хотел, а от жаргона, на котором мы изъяснялись, у благопристойных граждан просто уши бы завяли. И однажды я услышал себя как бы со стороны и призадумался, а потом понял, что все это ребячество, ерунда. Для малолеток. — Бурдо повторил эту фразу, с какой-то торжественностью: — Для малолеток, сэр. И вот когда я вышел из тюрьмы, самый главный шериф сказал мне, чтобы я никогда больше не попадал туда. Я пошел домой, где меня ждала семья, и сказал Анни... сказал ей, что мы уезжаем. Погрузили вещички и приехали сюда, сэр.

— Вот так просто собрались и приехали прямо в эту долину?

— Нет, сэр, наши ноги прошлись по многим дорогам. Путь был нелегким, и некоторые места нам было совсем нелегко оставлять. Когда же мы наконец прибыли сюда, то поняли, что мытарства наши оказались не напрасными.

— Значит, вы просто странствовали, пока не оказались здесь.

— Нас словно бы направлял Бог, сэр. Это место... Ну, понимаете, сэр, мне трудно это объяснить. Правда... власти долины хотят, чтобы я шел учиться. Вот в чем проблема. Я могу говорить на хорошем обычном английском, когда не забываю про произношение (сейчас его акцент почти пропал).

Дейсейн ободряюще улыбнулся.

— Наверное, в этой долине живут очень милые люди.

— Вот что еще мне хотелось бы отметить, сэр. Возможно, вам станет понятнее наша долина, если я расскажу об одном случае, случившемся здесь со мной. Если бы это произошло где-нибудь ранее в другом месте, то это бы ужасно задело меня, но здесь же... Мы были на вечеринке в Джасперсе, сэр, сразу же после помолвки моей дочери Уиллы с Кэлом Нисом. И Джордж, отец Кэла, подошел ко мне и положил мне руку на плечо.

«Эй, Уин, старый негритянский ублюдок, — сказал он, — нам лучше пойти выпить и поболтать, потому что мы вскоре породнимся». — Такими были его слова, мистер Дейсейн. Он не хотел меня обидеть, когда называл меня ниггером. Это было совсем как... как мы называем здесь белокурого мальчика Белым. Черный цвет моей кожи служит лишь для установления личности, вроде того, как вы приходите сюда, в этот зал, и спрашиваете Эла Мардена, а я отвечаю: «Видите того рыжеволосого парня, играющего в карты, — это и есть Эл». И когда он называл меня так, я понял, что именно это он и имел в виду — ничего обидного. Я понял это сразу же. Он просто выразил сущность своего восприятия меня. Более дружеской услуги он не мог мне оказать, вот почему он и обратился ко мне с такими словами.

Нахмутив брови, Дейсейн пытался уследить за ходом мыслей Бурдо. Это что, было дружеской услугой — называть его ниггером?

— Мне кажется, что вы не поняли этого,— заметил Бурдо.— Наверное, нужно быть черным, чтобы понять. Правда... возможно, узнав еще кое-что, вы сможете понять и это. Через несколько минут Джордж сказал: «Эй, Уин, интересно, а какие внуки будут у нас: белые, темные или какие-нибудь средненькие?» — Знаете, он как бы вслух удивился, что у него могут быть черные внуки. На самом деле это не беспокоило его. Ему просто было любопытно, и это показалось ему интересным. Знаете, когда я потом рассказывал Анни об этом случае, я плакал. Плакал от счастья.

Разговор затянулся. Дейсейн понял, что это заметил и Бурдо. Официант, покачивая головой, пробормотал:

— Что-то я говорю слишком много. Полагаю, мне лучше...

Он замолчал, услышав резкий крик у стойки бара рядом с карточным столиком. Краснолицый толстяк колотил портфелем по стойке и орал на бармена:

— Вы, сукины дети! Думаете, что вы такие благопристойные, что отказываетесь торговать со мной! Видите ли, мое поведение не устраивает их! Вы могли бы лучше...

Бармен схватил портфель.

— Прочь руки, сукин ты сын! — завопил толстяк. — Вы все возомнили о себе Бог знает что, считаете себя жителями другой страны! Это я-то чужестранец? Так выслушайте меня, вы, жалкая кучка иностранцев! Это Америка! Это свободная...

Рыжеволосый капитан дорожной инспекции Эл Марден поднялся при первых же возгласах толстяка. Подойдя к нему, он положил огромную лапищу на его плечо, чем мгновенно отрезвил кричавшего.

Толстяк перестал орать, повернулся и замахнулся портфелем, чтобы ударить Мардена, но потом, долгую застывшую секунду уставившись в сверкающие глаза Мардена, в его лицо, приобретшее вид начальника, он остановился.

— Меня зовут капитан Марден, я из дорожной инспекции,— представился Марден.— И вот что я вам скажу: мы не заключаем больше никаких сделок с внешним миром.— Его голос звучал спокойно, твердо... и, как показалось Дейсейну, несколько весело.

Разгневанный толстяк опустил портфель и сглотнул.

— Вы можете выйти на улицу, сесть в свою машину и

выехать из Сантароги,— продолжал Марден.— Немедленно. И больше не возвращайтесь сюда. Мы вас запомним, и если вы снова появитесь в долине, мы вышвырнем вас отсюда.

Толстяк успокоился. Плечи его поникли. Он сглотнул, внимательно оглядел зал, потом пробормотал:

— С радостью уеду отсюда. Буду просто счастлив. Ад замерзнет, если я когда-либо вернусь в эту грязную долину. От вас смердит. От всех вас! — Он вырвался из хватки Мардена и по коридору прошел в вестибюль.

Качая головой, Марден вернулся к столику, где играли в карты.

Постепенно в зале установилась прежняя атмосфера. Дейсейн, впрочем, ощутил перемену, которая наступила после нервного срыва торговца — зал разделился на сантарожанцев и приезжих, возникла невидимая стена, отгородившая столики, за которыми сидели семьи приезжих, где родители поторапливали детей, желая как можно быстрее покинуть зал, от столиков сантарожанцев.

Дейсейна охватило такое же желание. Казалось, словно люди в зале разбились на две группы — охотников и жертв. Он почувствовал запах пота — вспотели его ладони. И заметил, что Бурдо ушел.

«Это просто глупо! — подумал он.— Неужели Дженни не замужем?»

Он напомнил себе, что он психолог, наблюдатель. Но наблюдатель должен следить и за самим собой.

«Почему я реагирую таким образом? — подумал он.— Неужели Дженни не замужем?»

Две семьи приезжих уже шли к выходу из зала, пропускаемая вперед детей, хриплыми голосами договариваясь о том, что немедленно уедут в соседний город.

«Почему они не могут остаться здесь? — спросил у самого себя Дейсейн.— Ведь плата здесь вполне приемлема?»

В голове возникла карта этого района: в двадцати пяти милях находится Портервилль, в десяти милях от окраин долины, если ехать по дороге, по которой он прибыл. Если же ехать в противоположном направлении, то приходится делать крюк, огибая гору,— не меньше сорока миль, прежде чем дорога соединяется с 395-й автострадой. Ближайшие селения находились на юге на этой автостраде, и до них было не менее семидесяти миль. Это был район, где

находились Национальные леса, озера, запасные дороги, а местность своими горными кряжами с застывшими лавинными потоками, напоминала лунный ландшафт — почти пустынная, за исключением долины Сантарога. Почему же люди не хотят остаться здесь и провести ночь в гостинице, а не мчаться в темноте по такой не слишком приятной местности?

Дейсейн закончил есть, но пиво не допил. Перед тем, как ехать сюда, ему, конечно следовало поговорить об этой долине с главой факультета доктором Шами Селадором. Бурдо оставил счет на коричневом подносе — 3 доллара 86 центов. Дейсейн положил на поднос пятидолларовую купюру и снова оглядел зал. Игроки в карты сосредоточились на своей игре. Бармен, перегнувшись над стойкой, о чем-то болтал с двумя клиентами. Какая-то маленькая девочка за столиком справа от него жаловалась, что она не хочет пить молоко.

Да, обстановка вокруг него была не совсем обычной, и Дейсейн ощущал, как все внутри него кричит об этом. Хрупкое спокойствие этого зала угрожало в любой момент рухнуть, и Дейсейн не думал, что ему хочется стать тому свидетелем. Он вытер губы носовым платком, взял портфель и направился в вестибюль.

Его чемодан стоял на письменном столе, рядом с журналом регистрации посетителей. Из соседней комнаты, где находился коммутатор, доносились гудящие звуки и едва различимые голоса людей. Он взял чемодан и из кармана достал медный ключ от своей комнаты — пятьдесят вторая на втором этаже. «Если в ней не окажется телефона,— решил он, спущусь вниз и позвоню Шами из автомата».

Чувствуя себя дураком и все еще пребывая под впечатлением от сцены в столовой, Дейсейн направился к лестнице. Несколько пар глаз сидевших в креслах в вестибюле людей настороженно следили за ним поверх газет.

Лестница вела к затемненным антресолям — там находились столы с разбросанными на них листами белой бумаги. А чуть дальше висела табличка: «На второй этаж. Просьба закрывать дверь».

Следующий пролет, тускло освещенный, с широкими панелями из темного дерева, вел налево. За еще одной дверью находился коридор с табличкой, указывающей, что слева находится аварийный выход. Напротив нее еще одна

табличка, светящаяся, указывала, что пятьдесят первая комната находится справа по коридору. С потолка свисали светильники, под ногами поскрипывал толстый ковер каштанового цвета, в широких тяжелых дверях с медными ручками были замочные скважины для старомодных французских ключей — все это напоминало обстановку девятнадцатого века. Дейсейн даже не удивился бы, если бы увидел горничную в кружевном чепце, длинной юбке, в переднике, перехваченном сзади бантом, черных чулках и мягких туфлях — или же представительного вида портье в облегающем жилете со стоячим воротником и широкой золотой цепью на талии. Дейсейн почувствовал себя неуютно в подобной обстановке.

Медный ключ плавно провернулся в замке, и Дейсейн вошел в пятьдесят первую комнату. Высокий потолок, одно окно с видом на стоянку. Дейсейн нажал на выключатель, и зажглась небольшая лампа, стоявшая на полу возле туалетного столика из тутового дерева. В желтом свете он увидел приоткрытую дверь в ванную, выложенную кафелем (оттуда доносился звук капавшей воды), письменный стол на толстых ножках с единственным стулом, кровать, которая показалась ему узкой и высокой. Переднюю спинку ее украшали витиеватые инкрустации.

Дейсейн прикоснулся к постели — она показалась ему мягкой. Он опустил чемодан на постель и посмотрел на него. Из-под крышки выступал край белой ткани. Дейсейн открыл чемодан и осмотрел его. Он всегда тщательно и педантично укладывал вещи. Сейчас же в чемодане среди вещей был небольшой беспорядок. Кто-то открыл его и рылся в нем. Правда, он не был заперт. Дейсейн проверил, не пропало ли что-нибудь — нет, все на месте.

«Почему и кто мною так интересуется?» — задал он себе вопрос.

Дейсейн огляделся в поисках телефона и увидел его — обычный французский аппарат, стоявший на полке возле стола. По пути к телефону он увидел себя в зеркале, висевшем на стене над столиком: широко раскрытые глаза, сжатый в тонкую линию рот. Недовольно он покачал головой и улыбнулся. Но улыбка вышла натянутой.

Дейсейн сел на стул и поднес трубку телефона к уху. В комнате пахло дезинфицирующим мылом... и еще чем-то, напоминающим запах чеснока. Через секунду он нажал на рычаг.

Женский голос вскоре произнес:

— Телефонная станция.

— Я хочу позвонить в Беркли,— сказал Дейсейн и назвал номер. Последовала пауза, а потом его спросили:

— Номер вашей комнаты, сэр?

— Два — пятьдесят один.

— Одну минуту, сэр.

Он услышал звук вращающегося диска, потом гудки. На связь вышла другая телефонистка. Дейсейн вполуха прислушивался к их разговору. Запах чеснока все усиливался. Дейсейн посмотрел на высокую старую кровать, свой раскрытый чемодан. Кровать как бы приглашала его пойти и прилечь на нее, напоминала, какой же он усталый. Заныло в груди. Он глубоко вздохнул.

— Доктор Селадор слушает.

Казалось, знакомый индийско-оксфордский акцент Селадора раздался совсем рядом. Дейсейн назвал себя и неожиданно ощутил чувство той самой близости, которое связывает людей сознанием всей огромности разделяющего их расстояния, когда только при помощи проводов ты можешь связаться с кем-либо, находящимся в другой части штата.

— Джилберт, старина, я вижу, с тобой все в порядке.— Голос Селадора звучал бодро.

— Я в гостинице «Сантарога», доктор.

— Как я слышал, она вполне приличная.

— Похоже, что так.— К накопившейся усталости теперь примешивалось и ощущение неловкости. Зачем он вообще позвонил доктору Селадору. Ведь острый, пронизательный ум доктора начнет выискивать во всем мотивы, тайный смысл.

— Думаю, что ты позвонил мне не только ради того, чтобы сообщить, что прибыл в Сантарогу,— сказал Селадор.

— Нет... я...— Дейсейн вдруг понял, что не способен выразить свое неясное беспокойство, которое, возможно, бессмысленно, чувство отчужденности сантароганцев от чужаков из внешнего мира, уколы беспокоящего его страха.— Мне бы хотелось побольше узнать о сделках, заключенных нефтяными компаниями с этой долиной,— проговорил наконец Дейсейн.— Посмотрим, может, вам удастся выяснить, как они ведут дела с этой долиной.

Здесь, по всей видимости, имеется независимая служба техобслуживания. Мне хочется знать, кто снабжает их бензином, маслом, запчастями и всем остальным.

— Хорошая мысль, Джилберт. Я назначу одного из наших...— Внезапно в трубке раздалось потрескивание, после чего наступила гробовая тишина.

— Доктор Селадор?

Никто не отозвался.

«Дьявольщина!» — выругался мысленно Дейсейн. Потом нажал на рычаг.

— Алло! Телефонистка! Телефонистка!

В трубке раздался мужской голос. Дейсейн узнал в нем служащего, дежурившего у входа.

— Кто это поднял такой шум? — недовольно спросил служащий.

— Мой звонок с Беркли прервали, — ответил Дейсейн. — Не могли бы вы...

— Все, связь оборвалась, — резко бросил служащий.

— Могу я спуститься в вестибюль и позвонить из автомата? — спросил Дейсейн. Уже задавая этот вопрос, представив, что ему придется преодолеть это огромное расстояние вниз, ему стало не по себе. Усталость еще больше наваливалась на его грудь.

— В данный момент связь из долины с внешним миром отсутствует, — сообщил служащий. — Звонить куда-нибудь вне долины не представляется возможным.

Дейсейн провел ладонью по лбу. Кожа оказалась липкой, а он не помнил, захватил ли он с собой дезинфицирующую жидкость. Комната, казалось, то расширяется, то сжимается. Рот пересох, и ему пришлось дважды сглотнуть, прежде чем удалось спросить:

— Когда предполагается восстановить линию?

— Откуда, черт возьми, я могу знать! — недовольно ответил служащий.

Дейсейн убрал трубку от уха и посмотрел на нее. Какой-то странный этот служащий... как и эта комната, все время меняющаяся в размерах, да еще это чесночное зловоние и...

Он услышал какое-то слабое шипение.

Дейсейн, не отрывая взгляда, со все большим удивлением смотрел на старомодную газовую лампу, которая выдавалась из стены рядом с дверью, ведущей в коридор.

«Чесночное зловоние? Да это же запах газа!»

Из телефонной трубки донесся пронзительный лающий голос.

Дейсейн посмотрел на нее. Все происходящее сейчас вдруг показалось ему чем-то далеким, нереальным. За окном он мог видеть табличку, висевшую у входа в гостиницу: «Музей времен золотой лихорадки». Внезапно окно слилось с воздухом, и Дейсейн покачнулся и упал на стол, не в силах управлять мышцами, всегда послушными, смахнув при этом со столика телефон прямо в окно.

Пронзительный голос стал слабее.

Дейсейн лежал поперек стола, головой рядом с разбитым окном. Он мог видеть телефонный провод, исчезавший за окном. Холодный ветер дул прямо в лицо, но он этого не замечал, весь поглощенный болью в легких.

«Они пытались убить меня», — подумал он. Эта мысль поразила его. Он снова вспомнил о двух исследователях, которые уже погибли в этом городе — в результате несчастных случаев. Как все просто: несчастный случай, и не надо придумывать ничего сложного — и он только что едва избежал подобного же конца!

Ветер... как же холодит он кожу, обжигает легкие! В висках в тех местах, где он прижался головой к поверхности стола, молотом стучала кровь. Пульс все убыстрался и убыстрался...

К стуку сердца присоединились удары по дереву. Несколько минут они выстукивали безумный ритм синкопы.

— Эй, в комнате? Откройте!

Какой же властный этот голос. Откройте, — повторил мысленно Дейсейн. — Для этого нужно встать на ноги, пройти по комнате, повернуть ручку двери...

Сейчас я беспомощен. Они могут попытаться снова убить меня.

Он услышал скрежет металла о металл. Ветер задул еще сильнее. Кто-то крикнул:

— Газ!

Дейсейна схватили за плечи и оттащили назад, полунеся, полуволоча из комнаты. Перед глазами мелькнуло лицо Мардена, рыжеволосого капитана дорожной инспекции, потом Дейсейн увидел служащего: побледневшее лицо, внимательно всматривающиеся в него глаза, лоб, сверкающий капельками пота в желтом свете. Потом перед

глазами возник коричневый платок, а сам он почувствовал, что лежит на коврике, жестком и неприятном.

Гнусавый голос спросил:

— А кто будет платить за окно?

Еще кто-то сказал:

— Пойду позову доктора Паже.

Внимание Дейсейна сконцентрировалось на губах Мардена, единственное, что неясным пятном вырисовывалось сквозь пелену искаженного восприятия. Ему показалось, что уголки его рта скривились от гнева.

— Да черт с ним, с этим вашим окном, Джонсон! Я же вам сколько раз говорил, чтобы вы убрали отсюда эти газовые лампы! В скольких комнатах они еще остались?

— Не разговаривайте со мной таким тоном, Эл Марден. Я знаю вас еще с тех пор, как...

— Меня не интересует, сколько вы меня знаете, Джонсон. В скольких комнатах еще имеются эти газовые лампы?

Раздался голос служащего, в котором слышался гнев:

— Только в этой и еще в четырех этажом выше. Но там сейчас никто не проживает.

— Чтоб к завтрашнему вечеру их там не было! — отрезал Марден.

Поспешные шаги прервали этот спор. Вместо потолка в поле зрения Дейсейна появилось круглое лицо Паже. Лицо врача выглядело озабоченным. Он осторожно оттянул веки Дейсейна, потом произнес:

— Положите его на кровать.

— Как, доктор, с ним будет все в порядке? — спросил служащий.

— Самое время задавать идиотские вопросы, — ответил Марден.

— Мы вовремя успели, — сказал Паже. — А та комната, что напротив, она не занята?

— Его можно перенести в двести шестидесятую комнату, — ответил служащий. — Я открою ее.

— Вы хоть понимаете, что его, друга Дженни, с которым она вместе училась в университете, едва не убили? — спросил Марден. Голос его доносился до сознания Дейсейна все слабее по мере того, как он удалялся к двери, где с ключами копошился служащий.

— Друг Дженни? — Раздался звук проворачиваемого в замочной скважине ключа. — Но я думал...

— Не важно, что вы думали!

Лицо Паже приблизилось к Дейсейну.

— Мой юный друг, вы меня слышите? — спросил он. Дейсейн, ощущая боль в легких, вздохнул и простонал:

— Да.

— Вас будут беспокоить головные боли, но вы выживете.

Потом лицо Паже отодвинулось. Чьи-то руки подняли Дейсейна. Потолок приблизился. Он оказался во второй комнате, похожей на предыдущую: такой же высокий потолок, так же, как и там, капала вода в ванной. Дейсейн почувствовал, что его положили на кровать, а потом начали раздевать. Внезапно он почувствовал головокружение и тошноту и оттолкнул в сторону руки раздевавших его людей.

Кто-то помог ему добраться до ванной, где его начало рвать. А потом он почувствовал облегчение — пусть и небольшое, но в голове немного прояснилось, и теперь он мог управлять своим телом. Дейсейн увидел, что помогал ему Паже.

— Хотите вернуться в постель? — спросил Паже.

— Да.

— Я вколю вам сейчас препарат железа, который нейтрализует воздействие газа на вашу кровь, — произнес Паже. — С вами будет все в порядке.

— Каким образом газовая струя попала в комнату? — спросил Дейсейн хриплым шепотом.

— Джонсон ошибся, регулируя клапаны на кухне, — ответил Паже. — Никакого вреда не случилось бы, если бы какой-то идиот не открыл форсунку в вашей комнате.

— Могу поклясться, что когда я вошел в комнату, все было перекрыто, — раздался голос служащего откуда-то за дверью в ванную комнату.

— Клапаны нужно перекрыть до завтрашнего вечера, — напомнил Марден.

«Они все так рассудительны, — подумал Дейсейн. — Марден, кажется, действительно разгневан. А на лице Паже застыло лишь выражение озабоченности.

«Может, это в самом деле несчастный случай?» — спросил себя Дейсейн.

Но он тут же напомнил себе, что двое человек, занимавшихся исследованием в этой долине, уже погибли в результате несчастных случаев.

— Значит, так, Эл,— начал Паже.— Вы, Пим и остальные теперь можете уходить. Я уложу его спать.

— Ладно, Ларри. Всем выйти из комнаты! — Это был голос Мардена.

— Я принесу его вещи из той комнаты.— Этого голоса Дейсейн не узнал.

Вскоре с помощью Паже Дейсейн переоделся в пижаму и лег в постель. Голова его прояснилась, сонливость как рукой сняло, но он чувствовал одиночество, несмотря на то, что Паже все еще находился в комнате.

«Я среди чужих»,— подумал Дейсейн.

— Так, примите вот это,— произнес Паже и запихнул две таблетки Дейсейну в рот, потом заставил психолога запить их водой из стакана.

Дейсейн сделал глоток и почувствовал, как таблетки с трудом проходят по горлу вместе с водой.

— Что это? — спросил он, когда отставил стакан.

— Препарат железа и успокоительное.

— Мне не хочется спать. Газ...

— Вы не слишком наглотались газа, чтобы это имело какие-либо серьезные последствия. А теперь спокойно отдыхайте.— Паже похлопал его по плечу.— Постельный режим и свежий воздух — лучшая терапия, которую вы можете получить. Кто-нибудь время от времени ночью будет заглядывать к вам. Я проверю ваше состояние утром.

— Кто-нибудь,— повторил Дейсейн.— Медсестра?

— Да,— ответил Паже резким тоном.— Медсестра.— Вы будете в такой же безопасности, как и в госпитале.

Дейсейн смотрел во мрак ночи за окном. «Откуда взялось это ощущение опасности? — подумал он.— Может это просто реакция организма на лекарство?» — Он почувствовал как действует успокоительное, затуманивая сознание, однако ощущение опасности не исчезло.

— Дженни будет счастлива узнать, что вы здесь,— сказал Паже. Потом он вышел из комнаты, погасив свет, и тихо закрыл за собой дверь.

Дейсейну вдруг показалось, что он задыхается в темноте, и он попытался преодолеть панику, вернуть себе то некое подобие спокойствия, которое испытывал прежде.

«Дженни... Дженни...»

Дейсейн вспомнил странный разговор между служа-

щим, которого звали Джонсоном, и Марденом: «...Друг Дженни, с которым она вместе училась...»

«Что Джонсон хотел сказать? На чем его прервал Марден?»

Дейсейн пытался побороть действие успокоительного. Мерное капанье воды в ванной мешало ему сосредоточиться. Комната казалась ему сейчас тюремной камерой.

«Так что же это — просто несчастный случай?»

Он вспомнил замешательство, которое охватило его в тот момент, когда он услышал шипение газовой струи. Теперь, когда опасность миновала, им овладел ужас.

«Это не может быть несчастный случай!»

Но почему тогда Джонсон хотел убить его?»

Дейсейн все время мысленно возвращался к прерванному телефонному звонку. Действительно ли связь была прервана? Что бы на его месте предпринял Селадор? Ему ведь известно, какие опасности могут угрожать здесь.

Дейсейн почувствовал, что под воздействием успокоительного он проваливается в сон, и попытался сосредоточиться на мыслях об исследовании. Это такой многообещающий проект. Он вспомнил, как Селадор объясняет, почему такое внимание к этой долине. Проект «Сантарога» — просто ослепительно сверкающая драгоценность, которая...

Взятый по отдельности любой из этих фактов не может вызвать какую-либо тревогу или повышенное внимание. Вам может показаться любопытным то, что ни одного человека из Кloverдейла, штат Калифорния, нельзя обнаружить в психиатрической клинике. Лишь мимолетный интерес может вызвать тот факт, что люди Хоупа, штат Миссури, потребляют совсем мало табака. А встревожит ли вас сообщение о том, что бизнес в Энамкло, Вашингтон, ведется только на местном уровне? Конечно, нет. Но когда все эти и подобные факты соединяются вместе и совершаются в одном месте, то возникает тревога. В этом и состоит отличие данного исследования...

Капающая вода в ванной отвлекла внимание. «Опасное отличие, — подумал Дейсейн. — Кто же будет присматривать за мной?» — задал он себе вопрос.

И тут ему пришло в голову спросить себя, а кто же поднял тревогу? Звук разбитого стекла, видимо, привлек чье-то внимание. Вероятнее всего, это был Джонсон, служащий гостиницы. Почему же тогда он бросился спасать чело-

века, которого пытался убить? Дейсейн понял, что параноя уже оказывает на его мысли заметное влияние.

«Это был несчастный случай,— решил Дейсейн.— Это был несчастный случай при проведении исследования в месте, имевшем столько опасных отличий».

Уже только проснувшись, Дейсейн почувствовал, что голоден. Тело сводило судорогами боли. В памяти всплыли события ночи. Голова так болела, что ему казалось, словно ее пинают изнутри.

Осторожно он приподнялся. Прямо перед ним находилось окно, за которым виднелась зеленая ветка дуба. Дейсейну казалось, будто его мускулами управляет какая-то невидимая сила. Неожиданно Дейсейн поймал себя на том, что посмотрел на дверь, пытаясь разглядеть, нет ли там газовой лампы, но не увидел ничего, кроме пятна на обоях, отмечавших место, где находилась газовая форсунка.

Стараясь держать голову как можно ровнее, Дейсейн осторожно выбрался из постели и направился в ванную. Холодный душ в какой-то степени привел его в чувство и вернул ощущение реальности.

Он продолжал твердить себе: «Это несчастный случай».

Когда Дейсейн вышел из ванной, на ветке дуба сидела сойка, и от ее пронзительного писка у него снова разболелась голова. Он торопливо оделся, понуждаемый чувством голода. Появились и другие сойки и стали набрасываться друг на друга, продолжая верещать, их холки развевались на ветру. Стиснув зубы, Дейсейн повернулся к зеркалу, чтобы завязать галстук. Когда он только занялся этим делом, то увидел в отражении зеркала, как дверь медленно начала открываться. А потом появился угол тележки на колесиках с подносом, сопровождаемый звоном тарелок. Дверь распахнулась пошире.

В дверях, толкая тележку, появилась Дженни. Дейсейн уставился на ее отражение в зеркале, его руки как бы приросли к галстуку. На ней было красное платье, а длинные черные волосы были перехвачены такого же цвета лентой. Кожа имела загар здорового человека. Ее голубые глаза в свою очередь уставились на его отражение в зеркале. На овальном лице, внимательно всматривающемся в него, было выражение ожидания. Губы ее были такими же полными, какими он запомнил их, сложившимися в легкую улыбку, на левой щеке появлялась ямочка.

— Заканчивай завязывать свой галстук,— сказала

она.— Я принесла тебе завтрак.— В ее голосе прозвучали столь хорошо знакомые ему угрожающе-успокаивающие нотки.

Повернувшись, Дейсейн направился к ней, словно кукла, приводимая в движение невидимым кукловодом. Дженни оставила тележку и встретила его на полпути. Она бросилась в его объятия и вскинула голову для поцелуя. Дейсейн почувствовал тепло ее губ, и ему показалось, что он вернулся домой.

Дженни отодвинулась и внимательно посмотрела на него.

— О Джил! — воскликнула она.— Мне так тебя не хватало! Почему ты мне не написал хотя бы одно письмо?

Он уставился на Дженни, не в силах от охватившего его удивления сразу ответить, потом произнес:

— Но я на самом деле писал тебе. Но ты ни разу мне не ответила.

Она отошла от него, лицо ее помрачнело.

— Та-а-а! — Она топнула ногой.

— О, как я вижу, ты уже нашла его.— В дверях появился доктор Паже. Он протолкнул в комнату всю тележку и закрыл дверь.

Дженни повернулась к нему.

— Дядя Ларри! Вы что, скрывали от меня письма Джила?

Паже перевел взгляд от нее на Дейсейна.

— Письма? Какие еще письма?

— Джил писал мне письма, но я не получила ни одного из них!

— Ясно,— кивнул Паже.— Ну, ты ведь знаешь, как это порою бывает на почте... девушка из долины, парень, который пишет ей из внешнего мира.

— Черт побери! Я выцарапала бы им глаза!

— Успокойся, девочка.— Паже улыбнулся Дейсейну.

Повернувшись снова к Дейсейну, Дженни упала в его объятия и к удивлению того, снова поцеловала его. У психолога перехватило дыхание.

— Ну вот! — воскликнула она.— Только здесь может твориться подобное. Эти старые идиоты на почте не способны бросить это в корзину для мусора.

— Какие старые идиоты? — спросил Дейсейн. Ему показалось, что он пропустил часть разговора. Своим горячим поцелуем Дженни открыто признавала, что в их

отношениях ничего не изменилось, однако Дейсейна не покидало ощущение незащищенности, необходимости вести себя осторожно. В конце концов, прошел год. Он ухитрился пробыть целый год вдали от нее — поддавшись своему уязвленному мужскому самолюбию, боясь при этом, что Дженни выйдет замуж... и он навеки потеряет ее. Но вот что побудило ее оставить его и целый год не напоминать о себе? Ведь она могла же приехать в Беркли хотя бы с коротким визитом.

«Да и я сам мог бы приехать сюда».

Дженни усмехнулась.

— Почему ты улыбаешься? — требовательно спросил он. — И ты не объяснила толком насчет почты и...

— Я улыбаюсь, потому что я так счастлива! — ответила она. — Я улыбаюсь, потому что могу читать мысли в твоей голове. Почему ни ты, ни я ни разу не навестили друг друга за все это время? Ладно, вот ты и здесь, я знала, что ты приедешь когда-нибудь. Знала — и все! — Она импульсивно прижалась к нему и сказала: — А что касается почты...

— Мне кажется, завтрак Джилберта остывает, — заметил Паже. — Вы не против, если я буду звать вас Джилберт?

— Он не против, — ответила за Дейсейна Дженни. В ее голосе звучали подтрунивающие нотки, хотя тело внезапно напряглось. Она отодвинулась от Дейсейна.

Паже поднял крышку с одной из тарелок, стоявших на тележке, и сказал:

— Омлет Джасперс, как я вижу. Настоящий Джасперс.

Дженни неуверенно, без привычной жизнерадостности произнесла:

— Я сама приготовила его на кухне Джонсона.

— Я вижу, — сказал Паже. — Да... что ж, возможно, это самое лучшее, что есть в долине. — Он указал на тарелку. — Отведайте его, Джилберт.

При этих словах чувство голода в желудке Дейсейна снова напомнило о себе. Ему захотелось тут же усесться и умять омлет... но нечто неуловимое, смутное заставило его сдержаться. Он никак не мог избавиться от грызущего его ощущения опасности.

— А чем занимается Джасперс? — спросил он.

— Вот этим, — ответила Дженни и подкатила тележку к столу. — Я хочу сказать, продукт, получаемый из коопе-

ратива, они доводят до конца. Например, в этом омлете есть сыр Джасперса, который мы называем чеддар. А теперь садись и ешь.

— Вам он понравится,— заметил Паже. Он пересек комнату, положил руку на плечо Дейсейна и помог ему сесть на стул.— Позвольте мне по-быстрому осмотреть вас.— Он приподнял мочку левого уха Дейсейна, внимательно изучил ее, потом посмотрел в глаза психолога.— Вы выглядите совсем неплохо. Как голова?

— Сейчас лучше. А когда я проснулся, она просто раскалывалась.

— Хорошо. Приступайте к завтраку. Вам нужно отдохнуть день или два. Дайте мне знать, если снова почувствуете головокружение или общие симптомы отравления. Советую в обед вам съесть печенку, а я передам Дженни для вас еще несколько таблеток с железом. Вы не так долго пробыли в отравленном помещении, чтобы это имело какие-нибудь продолжительные последствия.

— Когда я думаю о беспечности мистера Джонсона, то мне хочется взять и перерубить его топором пополам,— со злостью произнесла Дженни.

— А мы сегодня кровожадные, не так ли? — сказал Паже.

Дейсейн взял вилку и попробовал омлет. За ним внимательно следила Дженни. Омлет оказался восхитительным — сочным и с легким привкусом сыра. Он проглотил кусок и улыбнулся девушке.

Дженни в ответ улыбнулась ему.

— А знаешь,— сказала она,— ведь это впервые, когда я что-либо приготовила тебе.

— Не сбей его с ног, девочка,— заметил Паже. Он похлопал ее по голове и добавил.— А сейчас я оставляю вас. Почему бы тебе не пригласить молодого человека на обед? Я скажу Саре, чтобы она приготовила то, что нравится Джилберту.— Он посмотрел на Дейсейна.— Вы ведь не против?

Дейсейн проглотил еще один кусок омлета. От сыра во рту остался острый привкус, который напомнил ему привкус пастеризованного пива, которое ему подал Бурдо в столовой гостиницы.

— Я буду признателен,— ответил он.

— Даже так,— заметил Паже.— Тогда мы ждем вас в семь.— Он посмотрел на наручные часы. Уже почти полднего, Дженни. Ты что, сегодня не работаешь?

— Я позвонила Джорджу и сказала ему, что сегодня я немного задержусь и опоздаю.

— Он не возражал?

— Он знает... что ко мне... приехал друг.— Дженни покраснела.

— Вот как? Ладно, не встревайте ни в какие неприятности.— Паже повернулся и, наклонив вперед голову, быстрым шагом покинул комнату.

Дженни повернулась и с застенчивой улыбкой посмотрела на Дейсейна.

— Не обращай внимания на дядю Ларри,— сказала она.— Он всегда ведет себя так: бросается от одного дела к другому. На самом же деле он удивительный человек.

— Где ты работаешь? — спросил Дейсейн.

— В кооперативе.

— На фабрике по производству сыра?

— Да. Я... я работаю на линии контроля.

Дейсейн сглотнул, напомним себе, что он здесь для того, чтобы провести исследование местного рынка. Он шпион. И что скажет Дженни, когда узнает это? Но Дженни подбросила ему головоломку, которую ему предстояло разрешить. Почему Дженни, с ее поразительным талантом в области клинической психологии (что отмечал даже доктор Селадор, а заслужить его высокую оценку было отнюдь не просто), работает... на фабрике по производству сыра.

— Неужели у тебя здесь на нашлось работы... по специальности? — спросил Дейсейн.

— Это хорошая работа,— сказала девушка. Она села на край стола и стала раскачивать ногами.— Заканчивай свой завтрак. Я приготовила кофе, но такой ты не любишь, а другого в гостинице не оказалось. Не пей его, если он слишком крепкий. В металлическом кувшине апельсиновый сок. Я вспомнила, что ты пьешь черный кофе и не принесла...

— А, черт! — воскликнул Дейсейн.

— Я знаю, что слишком много болтаю,— сказала Дженни. Она обхватила себя руками.— О Джил, я так рада, что ты здесь. Заканчивай завтракать и мы сходим в кооператив. Я попробую устроить тебе экскурсию, и ты

увидишь, какое это восхитительное место. А сзади среди складов, так много темных укромных уголков.

Дейсейн допил кофе и покачал головой.

— Дженни, ты неисправима.

— Джил, ты полюбишь долину. Я знаю это,— добавила она.

Дейсейн вытер губы носовым платком. Она по-прежнему любит его. Он видел это в каждом ее взгляде. И он... он тоже любит ее. И все же та фраза — люби меня, люби мою долину... Ее слова выдавали ее. Дейсейн вздохнул. Он видел, что перед ними в будущем встает глухая стена непонимания, различий между ними. Что окажется сильнее: ее любовь к нему или к родной земле? Если первое, то сможет ли она побороть свои чувства и покинуть долину? Уехать вместе с ним?

— Джил, с тобой все в порядке? — спросила Дженни.

Он отодвинул стул и встал.

— Да. Я...

Зазвонил телефон.

Трубку сняла Дженни.

— Комната доктора Дейсейна.— Она улыbnулась Джилу. Потом улыбка сменилась угрюмостью.— О, так это вы, мистер Джонсон, верно? Знаете, я хочу вам, мистер Джонсон, кое-что сказать. Я думаю, что вы преступник, ведь из-за вас едва не погиб мистер Дейсейн! Если бы вы... Нет! Не нужно оправдываться. Пустить газовую струю в комнату! Да я бы на месте доктора Дейсейна судилась с вами за каждый цент в вашем кармане!

В трубке послышался металлический голос. Дейсейн узнал только несколько слов. На лице Дженни снова появилась улыбка.

— Это Дженни Сорже, вот кто,— ответила она.— Неужели вы... хорошо, я скажу вам, если вы успокоитесь на минуту! Я принесла сюда то, что доктор прописал ему — хороший завтрак. Он не рискнет съесть что-нибудь, что приготовили вы. А вдруг в нем яд!

Дейсейн подошел к брошенному у этажерки чемодану и открыл его. Потом бросил через плечо:

— Дженни, что, ради бога, ему нужно?

Девушка жестом руки призвала его замолчать.

Дейсейн принялся рыться в чемодане, пытаясь найти портфель. Он пытался вспомнить, как же разворачивались события прошлой ночью, но не мог, потом оглядел ком-

нату. Нигде не видно портфеля. А ведь кто-то ходил в другую комнату за его вещами. Возможно этот человек, кто бы он ни был, не заметил портфель. Что же там находилось? Лоб его покрылся испариной. Там же находилась подробно расписанная им программа исследования, направленного на разгадку тайны Барьера Сантароги. Если эта информация попадет в чужие руки, то его ждут новые неприятности.

— Я спрошу его, — сказала Дженни.

— погоди-ка! — крикнул Дейсейн. — Я сам поговорю с ним. — Он взял у нее телефонную трубку. — Джонсон?

— Что вам надо? — воинственно произнес гнусавый голос. Но Дейсейн не винил его за это после того, как на него набросилась Дженни.

— Мой портфель, — сказал Дейсейн. — Он остался в моем старом номере. Будьте добры, пришлите туда кого-нибудь. И...

— Вашего проклятого портфеля не было в той комнате, мистер! Я еще раз проверил ее перед тем, как вынести все ваши вещи.

— Тогда где же он? — спросил Дейсейн.

— Если речь идет о портфеле, за который вы так дрожали вчера вечером, то я видел, как капитан Марден выходил с чем-то похожим после всей той суматохи, что вы вызвали.

— Я вызвал? — Гнев переполнял Дейсейна. — Послушайте, Джонсон! Хватит подтасовывать факты!

После короткой паузы Джонсон произнес:

— Да, пожалуй, кое в чем я был не прав. Простите!

Неожиданная смена тона — с грубого на извиняющийся — обезоружила Дейсейна как психолога. В какой-то степени манера Джонсона себя вести напоминала ему поведение Дженни. Некоторая простодушность сантарожанцев одновременно и привлекала к себе, и приводила в замешательство. Когда ему удалось наконец собраться с мыслями, он только и смог выговорить:

— А что Марден собирается сделать с моим портфелем?

— Вот вы сами и спросите у него об этом, — ответил Джонсон с вернувшейся воинственностью. Потом раздался резкий щелчок, и связь прервалась.

Дейсейн покачал головой и повесил трубку.

— Эл Марден хочет, чтобы ты пообедал с ним в «Голубой Овце»,— сказала Дженни.

— Гм-м! — Дейсейн растерянно взглянул на нее, ему понадобилось несколько секунд, чтобы до него дошел смысл слов.— Марден... обедать?

— Ровно в двенадцать. «Голубая Овца» находится на Авеню Гигантов, которая пересекает весь город... с правой стороны как раз за первым перекрестком.

— Марден? Капитан дорожной инспекции?

— Да, Джонсон сказал мне это по телефону.— Она спрыгнула со стола, на секунду подол ее красного платья взвился вверх, обнажая колени.— Пошли. Проводи меня на работу.

Дейсейн взял чемодан и позволил ей вывести его из номера.

«Чертов портфель со всеми этими формами, заметками и письмами,— подумал он.— Настоящий спектакль! — Но теперь его утешало одно: все пойдет в открытую.— Я еще не перестал быть шпионом».

Впрочем, он не мог не понимать, что узнав о его истинной цели пребывания здесь, сантарожанцы поведут себя еще более осторожно. И весь вопрос в том, какотреагирует на это Дженни.

ГЛАВА 2

После посещения сыроваренного кооператива Джасперса и разговоров с людьми, работавшими как на самой фабрике, так и на прилегающих территориях, Дейсейну почему-то пришла в голову мысль провести аналогию между ними и ульем. Белая стена кооператива вырисовывалась за оградой, куда Дженни повела его от гостиницы. Ему показалось странным, что по соседству с гостиницей через дорогу возле крутого холма на оголенной местности расположены квадраты и прямоугольники строений кооператива. Сонливость, охватившая его вчера вечером, сменилась деловой активностью: гудели автокары, грохочущие по двору и перевозившие какие-то продолговатые тюки, люди целеустремленно куда-то торопились.

«Улей,— подумал Дейсейн.— И где-то внутри должны быть матка, трутни, рабочие пчелы, занимающиеся охраной и сбором пищи».

Охранник в униформе с собакой на поводке записал в журнал фамилию Дейсейна после того, как Дженни представила его. Охранник открыл ворота, встроенные в забор. Собака, с волчьим оскалом глядя на Дейсейна, начала ску-
лить.

Дейсейн вспомнил лай, который он услышал, когда при въезде в долину он впервые обозревал ее. Дейсейн вдруг с удивлением отметил, что это было всего четырнадцать часов назад. А ему казалось, что он здесь уже несколько дней. И ему было интересно, почему собаки охраняют кооператив. Этот вопрос заинтриговал его.

Двор, который они пересекли, имел безукоризненно ровную бетонную поверхность. Теперь, оказавшись совсем рядом с заводом, Дейсейн видел, что он представлял собой комплекс из множества цехов с прилегающей к ним территорией, застроенной странного вида сооружениями, подъездами и навесами.

Настроение Дженни сразу же переменилось, когда они оказались на территории кооператива. Она стала более напористой, уверенной в себе. Дженни представила Дейсейна четырем работникам, в том числе Вилле Бурдо — невысокой молодой женщине хрупкого телосложения с хриплым голосом и со столь резкими чертами лица, что оно казалось почти уродливым. Цвет кожи у нее был такой же, как у отца.

— Я вчера вечером познакомился с твоим отцом, — сказал Дейсейн.

— Папа рассказал мне об этом, — заметила она. Потом с понимающим видом повернулась к Дженни и добавила: — Я сделаю все, что смогу, ты только скажи мне, милая.

— Возможно, позже, — ответила Дженни. — Нам сейчас нужно бежать.

— Джилберт Дейсейн, вам понравится это место, — сказала Вилла. Махнув рукой, она повернулась и решительно направилась дальше по двору.

Встревоженный тем, что скрывалось под этим разговором, Дейсейн позволил отвести себя через боковой пролет к широкой двери, за которой оказался проход. По обеим его сторонам стояли ящики из-под сыра. Из-за этой груды доносились самые разные звуки: шипение, грохот, бульканье воды, лязг металла.

Проход заканчивался лестницей с широкими ступеньками, которая вела к загрузочной платформе. Ее край загромождали ручные тележки. Дженни провела его через дверь с табличкой: «Канцелярия».

Это оказалась самая обычная приемная: на стене — тексты приказов, два стола с пишущими машинками, на которых что-то печатали две секретарши, длинная стойка с проходом в одном конце, окно с видом во двор (вдалеке можно было увидеть и гостиницу), дверь с табличкой «Управляющий».

Когда Дженни и Дейсейн остановились у стойки, открылась дверь, и в приемную вышел один из вчерашних игроков в карты — лысеющий мужчина с волосами песочного цвета, глубокой ямочкой на подбородке и широким ртом — Джордж Нис. Взгляд голубых глаз из-под тяжелых век мимо Дейсейна устремился к Дженни.

— Дженни, на девятой платформе возникли осложнения, — сказал Нис. — Тебе необходимо немедленно туда отправиться.

— Вот, дьявол, какая незадача! — воскликнула Дженни.

— Я позабочусь о твоём друге, — сказал Нис. — Посмотрим, может, нам удастся отпустить тебя пораньше, и ты успеешь на званный обед.

Дженни стиснула, прощаясь, руку Дейсейна и пронесла:

— Извини, дорогой. Дела, сам понимаешь. — Она улыбнулась ему, повернулась и скрылась за дверью.

Машинистки на мгновение оторвались от своей работы, окинули Дейсейна коротким взглядом и вернулись к печатанию. Нис подошел к стойке и открыл дверцу.

— Входите, доктор Дейсейн. — Он протянул руку.

Рукопожатие было крепким.

Дейсейн прошел вслед за Нисом в кабинет, оббитый дубовыми панелями. В голове стучала одна мысль: Нис знает о приглашении на обед с Дженни. Откуда он мог это знать? Ведь Паже сделал это приглашение всего несколько минут назад.

Они сели по разные стороны широкого и совершенно чистого стола. Мягкие стулья оказались очень удобными — с покатыми подлокотниками. За спиной Ниса на стене висела заключенная в огромную рамку фотография кооператива, снятая с воздуха, и, кажется, план местности. Дей-

сейн узнал разметку двора и фасадов зданий. Задняя граница территории обозначалась толстыми темными линиями, извивающимися вдоль подножья холмов подобно голубой разметке русел течения рек на карте. Каждый участок имел заглавную букву « » с номером: « -5»... « -14»...

Нис заметил, куда смотрит Дейсейн и заметил:

— Там у нас обозначены хранилища, в которых мы поддерживаем постоянную температуру и влажность.— Он осторожно прокашлялся в руку и продолжил: — Вы посетили нас, доктор Дейсейн, не в самый подходящий момент. У меня сейчас нет никого, кого я мог бы снять с работы, чтобы он показал вам наш завод, может быть, вы с Дженни когда-нибудь в другой раз придете сюда с этой целью?

— Как вам будет угодно,— ответил Дейсейн и внимательно посмотрел на Ниса, почему-то вдруг ощутив какую-то обеспокоенность.

— Только, пожалуйста, не пользуйтесь одеколоном и не сооружайте на голове какую-нибудь невероятную прическу, если придете сюда еще раз,— заметил Нис.— Обратите внимание, что наши женщины не пользуются косметикой, и мы не пускаем наших женщин из внешнего мира в хранилища или районы складских помещений. Очень легко ненужные привычки могут прицепляться к людям.

Дейсейн внезапно почувствовал резкий запах лосьона после бритья, которым он пользовался утром.

— Хорошо, я выполняю вашу просьбу,— сказал он и посмотрел вправо. Там, за окном, он заметил какое-то движение на улице, разделявшей кооператив и гостиницу. Раскачиваясь в разные стороны, по ней ехал автомобиль необычной конструкции. Дейсейн насчитал восемь пар колес диаметром по меньшей мере футов в пятнадцать, а формой напоминавших огромные надутые пончики, которые скрежетали по асфальту. Колеса держались на массивных осях, напоминавших лапки насекомых.

В открытой высокой кабине сидел Эл Марден, управлявший машиной при помощи двух вертикальных рычагов, а сзади на сиденье расположились четыре охотничьих собаки.

— Что это за чертовщина? — спросил Дейсейн. Он вскочил со стула и подошел к окну, чтобы лучше рассмотреть машину.— Клянусь, за рулем капитан Марден?

— Да, это он, в багги нашего зрителя, — ответил Нис. — Когда он болен или занят какими-нибудь другими делами, капитан подменяет его. Он, скорее всего, отправился патрулировать южные холмы. Я слышал, сегодня утром туда проникло несколько охотников на оленей.

— Вы не разрешаете чужакам охотиться в своей долине, я правильно понял? — спросил Дейсейн.

— Никто не охотится в долине, — поправил его Нис. — Слишком велика вероятность, что шальная пуля попадет в кого-нибудь. Большинство людей, проживающих в этом районе, знают этот закон, но время от времени мы хватаем отдельных нарушителей, проникающих с юга. Впрочем, есть несколько мест, куда невозможно добраться на багги — мы слишком торопились сконструировать и собрать эти машины.

Дейсейн представил, как чудовище на гигантских колесах, раскачиваясь из стороны в сторону движется по зарослям и всей своей массой опускается на несчастного охотника, случайно оказавшегося в долине. Охотникам можно было только посочувствовать.

— Никогда раньше я не видел ничего подобного этим машинам, — заметил Дейсейн. — Какая-то новинка?

— Сэм, Сэм Шелер построил этот багги для передвижения по пересеченной местности десять, нет, двенадцать лет назад, — ответил Нис. — Тогда же нам удалось изловить несколько браконьеров из Портервилля. Больше они нас не беспокоили.

— Могу себе представить, — заметил Дейсейн.

— Надеюсь, вы простите меня, — сказал Нис, — но у меня еще много работы, а у нас сегодня к тому же нехватка рабочих рук. Приходите вместе с Дженни через неделю... после... ладно, через неделю.

«После чего? — спросил себя Дейсейн. Странно, но он почему-то был настороже. Никогда раньше голова так четко не работала. — Интересно, — подумал он, — может, это последствия отравления газом?»

— Я... э-э... сам смогу выйти! — спросил он и поднялся.

— Охранник у ворот будет ждать вас, — произнес Нис.

Он остался сидеть, пристально и как-то странно глядя на Дейсейна, пока дверь не захлопнулась за психологом.

Машинистки в приемной бросили на Дейсейна быстрый взгляд, когда тот проходил мимо и тут же вернулись к

своей работе. Дойдя до платформы, психолог увидел группу людей, загружавших тележки. Он чувствовал на себе их взгляды, идя по антресольному проходу, располагавшемуся сверху над платформой. Неожиданно слева от него открылась дверь. Перед Дейсейном мелькнуло видение длинного стола с конвейером посередине, вдоль которого стояли мужчины и женщины, занятые сортировкой тюков.

Что-то в этих людях привлекло внимание Дейсейна. Глаза их имели странный тупой взгляд, а движения были замедленны. Дейсейн увидел их ноги, которые они прятали под столом, — кажется, они были обтянуты чулками.

Дверь захлопнулась.

Дейсейн продолжил свой путь, стремясь побыстрее оказаться под лучами солнца, ему было не по себе от увиденного. Эти рабочие выглядели... умственно отсталыми. Он пересек двор, задумавшись. «Что это за проблемы на 9-й площадке? Он не забыл, что Дженни слыла в университете неплохим психологом. Очень даже неплохим. Чем же она занимается здесь? Чем на самом деле занимается она?

Охранник у ворот кивнул ему и сказал:

— Приходите еще, доктор Дейсейн. — Потом он прошел в свой домик и, подняв телефонную трубку, что-то быстро произнес в нее.

«Охранник у ворот ожидает вас», — вспомнил Дейсейн.

Он перешел дорогу и, быстро вбежав по ступенькам, вошел в вестибюль гостиницы. За конторкой сидела женщина и возилась с каким-то устройством. Она подняла глаза на Дейсейна.

— Не могли бы вы соединить меня с Беркли? — спросил он.

— Связь нарушена, — ответила женщина. — Какие-то неполадки после пожара в лесу.

— Спасибо.

Дейсейн вышел на улицу, остановился на длинном крыльце и осмотрел небо. Пожар в лесу? Но почему же ни дыма не видать, ни запаха гари не чувствуется.

То, что он встретил здесь, в Сантароге, могло бы показаться на первый взгляд совершенно обычным, если бы за всем этим не скрывалось ощущение какой-то странности и таинственности, от чего временами становилось не по себе.

Глубоко вздохнув, Дейсейн направился к своему грузовику и завел мотор.

В этот раз он свернул в сторону центра города. Авеню Гигантов расширилось и вскоре стало четырехполосным. По обе стороны дороги встречались редкие жилые дома и здания торговых фирм. Слева показался парк с заасфальтированными дорожками, эстрадой для оркестра и цветочными клумбами. За парком в небо возносился величественный шпиль каменной церкви. Табличка на газоне гласила: «Церковь всех религий. Проповедь: «Зависимость божественного вмешательства от страстности желания просящего».

«Зависимость божественного вмешательства? — повторил про себя Дейсейн. — Какое странное название проповеди?» — Ни с чем подобным он раньше не сталкивался. Он сделал в памяти пометку побывать в воскресенье на этой проповеди.

Люди на улицах все больше и больше привлекали внимание Дейсейна. Их встревоженность, торопливость, с которой они двигались, резко контрастировали с монотонными движениями людей у конвейера в кооперативе. Кто они, те туполицые существа? И кто тогда эти торопящиеся люди на улицах?

«Они необыкновенно энергичны, — понял вдруг психолог. Да они же прямо-таки упиваются своей свободой. Интересно, не может ли это настроение оказаться заразительным». Он сам чувствовал небывалый подъем сил.

Справа, прямо за стоянкой Дейсейн заметил вывеску, на которой была изображена овца, а ниже неровно выведена надпись: Голубая Овца. Безоконный фасад был выложен голубым камнем, и эта безликость здания скрашивалась только широкими двойными дверями, каждая из которых имела стеклянное окошечко.

Итак, Марден хотел пообедать с ним здесь. Похоже, только капитан дорожной инспекции и мог забрать злополучный портфель. Не станет ли он теперь действовать по принципу: «Убирайся прочь и никогда больше не переступай порог моего дома», так успешно примененном на несчастном коммивояжере в столовой гостиницы? Или же капитан придумает что-нибудь еще, более изощренное, специально для «университетского друга Дженни»?

На противоположной окраине города улица снова расширялась — здесь находилась станция техобслуживания с двенадцатью въездами и выездами. Дейсейн притормозил и

с восхищением оглядел весь комплекс — самую большую станцию техобслуживания, которую он когда-либо видел. На каждой из двенадцати ее сторон находились навесы, под которыми тремя рядами располагались насосы, причем на каждом ряду можно было обслуживать до четырех автомобилей. А чуть дальше от гигантского комплекса находилось строение с множеством полок для хранения смазочных веществ. За станцией располагалась стоянка размером с футбольное поле, а также огромное здание, помеченное как «Гараж».

Дейсейн подъехал к станции и остановился во внешнем насосном ряду, потом вышел из машины, намереваясь поближе рассмотреть оборудование. Он насчитал двенадцать полок со смазочными веществами и шесть обслуживаемых одновременно машин. Автомобили подъезжали и уезжали. Интересно, почему ни в одном материале по этому проекту не было ни одного упоминания об этом комплексе? Обслуживали машины молодые парни в серо-голубых халатах.

Один из них быстрым шагом приблизился к Дейсейну и спросил:

— Вам какой, сэр?

— Что какой?

— Каким бензином вас заправить?

— А какой у вас есть?

— Восемьдесят, девяносто и сто.

— Тогда девяностым, и не забудьте проверить уровень масла.

Оставив грузовик на попечение механика, Дейсейн покинул станцию и направился в сторону улицы, желая издали рассмотреть станцию. По его оценке площадь ее была не меньше четырех акров. Потом он вернулся к грузовику как раз, когда парень вылезал из-под капота с инструментом в руках.

— Уровень масла — чуть больше одного литра.

— Поставьте тридцатый очиститель.

— Простите, — сказал механик, — но я слышал, как вы подъезжали на этом драндулете. У нас есть сороковой авиационный очиститель. Я бы посоветовал вам использовать его, и тогда у вас не будет сгорать так много масла.

— Сколько это будет стоить?

— Как обычно — тридцать пять центов за литр.

— Хорошо. — Дейсейн покачал головой. «Авиационный за такую цену? Где же мистер Сэм купил его?»

— Как вам Сантарога, нравится? — весело спросил парень, явно рассчитывая услышать добрые слова в адрес долины.

— Очень! — ответил Дейсейн. — Прекрасный городишко. Знаете, это самая большая станция техобслуживания, которую я когда-либо видел. Просто чудо, что в газетах и журналах не раструбили об этом факте.

— Старина Сэм не очень-то жалуется прессу, — заметил механик.

— А зачем тогда, черт побери, понадобилось возводить такую громадину? — спросил Дейсейн.

— Она должна быть огромной — единственная на всю долину, — ответил парень, продолжая возиться с двигателем, сейчас он проверял количество воды в радиаторе и зарядку аккумуляторов. Потом с улыбкой посмотрел на Дейсейна. — Да уж, станция действительно удивляет большинство чужаков. Мы же находим это весьма удобным. Правда, у нескольких фермеров есть свои насосы, и еще имеется подобная станция у аэропорта, но они тоже получают поставки через Сэма. — Он хлопнул капот.

— А откуда старина Сэм получает свои поставки?

Механик испытывающе посмотрел на Дейсейна.

— Я, конечно, нисколько не сомневаюсь: вы не подвизались в агенты какой-нибудь из огромных нефтяных компаний, сэр, но если вы думаете торговаться с Сэмом, то выкиньте эту затею из головы.

— Нет, я просто любопытствовал, — поторопился сказать Дейсейн. Выбор механиком слов удивил его. «Подвизаться в агенты». Дейсейн решил не обращать на это внимания, сосредоточившись на более насущных вопросах.

— Сэм заказывает горючее раз в году на открытом аукционе, — продолжал механик. — В этом году — у небольшой компании из Оклахомы. Оттуда постоянно к нам прибывают грузовики.

— Неужели?

— Я бы не стал это рассказывать, если бы это было не так.

— Я не сомневаюсь в ваших словах — разве нельзя просто высказать свое удивление.

— Нечему здесь удивляться. Деньги необходимо вкладывать туда, где от них будет наибольшая отдача. С вас три доллара и три цента, сэр.

Расплачиваясь, Дейсейн спросил:

— Тут где-нибудь поблизости есть автомат?

— Если вы хотите позвонить в Сантарогу, то можете воспользоваться телефоном, который есть у нас на станции, доктор Дейсейн,— произнес механик.— А платные телефоны чуть дальше, за тем зданием, где хранятся смазочные материалы. Но нет смысла тратить зря время, если вы собираетесь звонить за пределы долины. Линия оборвана. На горе ночью был пожар.

Дейсейн, внезапно насторожившись, внимательно посмотрел на механика.

— Откуда вам известно мое имя? — недоверчиво спросил он.

— Черт побери, мистер, да кто же вас не знает здесь? Вы ведь друг Дженни из университета. Это ведь из-за вас она дает от ворот поворот всем местным парням.

Улыбкой, которая последовала вслед за этим утверждением, он, наверное, намеревался рассеять все сомнения Дейсейна, но она только еще больше насторожила его.

— Вам же нравится Сантарога,— продолжал механик.— Как и всем.— Улыбка его постепенно угасала.— Извините, сэр, но меня ждут другие машины.

Дейсейн молча смотрел вслед удаляющемуся парнишке. «Он спросил, не агент ли я нефтяной компании,— подумал Дейсейн,— хотя знает, как меня зовут... и он знает о Дженни. Любопытное несоответствие». Это наводило его на кое-какие размышления, хотя, возможно, ничего странного в этом не было.

К насосу с другой стороны подъехал длинный, зеленого цвета «крайслер». Водитель, толстяк с дымящейся сигаретой во рту, высунулся из окна и спросил:

— Эй! Эта дорога на 395 автостраду?

— Да, поезжайте прямо вперед,— ответил Дейсейн.

— Есть тут еще какая-нибудь заправочная станция?

— В этой долине — нет,— покачал головой Дейсейн.— Может быть дальше.— Он пожал плечами.— Никогда не бывал в той стороне.

— Проклятый туземец! — проворчал водитель, а потом «крайслер» рванул вперед, выехал на авеню и помчался по дороге.

— Сам ты туземец,— пробормотал Дейсейн.— Нашел, кого обзывать туземцем.

Он залез в кабину грузовика и поехал назад той же дорогой. На развилке он свернул к горе — в сторону Пор-

тервилля. Дорога поднималась вверх и вверх, петляя среди зарослей секвой и дубовых рощ. Наконец он подъехал к тому месту, откуда он впервые обозревал долину. Остановив грузовик, он вылез из кабины.

Легкая туманная дымка мешала ясно различать детали ландшафта, но четко выделялись очертания кооператива и огромные горелки лесопильного завода. Сам город утопал в зелени деревьев, под которыми скрывались черепичные крыши, и, не затрагивая границ города, долину разрезал серпантин реки. Дейсейн взглянул на наручные часы: без пяти десять. Он колебался, так ли ему нужно ехать в Портервилль и звонить оттуда Селадору. Ведь тогда он опоздает на званный обед с Марденом. И решил, что отправит почтой письмо Селадору и попросит того проверить эту историю с оборванной телефонной линией.

Без портфеля и записок Дейсейн чувствовал себя неуютно. Он порылся в отделении для перчаток, нашел небольшой блокнот и обломок карандаша и начал записывать свои наблюдения, чтобы позже составить из них сообщение.

«Сам по себе городок небольшой,— писал он,— но, кажется, обслуживает довольно значительное рыночное пространство. Днем в городе много людей. На станции техобслуживания заметил двенадцать двойных насосов.

Налицо странная настороженность местных жителей к приезжим. Да и резкость в их отношениях между собой и по отношению к чужакам.

Используется продукция только местной фирмы Джасперса. Почему-то местные жители не покупают сыр где-нибудь в другом месте, предпочитая произведенный здесь? Его вкус отличается от всего, что я пробовал когда-либо. Чем объяснить остающийся после употребления его привкус? Личное ли это впечатление? Но почему после пива остается тот же привкус?

Необходимо дополнительное исследование, не фигурирует ли еще где-нибудь «Джасперс» в качестве названия».

Дейсейн увидел что-то громадное,двигающееся среди деревьев чуть дальше кооператива. В течение нескольких секунд он всматривался вдаль, но четко рассмотреть мешало слишком большое количество деревьев.

Дейсейн вернулся к грузовику и достал бинокль. Наведя резкость, он рассмотрел багги, передвигающийся на пончикообразных колесах. Им управлял Марден. Машина

прокладывала себе путь, не обращая внимания на деревья и кусты. Похоже, Марден преследовал что-то... или кого-то. Дейсейн направил бинокль чуть вперед, на полянку, и стал ждать. Вскоре появились три человека в охотничьих костюмах. Они шли с поднятыми над головой руками. Рядом бежали две собаки, не сводившие с них настороженного взгляда. Дейсейну показалось, что охотники разгневаны и испуганы.

Группа свернула в заросли секвой и скрылась из виду. Дейсейн забрался в кабину и сделал запись об увиденном.

«Весь этот эпизод можно вполне логически объяснить,— думал он.— Офицер, призванный стоять на страже закона, задержал браконьеров. Разве не этим и должны заниматься слуги закона?».— И все-таки это происшествие добавило еще один штрих к общей картине этой долины, складывающейся у Дейсейна. То, что происходило в Сантароге, совершенно отличалось от остального мира.

Он направил грузовик обратно к городу, решив при встрече спросить Мардена насчет захваченных им браконьеров.

ГЛАВА 3

Изнутри «Голубая овца» представляла собой пещеру с разукрашенными в пастельно-голубые тона стенами. Здесь же, у стен, слева от общего зала, располагались обычные кабинки со столиками. Длинный бар с зеркалом, инкрустированный танцующей овцой, занимал заднюю стену.

Марден ожидал Дейсейна в одной из кабинок. Перед ним стоял высокий бокал с прохладительным напитком. Капитан дорожной инспекции казался расслабленным, его рыжие волосы были аккуратно причесаны. Две ленты на петлицах его форменной рубашки указывали на офицерский чин капитана — на нем не было кителя. Глаза настороженно следили за приближением Дейсейна.

— Заказать какую-нибудь выпивку? — спросил он, когда Дейсейн сел за столик.

— А что пьете вы? — Дейсейн кивком головы указал на бокал.

— Особый сорт апельсинового пива с Джасперсом.

— Тогда и мне тоже, — ответил Дейсейн.

Марден поднял руку и махнул бармену:

— Еще один, Джим.— Потом внимательно посмотрел на Дейсейна.— Как ваша голова?

— Чувствую себя замечательно,— ответил Дейсейн. Он чувствовал раздражение. «Когда же он заведет речь о портфеле?» — подумал психолог. Принесли бокал для Дейсейна. Обрадовавшись тому, что это отвлечет его от неvesелых дум, он сделал глоток. К резкому апельсиновому привкусу примешивалась острота Джасперса.

— Да, кстати, насчет вашего портфеля,— начал Марден.

Дейсейн поставил на столик бокал, неторопливо и осторожно, потом посмотрел в глаза Мардена. Тот ровным, оценивающим взглядом изучал психолога.

— И что?

— Надеюсь то, что я прихватил его, не слишком расстроило вас?

— Да, не слишком.

— Конечно, мне было интересно его содержимое,— сказал Марден,— ведь я уже знал, с какой целью вы прибыли сюда.

— В самом деле? — Дейсейн внимательно поглядел на собеседника, пытаясь понять его настроение. «Откуда он мог знать о проекте?»

Марден сделал долгий глоток оранжевого пива, потом вытер рот.

— Отличный напиток!

— Довольно приятный,— согласился Дейсейн.

— По правде говоря, вы избрали самый заурядный путь,— заметил Марден и внимательно посмотрел на Дейсейна.— Знаете, мне забавно видеть, что вы до сих пор не поняли, что вами просто кто-то пользуется в своих целях.

Казалось, эта беседа забавляла Мардена, и внезапно внутри Дейсейна вспыхнул гнев, но он попытался совладать с ним.

— Что вы имеете в виду, если конкретно? — спросил он.

— Будет ли вам интересно узнать, что ваше имя несколько раз всплывало в ходе обсуждений городского совета? — спросил в свою очередь Марден.

— Мое?

— Да, ваше. Мы знали, что рано или поздно вас отправят сюда. Нас даже удивляло, что ваше появление у нас затягивается.— Марден покачал головой.— Мы показали

вашу фотографию обслуживающему персоналу — официантам, официанткам, барменам, служащим...

— ...механикам заправочных станций,— перебил его Дейсейн. Все становилось на свои места. Он не пытался уже скрыть свой гнев. «Как они посмели!»

— Они должны были воспользоваться тем обстоятельством, что одной из наших девушек вы стали безразличны,— рассудительно продолжал капитан.— Вы же понимаете, это благоприятствующее обстоятельство. И грешно было им этим не воспользоваться.

— Кто эти «они», о которых вы все время говорите? — спросил Дейсейн.

— Гм-м! — произнес Марден.

Дейсейн три раза глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Вообще-то он и не надеялся, что ему удастся скрывать цель своего приезда сюда бесконечно долго, но уж никак не ожидал такого быстрого разоблачения. И что за чушь, черт побери, несет этот сумасшедший капитан!

— Вы представляете для нас определенную проблему,— сказал Марден.

— Да, но не пытайтесь выдворить меня из долины, как вы это проделали с тем идиотом-коммивояжером прошлой ночью или охотниками, которых вы схватили сегодня! — взорвался Дейсейн.— Я не преступаю закон!

— Выдворить вас из долины? Да мне и в голову не могут прийти подобные мысли. Послушайте, что вы закажете? Ведь мы пришли сюда пообедать.

Как психолог Дейсейн понял, что он вышел из себя, и гнев его исчез после столь неожиданного изменения темы разговора, остался лишь горький осадок.

— Я не голоден,— проворчал он.

— Но когда подадут, вы почувствуете голод. Я закажу нам обоим.— Марден подозвал официанта и сказал: — Два салата Джасперса для торжественного обеда.

— Я не голоден,— повторил Дейсейн.

— Посмотрим,— улыбнулся Марден.— Я слышал, один чужак-водитель «крайслера» назвал вас сегодня туземцем. Вас что, это задело?

— Новости здесь быстро распространяются,— заметил Дейсейн.

— Разумеется, док. И, конечно, то, что этот парень ошибся, подтверждает мое мнение, что вы уже настоящий сантарожанин. Дженни не ошиблась в вас.

— Дженни не имеет к этому никакого отношения.

— Нет, имеет, и непосредственное. Давайте проясним суть дела, док. Ларри нужен еще один психолог, а по словам Дженни вы — один из лучших. Мы создадим здесь отличные условия для вас.

— Какова площадь этого «здесь»? — спросил Дейсейн, вспомнив о двух погибших исследователях. — Не шести ли футов в длину и на такой же глубине?

— Почему вы не перестанете бежать от самого себя, Дейсейн?

— Я уже давным-давно понял, что лучше хорошо идти, чем плохо стоять.

— Да? — Марден озадаченно нахмурил брови.

— Я не бегу от себя, — сказал Дейсейн. — Вот что я имел в виду. Но я не собираюсь стоять и ждать, пока вы будете устраивать мою личную жизнь, игнорируя мое мнение, подобно тому, как сейчас заказываете этот салат.

— Если вам не нравится эта еда, то пожалуйста, не ешьте ее, только и всего, — заметил Марден. — Должен ли я понимать ваши слова, как отказ от предложения Ларри относительно вашей работы здесь?

Дейсейн посмотрел на стол, пытаясь уловить скрытый смысл, который таился за этим предложением. Лучше всего было бы продолжить эту игру, он понимал это. Тогда у него еще останутся шансы раскрыть этот таинственный Барьер Сантароги, узнать, что же на самом деле происходит в долине. Но в голову лезли лишь мысли о заседаниях на городском совете, о том, как у Дженни выпытывают о нем сведения, после чего, несомненно, обсуждают, какие приготовления нужно сделать к приезду Дейсейна. Эти мысли вконец вывели его из себя.

— И вы, и Дженни, и все остальные, вы все отлично рассчитали, верно?! — в гневе воскликнул он. — Бросим этому ублюдку кость. Купим его...

— Расслабьтесь, док, — сказал Марден. В его голосе, ровном и спокойном, по-прежнему звучали веселые нотки. — Я взываю к вашему рассудку, а не к низменным инстинктам. — Дженни предупреждала, что у вас характер — не сахар. Но вы нам нужны.

Дейсейн сжал под столом кулаки, пытаясь взять себя в руки. Значит, его считают жалким ничтожеством, которым можно манипулировать при помощи красивой женщины и денег!

— Вы думаете, что меня используют,— сказал он.

— Мы знаем, что вас используют.

— Вы не сказали, кто.

— Кто стоит за этим? Группа финансовых магнатов, док, которым не нравится независимость Сантароги. Они хотят проникнуть на наш рынок, но не в состоянии этого сделать.

— Барьер Сантароги,— сказал Дейсейн.

— Именно так они и называют его.

— Кто они?

— Вы хотите знать имена? Возможно, мы сообщим вам их, если это потребуется.

— Но и вы хотите использовать меня, верно?

— Нет, Дейсейн. В Сантароге применяются другие методы.

Принесли салат. Дейсейн взглянул на аппетитную зелень, румяного цыпленка и кремово-золотистую приправу. Он почувствовал страшный голод. Психолог откусил кусочек мяса и попробовал подливу — тот же самый знакомый уже острый привкус сыра Джасперса. «Черт побери, этот Джасперс добавляют в каждое блюдо! — подумал он. — Впрочем, нужно признать, он приятен на вкус. Возможно, в чем-то правы те, кто говорит, что хотя бы ради того, чтобы отведать сыр Джасперса, стоит приехать сюда.

— Вкусно, не правда ли? — спросил Марден.

— Да, очень. — Дейсейн внимательно разглядывал капитана несколько секунд. — И какие же методы управления в Сантароге, капитан?

— Городом управляет городской совет, но на его решения Городское Собрание может наложить вето. Каждый год происходят выборы. Любой сантарожанец, достигший восемнадцати лет, имеет избирательный голос.

— Островок демократии,— заметил Дейсейн. — Прекрасно, если вы создали коммуны в таком масштабе, но...

— На последнем Городском Собрании присутствовало три тысячи депутатов и еще пять тысяч восьмьсот сограждан с правом голоса,— перебил его Марден. — Это можно сделать, если люди заинтересованы в самоуправлении. А мы, Дейсейн, заинтересованы. Вот так мы и управляем делами в Сантароге.

Дейсейн проглотил немного салата и отложил вилку в сторону. Почти десять тысяч человек старше восемнадцати

лет! Это в два раза больше, чем он ожидал. Чем же все они тут занимаются? Не могут же они существовать, занимаясь лишь обслуживанием друг друга.

— Вы хотите, чтобы я женился на Дженни, обустроился.... и стал еще одним депутатом,— сказал Дейсейн.— Правильно?

— Это как раз то, чего, кажется, хочет Дженни. Мы пытались отговорить ее, но...— Он пожал плечами.

— Отговорить ее... к примеру, уничтожая мои письма?

— Что?

Дейсейн, увидев искреннее замешательство Мардена, и понял, что тот ничего не знает о пропавших письмах.

— Чертовы перестраховщики! — воскликнул Марден.— Похоже, мне придется самому сходить туда и устроить им нагоняй! Но вообще-то это ничего не меняет.

— Не меняет?

— Да. Ведь вы любите Дженни, не так ли?

— Конечно, я люблю ее!

Его признание вырвалось само собой, прежде чем Дейсейн успел осознать. Услышав свой собственный голос, он понял, как сильно его чувство. Да, конечно, он любит Дженни. Он страдал, снедаемый тоской по ней. Просто удивительно, как ему удалось так долго пробыть вдали от нее — проклятое уязвленное мужское самолюбие.

— «Дурацкое самолюбие!»

— Ну, хорошо! — произнес наконец Марден.— Закачивайте обедать, осмотрите долину, а вечером мы обговорим все вместе с Дженни.

«А ведь он не верит, что все так просто»,— подумал Дейсейн.

— Вот, возьмите,— сказал Марден. Он взял с сиденья портфель и поставил его на стол.— Можете заниматься рынком Сантароги. Им и без того уже известно все, что вы хотите узнать. Но они хотят использовать вас совсем по-другому.

— И как же они хотят меня использовать?

— Узнаете сами, док. Может быть, тогда вы, возможно, поверите моим словам.

Марден вернулся к своему салату и с аппетитом принялся за еду.

Дейсейн, положив вилку, спросил:

— А что случилось с теми охотниками, которых вы схватили сегодня.

— Отрезал им головы и замариновал,— ответил Марден.— А вы что подумали? Их просто оштрафовали и отправили в кооператив, в цех упаковки товара.

— Какая в этом польза?

— Знаете, док,— начал Марден, указывая вилкой на Дейсейна,— вы воспринимаете это точно так же, как Уин... Уин Бурдо.

«Воспринимаю что?» — подумал Дейсейн. Вслух же спросил:

— И как же Уин воспринимал это?

— Поначалу не желал смириться. Но этого и следовало ожидать — учитывая его непростой характер. Однако, насколько я помню, потом довольно быстро успокоился. Да и, наконец, сам Уин устал от бесконечных скитаний, которые и привели его в Сантарогу.

— А вы психологи-любители! — язвительно заметил Дейсейн.

— Совершенно верно, док. Но нам бы хотелось иметь еще одного профессионала.

Дейсейн был смущен таким дружеским к нему отношением Мардена.

— Доедайте свой салат,— сказал Марден.— И вы забудете все свои тревоги.

Дейсейн откусил еще один кусок цыпленка, политого соусом Джасперса. Он должен был признать, что теперь, поев, чувствует себя лучше. Голова прояснилась, мысли работали четко. Он знал, что временами голод притупляет все чувства. Еда снимает психологическое давление, позволяя разуму нормально функционировать.

Марден, закончив с едой, откинулся на спинку стула.

— Прогуляйтесь,— посоветовал он.— Сейчас вы смущены, но если вы действительно столь наблюдательны, как утверждает Дженни, то вы сами во всем скоро разберетесь. Я думаю, вам здесь понравится.

Марден встал из-за стола.

— Значит, я должен поверить вам на слово, что меня используют,— произнес Дейсейн.

— Я же не выставляю вас из долины, верно? — сказал Марден.

— А телефонной связи по-прежнему нет? — спросил Дейсейн.

— Откуда мне знать это! — ответил Марден и взглянул на часы. — О, мне уже пора уходить. Позвоните мне после того, как поговорите с Дженни.

Сказав это, он ушел.

Подошел официант и начал собирать тарелки.

Дейсейн смотрел на его круглое лицо, седые волосы и согбенные плечи.

— Почему вы здесь живете? — спросил психолог.

— Что? — в ответ скрипучий голос.

— Почему вы живете в Сантароге? — повторил Дейсейн.

— Вы что, спятили? Здесь же мой дом.

— Но почему именно этот город, а не, скажем, Сан-Франциско или Лос-Анджелес?

— Да вы просто сошли с ума! Что я могу найти там такого, чего мне не хватает здесь? — Он ушел, унося тарелки.

Дейсейн посмотрел на свой портфель, стоявший на столе. Изучение рынка. На сиденье стула напротив он увидел край газеты. Протянув руку, он схватил газету и прочитал ее название: «Сантарога-пресс».

В левой колонке был обзор международных новостей. Краткость и манера изложения поразили Дейсейна. Каждое сообщение занимало один абзац.

Например: «Эти психи все еще убивают друг друга в Юго-Восточной Азии».

До Дейсейна не сразу дошло, что это было сообщение о войне во Вьетнаме.

Следующий абзац: «Курс доллара на международном валютном рынке неуклонно падает, однако американские средства массовой информации продолжают замалчивать этот факт. Финансовый крах, который вполне способен разразиться на текущей неделе, по-видимому, мало кого волнует — все в основном озабочены тем, как провести предстоящие два дня выходных, а не пятницей, грозящей превратиться в Черную».

Новый абзац: «Женевские переговоры по разоружению могут ввести в заблуждение только невежественных и самодовольных людей. Напоминаем: во время предыдущего раунда переговоров бомбы падали во многих местах нашей планеты».

Следующий: «Правительство Соединенных Штатов продолжает расходовать деньги налогоплательщиков на

огромную пещеру, которая засекречена в горах неподалеку от Денвера. Интересно, сколько высших военных чинов и правительственных официальных лиц вместе с их семьями захотят туда переехать, когда широкой общественности станет известно об этом факте?»

«Франция еще раз попыталась сунуть нос в дела США, сделав заявление, что ВВС Соединенных Штатов, базирующиеся на французских авиабазах, должны покинуть территорию Франции. Может, они знают что-то, о чем нам неизвестно?»

«Из-за автоматизации производства еще четыре процента трудоспособных граждан оказались выброшенными на рынок рабсилы. Неужели никого не волнует судьба лиших людей?»

Дейсейн опустил газету и уставился на нее невидящими глазами. Черт возьми, эту газету уж точно выпускает какая-то подрывная антиправительственная организация! Кучка коммунистов? Может, в этом и есть разгадка тайны Сантароги?

Он посмотрел вверх и увидел стоящего рядом официанта.

— Это ваша газета? — спросил официант.

— Да.

— А! Наверное, Эл дал вам ее. — Он начал поворачиваться, когда Дейсейн спросил у него:

— А где ресторан приобретает продукты?

— Со всей долины, доктор Дейсейн. Говядина поступает с ранчо Рэя Аллисона, расположенного у въезда в долину, а цыплята — с фермы миссис Ларсон, которая выращивает их к западу от нашего города. Овощи мы получаем из теплиц.

— Спасибо. — Дейсейн вернулся к газете.

— Доктор Дейсейн, хотите еще что-нибудь заказать? Эл сказал, чтобы вам подавали все, что вы только пожелаете. Оплачивать будет он.

— Нет, спасибо.

Официант оставил Дейсейна, вернувшегося к чтению газеты.

Дейсейн решил тщательно изучить ее. В ней было восемь страниц, рекламы почти не было — только на первой, да и половина последней отводилась для рекламных объявлений, которые нагоняли тоску: «В магазине «Бреннер и Сыновья» недорого продается спальная мебель. При-

шедший первым первым и обслуживается. Имеется также мебель высокого качества местного производства».

«Четыре новых холодильника (16 кубических футов) можно приобрести на рынке Льюиса. Справки о ценах по телефону». В качестве иллюстрации служил улыбающийся толстяк, державшийся за открытую дверцу холодильника.

Остальные объявления касались в основном купли-продажи и обмена: «Имею тридцать ярдов домотканой шерсти (ширина 54 дюйма), нуждаюсь в хорошей ленточной пиле. Звонить Эду Джанки на мельницу номер один».

«Однотонный грузовик марки «Форд-56» куплен мною два года назад и до сих пор в приличном состоянии. По словам Сэма Шелера, он стоит около пятидесяти долларов или хорошую телку. Уиллиам Маккой, Ривер Джанкшн».

Дейсейн более внимательно начал перечитывать газету. Он наткнулся на одну колонку для садоводов: «Настало время разводить жаб в вашем саду для борьбы с улитками».

Одна из следующих страниц была полностью посвящена предстоящим собраниям и тому, какие вопросы будут на них рассматриваться. При чтении этой колонки Дейсейн заметил часто повторяющуюся фразу: «Джасперс закупит».

«Джасперс закупит,— подумал Дейсейн.— Джасперс... Джасперс... Повсюду Джасперс. Неужели они действительно потребляют так много продукции этого кооператива?» — В этом слове, как ему вдруг показалось, скрывался какой-то смысл. Нечто объединяющее, характерное только для сантарожанцев.

Дейсейн снова вернулся к газете. Его привлекло одно объявление в рекламной части: «Обменяю двухлетнее пользование половиной моего холодильника «Джасперс» (20 кубических футов, высокое качество) на предоставленную возможность в течение шести месяцев заниматься столярными работами. Лео Мерриот, Ривер Роуд, 1018».

Что же, черт возьми, представляет из себя холодильник «Джасперс»? Но каким бы он ни был, а пользование его десятью кубическими футами в течение двух лет приравнивается шестимесячной зарплате столяра — это же не меньше четырех тысяч долларов!

Солнечный свет, внезапно ярко осветивший ресторан, привлек внимание Дейсейна, и он приподнял голову как раз вовремя, чтобы заметить пару молодых людей, входя-

щих в ресторан. У девушки были темные волосы, глубоко посаженные карие глаза и красивые подвижные брови, а у ее спутника — резкие норманнские черты лица и не менее красивые голубые глаза. Они заняли кабинку рядом с Дейсейном. Дейсейн наблюдал за ними в отражении зеркала, висевшего над баром. Молодой человек бросил взгляд через плечо на психолога и сказал что-то девушке. Та улыбнулась.

Официант принес им два прохладительных напитка.

Вскоре девушка произнесла:

— После Джасперса мы сидели там и прислушивались к звукам на закате солнца, шуму проводов и голосам птиц.

— Иногда ты должна чувствовать рябь на воде, — сказал ее спутник. — Это из-за того, что в красных лучах заходящего солнца поднимается ветер.

Дейсейн снова насторожился. Это постоянное упоминание о Джасперсе, его высоком качестве — это что, шизофренический бред или какая-то разновидность психоделии. Он напрягся, пытаясь расслышать их разговор, но они склонили головы друг к другу и начали перешептываться и смеяться.

Неожиданно Дейсейн мысленно вернулся к проводившимся более чем три года назад экспериментам по изучению действия ЛСД, которые проводились на его факультете. Он вспомнил, что у Дженни Сорже, уроженки Сантароги, обнаружился частичный иммунитет к этому наркотику. Под давлением общественности эти эксперименты пришлось прекратить, и теперь уже никогда не удастся подтвердить полученные данные относительно Дженни, а сама она никогда не обсуждала их при встречах с ним. Это воспоминание еще больше усилило беспокойство Дейсейна.

«Почему я вспомнил об этих исследованиях именно сейчас?» — подумал он.

Когда бокалы у молодых людей опустели, они встали и покинули ресторан.

Дейсейн сложил газету и хотел было сунуть ее в портфель, но тут его остановила чья-то рука. Он поднял глаза и увидел Мардена. Тот пристально разглядывал его.

— Кажется, это моя газета, — заметил он и забрал газету у Дейсейна. — Я уже почти доехал до развилки,

когда вспомнил, что забыл ее здесь. До скорой встречи.— Марден торопливо пошел к выходу, держа газету под мышкой.

То, что с такой бесцеремонностью и быстротой он был лишен газеты с интересующими его публикациями, вконец вывело Дейсейна из себя. Он схватил портфель и побежал к двери, где успел рассмотреть, как Марден отъезжает от обочины дороги на своей патрульной машине.

«Иди-ка ты к черту! — подумал он.— Я найду другую».

В баре на углу не продавалось газет, и худощавый служащий ледяным голосом сообщил ему, что местная газета распространяется только по подписке. Он не знает, где она печатается. Продавец в хозяйственном магазине, расположенном чуть дальше, дал ему тот же ответ, как и кассир в бакалейной лавке напротив.

Дейсейн забрался в кабину, открыл портфель и, достав блокнот, начал записывать все, что только мог припомнить из газеты. Когда память его иссякла, он завел грузовик и начал кататься по улицам города в поисках газетного киоска или издательства. Он не обнаружил никаких признаков, указывающих, что «Сантарога-пресс» печатается в этом городе, но когда он подъехал к стоянке, заполненной подержанными автомобилями, его внимание привлекли объявления, размещенные на их лобовых стеклах. Он принял внимательно рассматривать их.

На стекле четырехлетнего «бьюика» виднелась надпись: «Пусть жрет бензина он немало, но и стоит он всего сто долларов».

На почти новом «ровере» красовалась надпись: «Треснул шкив, но двигатель замени — и тогда покупка в 500 долларов не покажется тебе слишком дорогой».

На десятилетнем «шевроле»: «Эта машина принадлежала Джерси Хофстеддеру. Его вдова просит за него всего 650 долларов».

Охваченный любопытством, Дейсейн вылез из кабины, прошел к «шевроле» Джерси Хофстеддера и взглянул на приборный щиток. Спидометр показывал шестьдесят одну тысячу миль. Сиденья внутри были обиты безукоризненно выделанной и хорошо подогнанной кожей. Ни одной царапины на корпусе, а шины казались почти новыми.

— Вы хотите проверить, как машина ездит, доктор Дейсейн? — раздался женский голос.

Повернувшись, Дейсейн увидел красивую седовласую

матрону, одетую в яркую блузку и голубые джинсы. У нее было открытое лицо и гладкая смуглая кожа.

— Меня зовут Клара Шелер, я мать Сэма,— представилась она.— Полагаю, вы уже слышали о моем Сэме.

— И, разумеется, вы знаете обо мне,— заметил Дейсейн, пытаясь скрыть свою ярость.— Я друг Дженни из университета.

— Видела вас сегодня утром вместе с Дженни,— произнесла женщина.— Она — одна из самых замечательных девушек здесь. А теперь, если вас интересует машина Джерси, я могу рассказать вам о ней.

— С удовольствием послушаю,— сказал Дейсейн.

— Здешним отлично известно, кем был Джерси,— начала она свой рассказ.— Он во всем стремился к совершенству. Эту машину он разобрал по винтику, оттачивая и подгоняя каждую деталь, так что сделал из нее само совершенство. Полюбуйтесь только на эти дисковые колеса. И только посмотрите, какие он сделал чехлы!

— Кем был Джерси Хофстеддер? — спросил Дейсейн.

— Кем... о, ну, конечно, ведь вы приезжий. Джерси работал главным механиком у Сэма до самой смерти примерно месяц назад. У его вдовы есть еще и автомобиль марки «корд», которым так гордился Джерси, но она говорит, что ей достаточно одной машины, и потому попросила меня продать этот «шевроле». Вот, послушайте, как работает двигатель.

Она села за руль и включила двигатель.

Дейсейн склонился над капотом. Он едва слышал шум работы двигателя.

— Двойная система зажигания,— продолжила Клара Шелер.— Джерси как-то хвастался, что одного галлона* бензина ему хватило бы на тридцать миль, и я ничуть не удивилась бы этому.

— Как и я,— заметил Дейсейн.

— Как вы хотите расплачиваться, наличными или в кредит! — спросила Клара Шелер.

— Я... я еще не решил, покупать ли мне эту машину или нет,— пробормотал Дейсейн.

— Было бы неплохим подспорьем начать вашу совместную жизнь с Дженни с покупки машины Джерси,—

* Один галлон = 3,785 л. (Примеч. перев.).

произнесла Клара Шелер.— Вам немедленно нужно избавиться от развалюхи, на которой вы ездите. Я слышала, как она урчит. Она не долго послужит вам, если только вы не решитесь заменить по крайней мере подшипники на колесах.

— Я... если я решусь все-таки купить ее, я вернусь вместе с Дженни,— произнес Дейсейн.— Благодарю вас за все.— Он повернулся и чуть ли не бегом вернулся к своему грузовику. У него возникло сильное желание приобрести машину Джерси Хофстеддера, и это показалось ему удивительным. Эта женщина прекрасно знала свою работу.

Дейсейн вернулся к гостинице, в его голове царил хаос. Ну и удивительные же личности жили в Сантароге! С какой необычной искренностью были написаны таблички на поддержанных автомобилях и рекламных объявлениях в «Сантарог-пресс»! Словно использовался один и тот же шаблон.

«Такая открытая честность,— подумал Дейсейн.— В другие времена, более жестокие, это выглядело бы по-иному».

Он прошел в свой номер, лег на кровать и попытался поразмыслить над всем, с чем он столкнулся сегодня. Сейчас разговор с Марденом показался ему еще более странным. Работа в клинике Паже? Подслушанные обрывки разговора молодой пары в ресторане не давали ему покоя. Они что, накачились наркотиками? Да плюс еще «подпольная» газета, получать которую могли ее подписчики. Машина Джерси Хофстеддера... Дейсейну очень захотелось вскочить с кровати, вернуться на стоянку и купить ее, потом выехать из долины и показать ее какому-нибудь механику из внешнего мира.

Размышления Дейсейна прервал непрекращающийся гул каких-то бормочущих голосов. Он встал и огляделся, но так и не смог обнаружить, откуда исходят звуки. Полоска неба за окном, потемнела. Дейсейн прошел к нему и выглянул на улицу. На северо-западе появились грозные облака.

Гул бормочущих голосов не стихал.

Дейсейн обошел всю комнату и остановился под крошечным вентиляционным отверстием, расположенным в углу над туалетным столиком. Он встал на стул, потом сам

взобрался на столик и приставил ухо к вентиляционному отверстию. Слабый, но различимый и такой знакомый звук телерекламы жевательной резинки донесся до него.

Улыбнувшись про себя, Дейсейн слез со столика. Кажется, просто кто-то смотрит телевизор. Он помрачнел. Это было бы первым свидетельством того, что у местных жителей есть телевизор. Он вспомнил географическое расположение долины — глубокая чаша среди гор. Для телевизионного приема необходимо было на одном из близлежащих холмах установить антенну, усилители и протянуть длинный провод.

Дейсейн снова забрался на столик и прислонился ухом к вентиляционному отверстию. Ему удалось сквозь звуки телевизора, показывавшего какой-то дневной сериал, различить голоса трех или четырех женщин. Одна из них, кажется, обучала другую вязанию. Несколько раз он слышал слово «Джасперс», а один раз, очень ясно, фразу: «Видение, вот и все — это просто видение»,

Дейсейн спустился на пол и вышел в коридор. Других дверей в коридоре от его номера до окна в конце коридора с табличкой «Выход» не было. Но на другой стороне вестибюля дверь имелаась. Дейсейн вернулся в свою комнату и осмотрел вентиляционное отверстие. На первый взгляд казалось, что воздуховод проходит сквозь стену, но это впечатление могло быть обманчивым — он мог изгибаться и идти сквозь потолок на следующий этаж. Каково же действительное устройство этого здания? Охваченный любопытством, Дейсейн решил немедленно выяснить это.

Он торопливо спустился по лестнице в пустой вестибюль, вышел на улицу и обошел здание. Сзади рос дуб-патриарх, одна из веток которого изгибалась напротив одного из окон второго этажа. Дейсейн решил, что это, скорее всего, его окно. Оно находилось именно там, где он и предполагал, да и ветка подтверждала это. Дейсейн перевел взгляд в сторону угла и насчитал в том месте еще три окна, хотя дверей в эти комнаты из коридора он не видел. На всех трех окнах были задернуты шторы.

«Дверей нет, но зато есть три окна», — подумал Дейсейн.

Он более спокойным шагом вернулся в номер. Вестибюль оставался таким же пустынным, однако он слышал

голоса и треск коммутатора из-за двери за столом дежурного.

Оказавшись у себя в номере, Дейсейн прошел к окну и посмотрел на крышу. Покатый скат, сухие доски. Он без труда открыл окно и вылез на крышу. Дейсейн прислонился к стене и понял, что может таким вот образом, бочком, передвигаться по крыше.

Добравшись до первого окна, он крепко ухватился за выступающий край подоконника и стал искать прореху в занавеске. Щели не было, однако он ясно различил звук работающего телевизора, когда прижался ухом к стеклу. Он расслышал рекламу мыла и женский голос: «Хватит слушать этот канал, переключи на НБС».

Дейсейн отодвинулся от этого окна и прошел к следующему. Под шторой он заметил щелочку в полдюйма шириной. Он едва не потерял равновесие, когда наклонился, чтобы посмотреть в нее. Однако удержался, успев ухватиться за край подоконника, после чего нагнулся и заглянул в щелку.

В затемненной комнате он различил несколько серых катодных трубок. Справа, напротив стены, стояло восемь телевизионных приемников. На достаточном для обозрения расстоянии от экранов в удобных креслах сидело пять женщин. Одна из них, как заметил Дейсейн, не без удовольствия вязала. Другая, похоже, была стенографисткой, она что-то быстро строчила в свой блокнот. А еще одна работала с магнитофоном.

Все члены этой группы производили впечатление деловых женщин. На вид каждой из них было далеко за тридцать, но двигались они не без изящества; было видно, что они ведут активный образ жизни. Белокурая женщина со стройной фигурой, крайняя справа, встала и, зашторив верхний экран, отключила телевизор. Усевшись потом в свое кресло и подчеркнуто демонстрируя свою усталость, она громко произнесла:

— О Господи! Как подумаешь, какой чепухой приходится забивать себе мозги изо дня в день...

— Оставь это для доклада, Сузи! — произнесла женщина с магнитофоном.

«Для доклада? — повторил про себя Дейсейн. — Какого еще доклада?»

Он обвел взглядом всю комнату. У дальней стены стояли шкафы. Прямо под окном виднелась часть дивана.

В левом углу стояла раздвижная лестница, ведущая на чердак. На столике с колесиками располагались две пишущие машинки.

Дейсейн решил, что никогда прежде ему не попадалась столь необычно обставленная комната. «Таинственный отпечаток Сантароги незримо присутствует и здесь,— подумал он.— К чему вся эта секретность? И восемь работающих телевизионных приемников? Интересно было также узнать, что содержится в папках? И о каком еще докладе шла речь?»

Время от времени они что-то надиктовывали на магнитофон, делали пометки в блокнотах, переключали каналы. Все это время они непрерывно о чем-то перебрасывались словами, но лишь урывки их разговора доносились до Дейсейна. Все равно они мало чем могли помочь психологу — обычная женская болтовня: «Я решила не делать складок на платье, с ним столько мороки». «Если Фред не заедет за мной после работы, мне придется искать кого-то, кто отвез бы меня в город».

То, что его легко можно было увидеть с улицы, тревожило Дейсейна. Он сказал себе, что вряд ли он узнает что-либо важное, если он продолжит свое дежурство у окна, рискуя быть замеченным, и как ему тогда объяснять свои действия?

Он осторожно проделал обратный путь по крыше в свой номер, залез в комнату и закрыл окно. Потом снова проверил коридор. Точно, двери, которая по идее должна была отмечать вход в ту старинную комнату, не было и в помине. Он прошел в конец коридора, к выходу, и открыл узкую дверь, выходящую на заднюю площадку. Там он обнаружил винтовую лестницу с перилами, прикрепленными болтами. Перегнувшись через перила, Дейсейн посмотрел вниз — там, двумя этажами ниже, темнел подвал. Потом он посмотрел вверх. Сквозь открытый люк в потолке на третьем этаже струился солнечный свет.

Тихо двигаясь, Дейсейн поднялся на следующую площадку, открыл имевшуюся там дверь, за которой оказался еще один коридор. Он шагнул в него и бросил взгляд вдоль стены, которая тянулась над таинственной комнатой. На две ступеньки выше от площадки имелась другая дверь с табличкой «Бельевая». Дейсейн попытался открыть ее, но дверь оказалась запертой.

Озадаченный, он вернулся на площадку. Когда Дейсейн снова шагнул в коридор, то вдруг почувствовал, как его правая нога скользит по ненатянутому краю ковровой дорожки. Какое-то мгновение, охваченный ужасом, Дейсейн видел летящие навстречу перила и лестницу. С треском он ударился правым плечом о перила, но это лишь замедлило, но не остановило его падение. Дейсейн ухватился за сломанные перила левой рукой и почувствовал, как они начинают прогибаться. И тогда он понял, что сейчас рухнет вниз, пролетит три этажа и упадет на бетонный пол подвала. Пронзительно закричали перила. Все происходило, как в необычайно замедленном кино. Он видел край лестницы, с распадающейся на мелкие желтые линии краской, паутину на одной из ее ступенек, с застрявшей в ней каштановой корпией.

В последнем оглушительном треске сломанные перила развалились, и Дейсейн рухнул вниз. В это ужасное мгновение, когда ему уже представилась картина его тела, распластанного на бетонном полу в подвале, он вдруг почувствовал, как чьи-то сильные руки вцепились в его лодыжки. Еще не понимая, что происходит, Дейсейн запрокинул голову вниз и выпустил сломанные перила. Несколько мгновений он наблюдал, как они падали вниз.

Потом он ощутил, как его, словно куклу, вытаскивают из обломков перил и кладут на спину на лестничной площадке.

Перед взором Дейсейна вдруг возникло озабоченное черное лицо Уина Бурдо.

— Еще мгновение, сэр, и вам можно было бы заказывать похороны,— сказал Бурдо.

Дейсейн дышал так тяжело, что не мог вымолвить ни слова. Правое плечо невыносимо болело. Пальцы левой руки застыли в судороге, вызванной его отчаянным усилием удержаться за перила.

— Я слышал, как кто-то пытается открыть дверь бельевой,— начал Бурдо.— Я был там, сэр, и решил поинтересоваться, кто это. А вы уже валились через перила, сэр. Как это случилось?

— Ковер,— выдохнул Дейсейн.— Это была ловушка.

Бурдо нагнулся и начал исследовать место возле двери. Потом выпрямился и сказал:

— Будь я проклят, если в этом месте ковер не разорван! Вам действительно грозила опасность.

Дейсейну удалось выпрямить свои застывшие пальцы. Он глубоко вздохнул и попытался привстать. Бурдо помог ему. Дейсейн заметил, что его рубашка порвалась. На животе и груди протянулась длинная красная царапина — постарались сломанные перила.

— Вам, сэр, лучше посидеть спокойно несколько минут,— посоветовал Бурдо.— Хотите, я вызову врача?

— Нет... Нет, спасибо.

— Это займет не больше минуты, сэр.

— Со мной будет... все в порядке.

Дейсейн посмотрел на порванный каштановый ковер, его выступающий край. Он вспомнил картину падающих перил, и ему вдруг показалось странным, что он не может припомнить звук их удара о бетонную поверхность подвала. Потом новая, не менее тревожная мысль оформилась в его сознании, когда он вспомнил о смертельных несчастных случаях с двумя предыдущими исследователями. Дейсейн представил себя лежащим мертвым там, внизу, и результаты расследования его гибели: «несчастный случай, простая неосторожность, к сожалению, ведь никто не застрахован от подобных неблагоприятных стечений обстоятельств...»

Но не были ли такими же подстроены и те, предыдущие, якобы случайные смерти?

Его плечо заняло от пульсирующей боли.

— Лучше я спущусь в свою комнату и... переоденусь,— пробормотал Дейсейн. Усилившаяся в плече боль указывала на то, что без помощи врача не обойтись. Но движимый каким-то инстинктом, он отталкивал от себя эту мысль, хотя и понимал, что поступает неразумно.

Бурдо протянул руку, чтобы помочь ему подняться, но Дейсейн оттолкнул ее в сторону, осознавая при этом, что ведет себя как дурак.

— Сэр, я не желаю вам ничего плохого,— сказал Бурдо. В его голосе слышался мягкий упрек.

«Неужели я так явно показываю свой страх перед ним?» — подумал Дейсейн.

И тогда он вспомнил, как эти сильные руки схватили его за лодыжки и спасли ему жизнь, когда он уже падал вниз с лестницы. Дейсейн ощутил вину перед ним.

— Я... знаю это,— произнес Дейсейн.— Ведь вы спасли мне жизнь. Я не могу подобрать слова, чтобы выразить вам всю мою благодарность. Я... мои мысли были полностью

заняты сломанными перилами. Может, вы посмотрите, можно ли их отремонтировать?

Держась за стену, Дейсейн поднялся на ноги. Потом постоял несколько секунд, чтобы перевести дух. Плечо ныло от сильной боли.

— Сэр, я закрою эту дверь на замок,— произнес Бурдо тихим, но твердым голосом.— Я все же вызову врача, сэр. А вы бы пожалели свое плечо. Ведь, верно, оно доставляет вам сильную боль. Будет лучше, если врач все же осмотрит вас, сэр.

Дейсейн отвернулся, противоречивые чувства обуревали его. Да, ему нужно показать плечо врачу. Но обязательно ли этим врачом должен быть доктор Паже? Держась за стену, Дейсейн спускался вниз по лестнице. Паже... Паже... Паже. Кто знает, может, именно доктор Паже осматривал места происшествия в тех двух случаях, закончившихся смертельными исходами? Каждое его движение отдавалось жуткой болью в плече. Паже... Паже... Вообще, можно ли расценивать это происшествие на лестнице как-нибудь иначе, а не как несчастный случай? Разве мог кто-нибудь предвидеть, что он окажется в этом месте и именно в это время?

Сверху слышался звук запираемой на ключ двери, потом по лестнице тяжело загрохотал Бурдо. Лестница завибрировала, и плечо еще сильнее заныло. Дейсейн сжал рукой плечо и остановился на площадке второго этажа.

— Сэр?

Дейсейн повернулся, посмотрел на лицо потомка мавританцев, на котором застыло озабоченное выражение.

— Мне кажется, сэр,— проговорил Бурдо,— вам не стоит больше лазить на крышу. Вы можете упасть с нее, сэр. А падение с крыши грозит серьезными последствиями.

ГЛАВА 4

Ливень обрушился на долину перед самым наступлением темноты. Дейсейн в это время развалился в старинном массивном кресле в доме Паже, наложенная на плечо тугая повязка не давала ему двигаться. Напротив него, осуждающе поглядывая на Дейсейна, на мягкой подушке прилегла Джени.

Так и не изменив своего решения, Бурдо отвез его в клинику, которая примыкала к дому Паже, и сопроводил его до дверей, ведущих в реанимацию, после чего оставил его и ушел.

Дейсейн не знал, что его ждет. Но все равно холодная профессиональная отчужденность, с которой Паже приступил к делу, явилась для него сюрпризом.

— Порванные связки и легкий вывих, — констатировал Паже. — Вы что же... пытались свести счеты с жизнью?

Дейсейн поморщился, когда на поврежденный участок накладывали тугую повязку.

— Где Дженни?

— Помогает готовить ужин. Мы сообщим ей о вашей идиотской выходке после того, как немного вас подлатаем. — Паже закрепил конец бинта. — Вы так и не ответили мне, что же это с вами произошло.

— Совал нос в чужие дела! — пробурчал Дейсейн.

— Теперь перестанете, а? — Доктор перебросил перевязь через голову Дейсейна и закрепил ее, фиксируя руку неподвижно. — Что ж, это должно хотя бы на некоторое время удержать вас от необдуманных поступков. Не двигайте лишней раз рукой. Думаю, не мне объяснять вам все это. Оставьте свой пиджак здесь. Отсюда есть крытый проход, который ведет прямо в гостиную — через вон ту дверь. Идите в дом, а я скажу Дженни, чтобы она составила вам компанию и развлекала вас до ужина.

Крытый проход имел стеклянные стены и был украшен горшочками с геранью. Дейсейн остановился, чтобы рассмотреть только что подстриженный газон, где рядами росли обыкновенные красные розы. Низко нависало потемневшее небо. И тут с ветром, сгибавшим ветки белых берез, росших чуть дальше роз, на землю хлынул ливень. Застигнутые непогодой люди ускорили свой шаг по березовой аллее. При каждом порыве ветра намокшие края одежды хлестали их по ногам.

Дейсейн невольно поежился, несмотря на то, что находился под защитой стеклянных стен. «Что я здесь делаю?» — подумал он. Он проглотил комок в пересохшем горле и поспешил к видневшейся уже недалеко двери дома и вскоре оказался в оббитой панелями гостиной, сплошь заставленной богатой мебелью. Он почувствовал слабый запах горящих углей. В плече все еще пульсировала тупая боль. Дейсейн прошел через всю комнату мимо буфета,

сплошь заставленного отборным хрусталем, и осторожно опустился в глубокое мягкое кресло с зеленой обивкой.

Немного погода боль на время отступила, и он почувствовал временное облегчение. Но потом в плече вновь запульсировала боль.

Дверь хлопнула... раздалась чьи-то торопливые шаги.

Через арку слева от него в комнату ворвалась Дженни с покрасневшим лицом. Мокрые волосы слиплись у висков. На ней было простое платье оранжевого цвета — подобная расцветка казалась поразительной среди унылых тонов огромной гостиной. Со странным чувством отчужденности Дейсейн припомнил, что когда-то сказал ей, что оранжевый — его любимый цвет. Вспомнив это, он почему-то насторожился.

— Джил, Боже мой! — воскликнула она, останавливаясь перед ним с опущенными руками.

Дейсейн проглотил комок в горле.

Дженни смотрела на его разорванную рубашку, края бинтов, выглядывавших из-под нее, перевязь. Неожиданно она встала на колени и положила голову на его колени, прижимаясь к нему, и он увидел, что она плачет — бессловесные слезы сверкающим ручейком струились по ее щекам.

— Эй! — воскликнул Дейсейн. — Дженни... — Эти слезы, ее реакция на его ужасный вид — все это ошеломило его. Он чувствовал себя виноватым перед ней, словно каким-то образом он предал ее. Боль и усталость отступили на задний план.

Дженни взяла его левую руку и приложила ее к своей щеке.

— Джил, — прошептала она. — Давай поженимся... прямо сейчас.

«Почему бы и нет?» — подумал он. Однако оставалось ощущение вины... и вопросы, на которые он еще не получил ответа. Может, с помощью Дженни его заманивают в какую-то ловушку? Может, она даже сознательно играет свою роль? Осознает ли червь, насаженный на крючок, что он служит приманкой на форель?»

Слева от Дейсейна донеслось тихое покашливание.

Дженни немного отстранилась от него, но руку не отпустила.

Дейсейн посмотрел в ту сторону и увидел Паже. Доктор переоделся, и сейчас на нем был голубой смокинг, в котором он еще больше напоминал истукана. Большая голова слегка наклонилась вправо, как бы насмешливо, однако темные глаза внимательно разглядывали его.

За спиной Паже, в столовой, горели свечи в янтарных настенных канделябрах. Дейсейн видел огромный овальный стол, накрытый ослепительно белой скатертью, он был сервирован на три персоны серебряными приборами и хрустальной посудой.

— Дженни? — произнес Паже.

Девушка со вздохом выпустила руку Дейсейна и прошла к зеленой тахте, потом уселась на нее, поджав ноги.

Дейсейн почувствовал запах жаренного с чесноком мяса. И тут же понял, что проголодался. Пребывая в возбужденном состоянии, он без труда различил соблазнительно острый запах Джаспера.

— Мне кажется, нам следует поговорить о вашей предрасположенности к несчастным случаям, — произнес Паже. — Вы не возражаете, Джилберт?

— Разумеется, нет, — ответил Дейсейн. Он сидел, внимательно наблюдая за доктором. В голосе Паже чувствовались нотки настороженности и нерешительности, скрывавшиеся за нежеланием хозяина дома вовлечь гостя в разговор, который мог бы встревожить его.

— Часто ли с вами происходили несчастные случаи, которые влекли за собой различные неприятности? — спросил Паже. Говоря это, он прошел по комнате и подошел к кожаному креслу за спиной Дженни. Усевшись в него, он через плечо Дженни посмотрел на Дейсейна, и у того внезапно возникло подозрение, что доктор не случайно выбрал именно это кресло.

— Ну так как? — произнес Паже.

— Почему бы нам не обменяться вопросами? — спросил Дейсейн в ответ. — Сначала вы отвечаете на один мой вопрос, потом я — на ваш.

— Да, в самом деле, почему бы и нет? — На лице Паже появилась задумчивая улыбка, вызванная одному ему известной шуткой.

Дженни казалась встревоженной.

— Ну, и каков ваш первый вопрос? — спросил Паже.

— Сделка так сделка, — произнес Дейсейн. — Сначала я отвечу на ваш вопрос. Вы спрашивали у меня насчет несчастных случаев. Нет, до сих пор они обходили меня стороной. Во всяком случае, до моего появления в Сантароге. Хотя, постойте, один припоминается — падение с яблони, мне тогда было восемь лет.

— Итак, — заметил Паже, — вы ответили и теперь задавайте свой вопрос.

Дженни нахмурилась и отвела взгляд в сторону.

Дейсейн почувствовал, как внезапно пересохло в горле, и каким-то скрежещущим голосом произнес:

— Скажите мне, доктор, при каких обстоятельствах погибли мои два предшественника-исследователя?

Голова Дженни резко повернулась.

— Джил! — в гневе воскликнула она.

— Успокойся, Дженни, — произнес Паже. Его левая щека нервно подергивалась. — Вы на ложном пути, молодой человек, — проворчал он. — Мы — не дикари. В этом нет необходимости. Если мы хотим, чтобы кто-то уехал, то он уезжает.

— И вы не хотите, чтобы я уехал отсюда?

— Дженни не хочет этого. И это ваш второй вопрос. Теперь ваша очередь отвечать.

Дейсейн кивнул. Он пристально смотрел на Паже мимо Дженни, краем глаза замечая и ее. «Да, — подумал он снова, — Паже все рассчитал и устроился так, чтобы я видел их обоих».

— Вы любите Дженни? — спросил Паже.

Дейсейн сглотнул, потом взгляд его скользнул ниже, и он увидел мольбу в глазах Дженни. Паже знал ответ на этот вопрос! Так почему же он задает его?

— Вам прекрасно известно, что я люблю ее, — ответил Дейсейн.

Дженни улыбнулась, однако две слезинки сверкнули на ее ресницах.

— Тогда почему вы ждали целый год, чтобы приехать сюда и сказать ей это? — спросил Паже. В его голосе звучали гневные язвительные обвиняющие нотки, которые заставили Дейсейна сжаться.

Дженни повернулась и внимательно посмотрела на своего дядю. Ее плечи дрожали.

— Потому что я чертовски упрямый осел и дурак,— ответил Дейсейн.— Я не хотел, чтобы любимая женщина указывала мне, где мне следует жить.

— Значит, вам не нравится наша долина,— заметил Паже.— Возможно, вы измените еще это мнение. Может, вы позволите нам попытаться переубедить вас?

«Нет! — мысленно воскликнул Дейсейн.— Не позволю!» — Однако он знал уже возникший внутри него инстинктивный ответ, дерзкий и по-детски наивный.— Делайте все, что сочтете нужным,— пробормотал он.

Его ответ удивил его самого. Неужели это заговорили инстинкты, до того запрятанные глубоко внутри? Что же такого есть в этой долине, что держит его чуть ли не в постоянном напряжении.

— Ужин готов,— раздался женский голос из прохода под аркой.

Повернувшись в ту сторону Дейсейн увидел сухопарую бледную женщину в сером платье. Она была потомком первых поселенцев Америки — длинноносая, с настороженным взглядом и лицом, где каждая черточка, казалось, выражала неодобрение.

— Спасибо, Сара,— поблагодарил Паже.— Познакомься, это доктор Дейсейн, парень Дженни.

Ее глаза оценивающе оглядели Дейсейна, и, похоже, он ее удовлетворил.

— Еда стынет,— заметила она.

Паже поднялся из кресла.

— Сара — моя кузина,— произнес он.— Она из старинного рода настоящих янки и поэтому категорически отказывается обедать с нами, если мы едим засветло.

— Все у вас шыворот-навыворот, обедать в такой час,— проворчала она.— Мой отец всегда спал в своей постели в это время.

— И вставал на рассвете,— заметил Паже.

— Не стоит смеяться надо мной, Ларри Паже,— произнесла женщина и повернулась.— Идите к столу. А я принесу жареное мясо.

Дженни подошла к Дейсейну и помогла ему встать. Наклонившись, она поцеловала его в щеку и прошептала:

— Вообще-то ты понравился ей. Она сказала мне это на кухне.

это подслащенная ложь, к тому же тщательно перемешанная с крупичками правды.

В объяснениях Паже содержалась часть истины, Дейсейн понимал это, но вот что же он упустил при этом? Что же еще исследовали женщины в той комнате?

— Понимаю,— произнес Дейсейн.

— За вами остался должок в один ответ,— заметил Паже.

— Справедливо.

— Как-нибудь в другой раз,— заметил Паже.— Оставляю вас наедине. Спокойной ночи.

Потом он зашел в комнату и закрыл за собой дверь.

Вскоре Дейсейн направлялся по улице на своем грузовике, ощущая тепло губ Дженни.

Около десяти часов он подъехал к перекрестку перед гостиницей, после секундного колебания он выбрал правую дорогу, ведущую в Портервилль. Принимая это решение, он руководствовался в первую очередь инстинктом самосохранения, хотя и успокаивал себя, что просто хочет некоторое время покататься в одиночестве... и поразмышлять.

«Что же это происходит со мной?» — подумал он. Мысли в голове уже не были необыкновенно ясными, как днем, его охватило беспокойство, от которого все сжалось внутри. Станным образом расширились рамки бытия, и это заставило его осознать, что он загнал свое «я» внутрь себя, сосредоточившись на одном лишь психологическом аспекте. Что-то подталкивало его сейчас сломать созданные им самим внутренние барьеры, и он видел, как за этими барьерами уже вырисовывается нечто, к чему он боялся повернуться лицом.

«Почему я здесь?» — подумал он.

Можно было отследить всю цепочку причин и следствий, вплоть до времени учебы в университете, до Дженни... но он еще раз ощутил вмешательство неких сил, которые находились за пределами этой цепочки, и он боялся этих сил.

Ночь стремительно проносилась мимо грузовика, и он осознал, что поднимается в гору, пытаясь выбраться из долины.

Он подумал о Дженни, о той Дженни, которую видел этой ночью: эльфесса, одетая в оранжевое платье и оранжевые туфли, милая Дженни, нарядившаяся так, чтобы

доставить ему радость; искренность и любовь открыто читались на ее лице.

Он стал вспоминать обрывки разговора за обедом. Джасперс. «Это старый Джасперс». — Это сказала Дженни, пробуя соус. «Настало время закрывать новую секцию Джасперса под номером «5». — Эту реплику бросила Сара, принося десерт. И Паже продолжил: «Я поговорю с ребятами об этом завтра».

Теперь, вспоминая все это, Дейсейн вдруг понял, что даже в меде чувствовался едва уловимый, но такой уже знакомый ему привкус. Он еще тогда удивился, почему так часто в их разговорах всплывает слово «Джасперс». Так или иначе, но их разговоры возвращались к кооперативу, и, похоже, ничего необычного в этом они не находили. Они говорили о Джасперсе... даже в самые неподходящие моменты.

Наконец он достиг перевала, за которым кончалась долина, дрожа от двойственного чувства — бегства... и потери.

На склонах холмов, где вилась дорога, начавшаяся спускаться, догорал пожар. Через вентилятор в кабину проникал влажный пепел, разносимый ветром, и Дейсейн вспомнил об обрыве телефонных линий. Здесь, за долиной, небо начало проясняться от облаков. Мертвые деревья стояли на обгоревших склонах, как герои китайских сказок на залитых лунным светом холмах.

Неожиданно он нашел логическое объяснение своему бегству из долины: «Телефон!» Я должен позвонить Селадору и посоветоваться с ним. Связи с долиной нет, но я могу позвонить из Портервилля... а потом вернуться назад».

И, приняв это решение, он успокоился и продолжал путь в необычном состоянии — полностью отсутствовали какие-либо эмоции или мысли. Даже боль в плече поухнула.

Вскоре во мраке замаячили огни Портервилля, шоссе расширилось, переходя главную улицу городка, слева мелькнула табличка, где синими буквами на белом фоне было написано: «Автобусное депо»; чуть дальше находилось ночное кафе. Два больших трейлера с прицепом стояли рядом со спортивным автомобилем с откидным верхом и светло-зеленой машиной шерифа. Оранжевым блеском сияла вывеска: «Салон матери Френчи». Машины,

припаркованные у обочины, произвели на Дейсейна унылое впечатление своей потрепанностью и старостью.

Дейсейн проехал мимо, увидел одинокую телефонную будку, стоявшую под уличным фонарем на углу рядом с неосвещенной автобусной остановкой. Он свернул в проезд и остановился возле кабинки. Разгоревшийся двигатель начал издавать резкие, скрежещащие звуки, стоило ему только выключить зажигание. Потом он несколько секунд сидел неподвижно, глядя на кабинку, после чего выбрался из машины. При этом изношенные рессоры грузовика слегка скрипнули.

Мимо проехала машина шерифа, фары высветили на белом заборе за кабинкой огромную тень.

Со вздохом Дейсейн зашел в кабинку. Ему вдруг почему-то расхотелось звонить, но он заставил себя набрать номер.

Вскоре он услышал в трубке голос Селадора с его акцентом:

— Джилберт? Это ты, Джилберт? Телефонная связь уже что, восстановлена?

— Я звоню из Портервилля, из городка, который расположен совсем рядом с долиной.

— Что-то случилось, Джилберт?

Дейсейн сглотнул. Даже на расстоянии Селадор остался таким же чувствительным. «Что-то случилось?» Дейсейн коротко рассказал о едва не случившемся с ним несчастье.

После долгой паузы Селадор произнес:

— Все это очень странно, Джилберт, но я не вижу, как ты можешь строить из этих несчастных случаев нечто большее. К примеру, когда ты отравился газом, они приложили огромные усилия, чтобы спасти тебя. И когда ты едва не свалился с лестницы — откуда кто-либо мог знать, что именно ты окажешься там?

— Я просто хотел, чтобы ты знал об этом, — сказал Дейсейн. — Паже считает, что я предрасположен к несчастным случаям.

— Паже? Ах, да — местный врач. Ладно, Джилберт, не следует обращать внимание на заявления, которые делает человек в области, которая выходит за рамки его специальности. Сомневаюсь, что квалификация Паже достаточна для того, чтобы ставить такой диагноз в отношении тебя, даже если у тебя действительно наблюдается похо-

жий синдром — во что я лично не верю. — Селадор прокашлялся. — Ты ведь не думаешь всерьез, что эти люди вынашивают против тебя злобные замыслы?

Рассудительный ровный голос Селадора успокаивал Дейсейна. Конечно, он прав. Здесь, вдали от долины, события последующих двадцати четырех часов приобретали несколько иную окраску.

— Конечно, нет! — ответил Дейсейн.

— Отлично! Джилберт, ты всегда удивлял меня своей невозмутимостью. Но позволь мне теперь предупредить тебя: ты оказался в ситуации, попав в которую многие люди начинают вести себя крайне беспечно. При подобных обстоятельствах гостиница может оказаться чрезвычайно опасным местом, и поэтому тебе лучше сменить место проживания.

— И куда же мне переехать? — спросил Дейсейн.

— Должны же быть там и другие гостиницы.

«Беспечность в гостинице? — подумал Дейсейн. — Тогда почему же никто, кроме меня, не пострадал? Опасное место — да, возможно, но только потому, что она — часть долины». Ему совсем не хотелось соглашаться с Селадором. Ему подумалось, что это его нежелание основывается на данных, которых не было у Селадора.

Неожиданно он понял, какое отношение к нему имел ненаятнутый по краям ковер. Ловушка с приманкой. Приманка? Конечно, телевизионная комната — место странное, уж точно, и кто-то решил, что она должна привлечь его внимание. Вокруг приманки можно было установить несколько ловушек, заполнив ими все возможные проходы. Интересно, какую ловушку он избежал на крыше? Подумав об этом, Дейсейн вспомнил, что перила лестницы были сломаны.

— Ты все еще слушаешь меня, Джилберт?

Голос Селадора казался едва слышным и далеким.

— Да, слушаю.

Дейсейн кивнул про себя. Это же так просто и понятно! Ответ на все те неясности, которые беспокоили его в отношении несчастных случаев. Так просто — вроде детского рисунка на запотевшем окне — никаких дополнительных штрихов или лишних деталей. Приманка и ловушки.

Но одновременно Дейсейн понимал, что Селадор не согласится с его выводами. И обзовет параноиком. Если его теория окажется ошибочной, его в действительности

станут считать параноиком, которому пригрезилось существование большой организации, в которую входит множество людей и официальных лиц.

— Ты еще хочешь что-то узнать, Джилберт? Твое молчание на линии обходится нам не так уж дешево.

Дейсейн внезапно пришел в себя.

— Да, сэр. Вы помните о статье Паже относительно сантарожанцев и аллергенов?

— Да.— Селадор прокашлялся.

— Сделайте запрос в Департамент здравоохранения и на сельскохозяйственный факультет университета. Узнайте, смогут ли они провести химический анализ продуктов, поступающих из фермерских хозяйств, особенно меня интересует сыр.

— Департамент здравоохранения... сельскохозяйственный факультет... сыр,— повторил Селадор. Дейсейн почти зримо представлял себе, как он делает записи на листке бумаги.— Что-нибудь еще?

— Да. Не могли бы вы обратиться в адвокатскую контору, занимающуюся куплей-продажей недвижимости? Я уверен, там рассматривали правомерность использования арендованных земель, которые...

— К чему ты ведешь, Джилберт?

— Фирмы, финансирующие наш проект, арендовали землю и начали дорогостоящее строительство установки еще до того, как узнали, что сантарожанцы откажутся торговать с нами. Нет ли в этом какой-то системы? Не может ли быть так, что сантарожанские агенты по продаже недвижимости заманивают в долину неосторожных чужаков?

— Заговор с целью обмана,— заметил Селадор.— Понимаю. Но я больше склонен считать, что это направление поисков окажется неверным.

Слушая Селадора, Дейсейн вдруг обратил внимание на несколько замедленный темп его речи. Возможно, сказывалась усталость.

— Вполне вероятно,— согласился Дейсейн.— Но все равно не повредило бы узнать мнение наших стражей закона. Возможно, это даст мне новые ключи к разгадке Сантароги.

— Очень хорошо. И, Джилберт, когда ты отправишь мне копии своих заметок?

— Вышлю по почте из Портервилля уже сегодня вечером несколько копий своих записей.

— Лучше завтра. Уже поздно и...

— Нет, сэр. Я не доверяю почте Сантароги.

— Почему?

Дейсейн рассказал, как Дженни разгневалась на женщин, работавших на почте. Селадор захихикал.

— Создается впечатление, что там орудует целая банда настоящих гарпий,— заметил Селадор.— Есть ли в Сантароге законы, предусматривающие ответственность за перлюстрацию корреспонденции? Впрочем, ну конечно же, они честные люди и все такое. Надеюсь, ты застал мисс Сорже в добром здравии?

— Она прекрасна, как всегда,— ответил Дейсейн, стараясь говорить беззаботно. Этот вопрос его удивил. Мисс Сорже. Селадор назвал ее мисс, значит, он знал, что она не замужем.

— Мы занимаемся изучением источников поступления топлива в Сантарогу,— продолжал Селадор.— Пока ничего нового. Береги себя, Джилберт. Не хочу, чтобы что-нибудь случилось с тобой.

— Мне тоже,— заметил Дейсейн.

— Ну, тогда пока! — попрощался Селадор. В его голосе прозвучала нерешительность. Потом раздался щелчок, и связь разъединилась.

Дейсейн повесил трубку и повернулся, услышав какой-то звук за своей спиной. В проезд свернула машина шерифа и остановилась прямо перед будкой. В глаза Дейсейна бил ослепительный свет фар. Дейсейн услышал, как открылась дверь и раздался звук шагов.

— Выключите этот чертов свет! — крикнул Дейсейн.

Свет фар потускнел. Он разглядел крупную фигуру человека в форме, стоявшего перед таксофоном с поблескивающим на груди значком.

— Какие-нибудь проблемы? — раздался неожиданно писклявый для такой громадины голос.

Дейсейн вышел из кабинки, все еще в гневе от того, что его ослепили светом фар.

— А что, должны быть?

— У, чертовы сантарожанцы,— пробормотал шериф.— Наверное, очень уж приспичило кому-то из вас позвонить во внешний мир, раз для этого пришлось пожаловать сюда.

Дейсейн хотел было возразить, что он не сантарожанец, но промолчал, когда его мозг затопил поток новых

вопросов. Почему его принимают за сантарожанца? Сначала толстяк на «крайслере», а теперь и этот шериф. Дейсейн вспомнил слова Мардена. У него что, на лбу есть отличительный знак об этом?

— Если разговор закончен, то вам лучше ехать домой,— сказал шериф.— Здесь нельзя стоять всю ночь.

На приборном щитке грузовика Дейсейн увидел неожиданное изменение уровня бензина — прибор ошибочно показывал, что бак почти пуст, хотя он был полон. Поверит ли он, что ему нужно дождаться утра, когда заработает заправочная станция? Может ли он вызвать дежурного, и тогда будет обнаружено, что израсходовано всего несколько галлонов?

«К чему заниматься самообманом?» — задал себе вопрос Дейсейн.

Он вдруг понял, что ему не хочется возвращаться в Сантарогу. Почему? Может, потому что, живя там, он превращается в настоящего сантарожанца?

— У тебя довольно неплохая перевязка,— заметил шериф.— Побывал в аварии?

— Ничего серьезного,— ответил Дейсейн.— Потянул слегка связки.

— Тогда спокойной ночи,— сказал шериф.— Будь осторожен на этой дороге.— Он вернулся к своей машине и сказал что-то тихим голосом напарнику. Они оба захихикали. Потом патрульная машина медленно выехала из проезда.

«Они ошибочно приняли меня за сантарожанца»,— подумал Дейсейн и принялся размышлять над реакцией полицейских. Им совсем не хотелось, чтобы он находился в городе, но вели они себя с ним как-то неуверенно — словно боялись его. Без всяких колебаний они оставили его одного, даже не поинтересовавшись, с какой целью он приехал в Портервилль. А если он преступник?

Почему же они подумали что он сантарожанец? Этот вопрос не давал ему покоя.

Ухабистая дорога тут же заставила его вспомнить о больном плече. Правда, теперь оно лишь отзывалось тупой болью. Голова была ясная, чувства обостренными, впереди чернела выступавшая клином вершина горы. Он удивлялся этому новому для себя состоянию.

Дорога поднималась все выше и выше...

Неясные образы вдруг стали проноситься перед глазами Дейсейна, как бы являясь продолжением окрестностей, мелькавших за окнами машины. Они оформлялись в слова, фразы, лишённые всякого смысла, так что от всего этого у психолога стала кружиться голова. Ощувив внезапно наступившую необыкновенную ясность в голове, он попытался разобраться, что они означают.

«Пещера... хромой... пожар...»

«Какая пещера? — подумал Дейсейн. — Где я видел хромого? Что еще за пожар? Не тот ли это пожар, что привел к выходу из строя телефонных линий?»

У него внезапно возникло впечатление, что он-то и является этим хромым. Однако обнаружить связь между пожаром и пещерой никак не удавалось.

Дейсейн понял, что он не рассуждает, а воскрешает в памяти прежние мысли. Образы являлись ему в форме увиденных им предметов. Автомобиль. Он видел сверкающую машину Джерси Хофстеддера. Забор. Он видел забор вокруг кооператива. Тени. Он увидел бестелесные тени.

«Что творится со мной?»

Дейсейн почувствовал, что дрожит от голода... хотя на лбу появились крупинки пота, которые начали скатываться вниз на лицо. Он ощущал их соленый вкус на губах. Дейсейн опустил окно, позволяя холодному ветру наброситься на него.

На повороте, том самом месте, где он остановился в первый вечер, Дейсейн съехал на обочину, заглушил двигатель и потушил фары. Облаков на небе уже не было, и расплюснутая серебряная луна низко скользила над горизонтом. Он посмотрел на долину — повсюду виднелись огни, далеко слева — сине-зеленые — там были теплицы; а справа, у кооператива, суетились люди.

Здесь же, наверху, Дейсейн чувствовал себя отчужденным от всего этого, изолированным. Его окружала темнота.

«Пещера? — подумал он. — Джасперс?»

Трудно размышлять, когда все тело ломит. Плечо его по-прежнему ныло от боли. Усилилась боль и в левом легком. Давало о себе знать и сухожилие на левой лодыжке — не болью, а слабостью. Он мысленно мог представить любую из царапин, которые оставили на его груди сломанные перила, из которых с таким трудом извлекал его Бурдо.

Перед его мысленным взором мелькнула картина карты, которая висела на стене в кабинете Джорджа Ниса, но тут же исчезла.

Ему казалось, что он потерял контроль над своим телом — словно нечто или некто управляли им. Это была старая, пугающая мысль. Безумная. Он вцепился в руль, но, представив, как тот изгибается в его руках, отдернул их прочь.

Горло пересохло.

Дейсейн пощупал пульс, глядя одновременно на светящийся циферблат часов, и заметил, что вторая рука почему-то слегка подрагивает. Может, из-за учащенно бившегося сердца? Что-то искажало его ощущение времени.

«Неужели меня отравили? — подумал он. — Когда я ужинал у Паже? Трупный яд?»

Черная чаша долины казалась длинной ужасной рукой, способной дотянуться до этого места и схватить его.

«Джасперс, — подумал он. — Джасперс».

Что же на самом деле означает это слово?

Он почувствовал некую общность, коллективное единение, связанное с этим кооперативом. Ему представлялось нечто всеобъемлющее, скрывающееся во мраке, на самом краю его сознания.

Дейсейн опустил руку на сиденье. Пальцы вцепились в портфель с записями и документами, которые свидетельствовали о том, что он ученый. Он попытался ухватиться за эту мысль.

«Я ученый. Как сказала бы тетя Нора: твое беспокойство вызвано буйной фантазией».

Это должен делать ученый, Дейсейн ясно сознавал. Он должен внедриться в мир Сантароги, найти для себя место в их единении, пожить с ними некоторое время, постараться даже думать, как они. Только так можно разгадать загадку долины. Существовал присущий сантарожанцам образ мышления. Он должен принять его, привыкнуть к нему подобно тому, как привыкают к новому костюму, и тем самым будет достигнуто понимание.

Эта мысль принесла ощущение, что нечто вторгается в его сознание. Он почувствовал, что некое древнее существо воскрешается в нем и изучает его. Оно захватило все его подсознание — назойливое, что-то ищущее, беспокойное, но ощущаемое как отражение в зеркале, неразде-

лимое и неясное... но реально существующее. И существо шевелилось в нем, тяжелое и неясное.

А потом это ощущение исчезло.

И едва это случилось, как внутри себя Дейсейн ощутил пустоту, настолько подавляющую, что ему стало казаться, что он — щепка, брошенная в волны бескрайнего океана и опасаящаяся любого течения или водоворота.

Дейсейн понимал, что это лишь грезы наяву. Но он боялся вернуться в реальный мир, в эту долину.

Джасперс.

Дейсейн понимал, что ему нужно сделать и еще одну вещь. И снова он мысленно нарисовал карту, висевшую на стене в кабинете Джорджа Ниса,— черные тонкие линии, изображавшие центральную часть долины.

Пещера.

Вздвогнув, он посмотрел вдаль, туда, откуда доносился гул. Что же скрывается там, за проволоочной изгородью, которую охраняют сторожа с собаками и патрулирующие полицейские багги?

Должен же отыскаться способ узнать все.

Дейсейн запер кабину. Единственным оружием, которое он обнаружил в грузовике, был ржавый охотничий нож в изъеденных коррозией ножнах. Он сунул ножны за пояс, неуклюже действуя одной рукой. Пусть это и выглядело несколько глупо, но неясное предчувствие какой-то опасности руководило его действиями. Потом нашелся и фонарик. Он сунул его в карман.

От всех этих движений снова заныло плечо. Дейсейн не обращал внимание на боль, убеждая себя тем, что, конечно, проще всего уговорить себя ничего не делать, сославшись на физическую немощь, даже зная, насколько важны твои действия.

Узкой звериной тропой он спустился вниз с холма и оказался у верхнего конца охраняемой изгороди. Дейсейн продолжил путь по тропе, постепенно теряющейся в зарослях кустарника.

Ветки цеплялись за одежду. Он продирался сквозь них, ориентируясь на луну и шум кооператива. И вот перед ним с вершины холма предстал и сам кооператив. В чем бы ни заключалась загадка Сантароги, Дейсейн знал, что ответ скрывается за этой изгородью.

Один раз он споткнулся и соскользнул вниз с холма в высохший ручей. Идя по руслу, он вышел на крошечную

ровную насыпь, откуда он мог обозревать весь кооператив и долину, простирающуюся вслед за ним и утопающую в лунном сиянии.

Дважды он спугнул оленя, скрывшегося во мраке ночи. Из кустов постоянно доносились шорохи, когда какие-то маленькие существа убегали, напуганные его неуклюжим приближением.

Придерживаясь узкой звериной тропы, он вышел наконец к скалистому уступу, располагавшемуся примерно на расстоянии тысячи ярдов по прямой до ограды кооператива. Дейсейн присел на один камень, чтобы перевести дыхание, и услышал во внезапно наступившей тишине справа от себя урчание какого-то мощного двигателя. После этого он пополз обратно в небольшую рощицу кустарников и припал к земле.

Урчание двигателя становилось все громче и громче. К звездам взметнулись гигантские колеса, занимая холм над Дейсейном. Откуда-то сверху ударил луч света, пробежал по кустам, на мгновение замерев, словно что-то выискивая, а потом продолжил в следующий миг движение то ли вперед, то ли назад.

Дейсейн узнал эту машину — багги, чудовище находилось всего в двухстах футах от него. Ему казалось, что он весь на виду, обнажен (какой защитой может служить просвечивающийся кустарник?) перед этим созданием из ночных кошмаров. Свет ударил по листьям над ним.

«Он приближается,— подумал Дейсейн.— Направляется прямо ко мне!»

Во время остановки багги, когда он обыскивал лучом окрестности, урчание двигателя стало тише — Дейсейн даже смог расслышать вой какой-то собаки, и тут же он вспомнил о псах, которые сопровождали Мардена.

«Собаки уж точно почуют меня»,— мелькнула мысль.

Он пытался сжаться в комок, насколько это было возможно.

Неожиданно шум двигателя стал громче.

Рискнув посмотреть сквозь кусты, Дейсейн отодвинул ветку, приготовившись выпрыгнуть из кустов и бежать. Однако огромная машина, развернувшись, начала подниматься на гребень, с которого она появилась. Когда багги исчез за холмами над Дейсейном, шум двигателя и свет прожекторов перестали беспокоить его.

Все смолкло, Дейсейн несколько секунд приходил в себя, потом выполз на скалистый выступ. И тогда он понял, почему багги не стал спускаться дальше — здесь был тупик, вниз уже тропы не было. Теперь ему придется взбираться обратно на гребень, где исчезла машина, и пытаться найти какую-нибудь другую тропку, которая привела бы его вниз.

Он уже начал поворачиваться, когда остановился, увидев черную трещину в скалистой поверхности уступа справа от себя. Дейсейн подошел к этому месту и стал всматриваться в темнеющую щель. В ширину пролом не превышал и метра, сужаясь вправо от него. Дейсейн опустился на колено и рискнул на несколько секунд посветить фонариком. Луч высветил гладкую скалистую стену, проход опускался к еще одному уступу. И, что было более важно, в лунном свете он разглядел какую-то звериную тропу.

Дейсейн соскользнул к краю расщелины и, свесив ноги в темную бездну, задумался над дальнейшими своими действиями. Если бы не его раненое плечо, он бы не колеблясь начал спускаться по расщелине, прижавшись спиной к одной стене и упираясь ногами в другую. Да, такой спуск опасен, но в горах ему часто приходилось сталкиваться и не с такими преградами. До второго выступа было не более пятидесяти футов.

Дейсейн огляделся. «И что теперь, — спрашивал он себя, — может рискнуть?» В это мгновение Дейсейн вдруг вспомнил, что так и не отправил Селадору по почте копии своих записей. Ему словно холодной водой брызнули в лицо. Ему показалось, что его же тело и предало его, что он подписал себе приговор.

«Как мог я забыть? — подумал он. В этом мысленном вопросе звучал и гнев на себя, и страх. Пот выступил на ладонях. Он взглянул на светящийся циферблат наручных часов: почти полночь. Его охватило почти непреодолимое желание вернуться назад к дороге и своему грузовику.

Еще больше его пугало то, как может повести себя его тело в случае опасности, которая могла явиться из мрака ночи или во время спуска. Дейсейн некоторое время сидел, дрожа и вспоминая недавнее ощущение, словно его телом некто обладает.

Это какое-то безумие!

Он яростно затряс головой.

Пути назад не было — он должен спускаться, найти путь к кооперативу и вывести его секреты. Пока его не покинула ярость, Дейсейн опустил ноги в расщелину и нащупал скалистую поверхность противоположной стены, после чего, соскользнув с камня, начал спуск. При каждом передвижении спины вниз по скалистой поверхности, плечо взрывалось болью. Он стиснул зубы, но продолжал медленно спускаться во мраке. Камень царапал спину. Однажды его правая нога соскользнула, и ему с огромным трудом удалось удержаться и не рухнуть вниз.

Уступ расщелины, когда он добрался до него, оказался покатым, сплошь покрытым мелкими камнями, сыпавшимися из-под ног на звериную тропу, которую он видел сверху.

Несколько секунд Дейсейн пролежал, пытаясь отдышаться и позволяя жжению в плече угаснуть и перейти в тупую пульсирующую боль.

Вскоре он с трудом поднялся и отметил про себя место, где освещенная лунным светом тропа шла вниз справа от него. Он продрался сквозь кустарник к лугу, усыпанному черными тенями дубов. А еще дальше в свете луны сверкала изгородь. Итак, вот она, граница кооператива. Интересно, удастся ли ему перебраться с помощью одной руки через забор? Было бы досадно, если бы он совершил весь этот путь только для того, чтобы капитулировать перед обычной оградой!

Пока он стоял, изучая луг и забор, какое-то жужжание привлекло его внимание. Оно доносилось откуда-то справа от него. Его взгляд пылливо пробежался по теням в поисках источника звука. Что это там блесит, какой-то металлический круг на лужайке? Он припал к сухой траве. Все вокруг заполнял тяжелый запах грибов. Он внезапно узнал его — да ведь это же запах Джасперса. Такой же запах он почувствовал, когда заглянул в вентиляционное отверстие.

Вентилятор!

Дейсейн поднялся и быстро пошел по лугу в направлении этого звука. Он уже не сомневался: звук и запах Джасперса исходили из одной точки. Где-то глубоко под землей работал огромный вентилятор.

Дейсейн остановился рядом с вентиляционным выходом: диаметр около четырех футов, примерно такая же высота, а сверху противодождевой козырек конической

формы. Он уже собирался заняться изучением креплений козырька, когда услышал чье-то сопение и треск веток, доносившиеся со стороны забора. Он нырнул за вентилятор, и в этот момент из-за кустов за изгородью появились два охранника в форме, а впереди них, что-то вынюхивая и натянув поводки, бежали собаки.

«Если они учуют меня, мне конец», — подумал Дейсейн.

Он припал к земле за вентилятором, еле дыша. Как назло, запершило в горле, ему захотелось кашлянуть, прочистить горло, но он сдержался. Собаки и охранники остановились прямо под ним.

Ослепительный луч света скользнул в сторону вентилятора, осветив землю с обеих сторон. Одна из собак яростно зарычала. Раздалось какое-то гроыхание, потом один из охранников отдал резкую команду.

Дейсейн затаил дыхание.

Гроыхание повторилось. Судя по звукам, охранники с собаками пошли дальше вдоль забора. Дейсейн рискнул бросить быстрый взгляд в сторону кооператива. Охранники освещали землю у самой изгороди в поисках следов незваных гостей. Один из охранников вдруг рассмеялся. Дейсейн почувствовал дуновение легкого ветерка и понял, что ветерок дует от собак, после чего позволил себе слегка расслабиться. Снова повторился грохот. Дейсейн увидел, что один из охранников проводит палкой вдоль забора.

Видя, с какой небрежностью относятся к выполнению своих обязанностей охранники, Дейсейн еще больше расслабился. Он глубоко вздохнул. Охранники уже достигли вершины холма и начали спускаться по противоположному склону. Мрак ночи поглотил их.

Дейсейн дождался, когда с их стороны затихнут последние звуки, и выпрямился. Левое колено все еще дрожало, и понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с этой дрожью.

Охранники, собаки, огромные багги — все это подчеркивало особую важность обследуемого им объекта. Дейсейн кивнул про себя и начал осматривать вентилятор. Под противодождевым козырьком он обнаружил массивную решетку. Он рискнул посветить фонариком и увидел, что вентилятор и решетка крепятся при помощи массивных металлических винтов.

Дейсейн достал свой охотничий нож и попытался открутить один винт. Послышался скрежет металла о

металл. Он остановился и прислушался. Однако слышались только звуки ночной жизни: где-то в кустах заухала сова, и ее печальный крик разорвал ночную тишь. Дейсейн продолжал раскручивать винт. Когда тот упал ему на ладонь, он сунул его в карман и принялся за следующий. Вскоре Дейсейн открутил все четыре.

После этого взялся за решетку. С противным металлическим скрежетом он приподнял ее и козырек. Дейсейн направил луч фонарика внутрь и увидел гладкие металлические стены, тянувшиеся прямо вниз примерно на пятнадцать метров, затем изгибающиеся обратно в сторону холмов.

Дейсейн вернул решетку и козырек в прежнее положение и прошел к дубам, где обнаружил упавшую ветку примерно в шесть футов длиной. Ее он использовал в качестве подпорки, подложив под решетку и козырек, после чего снова, посвечивая фонариком, осмотрел трубы вентилятора.

Чтобы спуститься, понял он, нужно обе руки — по-другому добраться до низа невозможно. Стиснув зубы, он снял перевязь и сунул ее в карман. Даже без перевязи он знал, что от больной руки толку будет мало... он будет использовать ее только в случае крайней необходимости. Дейсейн ощупал край вентилятора — острый грубый металл. «У меня ведь есть перевязь», — вспомнил он. Дейсейн достал ее, свернул в некое подобие подушечки, чтобы не поцарапать ладони, и, приставив к краю вентилятора, начал протискиваться. Но тут перевязь соскользнула, и он почувствовал, как металл впивается в кожу живота. Он ухватился за край вентилятора и пролез вниз. От рубашки отлетели все пуговицы. Дейсейн услышал, как они звякнули где-то внизу. Здоровой рукой он обхватил перевязь и начал спускаться вниз, упираясь ногами о противоположную сторону. Боль в раненом плече усилилась. Он вытащил охотничий нож из ножен, поднял его и выбил ветку, подпиравшую решетку.

Решетка и козырек с грохотом упали вниз, и ему показалось, что это падение можно было услышать на много миль в округе. Дейсейн подождал некоторое время, прислушиваясь.

Тишина.

Осторожно он продолжил свой мучительный спуск.

Вскоре Дейсейн почувствовал под ногами изгиб. Он выпрямился и включил фонарик. Вентилятор уходил под

холм под углом примерно в двадцать градусов. Под левой ногой он почувствовал что-то мягкое. Он посветил фонариком и увидел перевязь, потом поднял ее. Рубашка на животе прилипла к коже. Направив на нее свет, Дейсейн увидел красные капли крови, проступавшие на теле в том месте, где он порезался о край вентилятора. Но это была совсем незначительная боль по сравнению с тем, как ныло его плечо.

«Я болван,— подумал Дейсейн.— Какого черта я сюда полез?»

Ответ четко вырисовывался в его сознании, и он не давал ему покоя. Он здесь, потому что не по своей воле выбрал эту дорогу с односторонним движением, такую же прямую и замкнутую, как эта вентиляционная труба. С одной стороны — Селадор и его друзья; Дженни и остальные сантарожанцы — с другой.

А между ними находился он.

Дейсейн осмотрел перевязь. Она порвалась, но все же еще могла пригодиться. Уцепившись зубами за один конец, ему удалось вернуть ее в некое подобие прежней формы.

И идти можно было только в одну сторону. Он опустился на колени и пополз дальше по воздухопроводу, время от времени освещая путь фонариком.

Запах Джасперса чувствовался повсюду, смешиваясь с резким запахом грибов. Дейсейн вдруг понял, что этот запах прояснил его голову.

Воздухопровод все тянулся и тянулся... Как показалось Дейсейну, он сворачивал на юг. Наклон увеличился. Однажды он поскользнулся и проскользил вниз двадцать футов, оцарапав при этом о заклепку левую руку. Он не был уверен, но ему показалось, что звук двигателя вентилятора стал громче.

И снова труба повернула... потом еще раз. Дейсейн потерял ориентировку в темноте, окружавшей его. «Почему у этого вентилятора так много поворотов? — подумал он.— Возможно, из-за природных дефектов в скале?» — Это казалось вполне вероятным.

Левой ногой Дейсейн нащупал конец трубы. Он остановился и посветил фонариком. Слабый луч высветил плоскую металлическую стену в шести футах от него и под ним — квадратное пространство, окутанное тенью. Он направил луч вниз и высветил отверстие прямоугольной формы, примерно в пять футов глубиной, с массивной

решеткой с одной стороны. Звук работающего вентилятора доносился откуда-то из-за решетки, и он определенно стал здесь громче.

Держась рукой за решетку, Дейсейн опустился в это отверстие. Несколько секунд он постоял, оглядываясь. Стена напротив решетки отличалась от остальных. В нее было вкручено шесть болтов, которые поддерживались фланцевыми металлическими контргайками, будто должны были все время оставаться в этом положении, пока затягивали гайки с другой стороны.

Дейсейн поддел ножом один из фланцев и начал откручивать болт. Он на удивление очень легко открутился. Дейсейн надавил на него и повернул еще раз, приложив большее усилие. И был вознагражден оказавшимся в руке болтом, тогда как гайка упала с другой стороны, и Дейсейну показалось, что она стукнулась о деревянную поверхность.

Он замер на мгновение, прислушиваясь.

Ничего не происходило.

Дейсейн приставил глаз к отверстию, где раньше был болт, и начал всматриваться в жуткий красный сумрак. Когда его глаза привыкли к нему, он различил массивный экран напротив и очертания сваленных в одну кучу упаковок.

Дейсейн выпрямился. «Что ж, Нис говорил о складских пещерах. Наверное, это одна из них».

Дейсейн принялся откручивать остальные болты. Оставив один в верхнем правом углу, он выгнул и отвел металлическую крышку в сторону. Сразу же под ней находились деревянные подвесные леса из досок, на которых он увидел три крыльчатые гайки. Дейсейн шагнул на доски и поднял гайки. Остальные, очевидно, провалились в щель между досками. Он огляделся, пытаясь понять, для чего же предназначено это помещение.

Оно напоминало троглодитовую пещеру, освещенную тусклым красным светом, который лился из круглых стеклянных абажуров, установленных и снизу, и сверху от лесов. Они бросали огромные тени на скалистую стену и на тянувшиеся отсеки, отдаленные сеткой, и каждый такой отсек был завален коробками. Все это очень напоминало Дейсейну общий холодильник.

Насыщенный влажный запах Джасперса ощущался повсюду.

Табличка справа, расположенная ниже лесов, обозначала данный отсек, как «Платформа 21 — от D-1 до J-5».

Дейсейн повернулся к вентилятору, вставил три болта и поставил крышку на прежнее место. В месте сгиба металла осталась вмятина, но он рассудил, что при поверхностном осмотре на это не обратят внимание.

Потом осмотрел отсеки и снизу, и сверху от лесов.

Какой же из этих отсеков ему удастся открыть для осмотра содержимого? В поисках двери Дейсейн подошел к одному из них, находившемуся напротив крышки вентилятора. Может, ему удастся найти отсек, оставленный незапертым каким-нибудь беспечным сантарожанцем... если, конечно, он найдет дверь. В первом осмотренном им отсеке двери, очевидно, не было. Дейсейн встревожился. Но где же она!

Он отступил назад и внимательно изучил расположение отсеков. У него от удивления прямо-таки отвисла челюсть, когда он увидел ответ. Сетка спереди и являлась дверью: она просто откатывалась в сторону по деревянным направляющим... и, главное, не было никаких замков — лишь простая щеколда.

Дейсейн открыл отсек и вытащил небольшую картонную коробку. Этикетка на ней гласила: «Дикие пряные яблоки Аунти Беренай. Подвергнуто обработке в апреле 55». Он вернул коробку на прежнее место и взял упаковку, похожую на ту, где хранились салями. На этикетке было написано: «Лимбургер. Подвергнуто обработке в начале 1929 года». Дейсейн вернул лимбургер на прежнее место и закрыл отсек.

«Подвергнуто обработке?»

Дейсейн методично обследовал всю 21-ю платформу, осматривая одну-две упаковки в каждом из отсеков. Большинство было помечено надписью: «Подвергнуто обработке» — с указанием даты. На самых старых упаковках надпись уже стерлась.

«Подвергнуто обработке».

Дейсейн лихорадочно соображал. «Подвергнуто обработке. Но какой именно? И как?»

Раздался звук шагов — с расположенных ниже лесов. Дейсейн повернулся, мышцы его напряглись. Он услышал, как дверь какого-то отсека скользнула в сторону. Зашелестела бумага.

Дейсейн попытался бесшумно скрыться подалее от источника этого звука, но остановился в нерешительности: один ряд ступенек вел наверх, другой вниз. Он не был уверен, куда же он идет: в глубь комплекса или наоборот, к выходу. Над ним находились еще ряд лесов, поверх которых виднелся скалистый потолок пещеры. А снизу находилось по меньшей мере еще три яруса.

Он выбрал ступеньки, ведущие наверх, медленно поднял голову над досками следующих лесов и огляделся. Никого.

Этот уровень ничем не отличался от нижнего, если не считать каменного потолка. Камень, похожий на гранит, имел жирные коричневые прожилки.

Двигаясь как можно более тихо, Дейсейн поднялся на леса и пошел назад в сторону вентилятора, опасаясь человека, шаги которого он слышал на нижнем уровне.

Снизу доносилось насвистывание какой-то идиотской мелодии, казалось, она никогда не закончится. Прижавшись спиной к сетке, Дейсейн всмотрелся в щель в досках. Раздалось царапанье дерева о дерево, потом насвистывание сместилось влево и вскоре затихло.

Значит, скорее всего, путь влево ведет к выходу.

Он слышал, как внизу ходит человек, но ему так и не удалось рассмотреть его.

Осторожно ступая, Дейсейн направился дальше. Вскоре он оказался у нового перекрестка. Никого поблизости не было видно. Слева от него сумрак, казалось, еще более сгустился.

И тут Дейсейн понял, что до самого этого момента его не беспокоило, как же он выберется из этой пещеры. Он слишком сосредоточился на разрешении тайны Сантароги. Но тайна-то оставалась неразгаданной, а он все еще находится здесь, в этом комплексе.

«Не могу же я взять и просто отправиться к выходу, — подумал он. — Или рискнуть? Что же они тогда сделают со мной?»

Его ноющее от боли плечо, воспоминание о газовой струе и том факте, что два предыдущих исследователя умерли в этой долине — разве этого мало для получения ответа, спросил он у самого себя.

Раздался скрип дерева снизу и спереди, потом громко застучали по деревянным лесам башмаки — бежало по крайней мере два человека, а то и больше. Бег прекратился

почти прямо под Дейсейном, кто-то тихо начал давать инструкции, разобрать которые ему не удалось. Дейсейн расслышал только три слова: «назад», «вдали» и еще одно, которое заставило его обратить внимание на тускло освещенный боковой проход слева:

— ...вентилятор...

Это слово прозвучало отрывисто и отчетливо.

Стучание подошв возобновилось снова, гулко отдаваясь в проходе.

Дейсейн начал лихорадочно осматриваться в поисках места, где можно было бы спрятаться. Откуда-то снизу доносился гул машинного отделения. Леса сворачивали влево под углом в пятнадцать градусов, и Дейсейн увидел, что далее стены пещеры сходились в одной точке — рядов стало меньше, и сами отсеки уменьшились. Его проход резко сворачивал вправо, и оставалось лишь два прохода — его и еще один, под ним, и на каждой из сторон имелось лишь по одному отсеку.

Дейсейн понял, что зашел в тупик. И все же спереди раздавался звук работающих машин.

Его проход закончился деревянными ступеньками, которые вели вниз. У него не было выбора — сзади кто-то бежал в этом направлении.

Дейсейн начал спускаться.

Ступеньки сворачивали влево, в каменный проход — никаких отсеков, только голые стены пещеры. Справа располагалась дверь с вытяжным отверстием, из-за которой доносился громкий звук электрического двигателя. Его преследователь уже достиг лестницы.

Дейсейн открыл дверь и, перешагнув порог, закрыл ее за собой. Он оказался в прямоугольной комнате, имевшей в длину примерно пятьдесят футов, двадцать футов в ширину и пятнадцать футов в высоту. У левой стены расположились выстроенные в ряд огромные электрические двигатели; в круглых отверстиях виднелись вентиляционные лопасти, рассекающие воздух. Дальняя стена представляла собой одну гигантскую металлическую сетку, и он чувствовал, как воздух громадным потоком устремляется к вентиляторам.

Вдоль правой стены стояли картонные коробки, тюки и деревянные ящики, сваленные в одну кучу. Между этой кучей и потолком имелось свободное пространство, и, Дейсейну показалось, что там темнее, чем где-либо в этом

помещении. Он начал взбираться вверх по этой грудке вещей, потом пополз по верху и почти что рухнул в пространство, свободное от коробок и тюков у дальнего края кучи. Он скользнул туда и обнаружил, что под ним — нечто, похожее на одеяла. Его рука наткнулась на какой-то металлический предмет. Ощупав его, Дейсейн понял, что это электрический фонарик.

И в этот момент распахнулась дверь. По комнате застучали чьи-то шаги. Кто-то начал карабкаться вверх у дальнего края кучи. Женский голос произнес:

— Здесь никого нет.

Он показался Дейсейну знакомым. Дейсейн мог полагаться, что он уже раньше слышал его.

Какой-то мужчина спросил:

— А почему ты побежала сюда? Ты что, слышала что-то?

— Мне показалось, но я не уверена,— ответила женщина.

— Ты уверена, что там, наверху, никого нет?

— Проверь сам.

— Черт побери, жаль, что нельзя включать здесь свет.

— Послушай, не вздумай выкинуть какую-нибудь глупость.

— Не беспокойся насчет меня. Черт бы побрал эту Дженни, связалась с каким-то чужаком!

— Не возводи на Дженни напраслину. Она знает, что делает.

— Я тоже так считаю, но из-за этого приходится заниматься дополнительно дурацкой работой, и ты ведь знаешь, какие будут последствия, если мы не схватим его в самое ближайшее время.

— Так поторопимся.

Они вышли из помещения и закрыли дверь.

Дейсейн лежал неподвижно, пытаясь переварить услышанное. Дженни знает, что она делает, верно? Что же случится, если они не схватят его?

Теперь можно растянуться во весь рост на одеялах. Плечо по-прежнему ныло. Он взял обнаруженный им фонарик и включил его. В тусклом красном свете он разглядел свой маленький уютный уголок: одеяла, подушка, фляга, наполовину наполненная водой. Он с жадностью сделал несколько глотков и почувствовал привкус Джаспера.

Казалось, все вещи в этом помещении пропитались запахом Джаспера.

Его охватила дрожь. Крышка фляги звякнула, когда он закручивал ее на прежнее место в тусклом красном свете.

Все в этой комнате пропиталось запахом Джаспера! Вот оно что!

«Подвергнуто обработке!»

Нечто, что могло жить вот в такой пещере — плесень или лишайник, что-нибудь, связанное с грибами и затемненными местами, нечто, что растет, не двигаясь... Джаспер, который проникает во все, что подвергается обработке в этой среде.

Но почему так важно держать это в секрете? К чему эти собаки и охранники?

Он услышал, как открылась дверь, и выключил свой фонарик. Кто-то легко бежал по каменному полу в его сторону.

— Джилберт Дейсейн! — прошептал ему чей-то голос. Дейсейн замер.

— Меня зовут Вилла Бурдо, — тихо произнес голос. — Я подруга Дженни. Я знаю, что вы здесь, в этом месте, предназначенном Кэлом для вас. А теперь слушайте. Арнульф скоро спустится сверху, и я должна уйти до его прихода. У вас есть немного времени. Надо бежать. Для тех, кто не привык к Джасперу, слишком долгое пребывание здесь может привести к необратимым последствиям. Вы дышите им, он проникает через ваши поры и все такое.

«Какого черта!» — подумал Дейсейн.

Он вылез из своего уютного укромного уголка и посмотрел на смуглое красивое с резкими чертами лицо Виллы Бурдо.

— А что случится, если я слишком много наглотаяюсь им? — спросил Дейсейн.

— Разве Дженни не объяснила вам все? — прошептала девушка. — Ладно, сейчас нет времени. Вам необходимо убраться отсюда. У вас есть часы?

— Да, но...

— Нет времени объяснять, просто слушайте. Дайте мне пятнадцать минут, чтобы увести отсюда Арнульфа. Он такой педантичный, такой мелочный! Через пятнадцать минут выходите из этой комнаты. Сверните влево от того прохода, каким вы сюда прибыли, но идите вниз, а не

вверх. Затем еще раз влево, во второй проход, а потом все время идите влево. Запоминается легко. Поворачивать только влево. Вы должны пройти к платформе 2-G. Дверь туда я оставлю незапертой. Проникнув вовнутрь, закройте ее за собой. До входных ворот от этой незапертой двери примерно двадцать шагов. Пройдя через них, тоже закройте их. Гостиница будет прямо через дорогу. Постарайтесь справиться сами.

— По всей видимости, вас оторвали от работы.

— Я находилась в конторе, когда объявили тревогу. А теперь прячьтесь и сделайте все в точности, как я вам сказала.

Дейсейн снова нырнул в свой укромный уголок.

Вскоре он услышал, как дверь открылась и закрылась. Он посмотрел на часы: без пяти три. «Как летит время!

Можно ли доверять Вилле Бурдо?» — спросил себя Дейсейн.

В темном лице феи сквозила какая-то настороженность. Дейсейн вспомнил о незапертых отсеках, где хранилась ценная пища. Почему же ее готовность помочь вдруг встревожила его? Возможно, она помогала ему не только из-за порядочности. Страх тоже способен управлять поступками людей.

Может ли он доверять Вилле? И есть ли у него вообще выбор?

«Итак, это укромное местечко Кэл Нис устроил специально для него и Дженни. Почему бы и нет? Любовники часто хотят остаться наедине.

Дженни знает, что делает.

Что же именно она знает?»

Его голова была ясна, как никогда, и работала, как отлично смазанный механизм, с невероятной скоростью. В чем же опасность атмосферы Джасперса? Он вспомнил о людях с тусклыми глазами у конвейера, когда он мельком увидел их во время посещения кооператива.

Может, именно это и происходит с людьми, надышавшимися Джасперсом?

Дейсейн пытался побороть охватившую его дрожь.

Десять минут четвертого, момент, когда предстояло приступить к действиям, наступил быстрее, чем он того хотел. У него не было выбора, и он знал это. Его плечо занемело, болезненно горели царапины на груди и животе. Оберегая пораненное плечо, Дейсейн спустился с кучи.

Дверь платформы, как и обещала Вилла, была незаперта. Но, оказавшись в затемненном дворе, Дейсейн остановился в нерешительности. Звезды над головой казались холодными и близкими. Похолодало. Дейсейн почувствовал, как руки покрываются гусиной кожей. Нигде не было видно охранников, но вдалеке на склонах холмов он увидел огни и какое-то движение.

— Закройте за собой дверь платформы,— сказала Вилла.

Дейсейн закрыл дверь и бросился через двор к узким воротам в заборе. Заскрипели петли, и ему показалось, что цепь звякнула слишком громко. Он нащупал засов и запер ворота на висячий замок.

От забора к дороге вела узкая тропинка. Через дорогу находилась гостиница — с затемненными окнами, но такая желанная. Тусклый желтый свет струился через двойные двери. Ориентируясь на него, как на маяк, Дейсейн прихрамывая направился по тропинке в сторону гостиницы.

В вестибюле никого не оказалось, большинство огней было потушено. Из комнаты с коммутатором за конторкой доносилось похрапывание.

Дейсейн тихо пересек вестибюль, поднялся по лестнице и прошел по коридору в свой номер.

Ключ... неужели он оставил его в грузовике? Нет... вот он, в кармане. Дейсейн тихо открыл дверь и шагнул в темную комнату. Он провел в ней всего одну ночь, но сейчас он чувствовал, словно вернулся в родной дом.

Грузовик! Он все еще там, на дороге в Портервилль. Да черт с ним! Завтра он закажет другой, съездит туда и отвезет его в город.

Вилла Бурдо! Почему она сделала все это?

Дейсейн начал раздеваться. Теперь — под горячий душ и в постель! В темноте пришлось довольно долго провозиться с одеждой, но он знал, что свет нельзя включать — тогда будет ясно, когда он вернулся в номер.

«А, впрочем, разве это имеет какое-либо значение? — подумал он. От его одежды, разорванной, испачканной в грязи, по-прежнему пахло пещерой — неопровержимое свидетельство того, где он был и что делал.

Неожиданно он понял, что всеми этими играми в прятки он сыт по горло.

Рассердившись на себя, он включил свет.

Прямо перед ним на столике у кровати стояла бутылка пива с запиской, прикрепленной к ней. Дейсейн взял записку и прочитал:

«К сожалению, ничего более я не смогла достать. Подкрепись им утром. Я позвоню Дженни и скажу ей, что с тобой все в порядке. Вилла».

Дейсейн взял бутылку и посмотрел на этикетку. На ней голубыми буквами было выведено: «Подвергнуто обработке в январе 1959 года».

ГЛАВА 5

В сон Дейсейна вторгся какой-то громкий стук. Ему казалось, что он оказался в ловушке внутри какого-то огромного барабана. Стук отдавался у него в мозгу, вызывая боль в висках, которая через плечи устремлялась вниз.

Он стал барабаном! Вот в чем дело!

Во рту пересохло. Его ужасно мучила жажда. Язык стал тяжелым.

О Господи! Неужели этот стук никогда не прекратится?

Дейсейн ощущал себя словно после тяжелого похмелья. Его тело было укутано в одеяла, чтобы не потревожить раненое плечо, которое сейчас почти не ныло, и он обрадовался этому, хотя раскалывалась голова, да еще этот сводящий с ума стук!

Во время сна он отлежал неповрежденную руку, и когда он попытался шевельнуть ею, в мышцах возникли болезненные ощущения и покалывания. Сквозь щель в неплотно задернутых шторах в комнату через единственное окно проникал солнечный свет. Тонкий луч, высвечивая пылинки в воздухе, ослепил Дейсейна, причиняя боль глазам.

Этот чертов стук!

— Эй! Открывайте! — раздался снаружи мужской голос.

Дейсейну показалось, что он узнал этот голос. Марден, капитан дорожной инспекции? Что он делает здесь в такой ранний час? Дейсейн поднял часы и посмотрел на них: 10.25.

Стук возобновился.

— Одну минутку! — крикнул Дейсейн. Каждое слово, словно кувалда, ударило по голове.

Слава богу, стук прекратился.

Дейсейн вздохнул с облегчением, выбрался из одеял и сел. Стены комнаты закружились вокруг него в безумном хороводе.

«О небеса! — подумал он. — Я знаю, каким бывает похмелье, но чтобы такое...»

— Дейсейн, открывайте дверь.

Это точно был Марден.

— Да ну вас! — хрипло бросил Дейсейн.

«Что же это со мной? — подумал он. Он помнил, что выпил только немного пива на ужин. — Нет, это не объясняет его нынешнего похмелья. Может, это запоздалая реакция на отравление газом?»

Пиво.

В пиве что-то было».

Дейсейн медленно повернул голову в сторону туалетного столика, стоявшего рядом с кроватью. Да, там стояла бутылка пива. Вилла предусмотрительно оставила открывалку. Дейсейн снял пробку и жадными глотками начал пить.

Волна облегчения пронеслась по его телу. Он поставил на столик пустую бутылку и встал. «Опохмеляешься, — подумал он. — Опохмеляешься Джасперсом». От бутылки шел характерный запах грибов.

— Как вы себя чувствуете, Дейсейн?

«Да провались ты к дьяволу! — мысленно выругался Дейсейн. Он попытался сделать шаг, но в ту же секунду его охватили тошнота и волна головокружения. Он прислонился к стене и начал медленно и глубоко дышать.

«Я болен, — подумал он. — Я чем-то заразился».

Сейчас, когда он выпил пиво, ему казалось, что оно начало бурлить у него в животе.

— Открывайте дверь, Дейсейн! Немедленно!

«Хорошо... Хорошо», — произнес про себя Дейсейн. Он, ковыляя, направился к двери, открыл ее и отступил от порога.

Дверь распахнулась, и перед ним предстал Эл Марден в форме с блестящими капитанскими петлицами. Его фуражка сидела на затылке, открывая слипшиеся от пота рыжие волосы.

— Ну, надеюсь, вы не очень заняты? — спросил капитан.

Он перешагнул порог и закрыл за собой дверь. В левой руке у него был какой-то круглый и хромированный предмет — термос.

«Какого черта он в столь ранний час приперся сюда с этим термосом?» — удивился Дейсейн.

Держась одной рукой за стенку, Дейсейн направился обратно к постели и сел на край.

Марден подошел к нему.

— Надеюсь, что все эти хлопоты насчет вас сделаны не зря, — заметил он.

Дейсейн посмотрел на узкое циничное лицо капитана и вспомнил багги, которым управлял Марден, направивший свою машину вниз с дороги, а рядом с ним бежали собаки. Капитан вел себя соответствующим для его должности образом — с подчеркнутой высокомерностью, взирая на тупость остального мира. Неужели он и вправду такой? Неужели все сантарожанцы видят мир так же, как и он? Но что же тогда такого особенного увидел в нем, Дейсейне, шериф из Портервилля? И тот водитель «крайслера»?

«Неужели и я кажусь таким же?» — подумал Дейсейн.

— Я принес вам кофе, — сказал Марден. — Похоже, вы в состоянии выпить его. — Он открыл термос и налил еще горячий напиток в чашку.

Резкий запах Джасперса вместе с паром шел от чашки. От этого запаха Дейсейна затрясло, а в голове запульсировала боль. Марден протянул ему чашку, и рябь на поверхности кофе, казалось, распространялась параллельно волнам боли в его мозгу.

Дейсейн взял чашку обеими руками и, запрокинув голову, начал жадными глотками пить. Кофе действовал так же успокоительно, как поначалу и пиво.

Марден налил еще кофе.

Дейсейн задержал чашу у рта и вдохнул пары Джасперса. Головная боль начала проходить. Ему так сильно захотелось еще кофе, что он понял, что дело тут не только в похмелье.

— Пейте до дна, — сказал Марден.

Дейсейн начал потягивать кофе маленькими глотками. Он чувствовал, как кофе разливается по его желудку, а разум и все чувства проясняются. Марден больше не

казался высокомерным и чванливым — только забавлявшимся.

Но что забавного в похмелье?

— Это все из-за вашего Джасперса, верно? — спросил Дейсейн. Он возвратил пустую чашку.

Марден сосредоточенно закручивал крышку термоса.

— Если с непривычки перебрать, то это может оказаться крайне вредным, я прав? — Не отставал Дейсейн от Мардена, вспомнив слова Виллы Бурдо.

— Чрезмерная доза может вызвать похмелье, — признался Марден. — Но когда привыкнешь, ничего подобного не бывает.

— Итак, вы пришли сюда, чтобы сыграть роль доброго самаритянина, — заметил Дейсейн. Он чувствовал, как внутри него закипает гнев.

— Мы обнаружили ваш грузовик на дороге в Портервилль и это нас встревожило, — сказал Марден. — Нельзя бросать машину так безрассудно.

— Я не бросал его.

— Да? Что же вы сделали?

— Я пошел прогуляться.

— И причинили столько беспокойства, — заметил Марден. — Если вам так уж захотелось совершить экскурсию по кооперативу и складским пещерам, то могли бы просто попросить об этом.

— И во время этой экскурсии меня сопровождала бы надежная охрана, обеспечивающая мою безопасность.

— Мы бы организовали любую экскурсию по вашему усмотрению.

— А сейчас вы пришли арестовать меня?

— Арестовать вас? Не порите чепухи!

— А откуда вы знаете, где я был?

Марден, глядя на потолок, покачал головой.

— Да все вы, молодые, одинаковы, — заметил он. — Вилла с ее чертовой романтикой, но она абсолютно не способна врать. Как, думаю, и никто из нас. — Он снова посмотрел на Дейсейна с веселым цинизмом. — Как вам, лучше?

— Да!

— Не слишком ли мы навязчивы? — Он сжал губы. Кстати, мы открыли дверь вашего грузовика, с помощью провода подсоединили аккумулятор к двигателю, завели

его и перегнали грузовик сюда. Он стоит перед гостиницей.

— Спасибо.

Дейсейн посмотрел на свои руки. Он ощущал раздражение и разочарование. Он понимал, что Марден — не тот человек, на котором он может сорвать свою злость... как и Дженни... или Паже... Он понимал, что не стоит ни на кого обижаться... и все же это чувство не проходило. Он с трудом сдерживал свои эмоции.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — спросил Марден.

— Да, все нормально.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Марден. Он отвернулся, однако Дейсейн успел заметить улыбку, появившуюся на его губах.

И именно эта улыбка, а не сам Марден, стала фокусом гнева Дейсейна. Улыбка! Она была на лицах всех сантарожанцев — самодовольная, высокомерная, таинственная. Дейсейн вскочил на ноги, прошел к окну и отдернул шторы.

Цветочный сад и небольшой ручей были залиты ослепительными лучами солнца, а дальше простиралась равнина, плавно переходящая в заросли вечнозеленых секвой. В этой невыносимой жаре застыли, словно бездыханные, дубы. Дейсейн насчитал три струйки дыма, висевшие в безветренном воздухе, а чуть дальше виднелся сине-зеленый серпантин реки.

Эта долина пасторальной красоты, которую представляла собой Сантарога, как раз и была подходящим объектом, на который он может спустить свою злость, решил Дейсейн, — Сантарога, островок людей среди первозданной природы. Он мысленно представил долину, как муравейник, окруженный твердыми, невыразительными, крепкими стенами, словно грани пирамиды. И здесь, внутри этих стен, что-то происходило с жителями Сантароги. Они потеряли свою индивидуальность и перестали быть самими собой, превратились в похожие друг на друга маски.

Дейсейн отметил еще одно обстоятельство: каждый сантарожанец как бы дополнял любого другого жителя долины — подобно лучам, пробивающимся сквозь щели в черной занавеске.

Что же скрывается за этой черной занавеской?

Вот на это-то, понял Дейсейн, и нужно действительно направить свою злость. Долина словно попала под чары злого волшебника. Сантарожанцы оказались пойманными

в ловушку какой-то черной магии, которая трансформировалась в серую пирамиду.

После этой мысли злость Дейсейна пропала. Он понял, что он сам занимает определенное положение в этой пирамиде. Да, можно было бы подумать, что это некая экологическая ниша — пирамида, размещенная среди первозданной природы, если бы не превращения людей в бездушных гномов. Основание этой пирамиды твердо покоилось в земле, глубоко запустив корни во влажную, сырую почву.

Дейсейн ясно осознавал всю сложность своей проблемы.

Одним отличалась эта долина от всех остальных — Джасперсом. Именно из-за него сантарожанцы возвращались в родные места, связанные с долиной крепкими нитями.

Дейсейн вспомнил о своем непреодолимом желании возвратиться в Сантарогу. Да, все дело было в той субстанции, наполнявшей пещеру, куда ему удалось проникнуть; Джасперс проникал через поры кожи, через воду, через легкие с вдыхаемым воздухом.

За спиной Дейсейна шевельнулся Марден.

Психолог повернулся и посмотрел на капитана.

«Итак, сантарожанцы стали зависимыми от той пещеры и субстанции, произраставшей там, и все люди долины оказались под ее наркотическим воздействием. В некотором смысле это напоминало действие диэтиламид лизергиновой кислоты — ЛСД. Как же это происходит? — задавал он себе вопрос. — Не нарушается ли при этом баланс серотонина?»

Сознание Дейсейна работало с поразительной ясностью, рассматривая все возможности и стараясь выбрать направления исследования.

— Если вы чувствуете себя сейчас хорошо, то я побежал, — сказал Марден. — Если вам еще раз стукнет в голову провести похожую ночную экскурсию, то дайте мне знать, хорошо?

— Ну, разумеется, — согласился Дейсейн.

Этот ответ по какой-то одной ему понятной причине вызвал смех у Мардена. И, так смеясь, он покинул комнату.

— Умник чертов! — тихо выругался Дейсейн.

Он снова прошел к окну.

Психолог понимал, что теперь ему трудно будет оставаться объективным. У него не было никакой другой морской свинки... кроме самого себя. Какое же воздействие оказывает Джасперс на него? Впечатление необыкновенной ясности сознания и чувств? Могло ли подобное происходить при применении ЛСД? Над этим следовало бы тщательно поразмыслить. Чем были вызваны утренние симптомы? Переменой обстановки?

Он начал анализировать личностные качества отдельных санторажанцев и сразу вспомнилась их постоянная настороженность, резкость поведения, явственно выраженная честность. Даже если острота восприятия действительно повышается, то как объяснить их столь наивные простодушные рекламные объявления? Разве можно оставаться кристально честным в отношениях с каким-либо пронирыливым ловкачом?

Казалось, он может выбрать для наступления любое направление. Барьеры рухнули, как песочные стены, когда волны новых мыслей накатились мощным валом, принося с собой, однако, и новые загадки.

Дженни.

Дейсейн снова припомнил, что она отказалась участвовать в продолжении университетских исследований, касающихся последствий воздействия на человеческий организм ЛСД. Без видимой реакции после введения ЛСД. Биологи, проводившие эти исследования, хотели заняться изучением этого феномена, однако Дженни отказалась. Почему? Ее, разумеется, вычеркнули из списков, а изучение любопытной аномалии на этом и было завершено.

Дженни.

Дейсейн прошел в душ, что-то тихо напевая себе под нос и все так же ожесточенно размышляя. Плечо беспокоило куда меньше — и это несмотря на то, как он обращался с ним прошлой ночью... или, возможно, как раз благодаря этому — какая ни есть, а нагрузка.

«Я должен позвонить Дженни, — подумал он, одеваясь. — Может быть, мы сможем встретиться за ленчем».

Перспектива увидеть Дженни наполнила его удивительным восторгом. Внезапно возникло желание окружить ее заботой, испытывать при этом взаимную эмоциональную привязанность. Любовь... что это, как не любовь. Чувство, не поддающееся анализу. Его можно только ощутить.

И тут Дейсейн вернулся к действительности.

Его любовь к Дженни требовала от него, чтобы он спас ее от чар Сантароги. И ей придется помочь ему, осознает она это или нет.

Раздались два коротких стука в дверь.

— Войдите,— крикнул он.

В комнату проскользнула Дженни и закрыла дверь за собой.

Она была в белом платье, перехваченном красным шарфом, красные сумочка и туфли придавали ее коже некую экстравагантность и смуглость. Она на секунду остановилась в дверях, держась за ручку. Глаза ее были широко раскрыты и обеспокоенно взирали на Дейсейна.

— Джен! — воскликнул он.

Спустя мгновение она оказалась в его объятиях, пролетев через всю комнату. Он чувствовал тепло и податливость ее губ, и от тела ее исходил приятный аромат.

Дженни отодвинулась от психолога и посмотрела на него.

— Ах дорогой, я так перепугалась! Мне все время мерещилось, как твой грузовик срывается в ущелье со скалы, и среди обломков обнаруживается твое мертвое тело. Слава богу, позвонила Вилла. Почему же ты не позвонил сам?

Дейсейн приставил палец к кончику ее носа и мягко надавил.

— Я вполне способен позаботиться о себе сам.

— О, а я этого и не знала. Как ты чувствуешь себя, все в порядке? Я в вестибюле встретила Эла. Он сказал, что принес тебе кофе Джасперса.

— Я опохмелялся.

— Ты опох... О! Но почему тебе...

— Никаких «но». Прости, что заставил тебя волноваться, но у меня есть работа, которую я должен выполнить.

— А, вот оно в чем дело!

— И я буду делать работу, за которую мне платят.

— Ты что, связал себя с ними какими-то обязательствами?

— Дело не только в этом.

— Значит, они хотят получить от тебя еще что-то.

— Это больше, чем что-то, Дженни, моя любовь.

Девушка помрачнела.

— Мне нравится, как ты произносишь «моя любовь».

— Не нужно уклоняться от темы разговора.

— Но ведь это такая прекрасная тема.

— Согласен. Но, может быть, как-нибудь в другой раз, ладно?

— Как насчет сегодняшнего вечера?

— А ты девушка целеустремленная.

— Я знаю, чего хочу.

Дейсейн вдруг поймал себя на том, что внимательно изучает лицо Дженни. Как там сказала Вилла: «Дженни знает, что делает»? Но как бы то ни было, он не сомневался, что она любит его. Это безошибочно читалось в ее глазах, ее голосе, радостном и оживленном.

И все же, нельзя было забывать и о том, что двое исследователей уже погибли в этом проекте... в результате несчастных случаев! А у него самого? Стихающая боль в плече и во всем остальном — как быть с этим?

— Почему ты так внезапно замолчал? — спросила Дженни, глядя на него.

Он глубоко вздохнул.

— Ты можешь дать мне немного Джасперса?

— О, чуть не забыла! — воскликнула девушка. Она отодвинулась от Дейсейна и порылась в сумочке. — Я принесла тебе сыра и пшеничные хлопья — это будет твоим завтраком. Я забрала их из холодильника дяди Ларри. Я знала, что они тебе понадобятся, потому что... — Она замолчала, доставая сверток из сумочки. — Вот! — Дженни протянула ему коричневый бумажный сверток и внимательно посмотрела на Дейсейна. — Джил! Ты сказал: «Джасперса». — В ее глазах появилась настороженность.

— А в чем дело? — Он взял пакет у нее. Она неохотно рассталась с ним.

— Я не хочу обманывать тебя, дорогой, — сказала Дженни.

— Обманывать меня? Каким образом?

Девушка проглотила комок в горле, ее глаза сверкали невыплаканными слезами.

— Мы дали тебе вчера вечером довольно сильную дозу, а потом ты попал в ту дурацкую пещеру. Тебе как, было очень плохо сегодня утром?

— У меня было ужасное похмелье, если ты это имела в виду.

— Я плохо помню это состояние, такое со мной случалось лишь в детстве,— заметила Дженни.— Когда растешь, в теле происходят изменения, они затрагивают твой метаболизм. И еще в университете, когда я принимала участие в том безумном эксперименте с применением ЛСД, у меня на следующее утро было похмелье.— Девушка взъерошила ему волосы.— Бедный ты мой. Я пришла бы сюда еще утром, но я нужна была дяде Ларри в клинике. Правда, он сказал мне, что ты вне опасности — Вилла вовремя вытащила тебя оттуда.

— А что бы случилось, не сделай она этого?

На глазах Дженни выступили слезы, словно от боли.

— Так что? — повторил вопрос Дейсейн.

— Ты не должен думать об этом!

— О чем?

— С тобой в любом случае такого не может произойти. Дядя Ларри говорит, что ты — неподходящего типа.

— Неподходящего типа для чего... для превращения в зомби, вроде тех людей, которых я видел в кооперативе?

— Зомби? О чем ты говоришь?

Он описал то, что мельком видел сквозь широкую дверь.

— А... вот оно в чем дело.— Девушка отвела взгляд в сторону, как бы несколько отстраняясь от него.— Джилберт, ты упомянешь о них в своем сообщении?

— Возможно.

— Ты не должен.

— Почему же? Кто они? Или что они?

— Мы заботимся о себе,— сказала Дженни.— А они — полезные члены нашей общины.

— Но ведь вовсе не все из них.

— Совершенно верно.— Она внимательно посмотрела на него.— Если государство узнает о них и захочет их выслать, то им придется покинуть долину... большинству из них. А это может оказаться плохой услугой для сантарожанцев, Джилберт. Уж поверь мне.

— Я тебе верю.

— Я знала, что ты поймешь.

— Они — неудачники, да? Те, кого сгубил Джасперс.

— Джилберт! — воскликнула Дженни, но тут же продолжила более спокойно: — Это совсем не то, что ты думаешь. Джасперс — это... нечто удивительное, чудесное. Мы называем его «Источником сознательности». Он открывает твои глаза и уши, изменяет твой разум, он... — Девушка замолчала и улыбнулась. — Но ты уже и сам это знаешь.

— Приблизительно, — ответил он и посмотрел на сверток в своей руке. Что же там? Райский подарок для всего человечества или дар от дьявола? Что же такое Сантарога на самом деле: царство абсолютной свободы или место господства черной магии?

— Он чудесен — и ты уже знаешь это, — продолжила Дженни.

— Тогда почему вы все не раструбили об этом на весь мир? — спросил Дейсейн.

— Джил! — девушка с упреком посмотрела на него.

Неожиданно Дейсейн подумал о том, какова бы была реакция Мейера Дэвидсона... Дэвидсона и его когорты — деятельных молодых помощников и более старших, умудренных опытом.

То, что было сейчас у него в руках, было тем, с чем они всю свою жизнь сражались.

Для них, одетых в одинаково темные костюмы, оценивающих все холодным трезвым взглядом, люди, населяющие долину, являлись врагами, которых надлежало поставить на место. Поразмыслив об этом, Дейсейн вдруг понял, что для Дэвидсона и ему подобных все покупатели представлялись одним «врагом». Да, они противостояли друг другу, конкурировали между собой, но в своей среде они признавались, что больше противостоят массам, не входящим в достаточно узкий круг финансовых акул.

Их сговор проявлялся и в словах, и на деле. С умным видом они разглагольствовали о высоте полки, ее ширине, «вместимости» и «допустимых пределах» на каком-то таинственном, им одним доступном военном языке маневров и сражений. Они знали, какова должна быть оптимальная высота, чтобы покупателю удобнее всего было дотянуться до этой полки и взять облюбованную им вещь. Они знали, что «мгновенное время» — это ширина полки, на которую ставились определенной длины контейнеры. Они знали, до каких пределов следует доводить подтасовку

с ценами и упаковками, чтобы клиент мог еще раскошиться на покупку.

«И мы — их шпионы, — подумал Дейсейн. — Психиатры и психологи — все ученые-социологи — мы все входим в их шпионскую армию».

Дейсейн видел широкомасштабные маневры этих армий, призванных поддерживать «врага» в сонном состоянии бездумности и послушания. Кто бы ни возглавлял эти армии, как бы они ни противодействовали друг другу, никто из них не признавался в том, с кем на самом деле он воюет.

Дейсейн никогда раньше не подходил к изучению сферы рынка под подобным углом зрения. Он вспомнил о грубо выраженной честности в рекламных объявлениях сантарожанцев, сжимая в руке бумажный сверток.

Что же эта субстанция вытворяет с ним? Он отвернулся от Дженни, чтобы скрыть эту внезапно вспыхнувшую в нем ярость. Под воздействием Джаспера ему такие фантазии начинают приходить в голову!.. Надо же, армии!

Избежать воздействия Джаспера в Сантароге было невозможно. Да и само исследование вынуждало его пойти на это.

«Я должен проникнуть в их разумы, — напомнил он себе. — Я должен жить их жизнью, думать, как они».

И в этот момент он увидел ситуацию такой, какой ее видят Дженни и его друзья-сантарожанцы: они вовлечены во что-то наподобие партизанской войны. Сантарога своим независимым образом жизни представляла собой слишком большую угрозу для финансово-промышленной олигархии остального мира, который, естественно, не мог терпеть подобное у себя под боком. Единственное спасение Сантароги — в уединении и сохранении своей тайны.

И в такой ситуации провозглашать свои принципы с высокой трибуны?! Полный идиотизм! Неудивительно, что она с удивлением оборвала его.

Дейсейн повернулся и посмотрел на Дженни, терпеливо ожидавшую, когда он начнет наконец выбираться из тумана дурацких заблуждений. Она ободряюще улыбнулась ему, и он внезапно увидел в ней всех сантарожанцев. Они были индейцами эпохи бизонов, сражающимися с бледнолицыми за право жить и охотиться так, как им хочется, как ведет их природный инстинкт, а не подчиняясь законам белых людей. Но все дело было в том, что

они жили в мире, в котором разные культуры не могли вместе сосуществовать. Тот, внешний мир всегда пытается подвести людей под одну гребенку и сделать всех похожими друг на друга.

Сопоставляя оба мира, в его сознании, проясненном наркотиком и имеющем память чужака, он почувствовал глубокую жалость к Дженни. Сантарога будет уничтожена — в этом не было никаких сомнений.

— Я была уверена, что ты поймешь это,— сказала Дженни.

— Джасперс приравняют к сильным наркотическим средствам, как и ЛСД,— заметил Дейсейн.— Он будет запрещен, а вас уничтожат.

— Я никогда не сомневалась, что ты поймешь это после обработки,— произнесла Дженни. Она бросилась в его объятия, крепко прижалась к нему.— Я верила в тебя, Джил. Я знала, что с тобой будет все в порядке.

Дейсейн лихорадочно пытался найти нужные слова, но не мог. Он по-прежнему пребывал в глубокой печали. Подвергнут обработке.

— Но тебе, конечно, все-таки придется написать свой отчет,— произнесла Дженни.— Если ты потерпишь неудачу, это все равно ничего не решит. Они найдут другого. Нам это, признаться, порядком поднадоело.

— Да... мне придется написать отчет,— согласился Дейсейн.

— Мы понимаем.

Эти ее слова заставили Дейсейна вздрогнуть. «Мы понимаем». Не это ли «мы» рылось в его портфеле и чуть было не отправило его на тот свет... и на самом деле убило двоих других исследователей.

— Почему ты дрожишь? — спросила Дженни.

— Просто меня знобит,— ответил он.

И тогда он вспомнил о том нечто, которое, как он чувствовал, обволокло его сознание, беспокойное, пытлиное, всматривающееся в него древнее существо, которое пробудилось внутри его подсознания, поднялось, как шея динозавра. Оно все еще находилось там, внимательно наблюдая за ним, выжидая, осматриваясь, чтобы принять решение.

— Сегодня я работаю до полудня,— сказала Дженни.— Несколько моих друзей устроили пикник на озере. Они хотят, чтобы я приехала к ним.— Девушка чуть от-

странилась и посмотрела на Дейсейна. — Мне бы хотелось представить тебя в самом выгодном свете.

— Но... я не в состоянии сейчас плавать, — ответил он.

— Бедное твое плечо, — произнесла понимающе Дженни. — Понимаю. Но как чудесно было бы в это время года побывать на берегу озера! И вечером мы могли бы развести костер.

«А кто эти МЫ?», — спросил у самого себя Дейсейн.

— Замечательная идея, — признался он.

Он удивился, что, когда произносил эти слова, внутри у него похолодело от страха. Он сказал себе, что он боится не Дженни — не эту страстную и прекрасную женщину. Впрочем, может быть, он боялся Дженни-богини... откуда-то из глубин сознания пришла эта наполненная злостью мысль.

И тогда Дейсейн усмехнулся про себя, подумав, что он различает слишком много нюансов в жизни людей этой долины. Но такова, конечно, судьба психоаналитика — видеть все сквозь призму рассуждений.

— Немного отдохни, а в полдень встречаемся внизу, — сказала Дженни.

Она подошла к двери, повернулась и внимательно посмотрела на Дейсейна.

— Ты ведешь себя очень странно, Джил, — заметила она. — Тебя что-то беспокоит?

Какие-то нотки в ее голосе, словно она пытается прощупать его, заставили Дейсейна внезапно насторожиться. Нет, не та естественная Дженни, которую он любил, беспокоилась о нем, это... некий наблюдатель выискивает, нет ли в нем чего-либо опасного.

— Ничто — ни отдых, ни еда — не излечат меня, — ответил он, пытаясь все обратить в шутку, но понял, что это была тщетная попытка.

— Увидимся чуть позже, — сказала девушка, ее голос по-прежнему казался отчужденным.

Дейсейн смотрел, как захлопывается за ней дверь. У него возникло ощущение, что он разыгрывает некую роль перед особого рода камерой, фиксирующей все моменты, когда он ведет себя не должным образом. Бессвязная мысль мелькнула в его сознании: «...обнажение личности, классифицирование и характеристика».

«Кто же это хочет обнажить мою личность, классифицировать и характеризовать меня?» — подумал Дейсейн.

Он знал, что это опасный вопрос, из него вытекало множество обвинений и контробвинений.

Дейсейн почувствовал тяжесть свертка с едой. Он посмотрел на него и понял, что проголодался. При этом он понимал всю опасность, которую могла таить в себе эта пища. Неужели изменения, вызываемые Джасперсом, необратимы?

Он швырнул сверток на кровать, прошел к двери и выглянул в коридор. Никого. Потом перешагнул порог и посмотрел вдоль стены, за которой скрывалась телевизионная комната. Несколько секунд понадобилось ему, чтобы понять, что здесь что-то не так — реальность как бы исказилась: на том месте, где раньше никакой двери в стене не было, теперь она появилась.

Словно марионетка в руках кукловода, Дейсейн направился к этой двери и начал разглядывать ее. Обычная дверь, из того же полированного, хотя и обшарпанного дерева, что и остальные двери гостиницы. Не возникало никаких сомнений, что она всегда находилась на этом месте. На табличке с номером была небольшая вмятина, а по краям — небольшой налет тусклости — в местах, куда не доставала полирующая тряпка уборщицы. Ручка от частого прикосновения почернела.

Дейсейн покачал головой. Ему очень хотелось открыть эту дверь, но он сопротивлялся этому искушению, боясь того, что могло находиться за ней. Вдруг это самый обычный номер — кровать, ванная, письменный стол со стульями — это было бы хуже всего! Табличка с номером — 262 — привела его в возбуждение. У него вдруг возникло жуткое чувство, что он уже видел ее раньше... и именно на этом месте. Дверь казалась слишком обычной.

Неожиданно Дейсейн повернулся и пошел обратно, в свою комнату. Открыл окно. Ему вдруг показалось, что если он будет смотреть на город с козырька подъезда, то обязательно разрешит загадку. Он начал вылазить на крышу, но остановился, увидев какого-то мужчину, стоявшего на аллее с розовыми клумбами чуть дальше гигантского дуба.

Дейсейн узнал Уинстона Бурдо, поливающего розы. Бурдо, заметив Дейсейна, махнул ему рукой.

«Позже,— сказал себе Дейсейн.— Посмотрю позже».

Он кивнул Бурдо и прыгнул на пол, потом задержал шторы.

Значит, они прорубили дверь в стене, верно? Что этим они пытаются сделать? Разрушить его ощущение реальности?

Сверток на кровати привлек внимание Дейсейна. Он манил его к себе через всю комнату. Дейсейн испытывал непреодолимое искушение. Это было больше, чем просто еда. Он ощущал жуткий голод внутри себя, утолить который мог только Джасперс. Дейсейн вдруг представил себя Улиссом Теннисоном, целью жизни которого являлся девиз: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». И все же мысль о Джасперсе, находившемся в свертке, преследовала его. Дейсейн почувствовал, как пальцы непроизвольно разрывают бумагу.

Сыр Джасперса. Дразнящий аромат исходил от него. Ощущая внутреннюю беспомощность, он откусил кусочек. Сыр, когда он проглотил его, принес с собой тепло. Он продолжил есть, загипнотизированный собственными действиями.

Психолог медленно опустился на кровать, облокотился на подушки и уставился в потолок. Зернистый свет, отражавшийся от дерева, дрожал, как морская волна, поднимающаяся и опускающаяся, наполняя его благоговейным страхом, неотступным и всеохватывающим. Ему показалось, что его сознание — преграда на пути внешнего мира, и что этот внешний мир — просто глупый механизм, не способный чувствовать или сопереживать.

Его собственная личность превратилась в узкий луч света, и он ощущал, как огромный поток бессознательного становится больше и больше, придавливая своим тяжким грузом.

«Это психоделия, — сказал он себе. — Не думай об этом».

Но этот поток было не остановить. Его сознание, расширяясь вверх и устремляясь наружу, ударило вдруг гейзером чувственных откровений, ввергнув его в состояние блуждающей сознательности.

Не осталось никакого внутреннего «я», только безвременное ощущение бытия, безмятежно существующего. Дейсейн вдруг понял, что упивается этим ощущением. Его сознание вело поиск.

«Где дети? — спросил он себя.

Для него шокирующим оказалось откровение, осознание того, что за все время он не видел ни детей, ни школ в этой долине.

«Где же дети? Почему ни один из исследователей не сообщил об этом?

Но исследователи же умерли», — напомнил он себе.

Смерть... странно, но это слово несколько не пугало. Он почувствовал, как через зону сознательно уменьшаемого давления поднимается выше, где его не смогут достать могущественные силы зла. Долина, Джасперс — теперь он не мог без них существовать. Эта комната, освещенная ослепительным солнечным светом, листья на дубе за окном — все было прекрасно, невинно, выстроено в определенном порядке. Внешняя Вселенная стала частью его бытия, мудрого и сострадательного.

Дейсейн удивился этому ощущению. Вселенная снаружи — ему казалось, словно он только сам создал эту Вселенную. «Нама-Рупа, — подумал он. — Я Нама-Рупа, воплощение имени и формы, создатель Вселенной, в которой я живу».

И в ту же секунду вновь напомнило о себе болью раненое плечо. Боль, короткий кризис, нечто, противостоящее тому, что проектировало в него воспоминания об удовольствиях. Боль исчезла.

Раздался визг шин. Он услышал пение какой-то птички. Эти звуки проникали в его сознание, танцевали и искрились, принося ощущение праздника.

Он вспомнил пытливый взгляд Дженни.

Именно это неприятное, шокирующее воспоминание привело его в себя. Трудно стало дышать. Возникло ощущение, что он играет какую-то роль в исторической пьесе, но с подобной ролью он никогда раньше не сталкивался, здесь персонажами выступали богини и существа, обладающие невероятным могуществом. Действие пьесы разыгрывалось в удивительно быстром темпе, опровергая устоявшееся, предвзятое мнение о неторопливом развитии таких сюжетов, — цепочка событий, которые невозможно было проследить в отдельности или различить. Они стремительно проносились мимо его сознания, не оставляя особых следов.

«Джасперс, — подумал он. — Я не могу вернуться... в... то... кем... я был... прежде».

Слезы покатались по его щекам.

Он думал о том, как обыскивали его портфель. Рыдания сотрясли его тело. Что они хотели найти?

Дейсейн уже не сомневался, что вокруг него хитрые и ухмыляющиеся рожи демонов, жаждущие его крови, плоти, души. Они невнятно бормотали что-то вне зачарованного круга его одинокого сознания. Это ощущение, столь же примитивное, как танец ведьм, не хотело покинуть его. И в следующий миг он увидел перед собой роботов, автоматов с уродливыми злыми физиономиями и светящимися глазами.

Дейсейн начал дрожать, чувствуя, как все тело покрывается потом, но это чувство было каким-то далеким, словно все это происходило с кем-то другим, а не с ним.

Вертя головой, Дейсейн спустился с постели, встал на ноги и с трудом побрел через всю комнату к стене, там он повернулся и потащился назад — и так взад-вперед... взад-вперед. Не было места, где он мог бы спрятаться. Лучи солнечного света, струившегося через окно, создавали гротескные фигуры — ящериц с человеческими лицами, серебряных гномов, насекомых с крыльями, похожих на циферблат часов...

Дейсейн грузно опустился на пол и вцепился в ковер. Вдруг красный плетеный узор вытянул когти, коснувшись его. Кое-как он добрался до кровати и упал на нее. Он смотрел вверх, и ему казалось, будто потолок раскачивается.

Где-то играли на пианино — исполнялся Шопен.

Дейсейну внезапно показалось, что он и есть это пианино, и кристально чистые звуки, исходящие от него, избавляют душу от мук и страданий. Ослепительно яркая белизна солнечных лучей начала обволакивать его. Он вдруг понял, что одежда пропиталась потом. Ладони стали влажными. Ему казалось, что он прошел долгий путь через какой-то опасный туннель. Это путешествие вычерпало из него все силы.

Сейчас комната снова казалась безопасной. Лучи, игравшие на потолке, превратились во вполне узнаваемые предметы; их зернистость стала складываться в деревья... семена... рассадку... деревья. Каждый артефакт на пути его видения простирался для него во времени — в прошлое и будущее. Ничего не оставалось в статическом положении.

Все двигалось, и он был частью этого движения.

Волны сна начали медленно подниматься из глубин сознания — все выше... выше... выше.

Его окутывал сон.

В темной части этого сна что-то рассмеялось, и этот смех не смолкал, продолжался и продолжался...

Дейсейн проснулся с таким чувством, что он спал очень-очень долго — чуть ли не всю жизнь. Из глубины горла начал подниматься смех. Этот хихикающий звук, казалось, издавал не он, а кто-то чужой, и это испугало его. Он взглянул на часы: он проспал больше двух часов.

И снова из его горла раздалось хихиканье кого-то другого.

Он оттолкнулся от постели, удивляясь своей слабости. Плечо, впрочем, напоминало о себе меньше, боль значительно уменьшилась.

Стук в дверь.

— Да? — крикнул Дейсейн.

— Это Уин Бурдо, сэр. Мисс Дженни просила меня напомнить вам, что она будет здесь примерно через полчаса.

— Да... спасибо.

— Это все, сэр. Надеюсь, вы неплохо отдохнули.

Дейсейн несколько секунд всматривался в дверь. «Как Бурдо узнал, что я спал?

Наверное, я храпел».

Из коридора больше никаких звуков не доносилось, но Дейсейн знал, что Бурдо уже ушел.

Погруженный в раздумья, Дейсейн снял с себя мятую одежду, помылся в душе и переоделся. Он чувствовал гнев и разочарование. Они следят за ним каждую минуту. Он знал, что гнев легко может перейти в ярость. Однако еще не время было дать выход своей ярости.

И тогда он спросил себя, а есть ли вообще причина для ярости.

Дейсейн почувствовал в правой руке что-то влажное. Удивительно, но он до сих пор держал в ней мокрое полотенце, отделанное по краям зелено-белой тесьмой. Он швырнул его в ванную, и оно упало со шлепком.

Раздался еще один стук в дверь, и он знал, что это Дженни.

В сознании Дейсейна выкристаллизовалось решение.

Он прошел по комнате, распахнул дверь. Дженни стояла там в оранжевом джемпере поверх белой блузки и улыбалась, отчего ямочка на левой щеке обозначилась еще четче.

— Я рада, что ты уже готов. Ну а теперь поторапливайся, иначе мы опоздаем.

Когда девушка вела его вниз, Дейсейн спросил себя, уж не сыграло ли его воображение с ним злую шутку или действительно на ее лице до появления улыбки было выражение беспокойства?

Пока они спускались по лестнице, а потом через вестибюль вышли на крыльцо, девушка не переставая что-то щебетала.

— Тебе понравится озеро в это время года. Мне бы хотелось почаще ездить туда. Тебя уже меньше, как я вижу, беспокоит плечо. Уверена, оно выздоравливает. Дядя Ларри хочет, чтобы ты позже заехал к нему на обследование. Все мои друзья просто жаждут познакомиться с тобой. А вот и они.

Компания молодых людей дожидалась их в грузовике.

Дейсейн узнал прекрасное, как у феи, лицо Виллы Бурдо, сидевшей в кабине грузовика рядом со светловолосым человеком с обветренным лицом и огромными невинно-голубыми глазами. Когда он посмотрел на Виллу, та несколько раз медленно с пониманием кивнула. Не меньше дюжины любителей природы находилось в кузове... плюс еще несколько человек: высокий парень с каштановыми волосами и свирепыми темными глазами — Уолтер (фамилии его Дейсейн не запомнил); две близняшки, пухленькие, с длинными песочными волосами и круглыми личиками — Рейчел и Маризлла.

Дженни так быстро всех представляла, что Дейсейн не успел запомнить все имена, но все же успел обратить внимание, что рядом с Виллой Бурдо был Кэл Нис, ее жених.

Дейсейну помогли взобраться в кузов, потом чьи-то руки подняли Дженни и поставили ее рядом с ним. Вдоль бортов сиденья заменяли ящики. Дейсейн вдруг обнаружил, что вместе со всеми сидит на одном из ящиков, а рядом примостилась Дженни. Он начал проникаться праздничной атмосферой, созданной этими людьми: веселый смех, пересыпаемый шутками.

Взревев, грузовик тронулся с места. В лицо хлестал ветер. Сквозь листву проносившихся мимо деревьев мелко голубое небо, на ухабистой дороге довольно сильно трясло... Дейсейн обратил внимание на непрекращающийся смех.

Ему все больше и больше казалось, что лишь они вдвоем с Дженни не участвуют в этом веселье.

Знакомо ли этим людям чувство деликатности? Дадут ли они новому человеку время на то, чтобы осмотреться, освоиться?

Он пытался оценить эту ситуацию с точки зрения психолога, но ему мешало то, что он сам был вовлечен в нее. Невозможно аналитически обдумывать все детали, не обращая внимания на собственные действия. Когда к нему прижалась Дженни, плечо снова заныло. Ветер бросил волосы Дженни на его лицо. Каждое подпрыгивание грузовика болью отдавалось в плече.

Вся ситуация начала представляться Дейсейну каким-то кошмарным сном.

Дженни выпрямилась и произнесла ему на ухо:

— О Джил... как же я мечтала об этом дне... когда ты окажешься здесь и станешь одним из нас.

«Одним из нас,— повторил про себя Дейсейн.— Разве я на самом деле стал одним из них?»

Уолтер-Как-Там-Его-Дальше, очевидно, неправильно расценил действие Дженни. Он махнул рукой и крикнул через весь грузовик:

— Эй! Никаких оргий до вечера!

Это вызвало взрыв хохота у остальных, но не привлекло к этим словам особого внимания. Парни и девушки продолжали болтать между собой, не пытаясь вовлечь Дженни и Дейсейна в разговор.

«Оргия!»

Это слово как бы переключило какой-то рычаг в сознании Дейсейна. Оно уже не употреблялось во внешнем мире, да и сказано было явно ни к селу ни к городу. Однако, похоже, было хорошо знакомо этим людям и часто употреблялось здесь, в долине.

Сантарога начала видаться Дейсейну в новом свете. Местные жители — консерваторы в истинном смысле этого слова. Они цепляются за прошлое, сопротивляются любым изменениям. Он чуть поправился: они противники кое-каких изменений. Эти люди решили, что кое-что из прошлого стоит сохранять в неизменном виде. И это все более отчуждало их и удаляло от жителей внешнего мира. Долина превращалась в своего рода заповедник, где свято соблюдали старые традиции.

Грузовик свернул на другую дорогу, по сторонам ее росли платаны, и сквозь листья, с виду напоминающие кленовые, сверху просачивался зелено-золотистый свет. Грузовик еще раз тряхнуло, и Дейсейн поморщился от боли, когда Дженни навалилась на его левое плечо.

Вынырнув из окружения платановых зарослей, грузовик через сосновую аллею выехал на поросшую травой равнину, выходящую на песчаный берег лазурного озера.

Дейсейн усталился куда-то вдаль, задумавшись и едва ли замечая, как вниз на траву прыгивают люди и что Дженни сообщает ему, что наконец-то они прибыли на место. Что-то в этом озере (почему-то оно казалось ему знакомым) наполняло его ощущением восторга и одновременно беспокойности.

Узкий, из темного дерева настил вел к небольшому плоту и платформе для ныряния — сверкая серебристо-серым цветом в лучах солнца. Вдоль одной стороны были привязаны лодки.

Восторг и беспокойность.

Это ощущение проходило, и ему, когда он полностью сосредоточился на своих переживаниях, стало казаться, что он видит фантомы.

— Как твоё плечо? — участливо спросила Дженни.

— В порядке, — уверил ее Дейсейн.

Вслед за девушкой он прыгнул с грузовика, желая дать разрядку своему напряжению, соединиться с этой смеющейся компанией. Они прибыли сюда, чтобы повеселиться — принесли с собой ящики, из которых соорудили столы под деревьями, разожгли костер. Кое-кто отправлялся к ближайшим зарослям и возвращался потом в купальных костюмах.

Дженни присоединилась к группе, расставлявшей на столах привезенную на пикник еду. Вскоре она вместе со всеми отправилась купаться, скинув с себя платье и оставшись в оранжевом купальном костюме — прекрасная наяда, речная нимфа, сверкающая загоревшей кожей и вызывающая восхищение своим гибким станом.

Она махнула рукой Дейсейну и крикнула:

— Увидимся через минуту, дорогой!

Наблюдая за тем, как она нырнула в озеро, Дейсейну показалось, что он только что потерял ее навсегда. Его обуревала страшная ревность, ему представлялось, что

он — немощный старик в компании играющих детей и не способен разделить их счастье.

Дейсейн окинул взглядом озеро и близлежащие леса. По глади озера пробежался легкий ветерок, принося дыхание лета, запах травы и сосен. Ему вдруг захотелось, чтобы у него в руке оказался бокал с вином, и он мог бы тогда выйти навстречу этому ветерку и поприветствовать его и этот такой прекрасный день, а потом броситься с разбега в озеро и позабыть обо всем...

Медленно Дейсейн прошел к деревянному настилу и пошел по доскам. На небе проплывали барашки облаков, и он видел отражение этих облаков на гладкой поверхности озера. Однако волны разбили эту иллюзию. К нему подплыла Дженни и приподнялась над досками. С ее лица стекала вода, она улыбалась и никогда еще не казалась столь привлекательной.

— Дорогой, почему бы тебе не сойти на плот и не позаргать, пока мы будем плавать? — спросила она.

— Да, действительно, — согласился он. — Я, может быть, даже заберусь в одну из этих лодок.

— Не забывай про свое плечо, или я пожалею дяде Ларри.

Дженни оттолкнулась от досок и медленно поплыла в сторону плота.

Дейсейн пошел дальше, стараясь не касаться мокрых тел людей, забирающихся на платформу и тут же сигающих вниз. Его вдруг поразила мысль, что разве это не странно, что в компании знают о его существовании, но никто, похоже, не замечал его — ему давали проход, но ни разу не взглянули ему в глаза; они кричали что-то, но, опять же, вовсе не ему.

Дейсейн подошел к ближайшей лодке, отвязал бакштов и уже собрался забраться в нее, но на несколько секунд остановился — в пятидесяти футах от него плыла Дженни, наслаждаясь мерными взмахами рук над поверхностью озера и медленно удаляясь по диагонали от плота.

Когда Дейсейн вступил одной ногой в лодку, кто-то толкнул его в спину. Его нога оттолкнула планширь, и лодка начала удаляться. Он понял, что еще немного — и он окажется в воде. В голове лихорадочно мелькнуло: «Проклятье! Я же промокну до нитки!» Лодка развернулась кормой к берегу, он попытался дотянуться до нее, однако левая нога поскользнулась на мокрой поверхности дерева.

Дейсейн начал падать, разворачиваясь в воздухе, уже не способный контролировать свои движения.

Конец лодки, видимый краем глаза, стремительно приближался. Он попытался дотянуться до него, но все дело было в том, что падал он больным боком, и его рука не могла двигаться достаточно быстро.

А затем в глазах потемнело. Дейсейну показалось, что он погружается в нечто холодное, беззвучное, абсолютно темное и манящее его в свои объятия.

Какая-то часть его «я» закричала: «Восторг и обеспокоенность!»

Он еще успел подумать, какое же это странное сочетание.

А потом откуда-то издали в легкие проникла боль, принеся с собой озноб... ужасающий озноб. Он почувствовал давление... и холод... и все казалось далеким и не представляющим никакой важности.

«Я тону», — подумал он.

Эта мысль нисколько не тревожила его — словно это относилось к кому-то другому, а не к нему.

«Они не видят меня... и я утону».

Холод усилился — его тело почувствовало, что находится в воде.

Его резко развернуло.

А ему все это по-прежнему казалось чем-то далеким, нереальным.

Как раскат грома, раздался голос Дженни:

— Помогите! Прошу вас! Кто-нибудь, да помогите же! О Господи! Неужели никто не поможет мне? Я люблю его! Прошу вас, помогите мне!

Он вдруг почувствовал чьи-то руки, кто-то успокаивающе произнес:

— Все в порядке, Джен. Мы держим его.

— Прошу вас, спасите его! — Она почти что рыдала.

Дейсейн почувствовал, как его завернули в нечто твердое, впившееся в живот. Во рту разлилось тепло, а грудь сдавила ужасная боль.

Внезапно его охватил приступ кашля, он задыхался, и боль разрывала его горло и бронхи.

— Он наглотался воды, — раздался мужской голос, почти лишенный эмоций.

Рядом с ухом Дейсейна прозвучал молящий голос Дженни:

— Он дышит? Прошу вас, не дайте ему умереть.— Дейсейн чувствовал влагу на шее, и Дженни продолжала умолять кого-то рядом: — Я люблю его. Прошу вас, спасите его.

Тот же бесстрастный голос произнес:

— Мы понимаем, Дженни.

Раздался еще один голос, хриплый, женский:

— Конечно, это единственное, что можно сделать.

— Мы и делаем это! — пронзительно крикнула Дженни.— Неужели ты этого не видишь?

В этот момент, когда его уже подняли и понесли, Дейсейн тупо спросил себя: «Делаем что?»

Он перестал кашлять, однако боль в груди осталась. Каждый вздох приносил мучение.

Вскоре он почувствовал, что его положили на траву на спину. Потом плотно обернули во что-то теплое. И он ощутил себя как бы в утробе матери.

Дейсейн открыл глаза и увидел над собой Дженни, ее темные волосы вырисовывались на фоне голубого неба. Девушке удалось выдавить из себя дрожащую улыбку.

— О, слава богу,— прошептала она.

Его подняли за плечи. Лицо Дженни отдалилось. К губам прижали чашку, наполненную горячей коричневой жидкостью. Узнав характерный всеподавляющий запах Джасперса, Дейсейн почувствовал, как горячий кофе обжигает горло.

И тут же по всему телу начало разливаться тепло, принося облегчение. Чашку убрали, но тут же вернули, когда он губами потянулся к ней.

Кто-то рассмеялся и сказал что-то, но Дейсейн не разобрал, что именно, кажется: «Давайте по полной». Но эта фраза не имела для него никакого смысла, и он тут же забыл о ней.

Чьи-то руки снова осторожно положили его на траву. Все тот же бесстрастный мужской голос произнес:

— Пусть некоторое время он пробудет в тепле и покое. Все страшное уже позади.

Дейсейн вновь увидел лицо Дженни. Ее руки гладили его голову.

— О, дорогой,— начала девушка.— Я посмотрела в сторону причала и увидела, что тебя там нет. Я не видела, как ты упал, но догадалась, в чем тут дело. Хотя никто этого не заметил. Мне показалось, что прошла целая веч-

ность, пока я не доплыла до тебя. О, бедная твоя головушка. Такой ушиб!

Дейсейн в этот момент почувствовал боль в висках, словно ее вызвали слова девушки. «Вот это я ударился!.. Может, сделать рентген? — подумал он. — Откуда они знают, что у меня нет трещины в черепе... или сотрясения мозга?»

— Кэл говорит, что, наверное, лодка начала опрокидываться, как только ты вступил на нее, — продолжила Дженни. — Мне кажется, никакого перелома у тебя нет.

Дейсейн чуть не закричал от боли, когда девушка прикоснулась к ушибленному месту.

— Это просто сильный ушиб.

«Просто сильный ушиб!» — повторил он про себя. Внезапно его охватил гнев. Почему они ведут себя столь безразлично.

И все же по телу продолжало разливаться тепло, и он подумал: «Конечно, со мной все в порядке. Я ведь молодой и здоровый. Я встану на ноги. И у меня есть Дженни, которая защитит меня. Ведь она любит меня».

Что-то в этой цепочке мыслей вдруг показалось ему неправильным. Он моргнул. И в его мозгу словно произошло короткое замыкание: перед глазами появилась туманная дымка, в которой вспыхивали разноцветные огни: красные, оранжевые, желтые, коричневые, зеленые, фиолетовые, голубые, они напоминали насекомых с ответвленными хрустальными надкрыльями.

Этот свет превратился в некое внутреннее мембранное чувство, способность тончайшего восприятия, которое охватило все его сознание. И тогда он почувствовал, как сильно бьется его сердце, как приподнимается и опадает оболочка нежного мозга в такт с этой пульсацией, ее поврежденный участок — да, действительно, это всего лишь ушиб, кость цела.

И в этот момент Дейсейн понял, почему сантарожанцы выказывали столь крайне малую озабоченность его травмой. Они увидели это благодаря их связи с ним. Да, на их месте он тоже сказал бы, что нужна помощь, если бы она действительно требовалась.

«Тогда почему они не начали спасать меня, пока не заголосила Дженни? — спросил себя Дейсейн. И тут же с удивлением пришел ответ: — Да потому, что я не кричал мысленно о помощи!»

— Мне кажется, тебе не помешало бы сейчас поспать,— заметила Дженни.

Она положила ладонь на его правую руку.

— Или есть что-то, ради чего спать не стоит даже после травмы головы?

Дейсейн внимательно посмотрел на нее, отмечая ее спутанные после его спасения волосы, то, с какой внимательностью она глядит на него. На ее ресницах еще осталась влага, и ему показалось, что если он проникнет взглядом дальше, то обнаружит дорогу в некую волшебную страну.

— Я люблю тебя,— прошептал он.

Девушка приложила палец к его губам.

— Я знаю.

«Теперь я сантарожанец»,— подумал Дейсейн.

Он лежал на траве, без конца повторяя эту мысль, и она наполняла его странным ощущением, что у него останется связь с Дженни, даже если она высвободит его руку и оставит его одного лежать на траве. И это нисколько не напоминало телепатию — просто он начал понимать окружающий его мир: настроение людей, озеро, в котором они плавали, деревья вокруг. Когда один из его спутников нырнул в воду, остальные знали об этом.

«О Господи! Что этот Джасперс может сделать для мира!» — подумал пораженный Дейсейн.

Но отчего-то эта мысль вызвала только новые волны на поверхности озера взаимопонимания. В этой мысли скрывалась буря, опасная буря. Дейсейна передернуло.

Он вспомнил, почему он приехал сюда, и увидел конфликт, который был неминуем после этого нового осознания. Люди, пославшие его сюда... чего же они хотят?

«Доказательств»,— подумал он.

Он вдруг поймал себя на том, что не может сосредоточиться на том, какие именно доказательства они хотят. Его мысли все время возвращались к машине Джерси Хофстедера и грубой, типичной для янки замкнутости этих людей.

Теперь уже друзья Дженни замечали его, Дейсейн видел это. Они обращали на него свои взгляды — нисколько не таясь, разговаривали с ним. А когда ему вдруг захотелось встать и подойти к огромному костру, то устроились перед ним, преграждая путь вечернему холоду, а их сильные руки помогли ему подняться, хотя он не просил об этом.

Наступила ночь.

Дейсейн вдруг заметил, что сидит на одеяле рядом с Дженни. Кто-то бренчал на гитаре в темноте. Одна сторона озера была освещена бледным лунным светом, а вторая погружена в величественный мрак ночи. Под порывами ветра в этом мраке плескались воды озера, и ему казалось, что если бы только было возможно удалить эту темноту, то в ослепительном свете перед ними открылась бы удивительная сказочная земля.

Дженни прижалась к нему и прошептала:

— Ты чувствуешь себя лучше. Я знаю это.

Он молча согласился с ней.

У озера вспыхнули факелы — чтобы осветить путь возвращающимся лодкам. Кто-то передал Дейсейну сандвич, от которого резко пахло Джасперсом. Он съел его, не отводя взгляда от факелов и костра; деревья в этом призрачном свете отбрасывали красные, гротескные шатающиеся тени, и к небу устремлялись струйки дыма. Неожиданно Дейсейн спрятал остаток сандвича в карман.

Что заставило его сделать это — вряд ли он сам мог бы дать ответ на этот вопрос. Дейсейн вспомнил один эпизод, который случился после того, как они расстались с Дженни после обучения в университете. Он высунул тогда руку из окна, чтобы ощутить дождь, когда увидел под своим окном бусинки воды, сверкающие и переливающиеся подобно рассыпанному там ожерелью.

Неожиданно ветер изменил направление и принес с собой дым, от которого заболели глаза. Наглотавшись дыма, Дейсейн вдруг проникся убежденностью, что настал решающий момент, которого так ждала Дженни, сидящая сейчас рядом с ним.

И когда он подумал о ней, девушка протянула руку, притянула его к себе, их губы соединились. Это был долгий поцелуй, сопровождаемый кем-то наигрываемой мелодией гитары, ударами капель дождя о подоконник и приносимым сквозь открытое окно запахом дыма.

«Смогу ли я когда-нибудь объяснить это словами? — подумал Дейсейн. — Селадор решит, что я сошел с ума».

Дженни чуть отстранилась от него при этой мысли и нежно провела рукой по его шее.

— Давай поженимся, — прошептала она.

«Почему бы и нет? — подумал Дейсейн. — Ведь теперь я сантарожанец».

Но вместе с этой мыслью пришла и волна страха, которая сдавила грудь и заставила Дженни вздрогнуть. Она отодвинулась от него и посмотрела на него с беспокойством.

— Все будет хорошо, — прошептала она. — Вот увидишь.

Однако в ее голосе тревога не исчезла. И Дейсейн ощущал угрозу в ночном мраке. Гитарист, закончив на печальной ноте, неожиданно отложил свой инструмент в сторону.

Дейсейн увидел, что свет луны смещается дальше, заполняя черную поверхность озера... и перед ними открывается... Нет, не волшебная страна, а просто продолжение озера и другие деревья.

Определенно ночью стало прохладнее.

И снова Дженни нежно поцеловала его.

Дейсейн понял, что все еще любит ее. Это была единственная реальность, за которую он мог цепляться. В этой ночи больше не осталось ничего волшебного. Он понимал, что проваливается в безумие, слышал какой-то насмешливый голос внутри себя.

Когда Дженни отодвинулась от него, он прошептал:

— Я хочу жениться на тебе, Дженни. Я люблю тебя... но... мне нужно время... Мне нужно...

— Я знаю, дорогой, — перебила его Дженни. Она провела ладонью по его щеке. — У тебя будет столько времени, сколько ты захочешь.

В голосе ее прозвучала нотка отчужденности. Дейсейн почувствовал в этот момент, какой же холодной стала ночь и как затихло все вокруг.

Неожиданно среди людей, окружавших его, возникла какая-то суматоха. Все начали собираться и потянулись к грузовику.

— Пора возвращаться, — сказала Дженни.

«Возвращаться куда?» — подумал Дейсейн.

Дженни встала, потом помогла подняться ему. Он споткнулся, ощутив кратковременный спазм и легкое головокружение. Дженни помогла ему устоять.

— Ты хочешь, чтобы дядя Ларри осмотрел твою голову сегодня ночью? — спросила девушка.

«Паже», — вспомнил Дейсейн. Именно туда они и собирались вернуться. Паже. И там они продолжают свою игру в

вопросы и ответы. К этому его вынуждают изменения, происшедшие в нем под влиянием Джасперса.

— Я навещу его утром,— сказал Дейсейн.

— Не ночью?

«Самое время»,— подумал Дейсейн, а вслух сказал:

— Да, не этой ночью.

Этот ответ, похоже, встревожил Дженни. Она всю дорогу в город просидела молча, лишь едва придерживая его.

ГЛАВА 6

Когда все уехали на грузовике дальше, оставив Дейсейна одного во дворе гостиницы, он начал всматриваться в ночное небо, забыв обо всем. Он до сих пор ощущал на своих губах прощальный поцелуй Дженни — напряженный и дрожащий. В воздухе витали запахи выхлопных газов. Где-то внутри здания слышалась музыка — кто-то включил радио.

Медленно Дейсейн вынул правую руку из кармана, разжал пальцы и начал внимательно рассматривать небольшой шарик — предмет, который смутно различался при свете гостиничной вывески. Теперь явственно ощущался сильный запах Джасперса.

Дейсейн уже успел изучить предмет в своей руке — сдавленный шарик из хлеба, сыра и ветчины, кусок сан-двича с пикника.

«Знают ли они, что я спрятал его?» — спросил он себя.

Он не колебался, зайти ли ему внутрь и переодеться. Штаны и рубашка, которую он порвал на пикнике, уже успели просохнуть, но оставшиеся складки причиняли его телу массу неудобств.

Дейсейн чувствовал, что его сознание стоит перед этим выбором, стоит или не стоит переодеваться! А предмет, который он держал в руке, требовал принятия быстрого решения. Селадор. Да, Селадор должен получить этот шарик и исследовать его.

«Что-то мысли мои потеряли стройность»,— заметил он самому себе.

Он чувствовал, что разрывается между этими двумя крайностями — сейчас наступил решающий момент. «Не последствия ли это травмы головы?» — задал он вопрос

себе. Но он доверял своему внутреннему видению, вызванному воздействием Джасперса, и считал, что травма не такая уж серьезная. И все-таки... решения...

Огромным усилием воли он заставил себя пройти к грузовику и забраться внутрь кабины. Опираясь о руль, он положил на сиденье рядом с собой спрессованный шарик, в который превратился сандвич Джасперса.

«Сейчас,— приказал себе Дейсейн.— Если ехать, то прямо сейчас!»

Но прошло еще несколько минут, прежде чем ему удалось воплотить это решение в действие. Он включил двигатель и выехал со стоянки на дорогу, ведущую к Портервиллю. Особенно он не спешил, ощущая некоторую заторможенность в теле.

Фары высвечивали стоявшие по бокам деревья, желтую разделительную линию на покрытии извилистой дороги, оградительные перила. Дейсейн открыл окно и высунул голову, чтобы ветер прояснил голову. Сейчас, когда он уже ехал по петляющей вверх среди холмов дороге, его заторможенность еще больше увеличивалась, что не могло не беспокоить Дейсейна.

Мимо пронеслась какая-то машина с включенными фарами.

Темные очертания скалы рядом с дорогой... желтая разделительная линия... шлак на обочине... звезды над головой... Наконец-то он подъезжал к месту, где чернели скелеты обгоревших деревьев.

Дейсейн чувствовал, как какая-то сила тянет его назад, приказывает ему развернуться и возвратиться в Сантарогу. Он пытался побороть это принуждение. Селадор должен получить этот кусочек еды и провести его анализ. Это его долг. Он обещал. Он должен выбраться из долины и приехать в Портервилль.

Где-то внутри себя Дейсейн увидел смутные очертания какой-то фигуры, неизвестной, внушающей ужас. Она изучала его.

И с этим внезапным ощущением в сознании наступила поразительная ясность. И произошло это столь неожиданно, что он чуть было не потерял контроль над машиной, выскочив на встречную полосу... Пронзительно взвизгнули тормоза.

Дорога, мрак ночи, руль, нога на акселераторе — все это навалилось на его сознание с беспорядочной последо-

вательностью. Дейсейн нажал на тормоза, резко сбрасывая скорость. Он ощущал каждый нервный импульс. Закружилась голова. Дейсейн вцепился в руль, сосредоточившись лишь на управлении грузовиком. Постепенно его чувства приходили в порядок. Он сделал глубокий дрожащий вздох.

«Реакция на наркотик,— сказал он себе.— Нужно сказать об этом Селадору».

Портервилль предстал перед ним той же унылой улицей, какой он ее запомнил: машины, стоявшие возле таверны, одинокий фонарь рядом с затемненной заправочной станцией.

Дейсейн остановился рядом с телефонной будкой, вспомнив шерифа, который допрашивал его здесь, ошибочно приняв его за сантарожанца. «Может, он не намного уж и ошибся»,— подумал Дейсейн.

Он сообщил телефонистке телефонный номер Селадора и стал ждать, нетерпеливо постукивая пальцами о стенку. В трубке раздался едва слышный тонкий женский голос:

— Приемная доктора Селадора.

Дейсейн проговорил в трубку:

— Говорит Джилберт Дейсейн. Соедините меня с доктором Селадором.

— Мне очень жаль, но доктора Селадора нет — он обедает вместе с семьей. Может, вы хотите что-нибудь передать ему?

— Проклятье! — Дейсейн устался на телефонную трубку. Он чувствовал раздражение. Ему пришлось доказывать себе, что вообще-то у Селадора не было никаких причин ожидать его телефонного звонка. Там, в Беркли, жизнь продолжает идти своим чередом.

— Так как, сэр? Вы будете что-то ему передавать? — повторил звонкий голос.

— Передайте ему, что звонил Джилберт Дейсейн и что я отправил один образец для химического анализа.

— Образец для химического анализа. Хорошо, сэр. Это все?

— Да.

Дейсейн несколько неохотно повесил трубку. Он внезапно почувствовал себя покинутым — один здесь, и никому во всем мире нет дела до того, жив он или мертв.

«Почему бы не послать их всех подальше? — говорил он себе. — Почему бы не жениться на Дженни и не послать весь остальной мир к чертям собачьим!»

Эта мысль показалась ему чрезвычайно привлекательной. Он чувствовал, что, если он вернется в долину, ему ничто не будет угрожать. Сантарога манила его этой безопасностью. Там, в долине, действительно его ждет беззаботное существование.

Вместе с тем где-то таилась опасность. Дейсейн ощущал что-то, смутно движущееся в темноте... Он потряс головой, раздраженный игрой в кошки-мышки и разного рода трюкачествами, которую вело его сознание с ним. Снова химеры!

Он вернулся к грузовику, нашел в багажнике банку, где хранились спички. Он высыпал спички, бросил в банку то, во что превратился сэндвич, закрыл ее, завернул в остатки картонной коробки и оберточной бумаги, перевязал все это леской и надписал адрес Селадора. После этого составил сопроводительное письмо на странице, вырванной из блокнота, где подробно описал свою реакцию на наркотик, очередной несчастный случай на озере и собственные впечатления от группы — стену, которую они воздвигли, удерживая его на некотором расстоянии от себя, ужас в глазах и голосе Дженни...

От усилий, которые потребовали от него воспоминания, у него разболелась голова. В портфеле он нашел конверт, написал адрес на нем и запечатал.

С чувством удовлетворения Дейсейн тронулся с места, свернул в одну затемненную боковую улочку и остановился у обочины. Он запер кабину, забрался в багажник и развалился, собираясь проспать до утра, когда начнет работать почта Портервилля.

«Они не могут контролировать и здесь работников почты, — внушал он себе. — Селадор должен получить образец Джасперса... и мы вскоре узнаем, что же это такое».

Он закрыл глаза, и его веки как бы превратились в экран, на котором разворачивался сюжет некоего фантастического фильма: съежившаяся от страха Дженни, кричащая, умоляющая его о чем-то. Смеющийся Селадор. Он видел гигантскую фигуру самого себя, Дейсейна, он стоял неподвижно, связанный невидимой силой, подобно Проме-

тею, глаза его горели, и дыхание было тяжелым от прилагаемых усилий.

Он широко раскрыл глаза.

«Грезы наяву!»

Ему грелилось, что он на перевале!

Колеблясь, Дейсейн закрыл глаза. Темнота... но в этой темноте слышался один звук — смех Селадора.

Дейсейн прижал ладони к ушам. Смех превратился в звон колоколов, отбивающих медленный и... печальный звон. Он открыл глаза. Звон исчез.

Он сел и, не закрывая глаз, передвинулся в угол кузова. Похолодало, и чувствовался сильный мускусный запах. Он обнаружил спальный мешок, залез в него и стал чего-то ждать с открытыми глазами. Где-то снаружи стрекотал сверчок.

Медленно он начал погружаться в сон. Веки опустились, потом он снова широко раскрыл глаза.

«Сколько же еще будет длиться действие Джасперса? — подумал он.— Разумеется, все это — результат действия наркотика!»

Он закрыл глаза.

Откуда-то донесся отдаваемый эхом шепот Дженни: «О Джил... я люблю тебя. Джил, я люблю тебя...»

Он уснул с этим голосом, продолжавшим нашептывать ему любовные признания.

ГЛАВА 7

Дневной свет проник в сознание Дейсейна в тот момент, когда он, абсолютно отрешившийся от всего, уставился в металлический потолок кузова грузовика. Ему был знаком этот потолок, но некоторое время он не мог связать его с каким-либо местом в пространстве. Голова болела, плечо ныло. Потолок... такой знакомый потолок...

Раздался звук автомобильного сигнала. Это вернуло его к реальности. Он откинул края спального мешка и вылез из грузовика в серый ненастный день. На подбородке появилась щетина. Во рту стоял кислый вкус.

Проходившие два школьника уставились на него и о чем-то зашептались.

«Ну и видок, наверное, у меня», — подумал Дейсейн. Он посмотрел на свою одежду. Она была помятой и сморщив-

шейся, словно он плавал в ней, а потом уснул, и во время сна она высохла. Дейсейн улыбнулся про себя, подумав, что все именно таким образом и обстояло на самом деле.

Он залез в кабину, развернул грузовик и выехал на главную улицу, потом проехал вниз до здания с табличкой «Почтовое отделение».

Служащий сначала обслужил девочку, которая отправляла куда-то посылку со сладостями, а потом прошел за решетчатую перегородку, чтобы взвесить пакет и письмо Дейсейна. Это был высокий мужчина, с бледной кожей, черными волосами и бегающими туда-сюда осторожными голубыми глазами. Он недовольным тоном сказал Дейсейну:

— С вас восемьдесят четыре цента за бандероль и пять за письмо.

Дейсейн протянул долларовую купюру.

Служащий дал ему сдачу, потом еще раз посмотрел на пакет.

— Что в этой бандероли, мистер?

— Образцы анализов для нашей лаборатории,— ответил Дейсейн.

— Ясно.

Почтового служащего, похоже, не очень интересовали образцы чего-то там.

— Обратный адрес есть? — спросил он.

— Доктор Джилберт Дейсейн, до востребования, Сантарога,— ответил он.

— Дейсейн,— повторил служащий с внезапным интересом.— Дейсейн... Кажется, у меня есть бандероль для какого-то Дейсейна. Одну минутку!

Он исчез в задней комнате и через несколько секунд вернулся с квадратной коробкой примерно в фут шириной, аккуратно упакованной и перевязанной двойной толстой бечевкой. Даже издалека Дейсейн узнал аккуратный почерк Селадора на адресе.

«Селадор написал мне сюда?» — удивился Дейсейн.

Подобная конспирация, чтобы отправить ему посылку, говорила Дейсейну о том, что Селадору отлично было известно о его положении здесь. Его шеф знал, что он может послать сюда посылку и что Дейсейн получит ее. Но он тут же успокоил себя тем, что только этого и следовало ожидать — после того, как он описал Селадору положение, создавшееся на почте в Сантароге.

Впрочем, оставалось ощущение, что он пешка в какой-то игре, его каждый ход известен игрокам, передвигающим фигуры в этой игре.

— Покажите ваше удостоверение личности,— потребовал служащий.

Дейсейн показал его.

— Распишитесь здесь.— Оказалось, что его обслуживал начальник почтового отделения.

Дейсейн, расписался и взял посылку. Она была довольно тяжелой.

— Странно, что вы, сантарожанцы, пользуетесь услугами нашего почтового отделения,— заметил почтовый служащий.— Что-то не так с вашей службой?

«Сантарожанцы... он сказал во множественном числе»,— подумал Дейсейн и спросил:

— А что, есть и другие сантарожанцы, которые приезжают сюда?

— Ну... когда-то приезжали,— ответил начальник почты.— Один негр... Бурдо, так его звали, если мне не изменяет память. Он несколько раз отправлял посылки. Однажды получил бандероль из Луизианы. Но это было уже давно.

— Ясно,— произнес Дейсейн, не зная, как реагировать на эту информацию.

— Давненько не виделся я с Бурдо,— заметил начальник почты.— Отличный парень. Надеюсь, с ним все в порядке?

— Вполне,— ответил Дейсейн.— Что ж... спасибо.— Он взял посылку и направился к своему грузовику.

Ощущая некую осторожность, объяснить которую он был не в силах, Дейсейн не стал сразу раскрывать посылку, а поставил ее на сиденье рядом с собой и выехал на дорогу на восток, которая вела в Сантарогу, и ехал по ней, пока не нашел затемненное место, где и притормозил.

В коробке оказался автоматический пистолет 32 калибра с запасной обоймой и коробкой с патронами. На предохранителе висела записка от Селадора: «Джилберт! Эта штука пылилась в ящике моего шкафа в течение многих лет, и я, скорее всего, напоминаю старую деву, которой жалко расставаться с любимой вещью, посылая ее тебе. Но мне кажется, отправив тебе пистолет, я одновременно надеюсь, что тебе он так и не пригодится. Однако то

положение вещей, которое ты описал мне, наполнило меня странным беспокоящим чувством, что я вспомнил об этом оружии. Надеюсь, ты будешь чрезвычайно осторожен».

На обратной стороне записки был нацарапан постскриптум: «Исследования, проводимые по твоей просьбе, пока еще не дали никаких результатов. Обычно это тянется долго. Но ты меня обнадежил, возможно, мы все узнаем об этих людях». А чуть ниже стояла подпись: «С».

Дейсейн взял в руку пистолет и подавил внезапный импульс выбросить его в окно. Эта штука наполняла его предчувствием серьезной опасности. Что из того, что он сообщил Селадору, натолкнуло его на мысль отправить оружие? Или, возможно, это часть какой-то непонятной игры, которую ведет Селадор?

А, может, это напоминание о его долге? В ушибленной голове заныло от боли при этой мысли.

Ему вспомнилась одна фраза в записке Селадора, и он перечитал ее: «...все узнаем об этих людях».

«Именно это я и должен сделать? — подумал Дейсейн. — Неужели я послан сюда, чтобы собрать улики для обвинения».

Он вспомнил причины, которые перечислял ему Марден, по которым сюда посылали исследователей.

Дейсейн проглотил комок в горле. В этой фразе, когда он ее перечитал, было что-то еще. Что, если доктор на что-то ему намекает? Ведь отправка оружия совершенно не в духе этого человека. Если уж быть откровенным, то если бы его, Дейсейна, спросили, может ли доктор Селадор иметь оружие, он бы с уверенностью ответил отрицательно.

И что же теперь ему делать с этой чертовой вещью?

Дейсейн проверил пистолет — полная обойма, патронник пуст. Он подавил в себе импульс забросить его в отделение для перчаток и забыть о нем. Если грузовик станут обыскивать...

Чертов Селадор!

Чувствуя себя последним идиотом, Дейсейн сунул пистолет в задний карман брюк и прикрыл его пиджаком. С Селадором он разберется позже. А сейчас он отправится к Паже... и тот ответит на несколько его вопросов.

Когда Дейсейн вошел в кабинет Паже, там находился какой-то больной. Худошавая седовласая Сара открыла дверь и попросила его подождать в гостиной. С некоторым преувеличенным гостеприимством она добавила, что, если он хочет, она может приготовить ему кофе.

В желудке забурлило, и Дейсейн понял, как же сильно он проголодался. Он даже подумал, не сказать ли Саре об этом.

Как бы читая его мысли, Сара сказала:

— Могу поспорить, вы еще не завтракали.

Она окинула его взглядом с ног до головы.

— Похоже, вы спали в этой одежде. Все вы, доктора, похожи один на другого. Никогда не заботитесь о своем виде.

— Я действительно еще не завтракал,— признался Дейсейн.

— Не позавидуешь Дженни, если вы не измените кое-какие свои привычки,— хмуро заметила Сара, но смягчила свои слова улыбкой.

Дейсейн с удивлением заметил два ряда белых искусственных зубов на усеянном морщинами лице.

— У меня остался кусок яблочного пирога и немного крема Джасперса. Уверена, что вам это понравится.

Она повернулась и через столовую прошла сквозь вращающиеся двери в ослепительно сверкающую белизной кухню.

Дейсейна удивила эта улыбка, потом он вспомнил, как Дженни говорила, что он нравится Саре. И тут же, повинаясь мгновенному импульсу, Дейсейн прошел за Сарой на кухню.

— Уверен, что вы не любите обслуживать людей в гостиной,— предположил он.

— Людям всегда лучше есть там, где положено,— сказала Сара.

Она поставила тарелку на овальный столик возле окон, выходящих на сверкающий в лучах утреннего солнца цветочный сад.

— Садитесь здесь, молодой человек,— пригласила Сара. Она вылила густой крем из кувшина на золотистую корочку, образовавшуюся на поверхности пирога.

Дейсейн ощутил сильный аромат Джасперса. Его рука задрожала, беря ложку, которую Сара положила на стол для него. Дрожь исчезла, едва только он проглотил первый кусок пирога.

Это оказался сладкий яблочный пирог, и он успокаивающе подействовал на психолога.

С некоторой отстраненностью, которая его испугала, Дейсейн наблюдал за тем, как его рука направляет ложку к пирогу и спустя секунду новый кусочек оказывается у него во рту, а он не без удовольствия проглатывает его.

Успокаивающее действие.

«Я привык к этой эссенции»,— подумал он.

— Что-то не так? — спросила Сара.

— Я...— Дейсейн отложил в сторону ложку.— Вы поймали меня в ловушку, не так ли? — прямо спросил он.

— О чем это вы говорите? — не поняла Сара.

— Что это...— он кивнул в сторону пирога,— делает со мной?

— Какие-то странные ощущения, верно? — спросила Сара.— У тебя перед глазами все время что-то мерцает?

— Я...— Дейсейн потряс головой. Ее слова казались ему бессмысленными. «У тебя перед глазами все время что-то мерцает!»

— Я позову доктора Ларри,— сказал Сара. Она бросилась ко второй двери на кухне, и он увидел, как она бежит по проходу к клинике.

Вскоре она вернулась вместе с доктором Паже. Лицо того озабоченно морщилось.

— Что она вам сказала? — спросил Дейсейн. Эти слова прозвучали глупо, он сам это понял, еще произнося их. Он оттолкнул в сторону руку Паже. Хмурое лицо врача, прищуренные глаза — он выглядел как разъяренный Будда.

— С вами, похоже, все в порядке,— сказал Паже.— Любые странные симптомы...

— Вы поймали меня в ловушку,— повторил снова Дейсейн.— Вот что я сказал ей. Вы поймали меня в ловушку.— Он указал на тарелку перед собой.— Вот с помощью этого!

— М-да,— пробормотал Паже.

— Он просто борется с этим? — спросила Сара.

— Вероятно,— ответил Паже.

— Какая глупость! — воскликнула Сара.

— Такое иногда бывает,— заметил Паже.

— Я знаю, но...

— Да перестанете вы болтать обо мне, словно я — капля на предметном стекле микроскопа! — в ярости воскликнул Дейсейн и выскочил из-за стола. При этом он зацепил тарелку с пирогом, которая слетела на пол и разбилась.

— Ну, видите, что вы натворили! — укоризненно воскликнула Сара.

— Я — человек, — сказал Дейсейн, — а не нечто, вроде...

— Успокойся, парень, успокойся, — попытался утихомирить его Паже.

Дейсейн повернулся и бросился мимо Паже. Он должен был убежать куда-нибудь подальше от них, иначе бы он мог в ярости натворить дел. Сейчас Дейсейн вспомнил даже про оружие в заднем кармане его брюк.

«Проклятый Селадор!»

— Да погодите одну минутку! — крикнул ему Паже.

Дейсейн остановился в дверях и посмотрел на него.

— Вам нельзя уходить в таком состоянии, — сказал Паже.

— Не пытайтесь остановить меня, — угрожающе произнес Дейсейн. Он чувствовал холод огромного пистолета в заднем кармане.

Паже внезапно замолчал: он словно превратился в истукана, — мелькнуло в голове у Дейсейна, когда он окинул взглядом всю фигуру доктора, пристально глядевшего на него. Ему казалось, что Паже уменьшается в размерах, его фигурка становится отдаленной и таинственной, словно он видел его в перевернутый телескоп.

— Очень хорошо, — сказал Паже голосом, доносившимся откуда-то издалека.

Дейсейн медленно повернулся, переступил порог кухни и прошел через гостиную на улицу. Его ноги ступали по асфальту пешеходной дорожки перед домом, потом по полоске травы, пробивающейся на стоянке. Дверная ручка его грузовика показалась ему ледяной. Он завел двигатель, удивляясь своим ощущениям — он словно пребывал в каком-то сне.

Мимо проплывала улица, постепенно сужающаяся, появились указатели, покрытие дороги стало асфальтированным. Вот и гостиница. Он припарковался напротив длинного крыльца, слева от старого зеленого автомобиля... Что

теперь ему делать, он смутно представлял себе, все казалось таким несущественным.

Вдруг Дейсейн словно пробудился от спячки и обнаружил, что правая его рука взялась за ручку парадной двери гостиницы... и дергает ее, дергает, но без какого-то результата. Его внимание привлекла табличка на центральной панели: «Закрето».

Дейсейн уставился на нее: «Закрето? Быть того не может!»

— Ваши вещи возле ступенек, доктор Дейсейн.

Дейсейн сразу же узнал этот голос — вечно раздраженного Эла Мардена: «Власть имущие... Секретность... Заговор».

Дейсейн повернулся, чувствуя, как обострилось его восприятие. Марден стоял на середине крыльца: рыжеволосый, с продолговатым лицом и зелеными глазами, крепко сжавший губы, вытянутые в прямую линию, которые могли выражать любую эмоцию, начиная от гнева и кончая насмешкой.

— Итак, вы изгоняете меня,— сказал Дейсейн.

— Отель закрыт,— сказал Марден.— Распоряжение департамента здравоохранения.

— И столовая, и ресторан? — спросил Дейсейн.

— Все закрыто,— резким, не терпящим никаких возражений тоном ответил Марден.

— И я могу просто вернуться туда, откуда я приехал, так?— спросил Дейсейн.

— Выбирайтесь сами.

— У вас ведь есть и другие отели,— произнес Дейсейн.

— Неужели?

— Должны быть.

— Должны ли?

Дейсейн внимательно посмотрел на капитана дорожной инспекции, испытывая то же чувство, что и несколько минут назад в доме Паже. Капитан начал уменьшаться.

— Вы можете уехать или вернуться в клинику доктора Паже,— предложил Марден.— Вероятно, они согласятся на это.— Как же далеко звучал этот голос!

— Вернуться к Паже,— повторил Дейсейн.— Откуда вы знаете, что я только что был там?

Марден ничего не ответил, его лицо удалялось все дальше и дальше...

— Быстро же у вас распространяется информация,— заметил Дейсейн.

— Когда это нам нужно.

«Может, в самом деле вернуться к Паже? — задал себе вопрос Дейсейн. Он улыбнулся, пытаясь не утратить ясность мышления.— Нет! Они не могли продумать все до конца. Не могли!»

Все так же улыбаясь, Дейсейн взял свой чемодан, стоявший у ступенек и прошел к грузовику. Забросив чемодан в кабину, он сел за руль.

— Лучше не отказываться от помощи людей, которые знают, как вам помочь,— крикнул Марден.

Сейчас на его лице возникло нечто похожее на беспокойство. Улыбка Дейсейна стала еще шире, и это согревало ему душу, когда он направил грузовик в центр города.

В зеркале заднего обзора Дейсейн увидел патрульную машину, ехавшую за ним. Ему не позволят припарковаться где-нибудь в городе, понял Дейсейн, и тут он вспомнил карту, висевшую на окне станции техобслуживания Шелера. На ней на западной дороге был указан государственный парк «Песчаные холмы».

Он ехал вниз по главной улице, а сзади сразу за ним следовала патрульная машина. Прямо впереди себя он увидел гигантскую станцию техобслуживания, а рядом со стоянкой — телефонную будку и так неожиданно свернул с главной дороги, что Марден проскочил мимо, а, когда полицейская машина, взвизгнув тормозами, подалась назад, Дейсейн уже успел выскочить из кабины грузовика и оказаться у будки.

Марден остановил патрульную машину на улице и стал ждать, внимательно глядя на Дейсейна. Казалось, что даже двигатель патрульной машины урчит неодобрительно. Дейсейн повернулся и посмотрел на станцию техобслуживания — там царила необычная суета: одни автомобили въезжали, другие выезжали... никто не обращал ни малейшего внимания на Мардена и того, за кем он следит.

Дейсейн пожал плечами, прошел в будку и закрыл дверь.

Он бросил монетку в щель и сказал дежурной телефонистке, чтобы она сообщила ему номер кооператива.

— Если вам нужна Дженни, доктор Дейсейн, то она уже ушла домой,— психолог уставился в телефонную трубку, ожидая, когда утихнет этот надменный женский голос. Они не только знали, кто звонит, но и то, с кем он хотел связаться!

Дейсейн внимательно посмотрел на Мардена, встретил взгляд его зеленых глаз, циничных зеленых глаз.

Гнев закипел внутри Дейсейна. Он попытался подавить его. Да ну их к черту! Да, он хотел поговорить с Дженни. И он поговорит с ней, как бы они ни пытались помешать этому.

— Я не знаю номер телефона доктора Паже.

В трубке отчетливо прозвучал вздох.

Дейсейн заметил телефонный справочник, висевший на цепи, прикрепленной к стенке будки, и почувствовал, как на него накатывает волна вины — бессмысленной, убийственной, давившей на психику. Он услышал, как оператор набирает номер.

Потом раздался голос Дженни.

— Дженни!

— О, привет, Джилберт!

Внутри Дейсейна все оборвалось — в ее голосе явно сквозила небрежность!

— Дженни, ты знаешь, они пытаются выдворить меня из долины? — спросил он.

Последовала пауза.

— Дженни?

— Я все слышала.— Та же небрежность и такой же отчужденный тон.

— Это все, что ты хочешь мне сказать? — В его голосе слышались и боль, и гнев.

— Джилберт...— После некоторого молчания она добавила: — Возможно, будет... лучше... если ты... ненадолго... просто на некоторое время... уедешь... далеко... отсюда.

Теперь он почувствовал напряженность, скрывавшуюся за выдаваемой небрежностью.

— Дженни, я еду в парк «Песчаные холмы» и заночую там в своем грузовике. Они не смогут выдворить меня.

— Джилберт, не делай этого!

— Ты... хочешь, чтобы я уехал?

— Я... Джилберт, пожалуйста, возвращайся и поговори с дядей Ларри.

— Я уже говорил с ним.

- Прошу тебя. Ради меня.
- Если ты хочешь встретиться со мной, то приезжай в парк.
- Я... не осмелюсь.
- Ты не осмелишься? — в ярости повторил он. Чем же они запугали ее?
- Прошу тебя, не проси меня объяснить тебе, в чем дело.

Несколько секунд Дейсейн был в растерянности, потом сказал:

- Дженни, я отправлюсь в этот парк. Там все обдумаю. А после этого я вернусь.
- Во имя Господа, Джилберт... прошу тебя, будь осторожен.
- Конечно, я должен остерегаться, но чего же?
- Просто... будь осторожен.

Дейсейн ощущал тяжелый вес пистолета в кармане, и это наполняло его уверенностью, что он справится с любыми неведомыми опасностями этой долины. Вот в чем все дело — то, что эти опасности были расплывчатыми. Не имели какой-либо ясно выраженной формы. Какой смысл в пистолете, когда ему противостоит некая бесформенная угроза?

— Я вернусь, Дженни,— пообещал он.— Я люблю тебя.

Она заплакала. Он отчетливо расслышал ее всхлипывания, прежде чем связь прервалась.

Все еще дрожа от ярости, Дейсейн вернулся к грузовику, объехал на нем вокруг полицейской машины и направился к восточной дороге. Марден по-прежнему следовал прямо за ним.

«Пусть едет, сукин он сын!» — выругался про себя Дейсейн. Он понимал, что действует безрассудно и беспечно, но что-то говорило ему, что он поступает правильно. Он должен играть в открытую. Вот в чем все дело. В открытую. Возможно, тогда он сможет получить ответы на свои вопросы.

Он пересек реку по бетонному мосту. По левую сторону от него сквозь листву деревьев мелькали теплицы. Дорога вилась вверх среди деревьев, которые вскоре сменялись кустарником. Дальше характер местности менялся. Он видел на горизонте холмы, поросшие деревьями, но

перед ним протянулись невысокие бугорки с чахлым кустарником и бурьяном; редко где в низинах виднелись серые пятна грязи и пруды с черной водой, вблизи их вообще не росло ничего живого.

Над местностью витал запах серы, влажный и удушливый.

Дейсейн с внезапным чувством узнавания понял, где должны находиться песчаные холмы. Справа он увидел сломанную табличку, слетевшую с какого-то столба. Еще один столб наклонился под неестественным углом.

«Государственный парк «Песчаные холмы» — желаем приятно провести время».

Две колеи уводили по песку вправо к территории, огороженной забором, со сторожкой, в которой с одной стороны не имелось дверей, а по углам располагались начавшие осыпаться каменные каминьки.

Дейсейн свернул на колею. Накренившись, его грузовик с трудом продвигался по территории парка. Он затормозил перед одним из каменных каминов и огляделся. Это место выглядело унылым и непривлекательным.

Визг колес и тяжелое урчание мотора слева привлекли внимание Дейсейна. Марден остановил патрульную машину рядом с ним и высунул голову в открытое окно.

— Почему вы остановились здесь, Дейсейн? — В его голосе звучали нотки раздражения.

— Это ведь государственный парк, не так ли? — спросил в свою очередь Дейсейн. — Разве есть закон, который запрещает мне расположиться на отдых здесь?

— Не паясничайте, Дейсейн!

— Если у вас нет ордера на мой арест, то я остановлюсь здесь, — произнес Дейсейн.

— Здесь? — Марден показал рукой на царившее вокруг запустение.

— Лучше здесь, чем в Сантароге, — заметил Дейсейн.

— Что вы пытаетесь этим доказать, Дейсейн?

Тот ответил капитану выразительным молчанием.

Марден в ярости убрал голову в салон автомобиля. Дейсейн заметил, как побелели костяшки пальцев, сжимающих руль. Вскоре он снова высунул голову и смерил Дейсейна пронзительным взглядом.

— Ладно, Дейсейн. Будем считать, что это ваши похороны.

Патрульная машина прыгнула вперед, развернулась вокруг места парковки, с ревом направилась, выбрасывая песок из-под колес, к шоссе, в сторону города.

Дейсейн подождал, пока пыль не осядет, и лишь потом вылез из кабины. Забравшись в кузов, он проверил свои продуктовые запасы: фасоль, порошковое молоко и яйца, баночные сосиски, две бутылки кетчупа, банка сиропа и наполовину пустой ящик с блинной смесью... кофе, сахар... Со вздохом он присел на скамейку.

Из окна напротив были видны песчаные холмы и сторожка без дверей. Дейсейн потер лоб. Между висками стуком отдавалась боль — ушиб еще давал знать о себе.

Впервые с момента, как он решил направить свой грузовик в эту долину, Дейсейн задумался над своими действиями. Он понимал, что он поступал безрассудно. Все словно кружились в безумном забытом танце павана: Дженни, Марден, Бурдо, Паже, Вилла, Шелер, Нис... Да, безумном, но вместе с тем в нем заключался какой-то особенный смысл. Его ссадины и ушибы стали частью этой бессмыслицы.

И еще тут была машина Джерси Хофстеддера — почему-то это казалось ему самым значительным воспоминанием.

Ему представилось, что он снова погружается в озеро, идет на дно, пытаясь самостоятельно вынырнуть на поверхность жестокой правды перед самим собой. «Мы» — Дженни уже потеряла часть своего ужаса. Тогда «Мы» подразумевало пещеру и кооператив «Джасперс» — «Мы», терпеливо дожидавшееся, когда он примет решение.

Он понимал, что решение принял он сам. Как бы ни влияла та эссенция из тусклой красной пещеры на его психику, решение принял он сам. Так должно было быть — или же этот безумный танец потеряет весь свой смысл.

«Я все еще пытаюсь бороться, — подумал он. — Я все еще боюсь, что превращусь в одного из тех, лишенных осмысленного взгляда, кого я видел на сортировочном конвейере в здании кооператива».

Ему было еще немного не по себе, когда он вылез из кузова и встал на песке, но тут Дейсейн позабыл обо всем, ощутив тепло полуденного солнца. Какой-то ворон про-

несся так близко от его головы, что он ощутил хлопанье крыльев.

Дейсейн наблюдал за полетом птицы, размышляя над тем, как же странно видеть здесь только одно живое существо — этого ворона. Никаких других птиц, только ворон, и такой же одинокий, как и он сам.

«А то, что я сделал... отрезало ли это мне путь назад?» — спросил он себя. И подумал, что если он примет решение, направленное против Сантароги, то он станет одиноким вороном — существом без рода и племени.

Вся проблема, как он понимал, была в том, что какая-то сила, скрывающаяся где-то глубоко внутри него, принуждала его составлять правдивые отчеты для тех, кто послал его сюда. Чистота его нового «я», измененного благодаря Джасперсу, настаивала на этом. Как и воспоминание о своем долге. Пойти на обман означало проявление бесчестия, падение его «я». Он почувствовал зависть к этому своему «я» — ни у одной его, даже самой маленькой частички, не было никаких темных пятен, все они имели свою значимость, без которой нельзя было обойтись.

Это его «я», прежнее, но виденное теперь под другим углом зрения, приобретая такую ценность, которую он не мог и вообразить себе, возложило на него ужасное бремя, Дейсейн понимал это. Он вспомнил безумие, сопровождавшее происшедшую в его сознании перемену, вызванную Джасперсом, те трудности, которые ему пришлось преодолеть, чтобы взобраться на эту вершину.

И в это мгновение он почувствовал снисходительность к собственным поступкам, совершенным совсем в недалеком прошлом, которая опутала его словно туман, вызывавший озноб, несмотря на всю жару полуденного солнца. Дейсейна передернуло. «Как же это хорошо, — подумал он, — не принимать никаких решений. Какой соблазн дать возможность этому беспокойному чувству внутри его сознания поднять свою древнюю змеиную голову, чтобы она проглотила все беспокойные мысли».

Его вид на жителей долины приобрел снисходительный оттенок. Несколько секунд они стояли рядом с ним, расположившись призрачными рядами — богоподобные властелины примитивных существ.

«А может, они проверяют меня, — подумал он. — Но тогда зачем Дженни говорит, что она не смеет приехать сюда к нему? И где дети?»

Рациональной частью своего разума он попытался ответить себе, способен ли он думать рассудительно, и пришел к выводу, что не уверен, что это так. «Сколько же из моих мыслей возникло в результате действия наркотика?» — спросил он себя.

В самые решительные моменты принятия решения необходимо сознавать это. На что он должен опираться, решаясь сделать свой выбор.

Никто не мог помочь ему в этом, он знал это. Ему предстояло самому в одиночестве заниматься поисками решения. Если он правдиво изложит все факты в своем докладе команде Мейера Дэвидсона, то тем самым обречет Сантарогу на гибель. Если же его доклад будет лживыми, то в своей душе он откроет путь бурному росту злокачественной опухоли, которая в конце концов приведет его к гибели.

Он уже в некоторой степени отрезал себя от Сантароги — подобно удару ножа, осознал Дейсейн. Бандероль с Джасперсом, которую он послал Селадору для анализа, постоянно появлялась в его мыслях. Именно тогда он начал отдаляться от Сантароги.

Да, это был жест, ничего более. Символический. Какая-то его часть уже в момент отправления бандероли знала, что она, какой бы продукт Джасперса там ни содержался, прибудет к адресату в разложившемся состоянии. Дейсейн понял, что он бросил открытый вызов сантороганской части самого себя.

«Поступал ли так Бурдо? — подумал он. — Какими посылками обменивался он с адресатом из Луизианы?»

Бандероль, отправленная Селадору, — это словно бросить камнем по воробьям. Он вспомнил, как мальчишкой бросал камни в кота, который находился слишком далеко от него, и камни не долетали. Серый кот. Он вспомнил, как внезапно смолкли птицы в тетушкином саду, заметив крадущегося серого кота... недолет камня.

Паже был этим серым котом.

Кот в саду посмотрел вверх, на мгновение удивленный звуком упавшего неподалеку камня, оценил ситуацию и продолжил охоту, выказывая негодующее презрение к ребенку, который находился слишком далеко, чтобы добросить до него камень.

Что же сделал Паже?

Внезапно на Дейсейна снизошло озарение, когда человек чувствует себя окрыленным. И в эту секунду он понял, почему он чувствует себя таким ужасно одиноким.

У него не было компании, родного местечка в этом деловитом улье-общине, возможности уйти от принятия собственных же решений, одолевавших его. Каковы бы ни были его решения, независимо от последствий,— это были его решения. Возможно, Селадора ждет позор за провал его агента. Возможно, менее щедрыми станут дотации, получаемые университетом от государства и частных лиц. Но все дело было в том — и это было главное,— что Сантарога могла быть уничтожена.

И все из-за какого-то решения, которое на самом деле было просто жестом, попыткой доказать что-то самому себе, попыткой одного одинокого человека, стоявшего среди пустынных песчаных холмов, чьи мысли витали в фантазиях, кружась вокруг одинокой вороны и серого кота.

Сейчас настал момент для позитивных действий, и единственное, о чем он мог думать, это снова залезть в кузов и поесть.

Когда он оказался в замкнутом пространстве кузова грузовика и занялся приготовлением яичницы, грузовик протестующе поскрипывал. Голод мучал Дейсейна, но ему не хотелось этой пищи. Он знал, чего он хотел — того, от чего он сбежал сюда, того, чего так жаждало его тело, и эта боль вскоре стала невыносимой, его сутью...

Джасперс.

ГЛАВА 9

С наступлением темноты Дейсейн включил лампу, висевшую на стенке кузова грузовика, и вернулся к своим записям. Он понимал, что должен чем-то занять свои мысли, но смрадный запах стоянки постоянно вторгался в их течение. Грузовик представлял собой крохотный мирок с резко очерченными границами, но влияние внешнего мира сказывалось и здесь. Дейсейн посмотрел через окно на звезды — яркие отверстия в темном балахоне вселенной. Они усиливали его чувство одиночества. Он резко отвел взгляд в сторону.

Записи...

Те же самые вопросы, мучавшие его все это время, не могли не оказаться и в них:

Где дети?

Как и с кем Джасперс срабатывает не так, как надо, в результате чего появляются зомби?

Как может быть вся коммуна подсознательно настроена на желание убить человека?

В чем сущность Джасперса? Что это такое? Что он делает с химической структурой тела человека?

Дейсейн сознавал всю опасность дать ответ на эти вопросы. Это были вопросы и в то же самое время в них же таился и ответ. Это прощупывание — именно при помощи этого и сантарожанцы настраиваются против вмешательства извне.

Он должен был сделать это. Как ребенок, который не поймет, что такое огонь и что нельзя совать в него руку, пока не обожжется, он должен был сделать это. Но, сделав это, сможет ли он затем вернуться и рассказать всю историю команде Мейера Дэвидсона?

Если он действительно найдет ответы на свои вопросы и решится сделать полный и честный отчет, то позволит ли Сантарога ему поступить так?

Дейсейн понимал, что тут задействованы силы, против которых он не более чем свеча, мерцающая во время бури.

Он услышал шаги по песку, погасил свет, открыл дверь и выглянул из кузова.

К грузовику со стороны шоссе приближалась призрачная фигура — то ли женщина в коротком платье, то ли невысокий мужчина в пиджаке.

— Кто там? — крикнул Дейсейн.

— Джил!

— Дженни!

Он спрыгнул на песок и пошел навстречу ей.

— А я думал, что ты не придешь сюда. Ты ведь сказала мне...

— Прошу тебя, не подходи ближе, — сказала Дженни. Она остановилась в десяти шагах от него.

В ее голосе слышался какой-то странный надрыв. Дейсейн не знал, что ему делать.

— Джил, если ты не собираешься вернуться к дяде Ларри, то ты должен покинуть долину, — сказала она.

— Ты хочешь, чтобы я уехал?

— Ты должен.

- Почему?
- Я... они хотят, чтобы ты уехал.
- Что я сделал?
- Ты опасен для нас. Мы все знаем об этом. Мы можем чувствовать это — ты опасен.
- Дженни... неужели ты думаешь, что я могу причинить тебе вред?
- Я не знаю! Я знаю лишь то, что ты опасен.
- И ты хочешь, чтобы я уехал?
- Я приказываю тебе уехать.
- Приказываешь мне? — Он слышал истерические нотки в ее голосе.
- Джил, прошу тебя.
- Я не могу уехать, Джен. Не могу.
- Ты должен.
- Я не могу.
- Тогда возвращайся к дяде Ларри. Мы позаботимся о тебе.
- Даже если я превращусь в зомби?
- Не говори так!
- Но ведь такое возможно, не так ли?
- Дорогой, мы в любом случае позаботимся о тебе!
- Вы заботитесь только о себе.
- Конечно.
- Дженни, ты ведь знаешь, что я люблю тебя?
- Да, знаю,— прошептала девушка.
- Тогда почему ты это делаешь со мной?
- Да ничего мы с тобой не делаем! — сквозь рыдания выкрикнула девушка.— Это все ты делаешь... все это случилось из-за тебя.
- Я делаю единственное, что я должен делать.
- Ты не должен делать ничего.
- Ты хочешь, чтобы я говорил неправду... лгал?
- Джил, умоляю тебя. Ради меня... ради себя — уезжай!
- Или же вернуться к дяде Ларри?
- Да, прошу тебя.
- А что случится, если я не сделаю этого.
- Если ты действительно любишь меня... О Джил, я не смогу выдержать... если...
- Она умолкла, слезы мешали ей говорить.
- Дейсейн направился к ней.
- Дженни, не надо.

Она внезапно перестала плакать и начала отступать от него, тряся головой.

— Не подходи ко мне!

— Дженни, что с тобой?

Она прибавила шаг.

— Дженни, перестань!

Неожиданно она повернулась и бросилась бегом по дороге. Дейсейн побежал за ней, но потом остановился. Какой смысл догонять ее?

Он услышал ее истерический вопль:

— Не подходи ко мне! Я люблю тебя! Не подходи!

Он стоял, пораженный происшедшим, во внезапно наступившей тишине и очнулся, когда хлопнула дверца машины, стоявшей на дороге. Включились фары, а потом в направлении города поехал автомолиль.

Он вспомнил мягкий лунный свет на ее лице в сиянии звезд, два черных отверстия для глаз. Не лицо — а маска. Он побрел обратно к грузовику, в голове мелькали беспорядочные мысли: «Я люблю тебя! Не подходи!»

Что же мне на самом деле известно о Дженни? — спросил он себя.

Ничего... кроме того, что она любит меня.

А как же это ее: «Не подходи»?

Возможно ли, чтобы Дженни решила говорить с ним таким требовательным тоном, умолять, приказывать?

Ему показалось, что он начинает сходить с ума от паранойи. Ее слова превосходили границы раздражительности влюбленного человека.

«Ты опасен. Мы все это знаем».

В самом деле, должны знать.

Во время того единения, осуществленного благодаря действию Джасперса, которое он пережил у озера, они должны были узнать, что он представляет для них опасность. Если бы ему удалось держаться подальше от той ерунды, отбросить ее — поняли бы они, что он опасен для них?

И что же им теперь остается делать, когда им известно, что он опасен? Ведь его действия нельзя расценить иначе, как предательство?»

Сантарога представилась ему, как некая обманчивая завеса спокойствия над бурлящим потоком насилия. Да, эти снисходительные, самоуверенные, как боги, сантарожанцы возвысились над первобытными силами природы.

Но этот примитивизм не исчез, он остался, приобрел еще большую взрывную силу, потому что теперь он стал заметнее, сжавшись в тугую пружину.

«Дженни должна ощущать это,— подумал Дейсейн. Ее любовь к нему не позволила бы ей выкрикнуть ему в лицо эти безумные слова: «Не подходи ко мне!»

Крик девушки все еще звенел у него в ушах.

И именно так нашли свою смерть те два предыдущих исследователя — вызвав срабатывание этой заведенной пружины, которой являлась Сантарога.

В сознание Дейсейна проникли чужие голоса, шедшие с другой стороны грузовика недалеко от дороги. Один голос определенно был женским. В отношении двух других он не мог быть уверен. Дейсейн обошел вокруг грузовика и внимательно начал всматриваться в темные пруды и песчаные холмы — ландшафт, заливаемый бледным лунным светом.

И тут среди холмов появился фонарь. Кто-то принялся водить им из стороны в сторону. Дейсейн увидел три смутно различаемых вблизи этого света фигуры и сразу вспомнил о ведьмах из «Макбета». Эти фигуры спустились вниз с холма, обошли пруд и вышли к стоянке.

Дейсейн не знал, следует ли ему окликнуть их. Возможно, они сбились с пути. Как же еще можно объяснить то, что эти трое человек находятся здесь посреди ночи?

От компании донесся смех, в котором смутно различались детские нотки. Потом тишину ночи разорвал четкий женский голос:

— О Пити! Как хорошо, что ты пошел с нами!

Дейсейн прокашлялся и сказал:

— Привет! — Потом громче повторил: — Привет!

Луч света сместился в его сторону. Звонкий женский голос произнес:

— На стоянке кто-то есть.

В ответ послышался невнятный мужской бас.

— Кто там? — спросила женщина.

— Просто водитель, — ответил Дейсейн. — Вы сбились с дороги.

— Мы вышли на охоту на лягушек. — Этот голос очень напоминал голосок мальчика.

Три фигуры направились к нему.

— Не лучшее место для пикника, — заметила женщина.

Дейсейн внимательно разглядывал приближающиеся фигуры. Слева был мальчик — без сомнения, мальчик. Похоже, он нес лук, а через плечо был перекинут колчан со стрелами. Женщина держала в руках острогу, а на плече висела мешковатая сумка. Мужчина нес фонарь и веревку с нанизанными на нее гигантскими лягушками. Они остановились около грузовика, и женщина, оперевшись спиной о него, сняла одну туфлю и высыпала попавший в нее песок.

— Вот отправились к пруду.

— М-м-м! — промычал мужчина.

— Мы уже поймали восемь, — похвастался мальчик. — Мама поджарит их на завтрак.

— Пити так хотел этого, — заметила женщина. — Я не могла отказать ему, в первый день, когда он дома.

— Я прошел испытание, — сказал мальчик. — Папа не прошел, а я прошел.

— Понимаю, — произнес Дейсейн. Он оглядел мужчину в свете фонаря, отражавшегося от алюминиевого борта кузова грузовика — высокий, худощавый, довольно неуклюжий; из-под вязаной спортивной шапочки выбивалась прядь каштановых волос. У него были безучастные глаза — просто какие-то две голубые стекляшки, где не было никакой мысли.

Женщина опять надела на ногу туфлю, а потом повторила то же действие и со второй. Она закуталась в тяжелый плащ, отчего казалось, что ее фигура отлита в рифленной бочке. Она была невысокого роста, не доставала и до плеча мужчины, но в ней ощущалась целеустремленность, которая напоминала Дейсейну Клару Шелер со стоянки подержанных автомобилей.

— Билл — первый из восьми поколений в семье, кто не выдержал испытаний, — сообщила женщина, надевая туфлю и выпрямляясь. — Они думают, что это из-за диеты его матери, которой она придерживалась, когда вынашивала его. Мы обручились раньше, чем... Но почему я все это рассказываю вам? По-моему, мы не знакомы.

— Дейсейн... Джилберт Дейсейн, — представился психолог и подумал: «Значит, вот так они заботятся о себе».

— Друг Дженни! — воскликнула женщина. — Теперь ясно.

Дейсейн посмотрел на мальчика. Пити. Ему, похоже, было не больше двенадцати лет, ростом он был почти с

женщину. Когда луч фонаря скользнул по его лицу, Дейсейн рассмотрел его лицо — копию мужчины. Никаких сомнений — тот был отцом мальчика.

— Не свети сюда, Билл,— попросила женщина. Она говорила, тщательно выговаривая слова, словно обращалась к ребенку.— Не свети, милый.

— Свети вон туда, папа.— Мальчик направил неуверенную руку мужчины.

— Вот так хорошо, любимый,— сказала женщина.— По-моему, конец остроги зацепился за мой плащ.— Она засуетилась с мотком веревки, висевшим у нее на боку.

— М-м-м,— промычал мужчина.

Дейсейн уставился на него с леденящим душу ужасом. Он уже представлял себя на их месте: себя, Дженни, которая «заботится» о нем, своих детей, помогающих направлять руку с фонарем.

— Вот и все,— произнесла женщина, высвобождая веревку и привязывая ее к остроге.— Теперь, Билл, по-свети вниз. На землю, милый.

— Вот сюда, папа,— подсказал мальчик.

— Хорошо, любимый,— сказала женщина и потрепала мужчину по щеке.

Дейсейну этот жест показался непристойным, ему захотелось отвернуться, но он не мог заставить себя шевельнуться.

— Он настоящий умница, наш Билл,— заметила женщина.

Мальчик начал играть с тетивой лука, натягивал ее, потом отпускал.

— Что вы делаете здесь, доктор Дейсейн? — неожиданно спросила женщина.

— Я... мне захотелось... некоторое время побыть одному.— Дейсейн заставил себя прямо посмотреть на женщину.

— Что ж, если вы действительно хотите побыть в одиночестве, то это именно то место,— согласилась она.— С вами все в порядке? Ничего... не беспокоит?

— Нет, все в порядке,— ответил Дейсейн. Его передернуло.

Мальчик вставил стрелу в лук и начал им размахивать.

— Меня зовут Мабель Йорик,— представилась женщина.— А это Билл, мой муж, наш сын Пити. Пити на-

ходил... вы догадываетесь, в клинике дока Паже. Он только что получил карантинное свидетельство.

— Я уже все прошел,— сообщил мальчик.

— Да, милый.— Женщина посмотрела на Дейсейна.— В следующем году он уедет учиться в колледж.

— Не слишком ли он молод? — спросил Дейсейн.

— Ему уже пятнадцать лет,— сообщила мать.

— М-м-м,— промычал мужчина.

Мальчик оттянул тетиву до упора. Наконечник стрелы сверкал в слабом свете фонаря.

Вверх, вниз... вправо, влево устремлялся наконечник стрелы.

Дейсейн отпрянул назад в беспокойстве, когда кончик стрелы чиркнул совсем рядом с его грудью. Пот выступил на лбу психолога. Он ощутил угрозу со стороны мальчика.

Инстинктивно Дейсейн переместился так, чтобы мужчина оказался между ним и Пити, однако в это время Йорик-старший отступил назад и перевел взгляд в сторону шоссе.

— По-моему, он слышит приближение машины,— произнесла женщина.— За нами должен приехать мой брат Джим и забрать нас.— Она удивленно покачала головой.— У нашего Билла необычайно острый слух.

Предчувствуя опасность, Дейсейн опустил на четвереньки. И в ту же секунду он услышал резкий звук натянутой тетивы и почувствовал, как мимо шеи пролетела стрела, ударившись в металлический борт кузова.

— Пити! — закричала женщина, выхватывая лук из рук мальчика.— Что ты вытворяешь?

— Она выскользнула, мама.

Дейсейн поднялся, настороженно глядя на этих людей.

— М-м-м,— промычал мужчина.

Мать повернулась к Дейсейну, держа лук в руке.

— Он пытался убить меня,— прошептал Дейсейн.

— Это произошло совершенно случайно! — оправдывался мальчик.

Мужчина угрожающе поднял фонарь.

Не глядя на мужа, женщина произнесла:

— Посвети вниз, дорогой.

И, сама сделав это, пристально посмотрела на Дейсейна.

— Вы ведь не думаете...

— Это вышло совершенно случайно,— повторил мальчик.

Дейсейн взглянул на стрелу. Она глубоко застряла в алюминиевой стене кузова грузовика на уровне груди. Дейсейн с трудом проглотил комок в пересохшем горле. Если бы он не нырнул в ту секунду... Несчастный случай. «Мы сожалеем, но это был несчастный случай. Мальчик игрался с луком, и тут стрела случайно соскользнула...»

Смерть в результате несчастного случая.

«Что же предупредило меня?» — подумал Дейсейн.

И знал уже ответ. Он лежал на поверхности его сознания, явно читаемый. В его мозгу словно что-то переключилось, и он узнал характерную для Сантароги особенность возникавшей из ничего угрозы. Конечным ее итогом являлась смерть.

— Это был просто несчастный случай,— прошептала женщина. Пити не обидит даже муху.

Она не верит в то, что говорит, Дейсейн видел это.

И видел это благодаря той невидимой нити, что связывала его с объединенным сознанием людей Сантароги. Он не сомневался в том, что услышал предупреждение, отправленное по этому каналу. И она тоже получила это сообщение.

— Неужели? — с сомнением спросил Дейсейн. Он еще раз взглянул на стрелу, торчавшую в борту кузова грузовика.

Женщина повернулась и, схватив сына за плечо одной рукой, потрясла перед ним луком.

— Ты хочешь вернуться назад? — спросила она. — В этом все дело?

— М-м-м,— промычал мужчина. Он беспокойно переминался с ноги на ногу.

— Это произошло случайно,— повторил мальчик. Он явно уже был на грани истерики.

Женщина бросила на Дейсейна умоляющий взгляд.

— Вы ведь не скажете доктору Ларри ничего, не так ли?

— А что я мог бы сказать? — с глупым выражением на лице Дейсейн уставился на женщину.

— Он может... понимаете, он может неправильно понять.

Дейсейн покачал головой. О чем говорит эта женщина?

— Нам так тяжело,— продолжала та.— После того, что случилось с Биллом, я хочу сказать. Вы ведь знаете, как это бывает.— Она слегка кивнула в сторону мужа.— Постоянное пристальное наблюдение, чтобы не упустить ни малейшего симптома. Так тяжело растить здесь детей... видя его лишь во время приемных часов и... и невозможно избавиться от тревожного чувства неуверенности, пока...

— Со мной все в порядке, мама,— перебил ее мальчик.

— Конечно, конечно, милый.— Женщина не сводила глаз с Дейсейна.

— Я никому намеренно не причиню зла,— твердо заявил Пити.

— Конечно, любимый.

Дейсейн вздохнул.

— Я прошел испытания,— продолжал мальчик.— Я не как папа.

— М-м-м,— промычал в ответ мужчина.

Дейсейну казалось, что он сам сейчас заплачет.

— Вы ведь ничего не скажете, не так ли? — с мольбой в голосе повторила свой вопрос женщина.

«Вот какой замечательной работой предстоит ему заниматься здесь в долине,— подумал Дейсейн.— Работать в клинике Паже... а пациенты — дети и молодежь. И, конечно, она связана с Джасперсом.

— Они отправят меня назад? — спросил Пити. В его голосе звучали нотки страха.

— Доктор Дейсейн, прошу вас...— умоляюще начала женщина, но Дейсейн перебил ее:

— Да, это был несчастный случай.— Он знал, что на самом деле было не так. И женщина знала это. Стрела должна была убить его. Дейсейн продолжал: — Наверное, вам лучше на некоторое время убрать лук и стрелы подальше от него.

— О, не беспокойтесь насчет этого,— заверила его женщина. Она не скрывала своего облегчения.

На шоссе перед въездом в лагерь остановилась какая-то машина.

— А вот и Джим,— сказала женщина и повернулась. При этом ее сумка качнулась в сторону Дейсейна, и тот почувствовал сильный аромат Джаспера, шедший от нее.

Мабель Йорик повернула в его сторону голову.

— Я хочу поблагодарить вас за проявленное вами понимание,— сказала она.— Если есть что-нибудь...— Она замолчала, увидев, что внимание Дейсейна привлекла сумка.— Держу пари, вы учуяли запах кофе,— произнесла она.— Хотите?

Дейсейн вдруг понял, что не может не кивнуть, соглашаясь.

— Так, одну секунду.— Женщина поставила сумку перед собой.— Термос почти полон. Я отпила лишь одну чашку, когда мы охотились у пруда. Правда, пролила большую часть кофе на землю. Пити, беги вперед и помоги своему папочке залезть в машину.

— Хорошо, мама. Спокойной ночи, доктор Дейсейн.

Дейсейн не мог отвести завороченного взгляда от рук женщины, достававшей сверкающий металлический термос из сумки.

— Возьмите термос,— предложила женщина и протянула его Дейсейну.— Вы вернете его, когда вернетесь в город. Мы живем всего за пол квартала от клиники на Салмон Вэй.

Пальцы Дейсейна сами собой обхватили шероховатые бока термоса. Его забила дрожь.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — спросила женщина.

— Я... наверное, это последствия... пережитого шока,— ответил Дейсейн.

— Конечно. Мне очень жаль.— Она прошла за спину Дейсейна к грузовику и выдернула стрелу из стенки кузова.— Я хочу отдать ее Пити как напоминание о том, что ему необходимо быть осторожным.

Дейсейн, оторвав взгляд от термоса, перевел его на песчаную дорогу. Пити и его отец прошли уже полпути до шоссе. Впереди ослепительно сияли фары машины. Один раз прозвучал звуковой сигнал.

— Если вы уверены, что с вами все в порядке,— начала женщина,— тогда я пойду.— Она посмотрела на грузовик, потом еще раз на Дейсейна.— Если есть что-нибудь, что мы могли бы...

— Я... верну термос вам, как только смогу,— поторопился заверить Дейсейн.

— О, не стоит спешить; такая спешка вовсе ни к чему.— Женщина плотнее закуталась в свой плащ и зашагала в сторону шоссе. Примерно через двадцать шагов она

остановилась и повернулась. — Вы поступили очень благо-
родно, доктор Дейсейн. Я никогда не забуду этого.

Дейсейн подождал, пока машина не направилась в сто-
рону города, и не успела она еще скрыться из виду, как он
уже оказался в кузове грузовика, открутил крышку тер-
моса и налил себе чашку горячего кофе.

Когда он поднял чашку, руки его дрожали.

Он забыл обо всем, поглощенный только одним — этой
чашкой, этим сильным ароматом Джасперса, который оку-
тывал его. Он с жадностью выпил чашку.

Ему показалось, словно какие-то согревающие лучи
распространяются по всему телу из одной точки в желудке.
Он ощупью добрался до скамейки и закутался в спальный
мешок. Он почувствовал себя полностью отрешенным, вре-
менно живущим существом. Его сознание как бы оказалось
заключенным в раскаленных сетях.

Это было царство ужаса и страха. Дейсейн пытался
вывернуться из этих сетей, но те крепко держали его.
«Куда же делось то его «я», каким он однажды уже
был? — подумал Дейсейн. Он пытался зацепиться за это
«я», которое было уже знакомо ему и которое он мог
узнать. Но сама мысль об этом ускользала от него, превра-
щалась в какой-то звуковой символ, который он интерпре-
тировал как бездействие ума.

На один крошечный миг ему показалось, что он встал
на твердую почву, ухватился за стержень относительной
истины, он которой он мог отталкиваться, принимать
решение и оправдывать все свои предыдущие действия.
Его глаза широко раскрылись. В смутном отраженном
свете луны и звезд он увидел нечто, сверкающее на стенке,
и узнал наконечник стрелы Пити.

Вот она, эта относительная истина, — наконечник стре-
лы. То она является, то так же неожиданно исчезает.

«Все появляющееся на свет затем исчезает», — сказал
он себе.

И тогда он почувствовал, как что-то зашевелилось
внутри его сознания, то древнее существо, все еще пре-
бывающее там и пожирающее его разум. «Сон», — сказал
себе Дейсейн. Внутри него, в какой-то не имевшей конца
сфере спал «человек», он лежал на ее поверхности и не
хотел просыпаться.

Дейсейн спал.

На рассвете солнце разбудило его. Кофе в термосе остыл и потерял свой вкус Джаспера. Но все равно он выпил его, чтобы избавиться от ощущения сухости в горле.

«Тут должно быть какое-то место, вроде школы,— подумал он.— Школа-интернат... где родителям отведены определенные часы для посещения. Но этот интернат имеет свои отличия от всех других школ. И должны быть другие отличия, помимо школы».

Дейсейн устался на термос. В нем кофе уже не осталось. Дейсейн еще ощущал горький привкус его содержимого — напоминание о его слабости, которой он поддался ночью. Джасперс погрузил его в кошмары. Он вспомнил, что ему приснились стеклянные дома, стены которых внезапно треснули и рухнули на него. Он пронзительно закричал...

«Здание из стекла,— подумал он.— Теплицы».

Он услышал звук приближающейся машины и прыгнул на песок в прохладе утреннего воздуха. К лагерю по ухабистой дороге приближался зеленый «шевроле». Он показался ему знакомым. Дейсейн решил, что это либо машина Джерси Хофстеддера, либо ее двойник.

А потом он увидел крупную седовласую женщину, управлявшую автомобилем, и узнал ее — да, это была мать Сэма Шелера — Клара, занимавшаяся продажей автомобилей.

Она остановилась рядом с Дейсейном и, выйдя из машины, подошла к нему.

— Мне сказали, где вы, и, ей богу, это так! — сказала она.

Клара Шелер стояла перед Дейсейном, в руках у нее была накрытая тарелка.

Дейсейн посмотрел на автомобиль.

— Вы приехали сюда, чтобы снова попытаться продать мне эту машину? — спросил он.

— Машину? — Она бросила на автомобиль такой взгляд; словно он только что появился здесь после какого-то волшебства.— Ах да, машина Джерси. У нас еще будет много времени, чтобы поговорить об этом... позже. Я привезла вам немного вот этого — чтобы опохмелиться.

Дейсейн не знал, что и делать. Почему она должна была привезти ему что-нибудь?

— Пити,— мой внук,— сообщила она.— Мабель, моя дочь, сказала, как благородно вы вели себя этой ночью.— Она взглянула на обломок стрелы, торчавшей в стенке кузова грузовика Дейсейна, потом снова посмотрела на Дейсейна.— Тут мне пришло в голову, что, возможно, вся ваша проблема в том, что вы еще не осознали, насколько же мы заинтересованы в вас, в том, чтобы вы стали одним из нас. Поэтому я привезла вам жареного мяса под соусом — в нем много Джасперса.

Она протянула ему тарелку.

— Давайте, ешьте это,— сказала она.— Этого хватит вам на весь день.

«Я не должен делать это»,— подумал Дейсейн.

Но это было бессмысленно. Эта женщина просто по характеру своему была доброй, заботливой... Бабушка Пити. При мысли о мальчике он вспомнил о едва не случившемся с ним несчастном случае.

«Школа... наблюдение... Джасперс...»

Его внимание привлек собачий нос, высунувшийся из окна зеленого «шевроле». Старый колли с серым намордником, вскарабкавшись на переднее сиденье, спрыгнул на песок. Он приближался не спеша — давали знать о себе прожитые годы — и принялся обнюхивать туфли Клары.

Хозяйка опустила руку и потрепала его голову.

— Я привезла Джимбо,— сказала она.— Он уже редко бывает на улице. Ему около тридцати пяти лет, и мне кажется, его глаза уже слепнут.— Клара выпрямилась и кивнула в сторону тарелки, которую держал в руках Дейсейн.— Давайте же, ешьте.

Но Дейсейн был поражен тем, что только что узнал. Тридцать пять лет? Да по человеческим меркам это равнялось ста годам! Он поставил тарелку на ступеньки грузовика, наклонился и пристально посмотрел на пса. Джимбо. Его глаза уже слепнут, сказала она, но в них он видел ту же самую вызванную Джасперсом направленность, которую он замечал во всех сантарожанцах.

— Вы любите собак? — спросила Клара Шелер.

Дейсейн кивнул.

— А ему действительно тридцать пять лет?

— Тридцать шесть стукнет весной... если он доживет.

Джимбо захромал к Дейсейну, поднял морду в сером наморднике к его лицу и повел носом. По всей видимости, удовлетворенный, он свернулся клубком у ступенек грузовика, вздохнул и посмотрел куда-то вдаль в сторону песчаных холмов.

— Так вы будете есть или нет? — спросила Клара.

— Позже, — ответил Дейсейн. Он вспомнил, каким автомобиль Джерси Хофстеддера представлялся в его мыслях — ключом к разгадке тайны Сантароги. «Действительно ли все дело в этой машине? — спросил он себя. — Или же машина — просто некий символ? Что же важнее — машина или символ?»

Заметив его интерес к автомобилю, Клара произнесла:

— Если вы хотите купить эту машину, то цена прежняя — 650 долларов.

— Мне бы хотелось проехаться на ней, — сказал Дейсейн.

— Прямо сейчас?

— Почему бы и нет?

Клара взглянула на тарелку, стоявшую на ступеньках грузовика, и ответила:

— Мясо остынет... и вкус Джасперса исчезнет, понимаете.

— Я уже выпил ночью кофе, который мне оставила ваша дочь, — сказал Дейсейн.

— Без... каких-либо последствий?

Вполне уместный вопрос. Дейсейн вдруг поймал себя на том, что пытается разобраться в своих ощущениях: ушиб головы уже не беспокоил его, боль в плече почти исчезла... где-то внутри еще не утих гнев, вызванный поступком Пити — но нет на свете ничего, что не могло быть излечено временем.

— Я чувствую себя превосходно.

— Ну вот! Все вы ходите вокруг да около, — заметила Клара. — Дженни предупреждала меня об этом. Ладно. — Она указала рукой на зеленый «шевроле». Давайте совершим круг по шоссе и вернемся обратно. Вы будете за рулем.

Она забралась на правое сиденье и закрыла дверь.

Собака подняла голову.

— А ты, Джимбо, останешься здесь, — сказала Клара. — Мы не задержимся.

Дейсейн обошел автомобиль и сел за руль. Сиденье, казалось, было специально приспособлено для его спины.

— Удобно, верно? — спросила Клара.

Дейсейн кивнул. У него возникло странное чувство deja vu, словно бы он уже водил раньше эту машину. Это ощущение передавалось от его рук, лежавших на руле. Двигатель мурлыкал, словно живой, когда он его завел. Дейсейн развернул автомобиль, перебрался через колею и поехал по песчаной дороге к шоссе, потом свернул направо, в направлении от города.

Легкое прикосновение к акселератору, и старый «шевроле» рванул вперед: пятьдесят миль в час... шестьдесят... семьдесят. Дейсейн снизил скорость до шестидесяти пяти. Ему казалось, что он управляет каким-то спортивным автомобилем.

— У него специальный гидравлический привод, — заметила Клара. — Чертовски хорош на поворотах. Разве это не отличная машина?

Дейсейн нажал на тормоза — машина мгновенно и бесшумно остановилась, ее нисколько не занесло в сторону — выглядело все так, словно она ехала по какой-то прямой колее.

— Сейчас этот автомобиль находится в лучшем состоянии, чем в тот день, когда его собрали на заводе, — заметила Клара.

Дейсейн молча согласился с ней. Управлять «шевроле» было одно удовольствие. Ему понравился запах кожи в салоне машины. Сделанный вручную приборный щиток из дерева отсвечивал матовым блеском. Он не отвлекал внимание — просто группа из нескольких приборов, расположенных на такой высоте, чтобы можно было легко прочесть их показания, не отрывая надолго взгляда от дороги.

— Обратите внимание, как он прикрепил щиток с этой стороны, — сказала Клара. — Всего около четырех сантиметров, а под ним — тонкая металлическая планка. Он укоротил руль примерно на треть и придал ему дугобразную форму. Если случится столкновение с какой-нибудь другой машиной, то руль не проткнет грудную клетку водителю. Джерси начал создавать безопасные автомобили еще до того, как в Детройте услышали это слово.

Увидев у поворота расширяющийся участок дороги, Дейсейн притормозил, свернул туда, а потом дал обратный

ход. И понял, что эта машина должна стать его. Все было именно так, как говорила эта женщина.

— Вот что я вам скажу,— продолжала Клара.— Я вернусь в город и привезу эту машину к дому Дока. А позднее мы обсудим детали сделки. Больших сложностей я не предвижу, хотя я не смогу дать вам много за эту рухлядь — ваш грузовик.

— Я... не знаю, чем я смогу расплатиться,— сказал Дейсейн.— Но...

— Ни слова больше. Что-нибудь придумаем.

Показался въезд на стоянку. Дейсейн притормозил, свернул на колею, переключив скорость на вторую передачу.

— Вообще-то вам следует пристегиваться ремнем безопасности,— заметила Клара.— Я заметила, что вы...— Она умолкла, когда Дейсейн остановился рядом с грузовиком.— С Джимбо что-то случилось! — воскликнула она, торопливо выбралась из машины и побежала к псу.

Дейсейн выключил зажигание, выпрыгнул из машины и обжег вокруг.

Собака лежала на спине, с уже одеревеневшими лапами, вытянутыми вперед, и запрокинутой шеей, из открытой пасти вывалился язык.

— Он мертв! — воскликнула Клара.— Джимбо мертв!

Внимание Дейсейна привлекла тарелка, стоявшая на ступеньках. Ее крышка была отброшена в сторону. Рядом с крышкой валялись остатки пищи — пес пробовал содержимое тарелки. Дейсейн снова посмотрел на собаку. Вокруг Джимбо на песке была когтями нацарапана линия.

Внезапно Дейсейн наклонился к тарелке и понюхал ее. Наряду с сильным резким запахом Джасперса он почувствовал и горький аромат другого вещества.

— Цианистый калий? — спросил он. Потом обвиняюще посмотрел на Клару Шелер.

Та уставилась на тарелку.

— Цианистый калий? — повторила она непонимающе.

— Вы пытались убить меня!

Клара подняла тарелку и понюхала ее. Ее лицо побледнело. Она повернулась и уставилась на Дейсейна округлившимися глазами.

— О Господи! Хлорная известь! — воскликнула Клара. Выпустив тарелку, она обернулась и бросилась к машине прежде, чем Дейсейн успел остановить ее. Включился дви-

гатель «шевроле», машина развернулась, подняв столб песка, и рванула по песчаной дороге в сторону шоссе. Сделав широкий поворот, машина понеслась по шоссе в направлении города.

Дейсейн смотрел вслед удаляющейся машины.

«Она пыталась убить меня,— подумал он.— Цианистый калий. Хлорная известь».

Однако он не мог выкинуть из памяти ее побледневшее лицо, удивление в округлившихся глазах, столь же подлинное, как и испытанный им шок. Хлорная известь. Он посмотрел на мертвого пса. Оставила бы она тарелку рядом с собакой, если бы знала о том, что мясо отравлено? Вряд ли. Тогда почему она так стремительно уехала?

Хлорная известь.

Дейсейн вдруг понял, в чем дело: в ее доме оставалась отравленная еда. Она спешила домой, пока беда не случилась еще с кем-нибудь.

«А я не съел это жареное мясо,— подумал Дейсейн.

Несчастный случай... еще один несчастный смертельный случай».

Он отпихнул в сторону упавшую тарелку, оттащил подальше труп собаки и сел за руль грузовика. После ровного, едва слышного мурлыканья двигателя машины Джерси пыхтение и дребезжание в грузовике производило угнетающее впечатление. Дейсейн осторожно вывел его на шоссе и направился в сторону города.

«Несчастный случай»,— подумал он.

В голову пришла одна мысль, но ему было трудно принять ее — в ней было слишком много от Холмезиана: «...после того, как вы исключаете невозможное, то остающееся, каким бы невероятным оно ни казалось, должно быть правдой».

Дженни пронзительно крикнула ему: «Не подходи! Я люблю тебя».

Вот что было главным — она действительно любила его. Поэтому он должен был держаться подальше от нее.

На некоторое время.

Он достиг развилки и свернул направо, где, согласно указателю, находились теплицы.

Дорога вела к мосту над рекой — старомодному, увенчанному посередине короной... под колесами скрипели толстые доски. Река пенилась и накатывалась на отшлифованные камни под мостом.

Дейсейн сбавил скорость у противоположного конца моста, внезапно почувствовав приближение опасности, а подобным предупреждениям он уже научился доверять.

Дальше дорога тянулась вдоль правого берега. Машина медленно ехала по дороге, и он, бросив взгляд вверх по течению реки, в сторону моста, заметил, что река скрывается там в зарослях ив.

Внезапно Дейсейн подумал о реке, как о существе, скользящем по земле и тихо подкрадывающейся, у него возник образ жидкой змеи, ядовитой и полной энергии зла. В ней сосредоточилась какая-то злоба. И ее шум — она насмеялась над ним!

Дейсейн облегченно вздохнул, когда дорога свернула в сторону от реки и, извиваясь между двух невысоких холмов, спустилась в небольшую долину. Среди деревьев мелькало стекло, за которым сверкала зелень, занимавшая намного большую площадь, чем он ожидал.

Дорога закончилась асфальтированной стоянкой перед длинным каменным строением. Вверх по склону холма рядом с теплицами рядами расположилось еще несколько каменных зданий — с черепичными крышами, занавешенными окнами.

На стоянке находилось огромное количество машин, и это показалось Дейсейну любопытным — машин было не меньше сотни.

И он видел множество людей — мужчин, ходивших между теплицами, женщин, быстро сновавших взад-вперед, какие-то фигуры, одетые в белые халаты за стеклянными стенами.

Дейсейн подъехал к ряду машин и начал выискивать, где бы припарковаться. У дальнего конца длинного каменного здания он обнаружил свободное пространство, заехал туда и начал осматриваться.

Дейсейн услышал какое-то монотонное пение.

Он повернулся в сторону этого звука — он шел от рядов строений, находившихся за теплицами. В поле зрения появилась группа детей, марширующая по дорожке, протянувшейся между зданиями. В руках они несли корзины. Их сопровождало трое взрослых. Дети в ритм шагов хором повторяли какую-то считалку. Вскоре они исчезли из виду, скрывшись за теплицами.

Что-то оборвалось внутри Дейсейна.

Слева раздались чьи-то шаги. Повернув голову, Дейсейн увидел Паже, шедшего вдоль ряда стоявших машин в его направлении. Неуклюжесть его громадной фигуры подчеркивалась белым халатом. Шляпы на нем не было, и ветер растрепал его волосы.

Паже свернул на свободное пространство, где стояла машина Дейсейна, остановился и заглянул в открытое окно грузовика.

— Ну вот, — произнес он, — все, как Дженни говорила: вы вернулись.

Дейсейн покачал головой. Сказанное Паже что-то означало, но смысл этих слов не доходил до сознания Дейсейна. Он провел языком по губам.

— Что?

Паже нахмурился.

— Дженни все предвидела. Она сказала, что вы, скорее всего, приедете сюда. — Казалось, что он говорит это, прикладывая большие усилия.

«Прибытие», — подумал Дейсейн.

Так они называют это — воздерживаясь от поспешных суждений — просто для обозначения происходящего. Он внимательно посмотрел на широкое добродушное лицо Паже.

— Я видел детей, — сказал Дейсейн.

— А чего вы ожидали?

Дейсейн пожал плечами.

— Вы собираетесь выкинуть меня из долины?

— Эл Марден говорит, что тот, кто покидает Сантарогу, заболевает лихорадкой, — ответил Паже. — А те, кто остаются под наблюдением, извлекают из этого пользу.

— Считайте, что я — в числе последних, — сказал Дейсейн, улыбнулся и открыл дверцу грузовика.

— Поехали, — сказал Паже.

Дейсейн, вспомнив о реке, помедлил. Он вспомнил о разорванном ковре в коридоре гостиницы, газовую струю, озеро, стрелу... хлорную известь. Он вспомнил Дженни, убегающую от него... «Не подходи! Я люблю тебя!»

— Поехали же, — повторил Паже.

Все еще пребывая в нерешительности, Дейсейн спросил:

— Почему детей держат здесь?

— Мы должны делать акцент на внешних проявлениях детства,— ответил Паже.— Да, это жестоко, но естественно — здесь выращивается еда,— он обвел рукой теплицы.— Здесь они получают образование. Здесь есть электроэнергия. Ничто не расточается зря. У детей нет неудовлетворенных желаний.

И снова Дейсейн встряхнул головой. «Что-то не могу понять его».

«Делать акцент на внешних проявлениях детства».

Это походило на монолог шизофреника, и он вспомнил случайно подслушанный им разговор пары молодых сантарожанцев в «Голубой овце».

«Как можно кому-либо слышать закат?»

— Вы говорите не на английском,— пожаловался Дейсейн.

— Нет, на английском,— возразил Паже.

— Но ведь...

— Дженни говорит, что вы все поймете.— Паже с задумчивым видом поскреб по щеке.— Тренируйтесь, Дейсейн.— Снова показалось, что он говорит с огромным трудом.— Куда делось ваше *Weltanschauung**? У вас же широкий взгляд на вещи? Целое больше, чем сумма частей. Что это такое?

Паже широко обвел рукой, как бы охватывая не только всю эту долину с комплексом теплиц, но также всю планету, всю Вселенную, простиравшуюся за ней.

У Дейсейна пересохло в горле. Этот человек спятил!

— У вас же есть опыт переживания, который дает Джасперс,— продолжал Паже.— Попробуйте усвоить его. Дженни говорит, что вы легко сможете сделать это. А она редко ошибается.

Чувство, сдавившее Дейсейну грудь, превратилось в боль. В голове мелькали беспорядочные и лишённые смысла мысли.

Суровым голосом Паже произнес:

— Лишь примерно для одного из пятисот Джасперс оказывается не в состоянии...— Он распростер руки ладонями вверх.— Вы не относитесь к числу этих нескольких. Могу утверждать это. Вы станете человеком с раскрепощённым сознанием.

* *Weltanschauung* — по-немецки: мировоззрение.

Дейсейн взглянул на какое-то здание, торопящихся мимо людей. Все двигались быстро и целенаправленно. Словно бы в каком-то танце пчел — их движение должно было направить его мысли в каком-то направлении. Но что-то мешало ему.

— Попытаюсь облечь это в слова внешнего мира,— продолжал Паже.— Возможно, тогда...— Он пожал плечами, оперся о дверцу, наклоня широкое лицо поближе к Дейсейну.— Мы просеиваем семена реальности через фильтры идей. Мыслеформы ограничены языком. Другими словами: язык формирует русло, в котором двигаются наши мысли. Если мы ищем новые формы действительности, то мы должны отказаться от языка.

— Какое это имеет отношение к детям? — Дейсейн кивнул в сторону теплиц.

— Дейсейн! Мы с вами имеем обычный инстинктивный опыт. Что происходит в психике несформировавшегося человека? Как индивидуальности, как представителя отдельных культур и обществ, мы, люди, повторяем каждый аспект инстинктивной жизни, являвшийся неотъемлемой частью существования человечества как вида в течение бесчисленных поколений. С Джасперсом этот связывающий элемент нам уже не нужен. Так что, соединять это с жестокостью детства? Нет! Тогда мы получим насилие, хаос. У нас не будет общества. Как это просто, верно? Мы должны перенести ограничивающий свободу порядок на врожденные свойства нашей нервной системы. У нас должны быть общие интересы.

Дейсейн почувствовал, как его захватывают эти идеи, и попытался понять благодаря им смысл фраз, сказанных Паже раньше. «Делать акцент на внешних проявлениях детства»? «Широкий взгляд на вещи»?

— Мы должны удовлетворить потребности отдельных индивидуумов в выживании,— продолжал Паже.— Мы знаем, что внешний мир со всей его цивилизацией, культурой и обществом умирает. Они действительно умирают, вы ведь видите это. И сейчас, когда это вот-вот случится, от родительского тела отрываются частички. Эти частички обретают свободу, Дейсейн. Наш скальпель — это и есть Джасперс. Подумайте над этим! Вы ведь жили там. Это Виргилиева осень... сумерки цивилизации.

Паже отодвинулся от Дейсейна и внимательно посмотрел на того.

Дейсейна же очаровали слова доктора. В этом человеке сохранилась некая сущность, не поддающаяся действию времени — могущественная, накладывающая свой отпечаток на все окружающее. Над воротником белого халата вздымалась египетской формы голова, выдававшиеся скулы, нос времен Моисея. Белые ровные зубы виднелись меж тонкими губами...

Появившаяся на губах Паже улыбка выражала непоколебимое упрямство человека, которого невозможно в чем-либо переубедить. Его взгляд с восхищением скользил по местности, охватывая теплицы и людей, сновавших вокруг.

И в этот момент Дейсейн понял, для чего он был послан сюда. Не просто для того, чтобы составить отчет по рыночной экономике Сантароги. Марден был прав в своих предположениях. Он здесь для того, чтобы сломать эту систему, уничтожить ее.

Вот здесь происходит обучение детей сантарожанцев. Детский труд. Паже, похоже, ничуть не волновало, сколько тайн откроется здесь перед Дейсейном.

— Поехали,— сказал Паже.— Я вам покажу нашу школу.

Дейсейн покачал головой. Что может случиться с ним там? Случайный толчок в окно? Неожиданный удар в спину, нанесенный ребенком?

— Я... мне нужно подумать обо всем увиденном,— произнес Дейсейн.

— Вы уверены? — Слова Паже прозвучали как вызов.

Дейсейн подумал о неприступном аббатстве средневековья, воинах-монахах, которые разительно напоминали Паже и его долину в своей уверенности, позволявшей им бросить вызов внешнему миру. «Но в самом ли деле они имеют эту уверенность? — спросил он себя.— Или же они актеры, загипнотизированные действием представления, которое разыгрывают?»

— Вы просто плыли по течению,— заметил Паже.— Вы никогда не боролись ни с чем. У вас даже не развит тот наивный взгляд на вещи, который позволяет видеть Вселенную, не замутненную всяким философским хламом прошлого. Вас запрограммировали и послали сюда сломать нашу систему.

Дейсейн побледнел.

— Запрограммированность означает предубежденность,— продолжал Паже.— Потому что предубежден-

ность подразумевает отбор и отталкивание от себя мыслей, а это и есть запрограммированность. — Он вздохнул. — Мы с вами возимся только из-за нашей Дженни.

— Я прибыл сюда с чистой совестью и открытой душой, — сказал Дейсейн.

— Без предубеждения? — Паже поднял глаза.

— Значит, вы соперничаете с... группами из внешнего мира, доказывая, чей путь правилен...

— Соперничаете — это слишком мягко сказано, Дейсейн, — перебил Паже. — Сейчас ведется гигантская битва за право контроля над человеческим сознанием. А мы — здоровая клетка, окруженная больными. На карту поставлены не человеческие разумы, а их сознание, способность понимать происходящее. Это не борьба за рынки сбыта. Не заблуждайтесь на этот счет. Это борьба за то, что считается самым ценным в нашей Вселенной. Там, во внешнем мире, ценностью считают то, что можно измерить, подсчитать или составить в виде таблиц. Здесь же мы пользуемся другими стандартами.

Дейсейн почувствовал угрозу в словах Паже. Маска притворства была сброшена. Доктор обозначил стороны в этой войне, и Дейсейну показалось, что он оказался между этих воюющих сторон. Он понял, что никогда раньше не оказывался в более опасном положении. Паже и его друзья контролировали эту долину. Инсценировать несчастный случай для них не составляло никакого труда.

— Нанявшие меня люди, — начал Дейсейн, — считают...

— Люди! — фыркнул презрительно Паже. — Они там... — он указал рукой за холмы, которые окружали долину, — уничтожают среду обитания. Они превращаются в нелюдей, уничтожая природу! Вот мы — люди! — Он ударил себя в грудь. — Они же — нет. Природа — она общая, для всех. Радикальные изменения в среде обитания означают, что ее обитателям тоже придется измениться, чтобы выжить. Нелюди во внешнем мире изменяются, чтобы выжить.

Дейсейн удивленно уставился на Паже. Да, конечно, так оно и есть. Сантарожанцы — консерваторы... они не изменяют свой образ жизни. Он сам тому свидетель. Но Дейсейна отталкивала его фанатичность, религиозный пыл. Итак, ведется битва за человеческие разумы...

— Вы, наверное, говорите себе,— начал Паже,— что у этих придурков-сантарожанцев есть некая воздействующая на психику эссенция, которая превращает их в нелюдей.

Эти слова настолько напоминали его мысли, что Дейсейн замер в страхе. Неужели они способны читать мысли? Может, это побочный эффект действия эссенции Джаспера?

— Вы сравниваете нас с неумытыми, неотесанными потребителями ЛСД,— продолжал Паже.— Чудаки, говорите вы. Но вы сами подобны им — не способны понимать происходящее. А мы все осознаем. Мы воистину освободили свой мозг от всяких оков. У нас сильнодействующие лекарства. Это всего-навсего виски, водка, аспирин и табак... и, ах да, ЛСД — вот они, наши самые сильнодействующие лекарства. Но вы должны заметить разницу. Виски и другие депрессанты делают субъекта послушным. Наши лекарства освобождают человека от животных инстинктов, подавить которые никогда не удавалось... до последнего времени.

Дейсейн взглянул на теплицы.

— Да,— произнес Паже.— Посмотрите туда. Именно здесь мы подавляем животное начало в человеке.

Потрясенный тем, что услышал, Дейсейн вдруг осознал, что теперь ему не позволят покинуть долину. О возвращении теперь не могло быть и речи. В том состоянии, в котором сейчас пребывал его разум, для сантарожанцев был только один выход: убить его. Все дело было лишь в том, поняли ли они это? Принимают ли они подобные решения сознательно? Или же они действительно действуют на уровне инстинктов?

Дейсейн понимал: если он преодолееет душевный кризис, он найдет выход. «Есть ли возможность избежать смерти?» — спросил он себя. Пока он размышлял, не зная, что же ему делать, Паже обошел вокруг грузовика и забрался на сиденье рядом с Дейсейном.

— Раз вы не хотите ехать со мной,— сказал он,— то я поеду с вами.

— Вы поедете со мной?

— К моему дому, клинике.— Он повернулся лицом к Дейсейну и внимательно посмотрел на того.— Я люблю свою племянницу, понимаете? И я не хочу, чтобы она страдала, если в моих силах предотвратить это.

— А если я откажусь?

— Ах, Джилберт, да вы заставите рыдать даже ангела. А мы не хотим рыдать, ясно? Мы не хотим, чтобы Дженни плакала. Неужели вам наплевать на нее?

— Меня кое-что тревожит в...

— Когда начинается тревога, заканчиваются расспросы. У вас тяжелая голова, Джилберт. А тяжелая голова вызывает боль в спине. Давайте поедem в клинику.

— И какого же рода смертельную ловушку вы устроили мне там?

Паже в ярости устался на него.

— Смертельную ловушку?

Стараясь говорить как можно более рассудительным тоном, Дейсейн произнес:

— Вы пытаетесь убить меня. Не отрицайте это. Я...

— Вы омерзительны, Джилберт. Когда это мы пытались убить вас?

Дейсейн глубоко вздохнул, поднял правую руку и начал загибать пальцы, перечисляя несчастные случаи, которые едва не произошли с ним, пока его пальцы не сжались в кулак. Он не упомянул только об инциденте с Пити Йориком... и то — лишь потому, что обещал это.

— Несчастные случаи! — воскликнул Паже.

— Мы оба знаем, — возразил Дейсейн, — что в вашей долине очень редко происходят настоящие несчастные случаи. Большинство происшествий, которые мы называем несчастными случаями, на самом деле бессознательное насилие. Вы вот сказали, что у вас раскрепощенное сознание. Так воспользуйтесь им.

— Тьфу! Ваши мысли подобны замутненной воде!

— Так пусть эта замутненная вода успокоится и вся муть осядет! — заметил Дейсейн.

— Вы ведь не способны быть серьезным. — Паже бросил пронзительный взгляд на Дейсейна. — Впрочем, вы всегда такой. — Он закрыл глаза на мгновение, потом открыл их. — Ладно, а поверите ли вы Дженни?

«Не подходи ко мне! Я люблю тебя!» — вспомнил Дейсейн.

— Что ж, едем в вашу клинику, — сказал Дейсейн. Он завел двигатель, развернулся и направился в сторону города.

— Пытаться убить вас, — пробормотал Паже. Он смотрел в окно на местность, проносившуюся мимо грузовика.

Дейсейн вел машину молча... погруженный в раздумья. В его голове снова стали возникать былые фантастические картины. Дженни и ее долина! Она опутывала его своей аурой — постепенно сводя его с ума! Но эти картины начали проясняться, в них появлялась логика — логика жителей Сантароги.

— Так, значит, не каждый может воспользоваться вашим... сильнодействующим лекарством? — спросил Дейсейн. — Что же случается с теми, кто терпит неудачу?

— Нас тревожит собственная судьба, — проворчал Паже. — Вот почему я все еще продолжаю надеяться, что вы останетесь.

— Дженни — опытный психолог. Почему вы не используете ее?

— У нее свои обязанности.

— Я собираюсь попросить Дженни уехать вместе со мной, — сказал Дейсейн. — Вы ведь знаете это, не так ли? Паже фыркнул.

— Она сумеет вырваться из зависимости от вашего... Джаспера, — продолжал Дейсейн. — Мужчины ведь отправляются отсюда на воинскую службу. Они должны...

— Они всегда возвращаются домой, когда отслужат срок службы, — перебил его Паже. — Об этом упоминается среди ваших записей. Неужели вы еще не поняли, насколько они чувствуют себя несчастными во внешнем мире? — Он повернулся к Дейсейну. — Именно это вы и хотите предложить Дженни?

— Не могут же все, кто покидает долину, быть несчастными, — произнес Дейсейн недоверчиво. — В ином случае ваши умные головы нашли бы другое решение.

— Гм-м! — фыркнул Паже. — А ведь вы не выполнили даже то задание, которое поставили перед вами те, кто нанял вас. — Он вздохнул. — Вот что я вам скажу, Джилберт. Большинство из наших призывников не в состоянии нести воинскую службу из-за сильной аллергии к пище, где отсутствуют периодические добавки Джаспера. Только здесь они могут получить их. Приблизительно шесть процентов нашей молодежи отправляются за пределы долины только для выполнения воинского долга перед долиной. Мы не хотим вызвать гнев федеральных властей. У нас заключено политическое соглашение с властями штата, но нас не слишком много, чтобы добиться подоб-

ного соглашения и с правительством Соединенных Штатов.

«Они уже приняли решение насчет меня,— подумал Дейсейн.— Их не беспокоит то, что они мне сообщат».

От этой мысли внутри него снова все оборвалось от страха.

Дейсейн свернул за угол и поехал параллельно реке. Впереди показались заросли ив и длинный крутой спуск к мосту. Дейсейн вспомнил свои мысли о некоем зле, таящемся в реке, нажал на акселератор, чтобы побыстрее оставить позади это место. Грузовик вошел в поворот. По обеим сторонам у дороги были аккуратные насыпи. Стал виден мост. На противоположной стороне дороги стоял желтый грузовик, а рядом какие-то люди пили что-то из металлических стаканчиков.

— Осторожно! — крикнул Паже.

В тот же миг Дейсейн понял, почему желтый грузовик остановился перед въездом на мост: посередине моста зиял огромный провал в том месте, где бригадой ремонтной службы Сантароги был разобран мост. Провал в диаметре составлял не меньше десяти футов.

Грузовик проехал примерно сорок футов за ту секунду, что потребовалось Дейсейну, чтобы осознать опасность.

Лишь теперь он разглядел барьеры длиной в четыре фута и высотой в два, стоявшие поперек каждого из концов моста, с желтыми предупреждающими флажками посередине.

Дейсейн вцепился в руль. Его мозг работал со скоростью компьютера, которую он никогда не подозревал в себе. В результате ему казалось, что время замедлило свой ход — грузовик словно бы почти остановился, пока он обдумывал, что же ему делать...

Нажать на тормоза?

Нет. Тормоза и шины были старыми. На такой скорости грузовик проскользит по мосту до отверстия и свалится вниз в реку.

Свернуть с дороги?

Нет. Он на насыпи, а по обеим сторонам река; они утонут в глубоком русле.

Может, наехать на опоры моста?

Но только не на такой скорости, когда у них даже не застегнуты ремни безопасности.

Нажать на акселератор и увеличить скорость.

Да, это был шанс. Впереди путь преграждали барьеры, но их размеры были всего два на четыре фута. Мост нависал небольшой аркой над рекой. Отверстие зияло посередине. Если он наберет необходимую скорость, то грузовик может перелететь через отверстие.

Дейсейн нажал на акселератор до упора. Старый грузовик увеличил скорость. Раздался треск, когда они врезались в барьер. Под колесами загрохотали доски. Потом последовало мгновение полета, когда внутри у них все оборвалось, а потом приземление на мост, после чего грузовик несколько раз подпрыгнул и с треском врезался во второй барьер у противоположного конца моста.

Дейсейн нажал на тормоза, и машина со скрежетом остановилась напротив работы ремонтников. Время пошло в обычном ритме, когда Дейсейн посмотрел на эту бригаду: пять человек стояло, разинув от удивления рты, с побледневшими лицами.

— О Господи! — выдохнул Паже. — Вы всегда рискуете подобным образом?

— А была ли другая возможность выпутаться нам из этой неприятности? — в свою очередь спросил Дейсейн. Он поднял правую руку и внимательно посмотрел на нее. Рука дрожала.

Паже несколько секунд что-то обдумывал, потом произнес:

— Вы, наверное, выбрали единственную возможность спастись... но если бы вы не ехали так чертовски быстро, не видя...

— Бьюсь об заклад, — перебил его Дейсейн, — не было никакой необходимости проводить здесь ремонтные работы, так что это либо чья-то ошибка, либо же злой умысел.

Дейсейн протянул руку к дверной ручке, но лишь со второй попытки ему удалось ухватиться за нее, а потом, приложив огромные усилия, открыть дверцу. Он выбрался из кабины и едва не рухнул от слабости. Несколько секунд он стоял, глубоко дыша, после чего обошел вокруг грузовика.

Обе фары были разбиты вдребезги, а на решетке и на крыльях образовались глубокие вмятины.

Дейсейн повернулся к рабочим. Один из рабочих — коренастый темноволосый мужчина в клетчатой рубашке и

брезентовых брюках, стоял на шаг впереди остальных. Дейсейн, глядя на него, спросил:

— Почему перед поворотом не поставили знак, предупреждающий о проведении ремонтных работ?

— О Господи! — выдохнул рабочий, покраснев. — Никто не ездит по этой дороге в это время дня.

Дейсейн прошел по дороге к груде досок, грязных и залитых машинным маслом, свидетельствующим о том, что их сняли с моста. Кажется, они были из красного дерева, толщиной в три дюйма и шириной в двенадцать. Он поднял одну из досок за один конец — ни трещин, ни щелей. Когда он ее отпустил, раздался звонкий удар крепкой доски.

Когда он повернулся, рабочий, с которым он разговаривал, направлялся к нему. Сзади в нескольких шагах шел Паже.

— Когда вы получили приказ выполнить эти работы? — спросил Дейсейн.

— Гм-м! — Мужчина остановился и уставился на Дейсейна с выражением удивления на лице.

— Когда вы получили приказ выполнить эти работы? — повторил вопрос Дейсейн.

— Ну... мы решили приехать сюда примерно с час назад. И вообще, какого черта вы спрашиваете? Вы сломали...

— Вы решили? — переспросил Дейсейн. — Вам что, не давали указаний выполнить эти работы?

— Здесь, в долине, мистер, я — старший в дорожной бригаде. Все решаю я один, и вам нечего совать нос в чужие дела.

Подошедший Паже остановился рядом с ремонтником и сказал:

— Доктор Дейсейн, познакомьтесь, это Джош Марден, племянник капитана Мардена.

— Как я вижу, кумовство у вас в почете, — заметил Дейсейн намеренно вежливым тоном. — Я очень любопытен, Джош. Ведь это, кажется, вполне целые доски. Почему же вы решили заменить их?

— Черт побери, какая разни...

— Ответь, Джош, — перебил его Паже. — Признаюсь, меня и самого это удивляет.

Марден посмотрел на Паже, потом снова на Дейсейна.

— Ладно... мы проверили этот мост. Мы время от времени делаем такие проверки. Мы просто решили сделать профилактический ремонт — покласть здесь новые доски, а старые уложить на мост, где не столь интенсивное движение. В этом нет ничего необычного...

— Есть ли в долине какая-нибудь срочная работа, связанная с ремонтом дорог? — спросил Дейсейн. — То есть нет ли какой-нибудь работы, которую вам пришлось бросить, чтобы заняться этой...

— Да послушайте же, мистер! — Марден шагнул к Дейсейну. — Это ведь не вы звонили, чтобы...

— А как насчет старой Мельничной дороги? — спросил Паже. — Ведь там еще не заделаны выбоины на повороте?

— Послушайте, док, — Марден повернулся к Паже. — Вас тоже это не касается. Мы решили...

— Спокойнее, Джош, — перебил его Паже. — Я просто любопытствую. Так как насчет старой Мельничной дороги?

— О док, сегодня такой отличный день, и...

— Так эту работу вам еще предстоит сделать, — констатировал Паже.

— Я выиграл спор! — воскликнул Дейсейн. Он направился к своему грузовику.

Паже пошел за ним следом.

— Эй! — закричал Марден. — Вы нанесли ущерб собственности долины, а когда вы приземлились на доски, вы, вероятно...

Дейсейн оборвал его, не поворачиваясь:

— Вам бы лучше закончить ремонт моста до того, как кто-нибудь другой угодит в беду.

Он сел за руль и закрыл дверцу. Только сейчас он почувствовал, что все его тело напряглось в ярости.

Паже сел рядом с ним. Он с громким стуком захлопнул дверцу.

— Он все еще на ходу? — спросил он.

— Несчастный случай! — воскликнул Дейсейн.

Паже промолчал.

Дейсейн включил двигатель грузовика, довел скорость до тридцати пяти миль в час. Через зеркало заднего обзора он увидел, как бригада уже начала работу на мосту, а один рабочий с сигнальным флагом направлялся к повороту.

Когда после поворота мост скрылся из виду, Дейсейн сосредоточился на дороге. Грузовик тарыхтел все громче, отчетливо слышалась вибрация передних колес.

— Но ведь происходят несчастные случаи,— заметил Паже.— Другого объяснения я не нахожу.

Впереди показался знак «Стоп». Дейсейн притормозил перед тем, как выехать на пустое шоссе. Он свернул направо, в сторону города. Возражения Паже не заслуживали ответа, решил Дейсейн, и потому промолчал.

Они выехали на окраину города. Слева находилась станция техобслуживания Шелера. Дейсейн за станцией остановился и дал назад — к огромному металлическому строению с вывеской «Гараж».

— Что вы собираетесь делать здесь? — спросил Паже.— Эта машина не стоит...

— Я хочу, чтобы ее отремонтировали как следует, чтобы я мог уехать из Сантароги,— ответил Дейсейн.

Двери гаража были открыты. Дейсейн направил грузовик внутрь, остановился и вылез из кабины. Вокруг кипела работа: звенел металл, гудели освещенные ярким светом станки. С обеих сторон протянулись вереницы автомашин, дожидавшихся своей очереди.

Коренастый смуглый мужчина в запачканной белой спецодежде вышел из глубины гаража и остановился перед грузовиком.

— Во что это, черт побери, вы врезались? — спросил он.

Дейсейн узнал одного из четырех картежников, игравших в столовой гостиницы — это был сам Шелер.

— Доктор Паже вам все расскажет,— ответил Дейсейн.— Я хочу, чтобы мне заменили фары. И взгляните, пожалуйста, на рулевое управление.

— Почему бы вам не выбросить эту рухлядь на свалку? — спросил Шеллер.

Хлопнула дверца грузовика, и справа показался Паже.

— Сэм, вы можете отремонтировать грузовик? — спросил он.

— Конечно, но он не стоит того.

— Как бы то ни было, сделайте это, а потом пришлите мне счет. Я не хочу, чтобы наш друг подумал, что мы пытаемся поймать его в ловушку в этой долине.

— Ну, если вы просите, док.

Шелер повернулся и крикнул:

— Билл! Убери с подъемника «линкольн» и поставь этот грузовик. Я тем временем выпишу чек.

Слева наполовину был приподнят автомобиль марки «линкольн-континенталь», частично скрывавший станок, и из-за него вышел молодой мужчина в засаленной голубой спецовке. У него была такая же стать и смуглая кожа, как у Шелера, тот же самый овал лица и живые голубые глаза.

— Это мой сын Билл,— представил его Шелер.— Он займется вашим грузовиком.

Дейсейн, почувствовав укол внезапно нахлынувшего страха, отступил к грузовику. Этот гараж наполнил его тем же ощущением сконцентрированной злобы, которое он испытывал у реки.

Шелер, встав между «линкольном» и старым грузовиком марки «студбейкер», крикнул через плечо:

— Если вы, доктор Дейсейн, распишетесь вот здесь, на этом счету, то мы сразу же приступим к работе.

Дейсейн, сделал два шага в его сторону, потом вдруг остановился в нерешительности. Ему показалось, что гараж смыкается вокруг него со всех сторон.

— Отсюда мы можем пройти пешком в клинику,— сказал Паже.— Сэм позвонит туда, когда будет закончен ремонт.

Дейсейн сделал еще один шаг, потом остановился и посмотрел назад. Молодой Билл Шелер стоял как раз за его спиной. Внутри Дейсейна все кричало об опасности. Он увидел, как Билл дружески протянул ему руку, чтобы провести его между автомобилями. Вне всякого сомнения, это было сделано с добрыми намерениями, что подчеркивало улыбающееся лицо, однако Дейсейн расценил эту руку, как угрозу для себя. С диким криком Дейсейн отпрыгнул в сторону.

Молодой механик потерял равновесие, и, поскольку ему было не за что удержаться, то, подавшись вперед, он споткнулся и упал. В ту же секунду подъемник, на котором стоял «линкольн», рухнул. Дважды он подпрыгнул, потом замер. Половина тела Билла Шелера оказалась под ним. Одна из ног дернулась, а затем затихла.

Из-под машины потекла лужица крови.

Паже, бросившись мимо тела Билла, крикнул Шелеру-старшему, чтобы тот поднял подъемник.

Где-то в глубине гаража гулко застучал компрессор. «Линкольн» дернулся и начал подниматься. Под ним лежал

Билл с разmozженной головой. Узнать его было невозможно.

Дейсейн отвернулся и выбежал из гаража на улицу, где его стошнило.

«А ведь на его месте мог оказаться я,— подумал он.— Ведь это предназначалось для меня». В гараже засуетились люди, где-то вдалеке раздался вой сирены.

Из гаража с бледными лицами вышло двое механиков, поддерживая шатающегося Сэма Шелера.

«Ведь это же его сын»,— подумал Дейсейн. Ему показалось, что в этом скрыт какой-то глубокий смысл, но его пребывавший в шоке разум не мог найти никакого объяснения для подобного предположения.

Он услышал, как один из механиков заметил:

— Это несчастный случай, Сэм. Ты ничего не мог поделать.

Они направились в сторону станции техобслуживания.

Вой сирены стал громче. Дейсейн отошел к краю автостоянки и прислонился к невысокому забору.

Его грузовик, стоявший перед входом в гараж, завезли внутрь.

На стоянку выехала карета «скорой помощи», развернулась и задом заехала в гараж. Вскоре она выехала из него и укатила прочь уже с выключенной сиреной.

Паже вышел из гаража.

Теперь он выглядел подавленным, шел нерешительной походкой — короткими шажками, мягко ступая. Увидев Дейсейна, она приблизилась к нему с некоторой неуверенностью в себе. На правой стороне его белого халата расплылось пятно крови, а полы и левый рукав были испачканы в черной смазке.

Кровь и смазка — это странное сочетание поразило Дейсейна, но они напоминали ему о только что происшедшей трагедии. Он содрогнулся.

— Я... мне необходимо выпить чашку кофе,— сказал Паже. Он на несколько секунд зажмурился, потом открыл глаза и умоляюще уставился на Дейсейна.— За углом находится кафе. Не могли бы вы...— Он умолк и сделал глубокий вздох. Его всего била дрожь.— Я вывел этого мальчика в мир.— Он покачал головой.— И только ты начинаешь считать себя совершенным доктором, не способным реагировать ни на что, лично касающееся тебя...

Дейсейна охватило чувство сострадания к Паже, он отошел от забора и взял доктора за руку.

— Где находится кафе? Я обо всем позабочусь.

Кафе располагалось в узком кирпичном здании, втиснувшемся между хозяйственным магазином и темным небольшим магазинчиком с надписью «Обувь». Когда они вошли, за ними резко захлопнулась занавешенная дверь. Все заведение пропахло паром и вездесущим Джасперсом. Возле стойки слева сидел один из механиков Шелера — в темно-зеленой куртке и белой кепке — и пил кофе. У противоположного конца стойки сидел какой-то седовласый, с мозолистыми руками мужчина в кожаном переднике и ел сандвич.

Дейсейн провел Паже в кабинку напротив стойки и сел лицом к нему.

Служащий со станции техобслуживания у стойки повернулся и взглянул на них. Дейсейн понял, что перед ним еще один из семейства Шелеров — тот же самый разрез голубых глаз, та же самая коренастая фигура и смуглая кожа. Мужчина, глядя на Паже, поздоровался:

— Привет, док. Я слышал сирену.

Паже оторвал взгляд от стола и посмотрел на говорившего. Глаза Паже потеряли свой блеск. Он сделал два вдоха, отвел взгляд в сторону, а потом снова посмотрел на Шелера.

— Гарри,— с хриплым голосом простонал он,— я... не мог...— Он умолк.

Мужчина слез с высокого стула. Его лицо превратилось в бледную застывшую маску.

— Я сидел здесь... и вдруг почувствовал...— Он провел рукой по губам.— Это был... Билл! — Он повернулся и бросился к выходу из кафе. Дверь хлопнула вслед за ним.

— Это второй сын Шелера,— сказал Паже.

— Он знал,— произнес Дейсейн и вспомнил то переживание на озере, когда он чувствовал связь с остальными людьми на пикнике.

«Жизнь существует, погруженная в океан бессознательного,— напомнил он себе.— Благодаря этому лекарству местные люди приобретают способность видеть этот океан».

Паже несколько секунд внимательно разглядывал Дейсейна, потом сказал:

— Конечно, он знал. Вам когда-нибудь удаляли зуб? Разве вы не ощущаете пустоту на том месте, где он когда-то был?

Стройная рыжеволосая женщина в белом переднике подошла к кабинке. Лицо ее выдавало беспокойство.

— Я принесу вам кофе,— сказала она. Она начала поворачиваться, но потом остановилась.— Я... почувствовала это... И Джим, сосед, пришел сюда с заднего входа и сообщил мне все. Я не знала, как рассказать это Гарри. Он просто продолжал сидеть здесь... плечи его опускались все ниже и ниже... Я...— Она пожала плечами.— Может быть, вы хотите еще что-нибудь, кроме кофе?

Паже покачал отрицательно головой. Потрясенный Дейсейн вдруг понял, что доктор на грани истерики.

Официантка ушла и вскоре вернулась с двумя чашками кофе, потом направилась на кухню... не сказав за все время ни слова. Она тоже почувствовала, как переживает Паже.

Дейсейн вздохнул, поднял свою чашку, поднес ее к губам и остановился. Он почувствовал еще какой-то горький аромат, помимо вездесущего запаха Джасперса. Дейсейн принюхался. Горький запах чувствовался явственно. Струйка пара, поднимавшаяся над темной жидкостью, показалась Дейсейну раздувшейся коброй, поднявшей свою голову с ядовитыми зубами для нанесения смертельного удара.

Дрожащими руками он поставил чашку на стол и посмотрел в глаза Паже. Тот вопросительно глядел на него. — В этом кофе яд,— выдал из себя Дейсейн.

Паже посмотрел на свою чашку.

Дейсейн взял у него чашку и принюхал ее. Того горького запаха у нее не было. Он коснулся жидкости языком — она была горячей, он ощутил успокоительное действие Джасперса... кофе...

— Что-то не так?

Дейсейн поднял глаза и увидел официантку, подошедшую к ним.

— В моем кофе яд,— сказал он.

— Чепуха.— Она взяла чашку из рук Дейсейна и собралась было пить из нее, но Паже остановил ее, коснувшись ее руки.

— Нет, Вина,— лучше из этой.— Он дал ей другую чашку.

Официантка внимательно посмотрела на нее, поняла, потом поставила на стол и бросилась на кухню. Вскоре она вернулась с небольшим желтым коробком. Лицо ее было бледным, как мел, на щеках и носу высыпались веснушки, словно отметины какой-то болезни.

— Порошок для травли тараканов,— прошептала она.— Я... содержимое коробки рассыпалось на полке над прилавком. Я...— Она удрученно покачала головой.

Дейсейн посмотрел на Паже, но доктор старался не смотреть на него.

— Еще один несчастный случай! — произнес Дейсейн, стараясь говорить ровным голосом.— Верно, доктор?

Паже облизал губы.

Дейсейн поднялся из-за столика, отталкивая в сторону официантку. Он взял чашку отравленного кофе и медленно вылил его на пол.

— Ведь несчастные случаи происходят, не так ли... Вина?

— Прошу вас,— сказала она.— Я... здесь ни при чем...

— Конечно, вы здесь ни при чем,— перебил ее Дейсейн.

— Вы не понимаете,— сказал Паже.

— Нет, я понимаю,— возразил Дейсейн.— Что же будет в следующий раз? Случайно выстреливший пистолет? А как насчет того, чтобы что-нибудь тяжелое упало мне на голову с крыши? Случайно, разумеется.— Он повернулся и вышел из кафе, потом остановился на тротуаре, чтобы осмотреться.

Такой обычный город. В парке росли такие обычные деревья. Молодая пара, прогуливающаяся по дорожке неподалеку,— тоже такая обычная. Городские звуки — грузовика, ехавшего справа по улице, автомобилей, соек, о чем-то спорящих между собой на верхушке дерева, двух женщин, болтающих на ступеньках дома, находившего слева от него вниз по улице,— все это было так обыкновенно.

Занавешенная дверь хлопнула за его спиной. К нему подошел Паже.

— Я знаю, что вы думаете,— сказал он.

— Неужели?

— Я знаю, как вы себе это все представляете.

— Правда?

— Поверьте мне,— начал Паже,— все это просто ужасная цепочка случайных совпадений, которая...

— Совпадений! — Дейсейн повернулся к нему и окинул его пылающим взглядом.— Доктор, сколько еще вы будете играть роль невинного человека? Как долго вы будете продолжать вдаваться в рациональные объяснения, прежде чем признаете, что...

— Джилберт, я скорее отрубил бы себе правую руку, чем допустил бы, чтобы с вами что-нибудь случилось. Это разбило бы сердце Дженни...

— Так вы и вправду не видите это? — спросил Дейсейн голосом, полным страха.— Да, вы не видите это. Вы не хотите заметить это.

— Доктор Дейсейн?

Голос раздался справа от него. Дейсейн повернулся и увидел Гарри — второго сына Шелера. В руке он держал кепку. Он казался моложе, чем в кафе — не больше девятнадцати. В его движениях была некоторая замедленность, вызванная тяжелой утратой.

— Я хотел...— Гарри запнулся.— Мой отец просил передать вам... Мы знаем, что вы не виноваты, что...— Он посмотрел в глаза Дейсейна; взгляд его молил помочь ему.

Дейсейн почувствовал, как близка ему боль этого молодого человека. Поступок Гарри был вполне уместен и понятен здесь. Даже в минуты горестных переживаний Шелеры нашли время, чтобы попытаться снять камень с души Дейсейна.

«Они считают, что я чувствую себя виновным во всем этом»,— подумал Дейсейн. И то, что он не испытывал подобного чувства, заставило Дейсейна почему-то почувствовать угрызения совести.

«Если бы я не...— он оборвал эту мысль.— Если бы я не... Этот несчастный случай должен был произойти со мной».

— Не беспокойся, Гарри,— сказал Паже.— Мы все понимаем.

— Спасибо, док.— Он с облегчением посмотрел на Паже.— Папа просил передать вам... машина, грузовик доктора Дейсейна... Мы уже заменили фары. Это все, что мы смогли сделать. Рулевое управление... Вам придется ездить медленнее, пока вы не замените всю переднюю ходовую часть.

— Так вы уже все сделали? — спросил Дейсейн.

— Чтобы поставить новые фары, сэр, много времени не требуется.

Дейсейн перевел взгляд с юноши на Паже. Выражение лица доктора говорило красноречивее всех слов: «Они хотят, чтобы вы убрали грузовик оттуда как можно скорее. Он напоминает об...»

Дейсейн кивнул. Да. Грузовик напоминает им о трагедии. Это было ясно. Ни слова не говоря, он направился в гараж.

Паже прибавил шагу и догнал Дейсейна.

— Джилберт,— сказал он,— я настоятельно прошу, чтобы ты пришел к нам домой. Дженни может...

— Настоятельно?

— Вы ведете себя, как упрямый осел, Джилберт.

Дейсейн подавил вспышку гнева и сказал:

— Я желаю Дженни не больше зла, чем вы. Вот почему никто не будет управлять моими действиями, кроме меня самого. Я вообще не хочу, чтобы вы знали, каким будет мой следующий шаг. Я не хочу, чтобы на моем пути меня поджидал кто-то, подготавливая ваш... очередной несчастный случай.

— Джилберт, вы должны выбросить эту мысль из головы! Никто из нас не желает вам зла.

Сейчас они достигли стоянки, расположенной между станцией техобслуживания и гаражом. Дейсейн посмотрел на приоткрытую дверь гаража, и его внезапно охватило ощущение, что эта дверь — звериная пасть со смертоносными клыками, готовая сомкнуться на нем и проглотить.

Дейсейн не знал, что делать. Он сбавил шаг, потом остановился.

— Что в этот раз? — спросил Паже.

— Ваш грузовик внутри,— сказал Гарри Шелер.— Вы можете ехать на нем и...

— А как со счетом? — спросил Дейсейн, пытаясь затянуть время.

— Я займусь этим,— ответил Паже.— Забирайтесь в кабину, а я тем временем все улажу. А потом мы поедем...

— Я хочу, чтобы грузовик подогнали сюда из гаража,— сказал Дейсейн. Он шагнул в сторону, подальше от распахнутой двери-пасти и всего того, что могло появиться оттуда.

— Я понимаю ваше нежелание возвращаться туда,— заметил Паже,— но вообще-то...

— Гарри, выведи, пожалуйста, грузовик на площадку,— попросил Дейсейн.

Парень уставился на Дейсейна странным взглядом затравленного зверя.

— Ладно, но у меня есть...

— Выведи эту чертову машину сюда! — приказал Паже.— Чушь какая-то!

— Сэр? — Гарри посмотрел на Паже.

— Я же сказал: выведи эту чертову машину сюда! — повторил Паже.— Я уже сыт этим по горло!

Парень нерешительно повернулся к двери в гараж. Он еле волочил ноги по асфальту.

— Послушайте, Джилберт,— начал Паже,— не можете же вы в самом деле верить, что мы...

— Я верю в то, что вижу,— оборвал его Дейсейн.

Паже махнул рукой и отвернулся в раздражении.

Дейсейн прислушивался к звукам, доносившимся из гаража. Но был слышен только шум механических станков.

Хлопнула какая-то дверь. Кажется, дверца его грузовика. Дейсейн узнал звук вращения стартера. Двигатель издал характерный звук, который тут же утонул в грохоте взрыва. Через секунду из дверей гаража вырвались языки пламени.

Паже в ужасе прыгнул назад.

Дейсейн по диагонали побежал мимо него, чтобы заглянуть внутрь гаража. Он увидел, как через дверь в противоположном конце выбегают люди. Его грузовик стоял в среднем проходе в самом центре полыхавшего пламени. Когда он глядел на грузовик, оттуда выбралась фигура, обьятая пламенем, споткнулась и упала.

За спиной Дейсейна кто-то пронзительно закричал:

— Гарри!

Ничего не осознавая, Дейсейн бросился сквозь дверь гаража, выхватил юношу из пламени и оттащил в безопасное место. Он успел почувствовать жар пламени и боль. Треск и рев огня заполнял все пространство. Дейсейн почувствовал резкий запах бензина и древесного угля. Он увидел, как огненная река поползла к нему по полу. Ослепительный язычок пламени лизнул то место, где лежал юноша. Послышались крики. Вокруг царила полная неразбериха.

Что-то белое накинули на охваченную пламенем фигуру, которую он тащил. Кто-то помогал ему сбоку. И тут он понял, что уже выбрался из гаража, и Паже своим белым халатом пытается сбить огонь с Гарри.

Кажется, кто-то хотел сделать то же самое с его объёмными пламенем обеими руками и курткой, набросив на них пиджак и спецовку. Потом, когда все закончилось, и одежду убрали, Дейсейн уставился на свои руки — покрасневшие руки, местами черные от копоти, со вздувшимися волдырями. Рукава рубашки и куртки обгорели по локоть.

Он почувствовал резкую боль — невыносимо жгло ладони и руки. Сквозь пелену тумана перед глазами он увидел, как, взвизгнув тормозами, рядом остановилась карета скорой помощи, как потом носилки, на которых на спине лежал Гарри, накрытый халатом, заносят в машину. Чьи-то руки помогли Дейсейну усесться на сиденье рядом с водителем.

Послышались голоса: «Осторожно здесь». «Вези их в клинику, Эд, и не теряй зря времени». «Держите здесь». «Здесь! В этом месте!».

Затем раздался вой сирены, а потом все перекрыл тяжелый грохот двигателей грузовиков.

Дейсейн услышал, как позади кареты скорой помощи донесся голос Паже:

— Хорошо, Эд. Поезжай.

Машина тронулась с места, выехала на улицу, развернулась и начала набирать скорость. Дейсейн посмотрел на водителя и узнал одного из служащих станции техобслуживания, потом бросил взгляд назад.

Там, согнувшись, Паже занимался ранами юноши.

— Он очень плох? — спросил Дейсейн.

— Одежда покрывала почти все тело, — ответил Паже. — Это и спасло. Похоже, благодаря кепке ему удалось защитить лицо от огня, но вот спина сильно обгорела, а также ноги и руки.

Дейсейн пристально посмотрел на юношу.

— Он...

— Мне кажется, мы подросли вовремя, — поторопился ответить Паже. — Я усыпил его. — Он посмотрел на руки Дейсейна. — Хотите, я и вам сделаю укол?

Дейсейн отрицательно покачал головой.

— Нет.

«Что заставило меня броситься сломя голову спасать его?» — задал себе вопрос Дейсейн. Он действовал чисто инстинктивно. Спасая Гарри, он сам оказался в беспомощном положении. И вот теперь он нуждается в медицинской помощи и едет в машине с двумя сантарожанцами. Дейсейн попытался нащупать то зачаточное шестое чувство, возникавшее в нем благодаря Джасперсу, дававшее ему понимание ситуации, предупреждавшее его об опасности. Он не обнаружил ничего. Кажется, опасность миновала. «Может, именно поэтому я и бросился спасать Гарри! — спросил себя Дейсейн. — Неужели я надеялся умиловить сантарожанцев, спасая одного из них даже тогда, когда они пытались убить меня?»

— Еще один несчастный случай, — сказал Паже, и вопросительная нотка в его голосе выдавала его сомнения.

Дейсейн встретился с испытующим взглядом доктора и кивнул.

Карета скорой помощи свернула на улицу, обсаженную деревьями, и Дейсейн узнал широкий фасад клиники Паже цвета коричневой гальки. Они проехали чуть дальше и свернули на гравиевую дорожку, которая протянулась вдоль высокого забора и проходила под галереей, выступавшей из двухэтажного кирпичного здания.

Несмотря на боль, Дейсейн отметил, что это здание с улицы не видно за забором и зарослями вечнозеленых растений. Наверное, это часть комплекса, в который входит и дом Паже. Во всем этом, казалось, просматривался определенный смысл.

Санитары в белых халатах выкатили тележку из здания, осторожно вынесли обгоревшего юношу из кареты скорой помощи. Паже открыл дверцу со стороны Дейсейна и сказал:

— Вы сможете добраться сами, Джилберт?

— Я... думаю, что да.

Вытянув вперед руки, Дейсейн выбрался из машины. Все его внимание было поглощено этим действием и пронзившей его тело резкой болью. Лоб и правую сторону лица невыносимо жгло. Кирпичное здание, вертящиеся стеклянные двери, руки, осторожно направлявшие его, — все это внезапно показалось каким-то далеким и нереальным.

«Я теряю сознание», — подумал он. Он понимал, что опасно сейчас впасть в бессознательное состояние. Вздрыгнув, он понял, что его усадили в кресло на колесиках

и повезли через коридор, окрашенный в зеленый цвет. А после этой мысли все внутри него взорвалось от непереносимой боли. Ему казалось, что он погружается в блаженный покой забвения, физически ощущает невидимые стены своей темницы, которые были созданы то ли этим бессознательным состоянием, то ли болью.

Яркий свет!

Огни светили повсюду. Дейсейн услышал щелканье ножиц, бросил взгляд вниз и увидел ножицы в чьих-то руках, разрезавших рукава куртки и рубашки, удалявших кусочки ткани с обгоревшей плоти.

«Это же моя плоть», — подумал Дейсейн. Он оторвал взгляд от ножиц.

Дейсейн почувствовал, как к левому плечу прикоснулось что-то холодное, как что-то кольнуло его. Потом его кожу кто-то начал оттягивать. Он увидел руку, державшую шприц. Самым важным для Дейсейна в этот момент было следить за происходящим. Он видел свет, вернее, его туманное мерцание, в котором появлялись и исчезали руки и лица. Дейсейн почувствовал, что его начинают раздевать. К рукам и лицу приложили что-то холодное, успокаивающее, скользящее.

«Они сделали мне укол, чтобы я потерял сознание», — подумал Дейсейн. Он попытался думать о грозящей ему опасности, когда он окажется полностью беспомощным здесь. Однако он не мог больше оставаться в сознании, не в силах было ворочать мыслями в этом мерцающем тумане.

Он слышал какие-то голоса. Дейсейн попытался сосредоточить свое внимание на них. Кто-то сказал:

— О Господи! У него же в кармане пистолет!

Другой голос:

— Запиши!

По непонятной причине это развеселило Дейсейна, но тело его не хотело смеяться.

И тогда он подумал о своем грузовике, каким он запомнил его в последний раз, — объятom язычками оранжевого пламени. Он вспомнил, что там находились все его записи. Все улики, которые он с трудом собрал здесь, в Сантароге, исчезли в том огне. «Улики? — подумал он. — Записи... размышления...» Все это еще оставалось в его памяти, и это можно было восстановить.

«Но все воспоминания погибают вместе со смертью человека!» — подумал он.

Каждую частицу его «я» охватил страх. Он попытался закричать, но не смог выдавить из себя и звука. Он попытался шевельнуться. Мышцы не хотели подчиняться.

Когда наступила темнота, последним, что запомнил Дейсейн, была чья-то рука, поднявшаяся вверх и схватившая его.

ГЛАВА 11

Проснувшись, Дейсейн начал вспоминать сон — разговор с безликими богами.

«Вздывается навозная куча, и рушатся замки», — вспомнил он фразу, которую говорило во сне какое-то существо, и голос его эхом разливался в замкнутом пространстве. «Вздывается навозная куча, и рушатся замки».

Дейсейну показалось очень важным вспомнить весь этот сон. Да. «Я — человек, который пробудился ото сна», — это он пытался втолковать безликим богам. «Я — человек, который пробудился ото сна».

Сон представлялся в его памяти чем-то текучим, каким-то процессом, который был неотделим от его «я», совершавшим в нем безупречные с точки зрения нравственности поступки, но при этом испытывавшим и жестокие муки. И постоянно он чувствовал себя раздраженным и разочарованным чем-то. Он пытался сделать что-то, что изначально было невозможно. И все-таки, что же он пытался сделать? Ответ ускользал от него.

Дейсейн припомнил руку из темноты, которая предшествовала его сну. У него перехватило дыхание, а глаза широко открылись. Он лежал на кровати в комнате все с теми же зелеными стенами. За окном слева от него он мог видеть изогнутую красную ветку мадроньи, маслянисто-зеленые листья, голубое небо. И только в этот момент он обрел ощущения собственного тела: перевязанные руки болезненно заныли, лоб и правая щека тоже были в бинтах. Горло пересохло, а во рту ощущался кислый привкус.

И все же сон цеплялся за него — это было как бы некое бестелесное существо. Бестелесное. Смерть! Вот он — ключ! Он понял это. Дейсейн вспомнил, как Паже говорил

об «общем инстинктивном опыте». Что общего между инстинктом и сном? Инстинкт. Инстинкт. Что такое инстинкт? Врожденное качество, проявляющееся на уровне нервной системы. Смерть. Инстинкт.

«Смотри внутрь себя, смотри внутрь себя, о человек», — говорили ему безликие боги в его сне. Сейчас он вспомнил это и ему захотелось презрительно рассмеяться.

Это был старый синдром «самокопания», болезнь психологов. Внутри себя, всегда внутри. Инстинкт смерти присутствовал там наряду со всеми остальными инстинктами. Познать себя? И в этот момент Дейсейн понял, что не сможет познать себя, не умерев. Именно на фоне смерти жизнь и может познать себя самое.

Справа от Дейсейна послышалось покашливание.

Он напрягся и повернул голову в сторону этого звука.

Уинстон Бурдо сидел в кресле рядом с дверью. Карие глаза мавра смотрели с тревогой.

«Зачем здесь Бурдо?» — подумал Дейсейн.

— Я рад, что вы проснулись, сэр, — произнес Бурдо.

В его раскатистом голосе послышались успокоительные нотки любящего поболтать в компании друзей. «Уж не поэтому ли Бурдо и находится здесь? — спросил себя Дейсейн. — Может, Бурдо выбрали для того, чтобы он успокоил и убаюкал жертву?

Но ведь я все еще живой», — подумал Дейсейн.

Если бы они хотели ему зла, то у них перед этим была прекрасная возможность для этого — когда он был беспомощным, без сознания...

— Который час? — спросил Дейсейн, и тут же болью напомнила о себе обожженная щека.

— Уже почти десять. Утро просто великолепное, — заметил Бурдо. Он улыбнулся, обнажая белые зубы на фоне темного лица. — Вы что-нибудь хотите?

При этом вопросе от возникшего внезапно чувства голода скрутило живот. Дейсейн не решался попросить завтрак. «Что может оказаться в любой еде, подаваемой здесь? — спросил он себя.

Голод — это нечто большее, чем просто пустой желудок, — заметил про себя Дейсейн. — Я могу обойтись и без пищи».

— Я хочу узнать, — начал Дейсейн, — почему вы оказались здесь.

— Доктору я показался самым безопасным,— ответил Бурдо.— Я ведь сам когда-то был чужаком из внешнего мира. И могу вспомнить, что это значит.

— Они и вас пытались убить?

— Сэр!

— Ладно... с вами происходили несчастные случаи? — Дейсейн задал вопрос по-другому.

— Я не разделяю мнение доктора относительно... несчастных случаев,— сказал Бурдо.— Когда-то... я считал... Но теперь я понимаю, что ошибался. Люди этой долины не желают зла никому.

— И все же вы здесь, потому что доктор решил, что вы — самый безопасный,— подчеркнул Дейсейн.— И вы не ответили на мой вопрос: с вами происходили несчастные случаи?

— Вы должны понять,— сказал Бурдо,— что когда вы не знаете, что происходит в долине, то вы можете попасть в... ситуации, когда...

— Значит, с вами действительно происходили несчастные случаи. Уж не для этого ли вы просили прислать вам в тайне от всех посылки из Луизианы?

— Посылки в тайне от всех?

— Да. А как еще расценить то, что вы ездили за ними в Портервилль.

— А, вы узнали об этом.— Бурдо покачал головой и захихикал.— Неужели вы никогда не испытывали ностальгии по сладостям, которые ели в детстве? Я полагал, что мои новые друзья вряд ли поймут меня.

— Так что, все дело только в этом? — усомнился Дейсейн.— А может, однажды утром вы проснулись, трясаясь от страха, испугавшись того, что Джасперс, входящий в состав местной пищи, делает с вами?

Бурдо нахмурил брови, потом произнес:

— Сэр, когда я только прибыл сюда, я был невежественным ниггером. Теперь же я образованный негр... и сантарожанец. Я больше не заблуждаюсь, что я...

— Значит, вы все же пытались бороться!

— Да... я боролся. Но вскоре я понял, насколько это глупо.

— Заблуждение.

— Да, действительно: заблуждение.

«Вывести человека из заблуждения,— подумал Дей-

сейн,— значит создать вакуум. Но чем же тогда заполнить этот вакуум?»

— Скажем так,— начал Бурдо,— что когда-то я разделял ваши заблуждения.

— Это вполне нормально — разделять заблуждения общества, в котором ты живешь,— тихо заметил Дейсейн, скорее, больше самому себе.— Ненормально развивать придуманные тобой заблуждения.

— Хорошо сказано,— похвалил Бурдо.

Дейсейн снова подумал: «Чем же тогда заполнить вакуум? Какие заблуждения у сантарожанцев?»

С одной стороны, он уже понял, что они не способны заметить бессознательное насилие, создавшее несчастные случаи для чужаков. Вернее, большинство из них не способно на это, поправил он себя. Существовала вероятность, что Паже уже начал понимать это. В конце концов, он-то и дал указание Бурдо находиться в этой комнате. И Дженни...— «Не подходи ко мне! Я люблю тебя!»

Дейсейн начал видеть сантарожанцев в новом свете. В них была вычурность древних римлян... и спартанцев. Они были замкнуты в себе, недружелюбны, сдержанны, горды, пресекают любые попытки обмена идеями, которые могли бы... Он остановился на этой мысли, вспомнив о телевизионной комнате в гостинице.

— Та комната, которую вы пытались скрыть от меня,— начал Дейсейн.— В гостинице — комната с телевизионными приемниками...

— На самом деле мы не хотели скрывать ее от вас,— перебил его Бурдо.— В некотором смысле мы скрываем ее от самих себя... и от случайно попадающих в Сантарогу чужаков. Вот почему мы тщательно отбираем наблюдателей. Мы не можем игнорировать телевидение — ведь это ключ к внешнему миру и оно дает богов.

— Богов? — Дейсейн внезапно вспомнил свой сон.

— У них во внешнем мире очень полезные боги,— заметил Бурдо.

— А что такое полезный бог? — спросил Дейсейн.

— Полезный Бог? Это бог, который соглашается со своими почитателями. Понимаете, это дает возможность не быть завоеванным, побежденным.

Дейсейн, отвернувшись от Бурдо, уставился в зеленый потолок. «Победить богов? Может, именно поэтому, из-за неудачных попыток победить богов он и испытывал в своем сне постоянное разочарование?

— Я не понимаю,— пробормотал он.

— Вы все еще не избавились от заблуждений внешнего мира,— заметил Бурдо.— Там, во внешнем мире, они на самом деле не пытаются понять Вселенную. Да, они утверждают обратное, но в действительности они стремятся вовсе не к этому. Обратите внимание на то, что они делают. Они пытаются завоевать Вселенную. Боги — только часть Вселенной... даже боги, созданные людьми.

— Значит, раз вы не можете победить их,— начал Дейсейн,— то для того, чтобы не оказаться самому в роли побежденного, полезный бог соглашается с теми, кто совершает на него нападки. Правильно?

— А вы действительно сообразительны, как и говорила Дженни,— заметил Бурдо.

— Значит, чужаки во внешнем мире совершают нападки на своих богов,— продолжал Дейсейн.

— Все, кроме презренных рабов, в душе должны совершать подобные нападки,— сказал Бурдо.— Ведь вы пытаетесь изменить бога? Как по-другому можно назвать это, как не обвинением бога в том, что он не согласен с вами?

— И вы все это узнаете из телевизионных передач?

— Все это из...— Бурдо захихикал.— О нет, доктор Джил... Вы не будете возражать, если я буду называть вас доктором Джиллом?

Дейсейн повернулся к Бурдо и увидел вопросительное выражение на лице собеседника. Доктор Джил. Если ответить, что ты против, то тебя сочтут за упрямого идиота. Но Дейсейн чувствовал, что, дав согласие на это, он делает шаг назад, сдаст позицию в важной битве. Однако он не видел видимых причин для возражений.

— Как вам будет угодно,— ответил Дейсейн.— Только объясните мне насчет телевидения.

— Это... наше окно во внешний мир,— начал Бурдо.— Весь внешний мир с его постоянной целесообразностью находится там, целый мир — это телевидение. И мы наблюдаем за ним благодаря...

— Постоянной целесообразности? — Дейсейн попытался приподняться на локтях, однако в результате

добился лишь того, что заняли от боли его обожженные руки. Он упал обратно на постель, не отрывая взгляда от Бурдо.

— Ну, конечно, сэр. Внешний мир действует по принципу временной целесообразности, доктор Джил. Вы должны знать это. И всегда почему-то выходит так, что временное качество переходит в постоянное. Временный налог, вызванная необходимостью блиц-война, временная жестокость, которой придет конец, как только изменятся определенные условия... правительственные агентства, созданные для постоянного...

— Значит, вы следите за выпусками новостей и черпаете все из...

— Не только из новостей, доктор Джил. Из всего, и наши наблюдатели пишут сжатые отчеты, в которых... Поймите, телевидение показывает все, жизнь внешнего мира. Его жители — зрители. Они ждут, когда все само собой образуется, и не хотят сделать больше, чем нажимать на кнопку выключателя своего телевизора. Они хотят сидеть, откинувшись на спинку кресел, и ждать у моря погоды: вдруг им как-то повезет в жизни. Они смотрят ночные представления, а потом выключают свои телевизоры. Затем отправляются спать — что аналогично тому, как они выключают телевизор. Вся беда в том, что эти ночные представления часто заканчиваются позже, чем они думают. Это ведет к отчаянию — от их неспособности понять это, доктор Джил. А отчаяние в свою очередь ведет к насилию. И вот наступает утро почти для любого из этих бедолаг из внешнего мира, и тогда они осознают, что они ничего не приобретают в этой жизни, сколько бы они ни просидели у телевизора. Да этого и не может произойти, потому что они не принимают участия в жизни. Они никогда не поднимались на подмостки сцены, никогда не обладали ничем настоящим. Это все была иллюзия... заблуждение.

Дейсейн впитывал поток этих слов, их значение и подтекст. Он с ужасом ощущал истинность сказанного Бурдо.

— Итак, они полностью отключаются, — пробормотал Дейсейн.

— Это все телевидение, — заметил Бурдо.

Дейсейн повернул голову и посмотрел в окно.

— Вообще-то вам, доктор Джил, не мешало бы поесть, — произнес Бурдо.

— Нет.

— Доктор Джил, в определенных вещах вы кажетесь мудрым человеком, но вот что касается остальных...

— Не называйте меня мудрым,— прервал его Дейсейн.— Называйте меня человеком с большим жизненным опытом.

— Здесь самая лучшая еда,— продолжал увещевать его Бурдо.— Я пойду и сам приготовлю завтрак. Вам не нужно бояться.

— Я уже не раз обжигался,— заметил Дейсейн.

— Но в огне обжигаются горшки, доктор Джил.

— Уин, я восхищаюсь вами и вы внушаете мне доверие. Вы спасли мне жизнь. Не думаю, что от вас этого ждали, но вы сделали это. Вот почему доктор Паже и направил вас сюда. Но несчастный случай может произойти... даже с вами.

— Мне больно слышать это, доктор Джил. Я не из тех, кто одной рукой кормит кукурузой, а другой пытается задохнуть вам в глотку кочерыжку.

Дейсейн вздохнул. Он обидел Бурдо, но, с другой стороны... Внезапно Дейсейну пришла в голову мысль, что он сидит на какой-то особого рода бомбе. Сантарога прекратила нападения на него, вероятно частично, из-за его нынешней беспомощности. Но эта коммуна способна вернуться к созданию несчастных случаев, если ему вздумается позволить себе нечто, что запрещено здесь.

В этот момент Дейсейн желал лишь одного: оказаться подальше от этой долины. Он отчаянно хотел этого — даже понимая, что для исполнения этого желания он будет объявлен вне закона.

Дверь рядом с Бурдо открылась. В комнату боком вошла медсестра, толкая перед собой тележку. Она повернулась, и Дейсейн узнал ее: Дженни.

Забыв о своих ожогах, Дейсейн приподнялся на локтях.

Дженни посмотрела на него со странной болью в глазах. Ее полные губы были надуты. Длинные черные волосы, аккуратно зачесанные назад, были перехвачены лентой. Она была в белом халате, белых чулках, белых туфлях... без головного убора.

Дейсейн проглотил комок в горле.

— Мисс Дженни,— начал Бурдо.— Что это у вас там, на тележке?

Она ответила, не отводя взгляда от Дейсейна:

— Немного еды для этого сумасшедшего. Я сама приготовила ее.

— Я пытался заставить его поесть,— вздохнул Бурдо,— но он отказался.

— Вы не могли бы оставить нас наедине, Уин? — попросила девушка.— Я хотела бы...

— Доктор сказал, что мне нельзя...

— Уин, пожалуйста...— Она умоляюще взглянула на негра.

Бурдо замялся.

— Ну хорошо... поскольку это ты...

— Спасибо, Уин.

— Двадцать минут. Я буду тут, в коридоре, сразу за дверью, если понадобится, позовете меня.

— Спасибо, Уин.— Дженни снова перевела взгляд на Дейсейна.

Бурдо вышел из комнаты и тихо закрыл дверь за собой.

— Джен, я,— начал Дейсейн, однако девушка перебила его:

— Молчи! Тебе не нужно терять силы. Дядя Ларри сказал...

— Я не собираюсь есть здесь,— заявил Дейсейн.

Дженни топнула ногой.

— Джил, да ты просто...

— Да, я идиот,— закончил он за нее.— Но самое главное — то, что я еще жив.

— Ты только посмотри на себя! Посмотри...

— Как Гарри Шелер?

Немного помолчав, девушка ответила:

— Он будет жить. Останется несколько шрамов, как, впрочем, и у тебя, но ты...

— Они выяснили, что произошло?

— Это был несчастный случай.

— Всего-навсего? Просто несчастный случай?

— Сказали, что что-то сломалось в топливном насосе... слабый контакт в электропроводке одной из фар и...

— Несчастный случай,— закончил за нее Дейсейн.— Ясно.— Он опустил на подушку.

— Я принесла тебе яиц, гренков и меда,— сказала Дженни.— Ты должен поесть что-нибудь, чтобы поддерживать свои...

— Нет.

— Джил!

— Я сказал «нет».

— Чего ты боишься?

— Еще одного несчастного случая.

— Но ведь я сама приготовила еду!

Он повернул голову, пристально посмотрел на нее и сказал тихим голосом:

— Не подходи ко мне. Я люблю тебя.

— Джилберт!

— Ведь ты говорила эти слова,— напомнил он ей.

Ее лицо побледнело. Она прислонилась к тележке, вся дрожа.

— Я знаю,— прошептала она.— Иногда я могу чувствовать...— Она подняла глаза, по щекам потекли слезы.— Но я действительно люблю тебя. И сейчас ты ранен. Я хочу позаботиться о тебе. Мне необходимо позаботиться о тебе. Вот, смотри! — Она подняла крышку над одной из тарелок, стоявших на тележке, зачерпнула ложкой и положила себе в рот.

— Дженни,— прошептал Дейсейн. Страдальческий взгляд, сила его любви к ней... ему захотелось заключить ее в объятия и...

Глаза Дженни расширились. Она протянула обе руки к горлу. Она пыталась что-то произнести, но не могла выдать из себя ни звука.

— Дженни!

Она затрясла головой, глаза ее закатились.

Дейсейн отбросил покрывала с постели, поморщился от боли, которая пронзила его руки. Но он не обращал внимания на эту боль и, соскользнув на холодный, покрытый кафелем пол, выпрямился. И тут же почувствовал головокружение.

Дженни, все еще держа руки у горла, пятилась к двери.

Дейсейн направился к ней, чувствуя, как больничная пижама хлещет по ногам. Двигаться было невероятно трудно, ноги были как ватные.

Неожиданно Дженни рухнула на пол.

Дейсейн, вспомнив о Бурдо, закричал:

— На помощь! Уин! На помощь! — Он споткнулся и вцепился в край тележки, толкая ее вперед.

Когда дверь распахнулась, Дейсейн беспомощно сидел на полу. Бурдо остался стоять на пороге, глядя на него,

потом посмотрел на Дженни, лежавшую на полу с закрытыми глазами, подняв колени и тяжело дыша.

— Позовите врача,— хриплым голосом произнес Дейсейн.— Что-то в еде. Она съела немного...

Бурдо сразу понял его, повернулся и выбежал в коридор, оставив дверь открытой.

Дейсейн пополз к Дженни. Комната качалась и изгибалась под ним. Руки дрожали. В тяжелом дыхании Дженни он услышал свист, отчего ему захотелось броситься к ней, но на это не было сил. Он преодолел всего несколько футов, когда в комнату ворвался Паже, а сразу за ним — Бурдо.

Паже, лицо которого представляло мертвенно-бледную маску, опустился на одно колено рядом с Дженни, потом указал на Дейсейна:

— Отнесите его в постель.

— Еда на тележке,— прохрипел Дейсейн.— Она съела немного.

Светловолосая медсестра в белом чепчике, закатив в комнату тележку, склонилась над Паже. Но дальше Дейсейн уже не мог видеть их — Бурдо, взяв его в охапку, понес его к кровати.

— Вы останетесь здесь, доктор Джил,— сказал Бурдо. Он повернулся и посмотрел в сторону двери.

— Аллергическая реакция,— констатировал Паже.— Сужение гортани. Дайте мне двойную трубку — придется как следует продуть ее.

Медсестра передала Паже что-то, и он стал колдовать над Дженни, стоя спиной к Дейсейну, закрывая тем самым обзор.

— Атропин,— сказал Паже.

И снова он взял у медсестры что-то.

Дейсейну было трудно сосредоточить свое внимание на них. Страх сдавил горло. «Почему я так ослаб? — подумал он.— Господи милостивый, не дай умереть ей! Прошу тебя, спаси ее!»

В дверях появились лица из числа обслуживающего персонала клиники с округлившимися глазами, молчаливые.

Паже, оторвав взгляд от Дженни, произнес:

— Нужны носилки на подставке с колесиками.

Несколько лиц тут же исчезло. Вскоре из коридора донеслись звуки колес.

Паже выпрямился и сказал:

— Больше ничего здесь я не могу сделать. Положите ее на носилки — голова должна находиться ниже ног. — Он повернулся к Дейсейну. — Что она съела?

— Она попробовала... — Дейсейн указал на тележку с едой. — Она с чего-то сняла крышку. Яйца?

Паже шагнул к тележке, поднял тарелку и понюхал ее. Дейсейн увидел, как за его спиной двое санитаров с медсестрой поднимают Дженни и несут ее к двери. На секунду мелькнуло ее мертвенно-бледное лицо с трубочкой, свисавшей с уголка рта.

— Это яд? — спросил Бурдо хриплым голосом.

— Конечно, это яд, — резко ответил Паже. — Действует, как аконит. — Он схватил тарелку и выбежал из комнаты.

Дейсейн слушал, как звуки колес и быстрые шаги затихали в коридоре, пока Бурдо не закрыл дверь, заглушив все звуки.

Все тело Дейсейна покрылось потом. Он безвольно лежал на постели, наблюдая за тем, как Бурдо закутывает его в одеяла.

— На одно мгновение, — произнес вдруг Бурдо, — мне... мне показалось, что вы причинили Дженни вред.

«Она не может умереть», — подумал Дейсейн.

— Простите, — попросил извинения Бурдо, — я знаю, вы никогда не причинили бы ей вреда.

— Она не может умереть, — прошептал Дейсейн.

Он поднял взгляд и увидел, как по щекам негра потекли сверкающие струйки слез. И это вызвало почему-то гнев в Дейсейне. Он чувствовал, как гнев закипает в нем, но не способен был остановить это. Его обуяла ярость! И направлена она была не на Бурдо, а на ту бестелесную сущность Сантароги, то коллективное существо, которое пыталось использовать женщину, которую он любил, чтобы убить его. Он пронзил взглядом Бурдо.

— Доктор Ларри не допустит, чтобы с Дженни что-нибудь случилось, — сказал Бурдо. — Он...

Увидев блеск в глазах Дейсейна, Бурдо инстинктивно попятился.

— Убирайтесь отсюда! — прохрипел Дейсейн.

— Но ведь доктор сказал, чтобы я...

— Доктор Джил приказывает вам убираться отсюда ко всем чертям!

На лице Бурдо застыла упрямая гримаса.

— Я не оставлю вас одного.

Дейсейн рухнул на постель. Что он мог поделать?

— Прошлой ночью вы перенесли страшный шок,— продолжал Бурдо.— Пришлось даже сделать вам переливание крови. Вас нельзя оставлять одного.

«Значит, они сделали мне переливание? — подумал Дейсейн.— Почему они не убили меня тогда? Наверное, потому что хотели спасти мне жизнь ради Дженни!»

— Вы все так беспокоитесь о Дженни,— заметил Дейсейн.— Но сделали так, что она едва не убила меня. Конечно, это нарушило бы ее психику, но разве имеет это какое-либо значение, верно? Пожертвовать Дженни, вот ваш приговор, вы, стая...

— Вы разговариваете, как сумасшедший, доктор Джил,— перебил его Бурдо.

Так же быстро, как возник, гнев покинул Дейсейна. К чему эти нападки на бедного Уина? Да и вообще какой смысл в нападках на всех сантарожанцев? Они не в состоянии видеть дальше собственного носа. Он почувствовал себя опустошенным. Конечно, эти слова кажутся Бурдо безумными. То, что для одного общества имеет смысл, другому кажется ненормальным.

Дейсейн проклял слабость, которая охватила его тело. «Перенесли страшный шок».

Дейсейн подумал, что же он станет делать, если Дженни умрет. Это было удивительное тройственное ощущение: часть его горестно вздыхала от этой мысли, другая часть проклинала судьбу, которая загнала его в этот угол... а еще одна часть его все время занималась анализом, анализом, анализом...

«Насколько перенесенный мною шок был усугублен Джасперсом? Может быть, я стал таким же чувствительным, как и сантарожанцы?

Они тут же убьют меня, если Дженни умрет», — подумал он.

— Я буду просто сидеть здесь, возле двери,— сказал Бурдо.— Если вам что-нибудь понадобится, обязательно скажите мне.

Он сел на стул лицом к Дейсейну, сложив руки на груди,— просто вылитый охранник.

Дейсейн закрыл глаза и подумал: «Дженни, пожалуйста, не умирай». — Он вспомнил объяснения Паже того, каким образом Гарри Шелеру стало известно о смерти брата.

Пустое пространство.

«Какой клеткой своего организма я ощущаю Дженни?» — задал себе вопрос Дейсейн.

Его беспокоило то, что он не способен зондировать свои ощущения внутри себя, и только присутствие Дженни успокаивающе действовало на него. И это было самым важным для него. Она должна была быть рядом. Только сантарожанец мог принести ему спокойствие.

«Но я не сантарожанец».

Дейсейну казалось, что он ходит по лезвию бритвы, с одной стороны которой — огромный бессознательный океан мира людей, в котором он родился, а с другой — озеро спокойствия, где каждая его капелька знает соседние.

Он услышал, как открылась дверь, и сразу же ощутил, как в бессознательном океане начала зарождаться буря, а поверхность озера поколебал лишь легкий ветерок. Ощущение того, что он балансирует, ослабло. Дейсейн открыл глаза. Посреди комнаты стоял Паже. Вокруг его шеи висел стетоскоп. В глазах застыла усталость. Он внимательно смотрел на Дейсейна задумчивым хмурым взглядом.

— Дженни? — прошептал Дейсейн.

— Она будет жить, — ответил Паже. — Но смерть была рядом.

Дейсейн закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Сколько же еще подобных несчастных случаев будет у нас? — спросил он. Он открыл глаза и встретился со взглядом Паже.

Бурдо подошел к Паже и сказал:

— Он говорил как сумасшедший, доктор Ларри.

— Уин, прошу тебя, ты не мог бы на секунду оставить нас вдвоем? — попросил Паже.

— Вы уверены, что так нужно? — Бурдо с хмурым видом посмотрел на Дейсейна.

— Прощу тебя, — повторил Паже. Он перенес стул к кровати Дейсейна и сел перед ним.

— Я буду сразу за дверью, — сказал Бурдо.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

— Вы огорчили Уина, а это довольно трудно сделать,— заметил Паже.

— «Огорчили...» — тупо повторил Дейсейн, глядя на собеседника. Потом спросил: — Что вы думаете по поводу того, что случилось?

Паже посмотрел на свою правую руку, сжал ее в кулак, потом раскрыл его. Он покачал головой.

— Мне бы не хотелось показаться вам, Джилберт, легкомысленным человеком. Я... — Он посмотрел на Дейсейна. — Должно ведь быть какое-то разумное, рациональное объяснение.

— Значит, вы не думаете, что слово «несчастный случай» объясняет все это.

— Вообще-то несчастные случаи происходят...

— Мы оба знаем, что в данных случаях об использовании выражения «несчастный случай» в его привычном значении не может быть и речи,— перебил его Дейсейн.

Паже вскинул руки и откинулся на спинку стула. Он сжал губы, потом произнес:

— Хорошо, с психиатрической точки зрения...

— Давайте без этого! — рявкнул Дейсейн. — Сейчас вы заведете старую пластинку насчет «невротической предрасположенности к несчастным случаям», о каких-то нарушениях в психике, из-за чего человек не способен контролировать свои действия. Куда же делся этот контроль тогда, на мосту? Или же тот случай с мальчиком с луком и стрелой, или же...

— Мальчик с луком и стрелой?

Дейсейн, плюнув на свое обещание, рассказал об инциденте в парке и добавил:

— И как быть с подъемником в гараже или пожаром? И как вы объясните яд в еде, которую приготовила Дженни... именно Дженни! Еда, которую она...

— Вы правы! У вас есть все основания...

— Основания? Да у меня целая совокупность фактов, подтверждающих то, что Сантарога пытается убить меня. Вы уже убили ни в чем не повинного молодого человека. Едва не убили Дженни. Кто следующий?

— Во имя Господа, почему мы должны...

— Чтобы ликвидировать угрозу. Разве это не очевидно? И я — эта угроза.

— Да, теперь действительно...

— Именно теперь! Не считаете ли вы совершенно нормальным, если бы я увез Дженни из этой сумасшедшей долины и свистнул в свисток?

— Дженни не оставит свою... — Он замолчал. — Свистните в свисток? Что вы имеете в виду?

— Послушайте, кто из нас заставляет рыдать ангелов? — спросил Дейсейн. — Вы божитесь, что любите Дженни и не хотите ей зла. Но разве есть что-то более ужасное, чем использование ее в качестве орудия моей смерти?

Паже побледнел и два раза прерывисто вздохнул.

— Она... Должно же быть... Что вы имеете в виду под словами «свистнул в свисток»?

— Инспектор департамента труда когда-нибудь изучал сложившуюся систему детского труда в вашей школе? — спросил Дейсейн. — А как насчет государственного департамента умственной гигиены? По данным, которые вы предоставляете, в Сантароге нет случаев умственного помешательства.

— Джилберт, вы не понимаете, о чем говорите.

— Неужели? А как насчет антиправительственной пропаганды в вашей газете?

— Мы не выступаем против правительства, Джилберт, мы...

— Что? Да я никогда раньше не видел такой...

— Пожалуйста, позвольте мне все же закончить. Мы не выступаем против правительства — мы против порядков во внешнем мире. Это две совершенно разных вещи.

— Вы считаете, что все люди там... сумасшедшие?

— Мы считаем, что они сожрут сами себя.

«Безумие, безумие», — подумал Дейсейн. Он уставился в потолок. Все его тело покрылось потом. Та эмоциональность, с которой он спорил с Паже...

— Почему вы поручили Бурдо наблюдать за мной?

Паже пожал плечами.

— Я... на тот случай, если вы окажетесь правы в своих...

— И вы для этого выбрали Бурдо. — Дейсейн снова посмотрел на Паже. Казалось, тот сражался сам с собой, нервно сжимая и разжимая кулаки.

— Причины вполне очевидные, — произнес он.

— Вы не позволите мне выехать из долины, не так ли? — спросил Дейсейн.

— Вы не в том физическом состоянии, чтобы...

— Так смогу ли я когда-нибудь уехать?

Паже встретил пристальный взгляд Дейсейна.

— Как мне доказать вам, что мы на самом деле...

— Есть ли здесь какое-либо место, где я мог бы оградить себя от всяких несчастных случаев? — спросил Дейсейн.

— Оградить себя от... — Паже покачал головой.

— Вы ведь хотите доказать, что у вас только честные намерения относительно меня, — заметил Дейсейн.

Паже сжал губы, потом сказал:

— В пентхаузе на крыше есть отдельная комната-изолятор — со своей кухней, удобствами, все, что надо для проживания. Если вы...

— Может ли Бурдо провести меня туда и не убить при этом?

Паже вздохнул.

— Я сам доставлю вас туда, как только смогу...

— Нет, Бурдо.

— Ладно, если вы так хотите. Вас могут перевезти в кресле.

— Я пойду пешком.

— Вы еще слишком слабы, чтобы...

— Я найду силы. Бурдо поможет мне.

— Очень хорошо. Что же касается еды, мы можем...

— Я буду есть из консервных баночек, выбранных наугад на рынке. Бурдо будет покупать их для меня, пока я...

— Послушайте...

— Вот так все и будет, доктор. Он будет предоставлять мне широкий ассортимент, а я буду наугад выбирать что-нибудь.

— Вы принимаете ненужные...

— Давайте попробуем и посмотрим, сколько еще произойдет несчастных случаев.

Паже несколько секунд внимательно смотрел на него, потом сказал:

— Как скажете.

— А как быть с Дженни? Когда я смогу встретиться с ней?

— Она перенесла сильное потрясение, да еще это жестокое отравление. По моему мнению, никому не следует ее навещать, если только...

— Я не покину комнату до тех пор, пока не пойму, что мне ничего не угрожает,— произнес Дейсейн.— Когда она сможет прийти ко мне?

— Наверное, через несколько дней.— Паже направил на Дейсейна указательный палец.— А теперь выслушайте меня, Джилберт. Вы никогда не сможете убедить Дженни выехать из долины. Она никогда не согласится.

— Пусть это решит сама Дженни.

— Хорошо.— Паже кивнул.— Сами убедитесь.— Он направился к двери и открыл ее.— Уин?

Бурдо прошел мимо Паже в комнату.

— Он все еще говорит как сумасшедший, доктор Ларри?

— Мы собираемся провести один эксперимент, Уин,— сказал Паже.— Здоровье доктора Дейсейна и счастье Дженни требует, чтобы он переселился в отдельную комнату-изолятор.— Паже указал пальцем на потолок.— Он хочет, чтобы ты помог ему перебраться туда.

— Сейчас возьму кресло на колесиках,— произнес Бурдо.

— Доктор Дейсейн хочет идти пешком,— остановил его Паже.

— А он в состоянии это делать? — Озадаченный Бурдо повернул к Дейсейну нахмурившееся лицо.— Он слишком слаб, чтобы просто постоять на ногах несколько...

— Кажется, доктор Дейсейн полагается на твою силу,— заметил Паже.— Думаешь, справишься?

— Я могу понести его,— предложил Бурдо,— но это будет выглядеть, как...

— Обращайся с ним с такой же осторожностью, как с беспомощным младенцем,— указал Паже.

— Как скажете, доктор Ларри.

Бурдо прошел к кровати, помог Дейсейну сесть на край постели. Голова Дейсейна закружилась. Комната начала вращаться, и он как в тумане увидел, как Паже прошел к двери, открыл ее и, обернувшись, посмотрел на Бурдо.

— Мое влияние будет ощущаться всюду в течение некоторого времени,— произнес Паже.— Вы не против того, Джилберт, если я время от времени буду заглядывать к вам — исключительно в медицинских целях?

— Пока вы не расскажете мне о своих намерениях в отношении меня, не возражаю,— ответил Дейсейн.

— Только должен предупредить вас, что бинты надо изредка менять.

— Может Уин делать перевязку?

— Ваше доверие к Уину очень трогательно,— заметил Паже.— Я уверен, что это и на него произвело впечатление.

— Так может он...

— Да, я уверен, что может, получив у меня инструкции.

— Ну, тогда все в порядке,— вздохнул Дейсейн.

С помощью Бурдо Дейсейн поднялся на ноги. Несколько секунд он постоял, тяжело дыша, опершись на плечо Бурдо. Паже вышел из комнаты, оставив дверь открытой.

— Вы уверены, что сможете идти, сэр? — спросил Бурдо.

Дейсейн попытался сделать шаг. Колени как бы стали резиновыми, и он бы упал, если бы Бурдо не поддерживал его.

— Мы поедem на лифте? — спросил Дейсейн.

— Да, сэр. Это прямо по коридору.

— Тогда пошли к нему.

— Да, сэр. Извините, сэр.— Бурдо наклонился и, взяв Дейсейна за руки, повернулся и направился к двери.

Перед глазами Дейсейна промелькнуло удивленное лицо какой-то медсестры, шедшей по коридору. Он почувствовал себя дураком, оказавшись в этом беспомощном положении... но что он мог поделаться? Медсестра хмурым взглядом окинула Бурдо, который, не обращая на нее никакого внимания, нажал локтем на кнопку вызова лифта. Медсестра, громко стуча каблуками, пошла дальше по коридору.

С легким свистом двери лифта разъехались.

Бурдо занес Дейсейна в кабину и локтем нажал на кнопку, помеченную буквой «р».

Во рту Дейсейна пересохло. Двери лифта закрылись. Он уставился в кремовый потолок, на молочные продолговатые лампы и подумал: «Они без всяких колебаний пожертвовали Дженни. Почему же потом они не подумали о Бурдо? Что, если лифт сорвется и разобьется вдребезги?»

Послышалось слабое жужжание. Дейсейн почувствовал, как лифт начал подниматься. Вскоре дверцы разъехались в стороны, и Бурдо вынес его из кабины. Дейсейн

увидел холл с кремовыми стенами, дверь из красного дерева, на которой висела табличка «Изолятор», а потом они оказались внутри.

Это была длинная комната с тремя кроватями. За окнами чернела смолянистая крыша. Бурдо положил Дейсейна на ближайшую кровать и отошел назад.

— Кухня там,— он указал на вертящуюся дверь в конце комнаты.— Ванная — за этой дверью.— Она находилась как раз напротив кровати Дейсейна, и справа от нее находилось еще две.— А эти двери — в туалет и лабораторию. Вас это устраивает, доктор?

Дейсейн, встретив испытующий взгляд Бурдо, ответил:

— Посмотрим.— Он выдавил из себя грустную улыбку и объяснил, как будет питаться.

— Консервированная пища, сэр? — переспросил Бурдо.

— Я полагаюсь на вас, вы знаете это,— ответил Бурдо.— Ведь вы были... в таком же, как и я, положении... когда-то. Мне кажется, вы симпатизируете мне... подсознательно. Я рассчитываю, что...— Дейсейн слегка пожал плечами.

— Именно этого доктор Ларри и хочет от меня?

— Да.

— Я должен буду наугад выбирать консервы на рынке?

— Правильно.

— Ну, это выглядит идиотизмом, сэр... но я сделаю так, как вы просите.— Он, что-то бормоча под нос, вышел из комнаты.

Дейсейн с трудом забравшись под одеяла, некоторое время лежал восстанавливая силы. Дальше крыши виднелся ряд верхушек деревьев — высоких вечнозеленых — на фоне безоблачного голубого неба. В комнате царила абсолютная тишина. Дейсейн глубоко вздохнул. Действительно ли он здесь будет в безопасности? Ведь его выбрал сантарожанец. Но этот сантарожанец был выведен из психического равновесия собственными сомнениями.

Впервые за последнее время Дейсейн понял, что может расслабиться. Огромная усталость навалилась на него.

«Откуда взялась эта неестественная слабость?» — подумал он.

Ее нельзя было объяснить последствием потрясения или полученными ожогами. Казалось, что это было вызвано

ранами в его душе, затронув и его тело; все его мышцы получили приказ бездействовать.

Дейсейн закрыл глаза.

В красном сумраке, не видя ничего, Дейсейну казалось, что он разбит на мелкие кусочки, его внутреннее «я» съежилось в ужасе. «Нельзя двигаться,— подумал он.— Двигаться — значит привлечь к себе беду, которая, возможно, окажется ужаснее самой смерти».

Непроизвольно задрожали ноги, а зубы застучали. Он попытался успокоиться, открыл глаза и уставился в потолок.

«Это реакция на Джасперс»,— решил он.

Комнату наполнял его запах. Аромат резко бил в ноздри. Дейсейн потянул носом и повернулся к металлической тумбочке, стоявшей возле кровати. Потом потянулся к полуоткрытому ящику, вытянул его и заглянул внутрь.

Там ничего не было.

Но еще совсем недавно в нем находилось что-то от Джасперса.

Что же?

Дейсейн оглядел всю комнату. Изолятор, сказал Паже. Но вот только от чего изолируют здесь? Что? И зачем?

Он проглотил комок в горле и прилег на подушку.

Ужасающая усталость охватила его. Дейсейн почувствовал, что вот-вот провалится в зеленые воды забвения. Отчаянным усилием воли он заставил себя держать глаза открытыми.

Где-то раздались чьи-то стенания.

Безликий бог захихикал.

Открылась входная дверь.

Дейсейн заставил себя не двигаться, боясь, что если он повернет голову, то провалится в глубины забвения и утонет в...

В поле зрения оказался Паже, внимательно глядящий на него сверху вниз. Доктор приподнял веко и осмотрел глаз.

— Проклятье, вы все еще продолжаете бороться с этим! — воскликнул он.

— Бороться с чем?! — прошептал Дейсейн.

— Я совершенно не сомневался, что, потратив столько сил, вы уже должны были быть без сознания,— ответил

Паже.— А ведь вы не собираетесь в ближайшее время подкрепить свои силы.

И в этот момент Дейсейн почувствовал, как болезненно заныло в пустом желудке. Он цеплялся за эту боль. Она помогала ему не дать утонуть в захлестывающих его зеленых волнах.

— Вот что я вам скажу,— произнес Паже. Он исчез из поля зрения Дейсейна. Затем послышалось скрипучее ворчание: — Я просто буду сидеть здесь и наблюдать за вами, пока Уин не вернется сюда с чем-нибудь, что вы запихнете себе в рот. Я не буду нападать на вас и не позволю кому-нибудь другому прикоснуться к вам. Перевязка может подождать. Более важно сейчас для вас — отдохнуть. Если сможете, то поспите. Перестаньте бороться с этим.

«Сон! Боги, как же усталость манит забыться сном!

Так все же, бороться с чем?»

Дейсейн попытался еще раз сформулировать этот вопрос, но не было сил. Их хватало лишь на то, чтобы просто цепляться за крошечный ослепительно сияющий островок сознания и продолжать всматриваться в кремовый потолок.

— Ведя эту борьбу, вы пытаетесь выбраться из трясины, все более засасывающей вас. Что заставляет меня подозревать, что в вашей теории есть какое-то зерно истины. Мы все еще не избавились до конца от подсознательно спрятанного в нас насилия.

Монотонный голос Паже действовал гипнотически. Фразы проносились мимо сознания Дейсейна.

«...Эксперимент по приручению людей... выведенных из экзальтации, из неизменяющихся условий... должны заново воспитать в людях чувство понимания... ничего нового: человечество всегда сражается с какими-либо проблемами... сродни религиозному переживанию — создание нового слоя теоботаников... не отречься от жизни или от понимания жизни... поиск общества, которое меняется постепенно, по мере удовлетворения нужд его членов...»

В голове Дейсейна раздался громогласный шепот одного из безликих богов: «Слушай мою заповедь, данную тебе: бедняк не может позволить себе жить по принципам, а богач не нуждается в них».

Дейсейн лежал неподвижно в полной тишине.

Он боялся шевельнуться.

Он ощущал, что ниже него живет и работает мир Сантароги, а он лежит здесь, выше этого мира. Что-то манило его. Такое знакомое. Он чувствовал близость этого знакомого мира, но старался отогнать от себя мысль о нем. Сантарога пыталась убаюкать его обманчивыми масками, за которыми скрывались булжники притворства и коварного замысла. И все равно она манила. Она подходила ему. Он чувствовал, как с бурным удовольствием протягивает руки к этому миру, но отшатнулся назад, испуганный этими булжниками, которые были повсюду, образуя темный покров над жизнью, наполняя его кремового цвета тоской — успокаивающей, манящей, сахаристой.

И все равно она манила.

Он не мог преодолеть соблазна в виде ослепительно сверкающих пиротехнических средств, палитры цветов, режущих глаза.

И все это был обман.

Он чувствовал это — что все это обман, множество стереотипов и хорошо усвоенных условных рефлексов.

Он ненавидел этот мир.

«Который? — спросил он себя. — Сантарогу... или же тот, внешний?»

Что-то ухватило за плечо Дейсейна.

Он пронзительно закричал.

Вынырнув из сна, Дейсейн понял, что стелает и что-то бормочет. Несколько секунд потребовалось ему, чтобы прийти в себя. Куда же делись безликие боги?

Паже склонился над ним и положил руку на его плечо.

— Вам снился кошмар, — сказал Паже. Он убрал руку. — Только что вернулся Уин с едой — вот она.

Желудок Дейсейна стиснул спазм.

Бурдо стоял справа от него у соседней кровати, на которой находился ящик, доверху заполненный консервными банками.

— Принесите мне открывалку и ложку, — попросил Дейсейн.

— Просто скажите мне, какую банку вы выбрали, и я открою ее, — предложил Бурдо.

— Я сам сделаю это, — не согласился Дейсейн. Он приподнялся на локтях. Руки задрожали, но почувствовал он себя сильнее — словно отчаяние давало ему дополнительные силы.

— Ладно, ублажи его,— сказал Паже, видя нерешительность Бурдо.

Тот пожал плечами и вышел из комнаты в дверь, находившуюся рядом с кроватью.

Дейсейн отбросил простыни. Жестом он отверг помощь Паже, потом коснулся ногами холодного пола. Он глубоко вздохнул и качнулся в сторону соседней кровати. Дейсейн чувствовал силу в коленях, но понимал, что еще довольно слаб.

Бурдо вернулся и передал Дейсейну открывалку с вращающейся рукояткой.

Дейсейн присел рядом с ящиком и вынул оттуда большую зеленую банку, даже не глядя на этикетку. Потом он вскрыл ее, взял предложенную Бурдо ложку и отогнул крышку.

Бобы.

Из открытой банки ударил запах Джасперса. Дейсейн посмотрел на этикетку: «Упаковано кооперативом Джасперса». Дальше шли даты изготовления и поступления в продажу, а также указание: «Продажа в других штатах запрещена. Подвергнуто обработке в декабре 1964 года».

Дейсейн внимательно посмотрел на банку. «Джасперс? Этого не может быть. Эта продукция не предназначена для перевозки. Его невозможно сохранить от...»

— Что-то не так? — спросил Паже.

Дейсейн еще раз осмотрел банку с сияющей, блестящей этикеткой.

«Бобы в мясном соусе с говядиной»,— прочитал он желтые буквы.

Дейсейн, не обращая внимания на соблазнительный аромат, шедший от банки, посмотрел на ящик. Он попытался вспомнить, расслышал ли он, когда открывал банку, характерный свист, свидетельствующий о нарушении герметичности... и не мог вспомнить.

— Что-то не так? — повторил вопрос Паже.

— Все должно быть в порядке,— заметил Бурдо.— Вся продукция поступает от частных ферм.

Дейсейн оторвал взгляд от ящика. Насколько он мог видеть, на всех банках были наклеены этикетки кооператива Джасперс. «Частные фермы?»

— Вот, смотрите,— сказал Паже. Он взял из рук Дейсейна банку и ложку, попробовал бобы и улыбнулся. Потом

вернул банку и ложку Дейсейну, который автоматически взял их.

— Здесь нет никакого подвоха,— убеждал Паже.

— Лучше и не может быть,— сказал Бурдо.— Это из частной лавки Пита Маджи, прямо с частной фермы.

— Это ведь Джасперс,— прохрипел Дейсейн.

— Конечно,— согласился Паже.— Законсервировано прямо здесь для местного потребления. Долгое время хранится на складе, чтобы сохранить свою силу. Однако аромат Джасперса быстро исчезает, когда банка открыта, так что вам лучше начать есть. У вас в распоряжении пять — десять минут...— Он захихикал.— Благодарите судьбу, что вы здесь, в долине. Если бы вы были во внешнем мире и открыли эту банку, то аромат исчез бы за несколько секунд.

— Почему?

— Влияние чужеродной окружающей среды,— ответил Паже.— Так что давайте, ешьте. Вы ведь видели, как я попробовал бобы. И ничего со мной не случилось.

Дейсейн слизнул кончиком языка немного соуса. Во рту появилось успокаивающее ощущение, и оно разлилось по всему телу. Соус показался ему восхитительным. Он запищал в рот полную ложку, наспех прожевал и проглотил.

Бобы с Джасперсом оказались в его желудке. Он почувствовал глухие удары внутри себя.

С округлившимися глазами Дейсейн повернулся к Бурдо и увидел удивление в карих глазах негра. Эти глаза вместе с высыпавшими на его лице светло-желтыми веснушками очаровывали. Внимание Дейсейна привлекла банка. Он заглянул в нее.

Там ничего не было.

Дейсейн испытывал странное ощущение — словно его память быстро прокручивалась назад подобно обратной перемотке магнитофонной записи: вот его рука торопливо запихивает содержимое ложки из банки в рот. Смутное воспоминание о проглатывании пищи.

Сейчас он понял, что же стучало внутри него — это стучало его сознание. Больше он не чувствовал голода.

«Мое тело делало это,— подумал Дейсейн. Его охватило чувство удивления.— Мое тело делало это».

Паже из безвольных пальцев Дейсейна взял пустую банку и ложку. Бурдо помог Дейсейну вернуться в постель, натянул поверх его простыни и поправил их.

«Мое тело сделало это»,— снова подумал Дейсейн.

Словно бы произошло переключение внутри него, и с мыслью, что влияние Джасперса слабеет, его сознание прояснилось.

— Ну вот,— произнес Паже.

— А как же быть с бинтами? — спросил Бурдо.

Паже осмотрел повязку на щеке Дейсейна, наклонился ближе и понюхал ее, потом выпрямился.

— Возможно, сегодня вечером,— сказал он.

— Вы поймали меня в ловушку, не так ли? — спросил Дейсейн и пристально посмотрел на Паже.

— Ну вот, он снова бредит,— заметил Бурдо.

— Уин,— начал Паже,— я знаю, что у тебя есть кое-какие личные дела. Почему бы тебе сейчас не заняться ими и оставить меня одного с Джилбертом? Постарайся вернуться к шести.

— Я могу позвонить Вилле и попросить ее...

— Не стоит беспокоить дочь,— перебил его Паже.— Иди-и...

— Но что если...

— Никакой опасности не существует,— поторопился заверить его Паже.

— Как скажете,— вздохнул Бурдо. Он направился к двери, ведущей в коридор, на секунду остановился в дверях и внимательно посмотрел на Дейсейна, потом вышел из комнаты.

— Что вы хотите сообщить мне такого, чего не должен слышать Уин? — спросил Дейсейн.

— Ну вот, он снова бредит,— повторил Паже фразу Бурдо.

— Наверное, что-то...

— Да нет у меня никаких тайн!

— И тем не менее вы попросили его наблюдать за мной... потому что он особенный,— заметил Дейсейн. Он глубоко вздохнул, чувствуя необыкновенную ясность в мыслях и встревоженность в сознании.— Уин оказался... безопасным для меня.

— Уин живет собственной жизнью, а вы вмешиваетесь в нее,— сказал Паже.— Он...

— Почему же Уин оказался безопасным?

— Это вам так кажется, а не мне,— возразил Паже.— Уин спас вам жизнь, когда вы чуть было не упали с лестницы. Вот вы и прониклись определенной...

— Он приехал в Сантарогу из внешнего мира,— перебил его Дейсейн.— Когда-то он был таким же, как и я.

— Многие приезжают сюда из внешнего мира,— заметил Паже.

— И вы тоже?

— Нет, но...

— Как же в самом деле действует эта ловушка? — спросил Дейсейн.

— Да нет никакой ловушки!

— Что же Джасперс делает с людьми? — спросил Дейсейн.

— Задайте себе этот вопрос.

— В техническом смысле... доктор?

— В техническом?

— Да. Что же делает Джасперс?

— Ясно! Помимо всего прочего, он ускоряет катализ химических реакций в нервной системе с участием 5-гидрокситриптамина и серотонина.

— Изменения происходят в клеточном комплексе Гольджи?

— Не только. Джасперс вызывает разрушение системы блокировки сознания, в результате чего открывается возможность образного мышления и начинается процесс развития сознания. Вам начинается казаться, что у вас память становится лучше, она... развивается. Но это происходит, конечно, только в момент осуществления реакции — побочный эффект скорости, с которой...

— Образное мышление,— повторил Дейсейн.— А если человек не в состоянии управлять всеми видами памяти? Ведь люди бывают и совершенно неприятные, скандалисты... а некоторые воспоминания способны вызвать психическую травму...

— Да, случались и неудачи.

— Влекущие за собой опасные последствия?

— Иногда.

Дейсейн инстинктивно закрыл рот и сделал глубокий вдох через ноздри. По чувствам ударил резкий запах Джасперса. Он посмотрел в сторону ящика с банками, лежавшего на соседней кровати.

Джасперс. Заряд сознания. Опасная субстанция. Наркотик, таящий в себе зловещее предзнаменование. В сознании Дейсейна проносились самые разные фантазии. Он

повернулся и с удивлением заметил блуждающий взгляд на лице Паже.

— Вы не можете обойтись здесь, в долине, без экспериментов, не так ли? — спросил Дейсейн.

— А кому бы этого хотелось?

— Вы надеетесь, что я останусь, чтобы помочь вам разобраться в ваших неудачах.

— Конечно, это надо сделать.

В Дейсейне вспыхнул гнев.

— И что же мне думать? — вскричал он. — Я не могу избавиться от запаха...

— Успокойтесь, — прошептал Паже. — Сейчас не время волноваться. Все пройдет, а вы даже не заметите этого.

«У каждого общества — свои основы химии, — подумал Дейсейн. — Свой собственный аромат, нечто, представляющее огромную важность, но видимое лишь его членами».

Сантарога пыталась убить его, Дейсейн знал это. И тут мелькнула мысль: «Что, если эти попытки были вызваны тем, что у него был другой запах?» Он уставился на ящик, стоявший на постели. «Невозможно! Не может быть такого простого объяснения!»

Паже подошел к ящику, отодрал небольшой кусочек наклейки от банки и дотронулся языком до него.

— Этот ящик с продуктами находился в хранилище. Эта бумага — органическое вещество. А любое органическое вещество, пройдя определенную обработку, пропитывается Джасперсом. — Он бросил клочок бумаги в ящик.

— Я тоже стану, как этот ящик? — спросил Дейсейн. Ему казалось, что у его ног примостилось некое призрачное существо, и он не мог избавиться от мыслей об этом создании. Внутри него шевельнулось то древнее существо, напомнив о своем существовании. — Я тоже стану...

— Выбросьте эти мысли из головы, — перебил его Паже.

— Я тоже стану одной из ваших неудач? — договорил свой вопрос Дейсейн.

— Я же сказал вам, перестаньте!

— Почему?

Дейсейн сел на кровать, охваченный страхом и гневом, в сознании его проносились различные предположения, и каждое казалось хуже предыдущего. Сейчас он казался себе беззащитнее и уязвимее убегающего от ударов кнутом.

Потрясенный этим так неожиданно пришедшим воспоминанием, Дейсейн рухнул на подушку. «Почему именно в этот момент я вспомнил этот случай? — спросил он себя. Перед его глазами встал случай из далекого детства, вынырнувший из глубин памяти на поверхность сознания. Он вспомнил боль от удара хлыста по спине.

— Вы не относитесь к тому типу людей, на которых Джасперс действует неудачно, — сказал Паже.

Дейсейн с ненавистью посмотрел на пахучий ящик.

— «Джасперс!»

— Вы из той породы людей, которые могут пойти очень далеко, — продолжал Паже. — Почему, как вы думаете, вы оказались здесь? Только ли из-за этого дурацкого отчета о состоянии рынка? Или из-за Дженни? Конечно же, нет. Ответ не может быть таким простым. Поймите, Сантарога призывает к себе определенных людей, и они откликаются на ее зов.

Дейсейн искоса поглядел на него.

— Вот я и прибыл сюда, чтобы предоставить вам, сантарожанцам, возможность прикончить меня, — заметил Дейсейн.

— Мы не хотим убивать вас!

— Помните, вы говорили, что, возможно, я прав, а уже в следующую минуту утверждаете совершенно обратное.

Паже вздохнул.

— У меня есть одно предложение, — сказал Дейсейн.

— Говорите.

— Вам оно не понравится, — заметил Дейсейн.

Паже пристально посмотрел на него.

— Что у вас на уме?

— Вам будет страшно сделать это.

— Я не...

— Это что-то вроде клинического теста, — перебил его Дейсейн. — Но, как мне кажется, вы будете искать любой предлог, чтобы не допустить проведения этого теста или же его остановку. Вы будете пытаться сделать вид, что не понимаете меня. Вы попытаетесь ускользнуть от...

— О Господи! Что у вас на уме?

— И, возможно, вы сумеете сделать это?

— Что именно?

— Отказаться от моего предложения.

— Не пытайтесь загнать меня в угол, Джилберт.

— Ну, хорошо, слушайте,— произнес Дейсейн. Он поднял руку, останавливая Паже.— Я хочу, чтобы вы позволили мне загипнотизировать вас.

— Что?

— Вы слышали, что я сказал.

— Зачем?

— Вы родились здесь,— начал Дейсейн,— вы с самого рождения привыкаете к влиянию этого... заряда сознания. Я хочу заглянуть в глубины вашего подсознания, увидеть, какого рода страхи вы...

— Из всех сумасшедших...

— Я не какой-то там любитель-шарлатан, просящий вас подвергнуться гипнозу,— перебил его Дейсейн.— Я — клинический психолог, хорошо знакомый с гипнотерапией.

— На что вы надеетесь, когда...

— Что такое человеческий страх? — снова не дал договорить ему Дейсейн.— Это как свет маяка, указывающий дорогу домой. Проникните в эти страхи — и вы узнаете его подспудные мотивы. За любым страхом таится насилие огромной...

— Чепуха! У меня нет...

— Вы же врач. Вам об этом известно лучше, чем кому-либо.

Паже молча уставился на него. Вскоре он признал:

— Да, конечно, каждый человек испытывает страх смерти. И...

— Больше, чем это.

— Вы считаете себя каким-то богом, Джилберт? Вы просто ходите вокруг да около...

— Ответьте мне, «взлетит ли орел по твоей команде и сойдет ли гнездо среди высоких скал»? — начал Дейсейн. Он покачал головой.— Чему вы поклоняетесь?

— А... вот оно что — религия.— Паже облегченно вздохнул.— Тебе не нужно бояться ужаса ночи, ни стрелы, днем летящей; ни чумы, крадущейся во мраке; ни разрушения, опустошающего все в округе в полдень. Вы это хотите услышать. Что...

— Нет, не это.

— Джилберт, я не настолько невежественен в этих вопросах, как вы, наверное, себе вообразили. Если я соглашусь на ваше предложение, то можно расшевелить такое...

— И что же именно?

— Мы оба знаем, что это невозможно предсказать заранее.

— Вы проводите эксперимент от имени общины... группы, общества, которое не хочет, чтобы я лез в его дела,— произнес Дейсейн.— Так чему же на самом деле поклоняется это общество? С одной стороны вы говорите: можете смотреть и изучать все, что только пожелаете. А с другой — захлопываете двери. В каждом действии...

— Неужели вы в самом деле верите, что кое-кто из нас пытался... убить вас... ради безопасности общины?

— А разве нет?

— Неужели не найдется других объяснений?

— Каких же?

Дейсейн пристально смотрел на Паже. Вне всякого сомнения, доктор был встревожен. Он избегал взгляда Дейсейна, руки его при этом двигались бесцельно, а дыхание участилось.

— Общество никогда не верит, что оно может умереть,— сказал Паже.— Из этого следует: общество, как таковое, никогда никому не поклоняется — если оно не может умереть, то никогда и не предстанет перед Высшим Судом.

— И в таком случае,— продолжил Дейсейн,— оно может вытворять такие мерзости, какие отдельному человеку никогда бы и в голову не пришли — его бы просто стошнило от одной только мысли об этом.

— Возможно,— пробормотал Паже.— Возможно. Ну хорошо. Почему вы решили проверить меня? Ведь я никогда не пытался причинить вам зла.

Дейсейн, ошарашенный этим вопросом, отвел взгляд в сторону. За окном сквозь зелень деревьев он увидел полоску холмов, которые окружали Сантарогу. Он чувствовал себя пленником этой гряды холмов, запутавшимся в паутине собственных мыслей.

— А что вы скажете о людях, которые пытались убить меня? — резким тоном спросил Дейсейн.— Они что, подходящие объекты для исследований?

— Мальчик — возможно, да,— ответил Паже.— Мне все равно придется исследовать его.

— Пити, сын Йорика,— заметил Дейсейн.— Один из неудавшихся экспериментов, да?

— Не думаю.

— Еще один человек с раскрепощенным сознанием... как я?

— Вы запомнили это?

— Тогда вы говорили, что внешний мир умирает, что вы отгородились от него здесь... с помощью Джасперса.

— Да, тогда я вам многое рассказал, сейчас я это припоминаю,— заметил Паже.— Действительно ли ваше сознание сейчас полностью раскрепощено? Вы уже можете видеть то же, что и мы? Стали ли вы таким же, как мы?

Дейсейн внезапно вспомнил голос Дженни в телефонной трубке: «Будь осторожен». И страх в ее словах: «Они хотят, чтобы ты уехал».

В ту же секунду Паже снова превратился в его сознании в серого кота в саду, вспугнувшего птиц, и Дейсейн понял, что он по-прежнему одинок, он не соединился ни с кем, ни с какой группой. Он вспомнил озеро, то особенное восприятие ощущений — когда он чувствовал все свое тело, общее настроение всей компании, которое он разделял с ними.

И тогда он начал вспоминать все беседы, которые вел с Паже, по-новому оценивая их. Он чувствовал, что в данные секунды внутри его сознания началась перестройка его мироощущений, которые производила Санта-рога.

— Я дам вам еще немного Джасперса,— сказал Паже.— Возможно, тогда...

— Вы подозреваете, что я незаметно для себя дрожу от волнения? — перебил его. Дейсейн.

Паже улыбнулся.

— Сара продолжает использовать фразы, которые имели хождение в прошлом,— сказал он,— до того, как мы урегулировали наши отношения с «Джасперсом»... и внешним миром. Но не стоит смеяться над ней и ее стилем речи. Она сохранила невинный детский взгляд.

— Который отсутствует у меня.

— У вас все еще остались кое-какие догмы и предрассудки тех нелюдей,— сказал Паже.

— К тому же я услышал и узнал слишком много о вас, сантарожанцах, чтобы мне позволено было уехать,— заметил Дейсейн.

— Неужели вы так и не попытаетесь стать? — произнес Паже.

— Стать кем? — Этот сумасшедший, почти шизофренический разговор с Паже выводил Дейсейна из себя. «Болтовня! Раскрепощенное сознание!»

— Только вы знаете это, — ответил Паже.

— Знаю что?

Паже в ответ лишь пристально посмотрел на Дейсейна.

— Я скажу вам, что я понял, — произнес тот. — Я знаю, что вы в ужасе от моего предложения. Вы не хотите узнать, почему Вина насыпала яд для тараканов в кофе. Вы не хотите знать, почему Клара Шелер отравила свое жареное мясо. Вы не хотите знать, по чьей подсказке меня столкнули с пристани на озере и почему пятнадцатилетний мальчик пытался пронзить меня стрелой. Вы не хотите узнать, почему Дженни отравила яйца. Вы не собираетесь расследовать, почему меня едва не раздавила машина в гараже или сгорел мой грузовик. Вы не хотите...

— Ну хватит!

Паже потер подбородок и отвернулся.

— Ну, что я говорил: вам все же удалось это, — заметил Дейсейн.

— «Iti vucati», — пробормотал Паже. — «Существует аксиома: каждая система и каждая интерпретация становятся ложными, когда появляется другая система, более совершенная и, значит, верная». Интересно, может, поэтому вы и прибыли сюда — чтобы напомнить нам банальную истину: не существует утверждений, свободных от противоречий.

Он повернулся и пристально посмотрел на Дейсейна.

— О чем вы говорите? — спросил тот. В тоне и манерах собеседника Дейсейн увидел неожиданное спокойствие, которое вызвало у него беспокойство.

— Внутренняя просвещенность всех живых существ начинается со своего «я», — начал Паже. — И это «я» невозможно свести к некоторой изолированной области в памяти, основанной на восприятии символов. Будучи сознательными существами, наши мысли являются проекциями нашего «я» на чувственное восприятие. Но бывает так, что наше «я» сбивается с пути — то наше «я», которое воплощает в себе отдельную личность или совокупность индивидуумов. Интересно...

— Прекратите свои попытки отвлечь меня своей дурацкой болтовней, — перебил его Дейсейн. — Вы пытаетесь сменить тему разговора, избежать...

— ...пустоты,— закончил за него Паже.— Да, да. Пустота — очень уместное слово. Невозможно воспринимать Эйнштейна как только математика. Всякое феноменальное существование — преходяще и относительно. На самом деле не существует ничего реального, заслуживающего внимания. Каждую минуту любая вещь превращается в нечто иное.

Дейсейн приподнял голову над подушкой. Неужели старый доктор сошел с ума?

— Действие само по себе не может дать результата,— продолжал Паже.— Вы мыслите в абсолютных категориях. Однако поиск любой закономерности есть плод ложной фантазии. Вы пытаетесь при помощи пальцев отцедить мыло от воды. Реальность восприятия — признак заблуждения.

Дейсейн покачал головой. Его собеседник говорил полную чушь.

— Я вижу, что вы смущены,— продолжал Паже.— Вы на самом деле не понимаете, какая в вас скрыта интеллектуальная энергия. Вы ходите по узким тропам. Я же предлагаю вам новые орбиты...

— Да перестаньте вы,— прервал его Дейсейн.— Он вспомнил озеро, хриплый женский голос, говорящий: «Это единственное, что можно сделать». И ответ Дженни: «Мы и делаем это».

— Вы должны привыкнуть к условному мышлению,— сказал Паже.— Только в этом случае вам удастся осознать относительность собственного существования и стать выразителем относительной истины, которую вы пытаетесь постичь. У вас есть способность к этому. Я вижу это. Ваш дар предвидения насильственных действий, направленных на...

— Какой бы эксперимент вы ни проводили надо мной, вы ведь не прекратите его, не так ли? — спросил Дейсейн.— Вы все будете давить на меня, давить и...

— Кто это давит? — удивился Паже.— Разве не вы оказываете самое сильное давление на...

— Черт бы вас побрал! Замолчите!

Паже молча смотрел на него.

— Эйнштейн,— пробормотал Дейсейн.— Относительность... абсолютность... интеллектуальная энергия... феноменальный... — Он замолчал, когда его разум вдруг заработал со скоростью компьютера подобно тому, как это уже

было с ним, когда он решил перелететь на грузовике через провал в мосту.

«Скоростная работа ума,— подумал Дейсейн,— напоминает охоту за подводными лодками — в сознании. И успех зависит от количества задействованных тобою поисковых отрядов и скорости их передвижения».

И так же быстро, как возникло это ощущение, оно исчезло. Но это было самое сильное потрясение в его жизни. Правда... в этот раз его необычный дар не предупредил его о непосредственной опасности.

«Узкие тропы»,— повторил Дейсейн про себя. Он с удивлением посмотрел на Паже. В его словах был скрыт какой-то подтекст. Может, именно так сантарожанцы и думают? Дейсейн покачал головой. Вряд ли. Ему это казалось невозможным.

— Могу я рассказать поподробнее? — спросил Паже. Дейсейн кивнул.

— Вы, должно быть, заметили, мы провозглашаем свои относительные истины в несколько бесцеремонной манере.— Условное мышление не допускает никакого другого подхода. Ведь оно подразумевает взаимное уважение. И это резко отличается от подхода к рыночным отношениям людей, пославших вас сюда шпионить за нами. У них есть...

— Как быстро вы можете думать? — спросил Дейсейн.

— Быстро? — Паже пожал плечами.— По мере необходимости.

«По мере необходимости»,— повторил про себя Дейсейн.

— Могу я продолжить? — спросил Паже.

И снова Дейсейн кивнул.

— Мы заметили,— начал Паже,— что та нечистоплотность, которой отмечено наше время, проникла и на телевидение — с этим вы согласитесь, не раздумывая. И теперь остался один короткий шаг к мысли о том, что сейчас размещаются потоки измерительных приборов и создаются подслушивающие группы бригад. Я не сомневаюсь, что это уже сделано — это так очевидно. А теперь задумайтесь на секунду над тем, как воротили большого бизнеса относятся к тем, кто выполняет подобного рода работу, и к тем, кто посчитал, что ему негоже заниматься ею.

Дейсейн прокашлялся. Вот в чем суть обвинительного акта, выдвинутого сантарожанцами против внешнего мира. «Как вы используете людей? С достоинством? Или же их способности вы используете для достижения собственных целей?» Внешний мир все больше и больше начал казаться Дейсейну, как место вызывающей раздражение пустоты и умышленно лстивых речей.

«Я уже действительно начинаю видеть все, как сантарожанцы», — подумал Дейсейн. В его сознании возникло чувство победы. Ведь ради этого он и был послан сюда.

— Не удивительно, — продолжал Паже, — что закон военного времени используется и сейчас, в мирное время, в рекламе и политике — ведь, знаете, это тоже своего рода война — сами проблемы остаются теми же. Вне зависимости от поля битвы лучшее оружие — математика дифференциальных уравнений.

«Армии, — подумал Дейсейн. Он сфокусировал свой взгляд на двигающихся губах Паже, внезапно удивившись перемене темы разговора. Неужели Паже сделал это преднамеренно? Ведь они разговаривали о невидимой стороне жизни Сантароги, ее страхах...

— Вы дали мне пищу для размышлений, — сказал Паже. — Я на некоторое время оставлю вас одного, и посмотрим, смогу ли я придумать что-нибудь конструктивное. У изголовья вашей кровати находится кнопка вызова. На этом этаже нет дежурной медсестры, но в случае необходимости кто-нибудь быстро поднимется к вам. Время от времени они будут заглядывать к вам. Может, вам бы хотелось что-нибудь почитать? Я мог бы что-нибудь передать.

«Что-нибудь конструктивное? — подумал Дейсейн. — Что он имел в виду?»

— Как насчет нескольких номеров нашей газеты? — спросил Паже.

— Принесите мне бумагу и ручку, — попросил Дейсейн. — И да, эти газеты.

— Очень хорошо. Постарайтесь отдохнуть. Кажется силы постепенно возвращаются к вам, но не переусердствуйте.

Повернувшись, Паже вышел из комнаты.

Вскоре появилась рыжеволосая медсестра с кипой газет, блокнотом и темно-зеленой шариковой ручкой. Она положила все это на прикроватную тумбочку и сказала:

— Поправить вам постель?

— Нет, спасибо.

Дейсейн вдруг поймал себя на том, что ее лицо ему кого-то поразительно напоминает... да, Эла Мардена.

— Ваша фамилия Марден,— сказал он.

— Итак, что еще нового? — произнесла она и, когда он ничего не ответил, вышла из комнаты.

«Так, я ее достал!» — подумал Дейсейн.

Он взглянул на кипу газет и вспомнил, как по всему городу безуспешно искал газетный киоск. А сейчас они попали к нему с такой легкостью, что потеряли часть своей привлекательности. Дейсейн соскользнул с кровати и встал. Слабости в коленях он почти не ощущал.

В поле зрения попал ящик с консервами.

Он прошел к нему и, порывшись, обнаружил банку яблочного повидла, после чего тут же опустошил ее, пока не исчез запах Джасперса. Во время еды он надеялся, что теперь к нему вновь вернется тот уровень с необыкновенной ясностью и скоростью мышления, что он пережил на мосту и на короткое время, разговаривая с Паже.

Яблочное повидло утолило его голод, оставив какое-то смутное беспокойство — но и только.

«Может, со временем влияние его уменьшается? — подумал он.— И с каждым разом требуется все больше и больше этой ерунды? А, может, он просто начинает акклиматизироваться?

Так что же, поймали они его на крючок?»

Дейсейн вспомнил Дженни, смотревшую на него умоляющим взглядом, но это был обманчивый взгляд. «Заряд сознания. Что во имя Бога сантарожанцы открыли?»

Дейсейн посмотрел в окно на вереницу холмов, проглядывающих сквозь листву деревьев. Где-то внизу горел невидимый отсюда костер — его дым спиралью поднимался над горным кряжем. Дейсейн уставился на этот дым, увидев в том огне какой-то загадочный мистицизм; он почувствовал себя первобытным охотником — этот дым словно бы явил ему, его душе, знак из далекого генетического прошлого. И не было никакого страха. Наоборот, он как бы воссоединялся с какой-то частью своего «я», которую он отрезал от себя еще в детстве.

«Меня тянет исследовать свое детство», — подумал он.

И в этот момент он понял, что сантарожанцы так и не лишили его первобытного прошлого — оно скрывалось внутри его мембранного разума.

«Я становлюсь сантарожанцем,— подумал Дейсейн.— Насколько же далеко зайдет этот процесс, прежде чем я поверну его в обратную сторону? Ведь у меня есть долг перед Селадором и теми, кто направил меня сюда. Когда же я это сделаю, решусь на этот шаг?»

Но вместе с этой мыслью пришло глубокое отвращение к возвращению во внешний мир. Но ему придется вернуться. Он почувствовал приступ тошноты, подкатившей к горлу, в висках застучало. Дейсейн вспомнил о раздражающей пустоте внешнего мира, составленной из осколков жизней, где эгоизм прикрывался бутафорскими нарядами, где почти не осталось ничего, что могло бы вызвать душевный подъем и воспарение.

«У жизни во внешнем мире нет прочного фундамента,— подумал Дейсейн,— невозможно связать воедино все отдельные события. Есть лишь только пустая сверкающая дорога, по бокам которой мелькают столбы-указатели, которые действуют гипнотически, отвлекая внимание от дороги. А за сверкающим полотном — только безликие строения из досок... и полное запустение.

Я не могу вернуться,— думал Дейсейн. Он прошел к кровати и упал на простыни.— Мой долг... я должен вернуться. Что же это творится со мной? Неужели я пробыл здесь слишком долго и дождался наконец?

Неужели Паже наврал ему насчет влияния Джасперса?»

Дейсейн перевернулся на спину и прикрыл ладонью глаза. «В чем же заключается химическая сущность Джасперса? От Селадора здесь помощи ждать было нельзя — это вещество невозможно было перевезти во внешний мир.

Я знал это,— подумал Дейсейн.— Я все время знал это».

Он убрал руку с лица. Вне всякого сомнения: он пытается избежать ответственности. Дейсейн посмотрел на двери в стене напротив него: кухня, лаборатория...

Из груди вырвался тяжелый вздох.

Он знал: лучший объект для исследования — сыр. В нем дольше всего сохраняется присутствие Джасперса. Лаборатория... и немного сыра.

Дейсейн нажал кнопку звонка у изголовья своей кровати.

Он вздрогнул, когда прямо сзади него раздался женский голос.

— Вам сию секунду требуется медсестра?

Дейсейн повернулся и увидел громкоговоритель, вмонтированный в стену.

— Мне бы хотелось немного сыра Джасперс,— ответил он.

— О... сейчас, сэр.— В женском голосе прозвучало восхищение, которое не могла скрыть электроника.

Вскоре рыжеволосая медсестра с теми же чертами лица, что и у Мардена, вошла в комнату с подносом. Она поставила поднос поверх газет на тумбочку.

— Вот доктор,— сказала она.— Я принесла заодно вам и немного сухого печенья.

— Спасибо,— поблагодарил ее Дейсейн.

В дверях девушка остановилась.

— Дженни обрадуется, узнав, что вы здесь.

— Дженни уже проснулась?

— О да! В основном во всем виновата ее аллергия на аконит. Мы выкачали из нее весь яд, и теперь она быстро идет на поправку. Она уже хочет встать. А это всегда хороший признак.

— А как яд оказался в еде? — спросил Дейсейн.

— Одна из студенток-практиканток по ошибке приняла его за капсулу с ЛСД. Она...

— Но каким образом яд оказался на кухне?

— Это мы еще не выяснили. Несомненно, это какой-то дурацкий несчастный случай.

— Несомненно,— буркнул Дейсейн.

— Ну а теперь ешьте сыр и отдохните немного,— сказала медсестра.— Звоните в случае чего.

Дверь тут же захлопнулась за ней.

Дейсейн посмотрел на золотистый кусочек сыра. Резкий запах Джасперса бил в ноздри. Дейсейн отломил пальцами от него уголок и лизнул. Чувства Дейсейна внезапно обострились. Непроизвольно он запихнул весь кусочек в рот и проглотил. Он почувствовал приятный успокаивающий аромат. В один миг в голове все прояснилось.

«К чему бы это ни привело,— решил Дейсейн,— но мир должен узнать об этом веществе».

Он опустил ноги и встал с постели. В голове застучало. Он закрыл глаза и, почувствовав, как все перед глазами поплыло, схватился за кровать.

Головокружение прошло.

На подносе Дейсейн обнаружил нож для резки сыра и, отрезав кусочек от золотистого кирпичика, сумел остановить движение руки, уже направлявшейся ко рту.

«Тело действует автоматически»,— подумал он. Он ощущал мощное принуждение выполнить эту команду, приказ своему телу, но сумел сдержаться... попозже, сперва — лаборатория.

Она оказалась оснащенной гораздо более лучше, чем он предполагал: приборов было немного, но здесь было все, что надо для проведения исследовательских работ — хорошая центрифуга, микротом, бинокулярный микроскоп с регулируемым освещением, газовая горелка, ряды чистых пробирок.

Дейсейн обнаружил емкость с дистиллированной водой и еще одну со спиртом. Раскрошив кусочек сыра, он смешивал их со спиртовым раствором и, положив все это на предметное стекло, занялся исследованием под окуляром микроскопа.

Он увидел переплетающиеся между собой нити — молекулы сыра. После наведения резкости нити превратились в спирали продолговатой формы, напоминавшие клетки, которым не давали возможность нормально делиться.

Озадаченный Дейсейн откинулся на спинку стула. Строение нитей очень напоминало губчатую грибницу, что не противоречило его первоначальному предположению, что он столкнулся с каким-то новым, выведенным типом гриба.

Но что же за активный агент присутствует здесь?

Закрыв глаза, Дейсейн задумался и вдруг заметил, что его трясет от усталости.

«Не нужно перенапрягаться,— сказал он себе.— Ты еще не до конца вылечился. Для получения результатов некоторых экспериментов требуется время. С этим можно подождать».

Он вернулся к кровати и растянулся на простынях. Протянул левую руку к сыру, он отломил кусочек.

Дейсейн осознал свои действия, только когда проглотил сыр. Взглянув на крошки, оставшиеся на пальцах, он начал растирать их и почувствовал, как гладко скользит кожа, в которую было втерто масло. По всему телу пронеслась волна блаженства.

«Тело делает это,— подумал Дейсейн.— Само по себе, тело делает это без участия сознания. Неужели тело спо-

собно выйти из-под контроля и убить человека? Весьма похоже, что это так и есть».

Он почувствовал, как его сознание проваливается в сон. Его телу нужен был сон. Его тело, если бы он не ставлял себя держаться, уже бы уснуло.

Но сознание его, однако, уже создавало какой-то сон: деревья, за которыми он следил, вдруг стали гигантскими и, переполненные жизненной энергии, выпрыгнули из земли, сбрасывая с себя ветви с непосильным грузом листьев и фруктов. И все это великолепие грелось под лучами солнца цвета золотистого сыра.

ГЛАВА 12

Когда Дейсейн проснулся, небо на западе было окрашено в оранжевый цвет заката. Он лежал, повернув голову в сторону окна, и смотрел на ослепительно сверкающее небо, словно бы оказавшись под действием неких чар, сродни тем, что охватывали древних греков, когда они поклонялись солнцу. Корабль жизни спускался в свою ежедневную гавань. Вскоре эта земля окажется во власти тьмы.

Позади Дейсейна что-то щелкнуло. Комнату затопил искусственный свет, разрушая чары. Он повернулся.

В дверях стояла Дженни. На ней был длинный зеленый халат, достигавший ей почти до колен. На ногах — зеленые тапочки.

— Тебе уже пора было проснуться, — сказала она.

Дейсейн уставился на нее как на незнакомку. Он видел, что это была та же самая Дженни, которую он любил, — ее длинные черные волосы были перехвачены красной ленточкой, полуоткрытые полные губы, ямочка на щеке, — но он заметил едва различимое выражение спокойствия в ее голубых глазах — спокойствия богини.

Она направилась к нему, двигаясь так, как в том далеком прошлом, — ему никогда не забыть ее плавной походки.

Поразительный страх охватил Дейсейна — сродни тому, который испытывал аттический крестьянин перед дельфийской жрицей. Она была прекрасна... и смертельно опасна.

— Ты что, не хочешь спросить, как я себя чувствую? — спросила Дженни.

— Я вижу, что с тобой все в порядке, — ответил он.

Дженни сделала еще один шаг в его сторону и сказала:

— Клара подогнала к нашему дому машину Джерси Хофстеддера и оставила ее там для тебя. Сейчас автомобиль стоит в гараже.

Дейсейн вспомнил об этой прекрасной машине — еще одна приманка для него.

— А что ты принесла мне в этот раз? — спросил он. — У тебя в руках нет никакой еды, — продолжил он. — Возможно, яд на острие твоей шляпной булавки?

В глазах девушки появились слезы.

— Не подходи ко мне, — напомнил он. — Я люблю тебя.

Дженни кивнула:

— Я действительно люблю тебя. И... И я понимаю, насколько опасной я могу быть для тебя. Все время была... — Она зарыдала. — Я понимала, что должна быть от тебя подальше. Но больше не могла выдерживать этого. Как и сейчас.

— Ладно, все прошло, — сказал Дейсейн. — Кто старое помянет, тому глаз вон. Ты не захватила с собой случайно пистолет? Ведь это оружие более эффективно, а пуля быстра.

Дженни топнула ногой.

— Джил, ты невыносим!

— Неужели?

— Ты ведь изменился, да? — прошептала девушка. — Неужели ты не чувствуешь ничего...

— Я по-прежнему люблю тебя, — перебил ее Дейсейн. — Не подходи ко мне. Я люблю тебя.

Дженни прикусила губу.

— Разве не было бы милосердно сделать это во время сна? — продолжал он изводить девушку. — И я бы тогда никогда не узнал, кто...

— Хватит!

Внезапно Дженни сорвала с себя зеленый халат, под которым оказалась белая ночная рубашка, отделанная по краям кружевами. Она стянула через голову ночную рубашку и, бросив ее на пол, осталась стоять обнаженной перед Дейсейном, глядя на него сверкающими глазами.

— Видишь? — спросила она. — Здесь нет ничего, кроме женской плоти! Ничего, кроме женщины, которая любит

тебя.— Слезы текли по ее щекам.— В моих руках нет яда...
О Джил...— Она зарыдала.

Дейсейн заставил себя отвести взгляд в сторону. Он знал, что не может смотреть на нее — такую милую, изящную, желанную — и сохранять при этом холодную голову, способную рассуждать. Она была прекрасной и смертельно опасной одновременно — последняя приманка, которой пыталась завлечь его в свои сети Сантарога.

У двери донеслось шуршание одежды.

Дейсейн повернулся.

Она снова стояла, уже одетая в зеленый халат. Щеки ее рдели, губы дрожали, глаза опущены вниз. Дженни медленно подняла глаза и встретила с его взглядом.

— Я не стыжусь твоего присутствия, Джил,— начала она.— Я люблю тебя. Я хочу, чтобы между нами не существовало никаких тайн — тайн плоти... и вообще каких-либо тайн.

Дейсейн попытался проглотить комок, застрявший в горле. Богиня оказалась уязвимой. И от этого открытия его грудь сжалась от боли.

— Я хочу того же,— сказал он.— Джен... лучше тебе сейчас оставить меня одного. Если ты не сделаешь этого... я просто могу схватить тебя и изнасиловать.

Она попыталась улыбнуться, но не смогла, потом повернулась и выбежала из комнаты.

Дверь с шумом захлопнулась. На несколько секунд воцарилась тишина. Потом дверь снова открылась, и Дейсейн увидел Паже, стоявшего в проеме и выглядывавшего в коридор. Потом Дейсейн ясно расслышал звуки закрывающихся дверей лифта. Паже зашел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Что произошло между вами? — спросил он.

— По-моему, мы просто поссорились, а затем помирились,— ответил Дейсейн.— Хотя я не уверен.

Паже прокашлялся. Дейсейну показалось, что его круглое лицо выражает уверенность, однако не похоже, чтобы доктор над чем-то усиленно думал, Дейсейн в этом несколько не сомневался. Как бы то ни было, но тут же это выражение исчезло, а в широко раскрытых глазах появился интерес к Дейсейну.

— Вы выглядите гораздо лучше,— заметил Паже.— На щеках уже нет прежней бледности. Чувствуете, что к вам возвращаются силы?

— По правде говоря, да.

Паже взглянул на остатки сыра на тумбочке, подошел к ней и понюхал.

— Не совсем свежий,— произнес он.— Я скажу, чтобы прислали свежий.

— Да, пожалуйста,— сказал Дейсейн.

— Могу я взглянуть на ваши бинты? — спросил Паже.

— А я думал, что бинтами займется Бурдо.

— Уина задержало дома одно небольшое дельце. Вы знаете, завтра выходит замуж его дочь. Так что он придет позже.

— Я не знал.

— Сейчас как раз достраивается дом для молодых,— сказал Паже.— Небольшая задержка вышла из-за того, что мы решили построить четыре дома вместо одного. Место это хорошее — вы с Дженни могли бы облюбовать один из них.

— Очень мило,— заметил Дейсейн.— Значит, вы собираетесь все вместе и строите дома для молодоженов.

— Мы заботимся о себе,— сказал Паже.— Прошу вас, позвольте мне осмотреть наконец ваши бинты.

— Пожалуйста.

— Я рад, что вы стали более благоразумно вести себя,— заметил Паже.— Я сейчас вернусь.— Он направился к двери в лабораторию и через минуту вернулся с тележкой, поставил ее рядом с кроватью и начал снимать бинты с головы.

— Вижу, что вы впустую потратили время в лаборатории,— произнес Паже.

Дейсейн поморщился, когда доктор снял бинт с обожженного места на щеке.

— Так значит то, что я делал в лаборатории, оказалось впустую?

— То, что вы делали? — переспросил Паже. Наклонившись поближе, он внимательно осмотрел щеку Дейсейна.— Похоже, лечение протекает великолепно. Я считаю, что не останется даже и шрама.

— Я занимался поисками активного агента в Джасперсе,— сказал Дейсейн.

— Уже предпринималось несколько таких попыток,— заметил Паже.— Вся беда в том, что мы слишком заняты более насущными проблемами.

— А вы сами пытались? — поинтересовался Дейсейн.

— Когда был молодым.

Дейсейн подождал, пока Паже снял с головы бинт, и спросил:

— У вас остались какие-нибудь записи, выводы?

— Никаких записей. У меня никогда на это не оставалось времени.

Паже занялся правой рукой Дейсейна.

— Что же вы обнаружили?

— Я взял бульон, насыщенный аминокислотами. Очень похоже на дрожжи. А вот на этой руке, похоже, шрам останется, но вам нечего особо волноваться, вскоре все заживет. И благодарить за это вам следует Джасперс!

— Что? — Дейсейн озадаченно уставился на Паже.

— Природа дает, природа же и забирает обратно. Да, изменения в химической структуре вашего тела делает вас более подверженным аллергии, но при этом ваше тело будет вылечиваться в пять — десять раз быстрее, чем во внешнем мире.

Дейсейн окинул взглядом свою обнаженную руку. Новая розовая кожа уже появилась на месте ожога. Он видел шрам в том самом месте, о котором говорил Паже.

— И что это за изменения в химической структуре тела? — спросил Дейсейн.

— Ну, главным образом улучшения в гормональном балансе, — ответил Паже. — Очень похоже на тот процесс, который наблюдается у эмбрионов.

— Но это не согласовывается с аллергической реакцией, — возразил Дейсейн.

— Я ведь и не говорил, что все так просто, — заметил Паже. — Держите руку на весу. Не двигайте ею.

Дейсейн подождал, пока перевязка не будет закончена, потом начал:

— А как насчет структуры и...

— Что-то среднее между вирусом и бактерией, — поспешил ответить Паже. — В каких-то отношениях напоминает грибок, однако...

— Я рассматривал клеточную структуру под микроскопом.

— Да, но не ядро. Конечно, какое-то ядерное вещество присутствует, но все дело в том, что на него можно воздействовать таким образом, чтобы был образован вирусный кристалл.

— Эти кристаллы и производят эффект Джасперса?

— Нет. Однако их можно поместить в подходящую среду, и после надлежащей обработки они-то и производят желаемый эффект.

— Какую среду?

— Вы знаете это, Джилберт.

— Пещера-хранилище кооператива?

— Да.— Паже закончил снимать бинты с левой руки Дейсейна.

— Не думаю, что на этой руке у вас останется такой же шрам.

— Что же такого уникального во внутренней среде пещеры? — спросил Дейсейн.

— Мы точно не знаем.

— Неужели никто никогда не пытался...

— Джилберт, у нас и без того хватает насущных проблем, которые требуют немедленного разрешения,— перебил его Паже.— И одна из них — сохранить свое существование.

Дейсейн посмотрел вниз и стал наблюдать за тем, как Паже заканчивает перевязку на левой руке. «Сохранить свое существование»,— повторил Дейсейн про себя.

— А никто не будет возражать, если я попрошу мне разрешить заглянуть в хранилище? — спросил Дейсейн.

— Если найдется время — конечно же, нет.— Паже положил инструменты и бинты на тележку и откатил ее в сторону.— Вот и все. Мне кажется, завтра уже окончательно мы снимем с вас бинты. Ваш прогресс в лечении просто великолепен.

— В самом деле?

Паже улыбнулся ему.

— Страховая компания позаботится о возмещении убытков, нанесенных пожаром в гараже,— сказал Паже.— Я полагаю, Дженни уже рассказала вам о новом автомобиле.

— Да.

— Мы также заменили вашу одежду. Хотите еще чего-нибудь?

— Как насчет замены свободы выбора?

— У вас есть свобода выбора, Джилберт, и вам есть из чего выбирать. А теперь у меня есть несколько...

— Оставьте советы при себе,— перебил его Дейсейн.

— Советы? Я просто хотел вам сказать, что у меня есть довольно любопытная информация для вас. После

вашего предложения, чтобы я повнимательнее присмотрелся к тем людям, которых вы обвиняли в попытках убить вас, у меня в голове родилось несколько...

— Моего предложения, чтобы вы повнимательнее присмотрелись?

— Я взял на себя смелость предупредить вас.

— Значит, вы загипнотизировали кое-кого из них,— понял Дейсейн.— Вы приготовили диаграмму Дэвиса по их восприятию...

— Я не гипнотизировал их,— резко оборвал его Паже.— Будете вы молчать и слушать, в конце концов?

Дейсейн вздохнул и посмотрел в потолок.

— Я провел беседы с несколькими из этих людей,— начал Паже.— Первым — с мальчиком Пити Йориком, потому что это больше всего касается меня — ведь он только что выпущен из школы. И вскрылся один весьма любопытный факт.

— Да?

— У каждого из этих людей была сильная подсознательная причина бояться и ненавидеть внешний мир.

— Что? — Помрачневший Дейсейн озадаченно уставился на Паже.

— Они пытались убить вас не как человека Джилберта Дейсейна,— сказал Паже.— Вы — чужак из внешнего мира. Это порождает сильную, до сих пор не разрешенную...

— Вы хотите сказать, что считаете в порядке вещей...

— Как вы поняли,— перебил его Паже,— причины возникают подсознательно. Однако структура мотивации...

— Значит, Дженни и любит меня, и ненавидит одновременно... поскольку я чужак?

— Вы правильно все поняли, Джилберт. Дженни не пыталась причинить вам зла. Как раз медсестра-практикантка...

— Дженни сказала мне, что она лично приготовила мне еду...

— Это только так называется,— перебил его Паже.— На самом же деле она сходила в диетическую кухню и заказала вам еду и наблюдала за ее приготовлением. Однако не могла же она уследить за каждым...

— И вы считаете,— перебил в свою очередь его Дейсейн,— что эта... эта ненависть к чужакам и есть причина того, что несколько сантарожанцев пытались убить меня?

— Это совершенно очевидно, Джилберт.

Дейсейн пристально посмотрел на Паже. Да, несомненно, доктор верит в это.

— Значит, пока я живу в Сантароге, мне придется внимательно следить за всеми людьми, которые ненавидят чужаков? — спросил Дейсейн.

— Теперь вам вовсе не нужно ничего бояться, — ответил Паже. — Вы больше не чужак. Вы уже один из нас. И когда вы и Дженни поженитесь...

— Из всей чепухи, которую мне когда-либо приходилось слышать, — воскликнул Дейсейн, — эта бьет все остальные! Этот... этот пацан Пити хотел попасть в меня стрелой, потому что...

— У него патологический страх, что он уедет из долины учиться во внешний мир, — перебил его Паже. — Конечно, он преодолеет этот страх, но эмоции детства более...

— А порошок для травли тараканов в кофе, — не дал ему досказать свою мысль Дейсейн. — Ведь это тоже просто...

— Это следствие очень печальной истории, — перебил его Паже. — Она влюбилась, когда училась в колледже, в одного чужака — как, например, Дженни, добавлю я от себя. Вся разница в том, что друг Вайны соблазнил ее, а потом бросил. И у нее есть дочь, которая...

— О Господи! Да вы в самом деле верите в эту чушь! — воскликнул Дейсейн. Он прижался к стенке кровати и посмотрел на Паже сверкающими глазами.

— Джилберт, мне кажется, что гораздо легче поверить в это, чем в вашу сумасшедшую теорию, что Сантарога предприняла массированную атаку на вас. В конце концов, вы должны сами увидеть.

— Конечно, — перебил его Дейсейн. — А теперь объясните мне тот инцидент на мосту. Посмотрим, как...

— О, проще всего! — воскликнул Паже. — Подозреваемый молодой человек был влюблен в Дженни до того, как в ее жизни появились вы.

— Поэтому он просто дожидался момента, когда...

— Все это происходило на подсознательном уровне, уверяю вас, Джилберт.

Дейсейн пристально посмотрел на доктора. Схема рационального объяснения несчастных случаев, выстроенных Паже, напоминала Дейсейну форму дерева, дерева из

его сна. Из темных глубин к сверкающему ослепительно, как солнце, сознанию тянулся мощный ствол. Корни скрывались во мраке. От ствола отходили ветви с уже довольно заметными листьями и фруктами. Оно возникло и не собиралось исчезать, несмотря на свою фальшивость.

И его невозможно было срубить, понял вдруг Дейсейн. Слишком уж эта штука была нематериальной. И слишком много было подобных деревьев в этом лесу, который назывался Сантарога. «Это дерево, видишь? Неужели оно не выглядит так, как остальные?»

— Мне кажется,— начал Паже,— что, когда вам предоставится время поразмышлять над этим, вы осознаете истину...

— О, несомненно,— перебил его Дейсейн.

— Я... э-э... я скажу, чтобы вам прислали немного свежего сыра,— сказал Паже.— Из особого хранилища.

— Да, конечно.

— Я все прекрасно понимаю,— начал Паже.— Вы думаете, что сейчас вы ведете себя, хотя и цинично, но очень мудро. Но со временем вы исправитесь.

С этими словами он вышел из комнаты.

Дейсейн продолжал смотреть на запертую дверь в течение нескольких минут после ухода Паже. Доктор не мог понять его и никогда не окажется в состоянии понять, как и любой сантарожанец. Даже Дженни, несмотря на ее исключительную восприимчивость, усиленную ее любовью. Слишком уж просты были объяснения Паже, чтобы их принять. В нем заключена точка зрения официальных властей.

«Мне обязательно нужно выбраться из этой сумасшедшей долины»,— решил Дейсейн.

Он выскользнул из постели как раз тогда, когда дверь открылась и в комнату вошла юная круглолицая и без чепчика студентка-практикантка с подносом.

— О, вы встали с постели! — воскликнула она удивленно.— Это хорошо.

Она взяла с тумбочки старый поднос, поставила на его место новый. Потом она положила старый на стул.

— Пока вы встали, я поправлю вашу постель,— сказала она.

Дейсейн стоял, опершись о спинку кровати, пока сестра возилась с постелью. Вскоре она ушла, забрав с собой старый поднос.

Дейсейн посмотрел на то, что она принесла: золотистый клинышек сыра, сухое печенье, стакан и бутылка пива Джасперса.

В приливе внезапно вспыхнувшего гнева Дейсейн швырнул сыр в стену. Потом он простоял некоторое время, уставившись на пятно в стене, пока не почувствовал успокаивающий вкус во рту и осознал, что он слизывает крошки с пальцев.

Дейсейн пристально посмотрел на свою руку, словно она принадлежала какому-то другому человеку. Он сознательно заставил себя не нагибаться и не поднимать сыр с пола, а повернулся к пиву. За бутылкой находилась открывалка. Дейсейн налил пива в стакан и выпил его быстрыми глотками. Только когда в стакане не осталось пива, он почувствовал резкий аромат Джасперса в оставшихся каплях пива.

Пытаясь побороть легкую дрожь, Дейсейн поставил стакан на тумбочку, забрался в постель, словно в поисках убежища.

Его тело требовало Джасперса. «Это не люди поедают Джасперс,— подумал Дейсейн,— а Джасперс пожирает их». Он ощутил эффект расширения сознания, услышал громогласный шум толпы, неприятно действовавший на психику. Время потеряло свой обычный ход, жалось, готовое разорваться в любой миг.

Дейсейн услышал чьи-то торопливые шаги. Щелкнул выключатель, и его комната погрузилась в темноту. Дверь захлопнулась.

Дейсейн открыл глаза и посмотрел в окно, за которым сияли звезды. В их свете он различил свежий клинышек сыра на тумбочке. Остатки сыра со стены и пола убрали. Он вспомнил голос Дженни — тихий, музыкальный, журчащий, словно темная вода над камнями, слегка дрожащий.

Неужели где-то здесь, в темноте, находится Дженни? Он не знал точного ответа.

Дейсейн пошарил рукой у изголовья кровати и, найдя кнопку вызова, нажал.

Из громкоговорителя послышался чей-то голос:

— Вам нужна медсестра?

— А который час? — спросил Дейсейн.

— Двадцать четыре минуты четвертого. Вы хотите снотворного?

— Нет... спасибо.

Дейсейн сел, опустил ноги на пол и уставился на сыр.

— Вы только хотели узнать время?

— Сколько весит целая головка сыра Джасперса? — спросил Дейсейн.

— Весит? — После паузы последовал ответ: — Они бывают разные. Самая маленькая весит примерно тридцать фунтов. А что?

— Принесите мне целую, — попросил он.

— Целую... Разве у вас нет сейчас немного сыра?

— Мне это нужно для лабораторного исследования, — пояснил Дейсейн и подумал: «Ну вот! Теперь посмотрим, насколько правдив со мной был Паже».

— Вам сыр понадобится утром, когда вы проснетесь?

— Нет, прямо сейчас. И принесите мне халат и тапочки, пожалуйста.

— А не лучше ли доктора подождать. Если...

— Если считаете необходимым, свяжитесь с Паже, — перебил ее Дейсейн. — Мне сыр нужен немедленно.

— Ну, хорошо. — В женском голосе Дейсейн услышал неодобрение.

Он стал ждать, сидя на краю кровати и глядя за окно в темноту. Непроизвольно он отломил кусочек сыра, лежавшего на тумбочке, прожевал его и проглотил.

Вскоре из открывшейся двери в комнату проник клиншеск света, и вошла высокая седовласая медсестра. Она включила свет. В руках у нее была огромная круглая упаковка золотистого сыра, все еще сверкавшего восковой печатью.

— Вот тридцать шесть фунтов первоклассного сыра Джасперса, — произнесла женщина. — Куда мне положить его? — В ее голосе слышались недовольство и протест.

— Поищите место на одной из лабораторных полок, — ответил Дейсейн. — А где халат и тапочки?

— Если вы будете терпеливы, то я отдам их вам, — ответила женщина. Она протиснулась в дверь лаборатории и через несколько секунд вернулась. Пройдя к двери в противоположном конце комнаты, она открыла ее. Дейсейн увидел за ней висевшую одежду — это оказался платяной шкаф. Медсестра достала из него зеленый халат и пару черных тапочек, которые поставила на пол перед кроватью Дейсейна.

— Это все, сэр?

— Да... пока.

— М-м-м.— Медсестра вышла из комнаты и с шумом захлопнула дверь за собой.

Дейсейн еще раз откусил от сыра, лежавшего на тумбочке, надел халат и тапочки и прошел в лабораторию. Медсестра, выйдя из нее, оставила гореть свет. Круглая упаковка сыра лежала на открытой металлической полке справа.

«Алкоголь не действует на Джасперс,— подумал Дейсейн.— Иначе бы его не добавляли в местное пиво. Что же уничтожает его? Может быть, солнечный свет?»

Он вспомнил тусклый красный свет в хранилище кооператива.

«Ладно, есть способы узнать это». Дейсейн закатил рукава халата и принялся за работу. За час три четверти головка сыра превратилась в молочный раствор, и Дейсейн начал работу с центрифугой.

Когда были получены результаты из первых колб, оказалось, что их содержимое наслаивается слоями, как это обычно происходит после хроматографии. У верха колбы осела тонкая серебристо-серая пленка какого-то неизвестного вещества.

Дейсейн вылил жидкость, выжег отверстие на дне колбы и выдул оттуда неповрежденный кусочек. Немного серого вещества попало на предметное стекло, и он исследовал его под микроскопом.

Он увидел грибовую структуру, искаженную, но вполне узнаваемую. Он понюхал предметное стекло. Резкий аромат Джасперса. Потом он начал изменять освещенность предметного столика, вращая ручку регулирования, наблюдая за веществом. Внезапно оно прямо на глазах начало сморщиваться и кристаллизовываться.

Дейсейн посмотрел на индикатор освещенности, сделанный в виде спектрального окошка. В данный момент он показывал интенсивность прохождения светового потока в диапазоне от 4000 до 5800 ангстрем. Дейсейн заметил, что кристалл образовался на красном участке спектра.

Он снова заглянул в микроскоп и увидел, что вещество полностью превратилось в белую кристаллическую субстанцию.

«Значит, солнечные лучи. Как же уничтожить пещеру? — подумал Дейсейн. — Может, принести бомбу. Или портативную лампу дневного света?»

В это время Дейсейн вдруг заметил, как за окном клинки меркнет темнота и возникает темная фигура какого-то чудовища.

Дейсейн содрогнулся и повернулся к бутылке с молочным раствором. Действуя механически, он поместил оставшуюся часть раствора в центрифугу, потом отделил серебристо-серую пленку и собрал полученное вещество в темно-коричневую склянку. Из раствора получилось почти пол-литра эссенции Джасперса.

Дейсейн понюхал склянку — резкий запах Джасперса ударил в ноздри. Он вылил содержимое на мелкую тарелку, взял шпателем немного вещества и лизнул его. После чего по его спине словно бы промчалась электрическая искра. Ему показалось, что он способен «видеть» кончиком языка или пальца. Дейсейн чувствовал, как стержень его сознания превращается в стальное зернышко, окруженное пустотой. Он сконцентрировал свою энергию и заставил себя посмотреть на эссенцию Джасперса.

Там ничего не было!

«Что же уничтожило ее? Как могла тарелка стать пустой?»

Дейсейн посмотрел на правую ладонь. Как же близко она находится к его лицу! На розовой коже начали проступать серебристо-серые пятнышки.

Его сознание заполонили покалывающие ощущения, шедшие от нервных окончаний — сначала от желудка и горла, потом по рукам и ногам. И вот уже словно бы вся кожа вспыхнула огнем. Возникло отдаленное чувство, что тело соскальзывает вниз, на пол, и в тех местах, где тело касалось пола, ему казалось, что пол ослепительно сверкает.

«Я съел полную тарелку эссенции, — подумал Дейсейн. Что же способен сделать этот активный компонент, выделенный из более чем тридцати фунтов сыра Джасперса? Действительно, что? Что же он делает сейчас?» Дейсейн чувствовал, что это самый интересный вопрос. Что же он сейчас делает с ним? ... зернышко собственного «я»! Где же оно?»

На каком фундаменте реальности покоилось до сих пор его «я»? Дейсейн лихорадочно пытался расширить свое сознание, ясно сознавая при этом, что проецирует свою

собственную субъективную реальность на внешнюю Вселенную. Однако одновременно происходит и воздействие Вселенной на его мировосприятие. Он шел за линиями этой проекции, чувствовал, как они проносятся сквозь него, словно сквозь тень.

В этот миг он сбился с пути и споткнулся.

«Да я — просто какая-то тень!» — мелькнула мысль.

Эта мысль привела его в возбуждение. Он вспомнил игры с тенью из своего детства. «Интересно, какую форму примут тени после того, как будет искажено его «я»?» И от этой мысли перед ним предстала картина темного экрана, созданного его сознанием, очерченного бесформенными контурами. Ему захотелось изменить форму.

И вот на месте экрана возник какой-то мускулистый герой, бьющий себя в грудь.

Дейсейн сменил акцент.

Тень превратилась в согбенную, близорукую фигуру ученого в длинном халате. Еще одно изменение — и перед ним обнаженный Аполлон, бегущий по живописной равнине, окруженный женскими фигурами.

И снова — труженик, согнувшийся под тяжестью бесформенного груза.

С захватывающим дух чувством божественного откровения Дейсейн вдруг осознал, что его картины не выходят за рамки его собственных знаний и представлений, которые, естественно, довольно ограничены. И именно открытие, сделанное сейчас им без чьей-либо помощи, давало ему чувство надежды. Странного рода, смутная, непонятно на что направленная, но которая, несомненно, существовала — не просто надежда, рожденная неуверенностью, а просто надежда без всяких границ, направлений или привязанностей. Надежда сама по себе.

И это знаменательное мгновение позволило ему осознать мимолетность мига его собственного существования, его способности как живого существа.

Участок, занятый сознанием Дейсейна, пересекло нечто изгибающееся, выгнутое и искаженное. Он узнал зернышко его «я», потерявшего всю свою первоначальную форму. Дейсейн, хихикая, отбросил его. «Кто же отбросил только что это? — подумал Дейсейн. Кто хихикал?»

Раздался громкий стук шагов. Голоса.

Он узнал неприятные интонации голоса седовласой медсестры, но в нем прозвучали и нотки паники.

Паже.

— Давайте уложим его на кровать,— сказал Паже. Слова прозвучали ясно и отчетливо.

Но не столь ясно виделась ему форма Вселенной, которая стала приобретать размытые очертания радуги, как и не видел он чьих-то сильных рук, пытавшихся погасить ослепительное пламя, которым была объята его кожа.

— Трудно возвращаться в обычное состояние сознания, когда ты только что находился за пределами его,— пробормотал Дейсейн.

— Он что-то сказал? — спросила медсестра.

— Я не разобрал,— ответил Паже.

— Вы чувствуете запах Джасперса вон там? — снова спросила медсестра.

— Полагаю, он выделил эссенцию и проглотил ее.

— О Господи! Что же нам делать?

— Ждать и молиться. Принесите мне смирительную рубашку и велите доставить тележку.

«Смирительную рубашку? — повторил про себя Дейсейн.— Какая странная просьба!»

Кто-то побегал. Как же громко раздаются эти шаги! Хлопнула дверь. Еще какие-то голоса. Какая кругом неразбериха!

Дейсейн почувствовал своей кожей, что его поместили во что-то темное. Все зрительные ощущения пропали.

Внезапно Дейсейн почувствовал, как его тело сморщилось, и он превратился в ребенка, брыкающегося, вопящего, машущего руками, пытающегося за что-нибудь ухватиться.

— Помогите мне! — Это снова был Паже.

— Что тут за беспорядок?! — раздался какой-то мужской голос.

Однако Дейсейну в этот миг уже казалось, что он превратился в рот, просто отдельный рот. Который дул, дул и дул, подобно ветру. Конечно же, весь мир должен сжаться под напором этого урагана!

А потом он стал доской, качающейся на ветру. А в следующий миг — детскими качелями. Вниз и вверх... вверх и вниз.

«Лучше хорошо бежать, чем плохо стоять»,— вспомнил он.

И он бежал, бежал, задыхаясь, хватая ртом воздух.

Из кружащихся над ним облаков вынырнула какая-то скамейка. Он рухнул на нее... и стал скамейкой — еще одной доской. И доска эта все глубже и глубже погружалась в кипящее зеленое море.

«Жизнь в океане бессознательности», — подумал Дейсейн.

Вокруг него становилось все темнее и темнее.

«Смерть, — мелькнула мысль. — Именно на фоне смерти я могу познать себя».

Темнота рассеялась. Дейсейна несло вверх, к ослепительному свету. И в этом сиянии двигались какие-то темные фигуры.

— У него открытые глаза. — Это была медсестра.

Какая-то тень промелькнула.

— Джилберт? — Это говорил Паже. — Джилберт, ты можешь слышать меня? Сколько Джасперса ты принял?

Дейсейн попытался ответить, но губы отказывались подчиняться ему.

Снова вернулось ослепительное сияние.

— Нам придется самим узнать это, — заметил Паже. — Сколько весила головка сыра?

— Тридцать шесть фунтов, — ответила медсестра.

— Полное физическое истощение, — это снова про-изнес Паже. — Приготовьте респиратор.

— Доктор, что если он... — По всей видимости, страх не дал медсестре закончить фразу.

— Я... готов, — сказал Паже.

«Готов к чему?» — подумал Дейсейн.

Сосредоточив свое внимание, он вдруг понял, что может заставить это сияние поблекнуть. И в тот же миг в конце туннеля он ясно различил лицо Паже. Дейсейн лежал, беспомощно наблюдая, не способный двигаться, в то время как к нему подходил Паже с колбой в руках, из которой струилась пена и поднимался дым.

«Кислота, — подумал Дейсейн, вспомнив слова медсестры. — Если я умру, они растворят мое тело и выльют в канализационную трубу. Нет ни тела, ни улики».

Туннель рухнул.

Свет, усилившись, начал потом сходиться к одной точке.

«Возможно, я уже не существую», — подумал Дейсейн.

Стало темнее.

«Возможно, я не могу ничего делать,— пришла новая мысль.

Еще темнее.

«Возможно, меня нет!»

А потом наступило небытие.

ГЛАВА 13

— Возможно было либо излечиться, либо умереть,—
Произнес желтый бог.

— Я отрекаюсь от тебя,— сказал белый бог.

— Ты не захотел того, что я предлагал тебе,— укоризненно произнес красный бог.

— Ты заставил меня смеяться,— заметил черный бог.

— Нет ни одного дерева, которое являлось бы тобою,— подчеркнул зеленый бог.

— А теперь мы уходим, и только один из нас вернется,— хором произнесли боги.

Раздалось чье-то кашлянье.

— Почему у вас нет лиц? — спросил Дейсейн.— Вы различаетесь цветами, но безлики.

— Что? — прогромыхал резкий голос.

— Вы какие-то странные боги,— продолжал Дейсейн. Он открыл глаза и, увидев черты лица Бурдо, заметил, что тот крайне озабочен и озадачен.

— Вовсе я никакой не бог,— сказал Бурдо.— Что вы сказали, доктор Джил? Вам что, приснился новый кошмар?

Дейсейн моргнул и попытался шевельнуть руками. Ничего не получилось. Он поднял голову и посмотрел на свое тело, затянутое в смирительную рубашку. Комната пропахла вонью дезинфицирующих средств, Джасперсом и еще чем-то прокисшим и вызывающим отвращение. Дейсейн огляделся. Он по-прежнему находился в изоляторе. Его голова упала обратно на подушку.

— Почему меня связали таким образом? — прошептал Дейсейн.

— Вы что-то сказали, сэр?

Дейсейн повторил вопрос.

— Знаете, доктор Джил, мы не хотели, чтобы вы сами себе причинили вред.

— Когда... когда меня освободят?

— Доктор Ларри сказал, что как только вы проснетесь.

— А ведь... я уже проснулся.

— Да, я вижу это, сэр. Я просто...— Негр пожал плечами и принялся расстегивать ремни, стягивающие рукава рубашки.

— Сколько? — прошептал Дейсейн.

— Сколько вы пробыли в таком положении?

Дейсейн кивнул.

— Целых три дня с небольшим. Сейчас почти полдень.

Наконец, когда с ремнями было покончено, Бурдо помог Дейсейну сесть, расстегнул пуговицы сзади и снял рубашку.

Ему показалось, что его необычайно чувствительная кожа на спине кровоточит, а мышцы словно принадлежат другому человеку. «Это совершенно новое тело»,— мелькнула мысль.

К нему подошел Бурдо с белым халатом, накиннул его на плечи Дейсейна и завязал сзади.

— Хотите, медсестра сделает вам массаж спины? — спросил Бурдо.— В двух местах кожа покраснела, и это не очень-то хорошо.

— Нет... спасибо.

Дейсейн пошевелил сначала одной, затем другой ногой. Перед глазами возникла знакомая ладонь. Его собственная. «Как может это быть его ладонь,— удивился он,— когда мышцы руки принадлежат какому-то незнакомцу?»

— Доктор Ларри сказал, что никто никогда не принимал столько Джасперса за раз,— сказал Бурдо.— Джасперс — это хорошая штука, сэр, но всем известно, что вы приняли его слишком много.

— А... Дженни...

— С ней, доктор Джил, все в порядке. Она так беспокоилась о вас. Как и все мы.

Дейсейн шевельнул одной ногой этого незнакомца, потом другой, пока не удалось свесить их с кровати. Он посмотрел на свои колени. Они выглядели очень странно.

— Послушайте,— обратился к нему Бурдо.— Вам лучше остаться в постели.

— У меня... Я...

— Вы хотите в ванную? Лучше, если я принесу вам судно.

— Нет... я...— Дейсейн покачал головой. Внезапно он понял, что что-то не так — его тело испытывало чувство голода.

— Я голоден,— сказал он.

— Так почему вы сразу не сказали это? Вас здесь уже дожидается отличный завтрак!

Бурдо поднял чашку и поставил ее перед Дейсейном. Резкий аромат Джасперса ударил в ноздри. Дейсейн протянул руку к чашке, однако Бурдо остановил его:

— Лучше, если я буду кормить вас с ложечки, доктор Джил. Вы еще слишком слабы.

Дейсейн остался терпеливо сидеть, позволив накормить его из ложечки. Он чувствовал, как восстанавливаются силы. «Оно никуда не годится, это тело»,— решил он. Психика, его внутреннее совсем не соответствовали его внешней оболочке.

Дейсейн вдруг спросил себя, а что же его тело ест помимо вездесущего Джасперса. Овсянку, подсказал ему язык. С медом Джасперса и сливками Джасперса.

— Вас тут дожидается один посетитель,— произнес Бурдо, когда чашка опустела.

— Дженни?

— Нет... доктор Селадор.

«Селадор!» — Это имя взорвалось в сознании Дейсейна. Селадор доверял ему, надеялся на него. Селадор-то и выслал ему пистолет по почте.

— Вы примете его? — спросил Бурдо.

— Вы... не будете возражать, если я увижусь с ним? — спросил Дейсейн в свою очередь.

— Возражать? А почему это я должен, сэр?

«Вовсе не твои, Бурдо, возражения я имел в виду»,— сказал про себя Дейсейн.

И в этот миг Дейсейна охватило сильное желание послать Селадора подальше. Как же легко было это сделать. Сантарога сможет оградить его от селадоров внешнего мира. Ему нужно только сказать об этом Бурдо, и все будет устроено.

— Я... э-э... хочу увидаться с ним,— сказал Дейсейн. Он огляделся.— Вы не можете мне надеть халат и... есть здесь стул, на котором я мог бы?..

— А почему бы вам, сэр, не устроиться в кресле на колесиках? Доктор Ларри специально послал за одним для

вас. Он не хочет, чтобы вы перенапрягались. Вы не должны уставать, понимаете?

— Да... да, я понимаю. Кресло на колесиках.

Бурдо ушел за Селадором, перекатив кресло в противоположный конец комнаты к двери, ведущей в коридор. Перед Дейсейном находились стеклянные двери, выходившие на открытую веранду, освещенную солнечными лучами.

Ему показалось, что его оставили одного, бесцеремонно выставив на всеобщее обозрение, с обнаженной душой, корчившимся в судорогах страха. «А ведь я по-прежнему отягощен тяжким грузом», — мелькнула мысль. Его приводила в замешательство перспектива встречи с Селадором. Исподволь подкрадывался непонятный страх. Селадор умеет различать притворство и обман. Он сразу заметит лживую маску — среди аналитиков с ним сравниться не мог никто.

«Селадор унизит меня, — подумал Дейсейн. — Почему это я согласился принять его? Он насквозь пронзит меня взглядом, и я не смогу сопротивляться ему — мои реакции выдадут ему все, что захочет узнать обо мне... о моей неудаче».

И в этот момент Дейсейну показалось, что стенки раковины, в которой была заключена его рассудительность, разъедены внешней мишурой и фантазиями. Селадор с резким треском раздавит ее с присущей ему жизнерадостностью.

Дверь в коридор открылась.

Заставляя себя не торопиться, Дейсейн медленно повернул голову.

В дверях стоял Селадор, высокий, с резкими чертами лица, мужчина. Смуглый цвет кожи и диковатые глаза индийца в обрамлении седых волос на висках, такого же серебристо-серого цвета твидовый костюм. У Дейсейна вдруг возникло смутное чувство, что он уже видел это лицо в другой жизни — этот пронизывающий взгляд из-под чалмы, в центре которой красовался кроваво-красный драгоценный камень.

Дейсейн покачал головой. «Я схожу с ума».

— Джилберт, — сказал Селадор, направляясь к нему. — Во имя Господа, что же ты сотворил с собой? — Дейсейн отчетливо слышал каждое слово, произносимое с

оксфордским акцентом.— Мне сказали, что ты получил сильные ожоги.

«Итак, началось»,— сказал себе Дейсейн.

— Я... мои руки и кисти,— произнес Дейсейн.— И еще немного лицо.

— Я прибыл только сегодня утром,— сказал Селадор.— Мы все так беспокоились о тебе, знаешь. За все эти дни — ни слова от тебя.

Он остановился перед Дейсейном, почти полностью закрыв собой обзор веранды.

— Должен сказать, что ты, Джилберт, выглядишь ужасно. Однако, кажется, у тебя на лице не осталось ни одного шрама.

Дейсейн поднес руку к щеке. И неожиданно он почувствовал, что это его щека, а не того незнакомца. Кожа на ощупь казалась, гладкой, новой.

— Все это место провоняло проклятым мускусным запахом,— пожаловался Селадор.— Ты не будешь возражать, если я открою эти двери?

— Нет... нет, пожалуйста, открывайте.

Дейсейн поймал себя на том, что борется с чувством, что Селадор — вовсе не Селадор: его слова уже не поражали глубиной мысли, а сам он приобрел некую манерность, которая, насколько помнил Дейсейн, была вовсе не характерна для него. Неужели Селадор изменился?

— Чудесный солнечный день,— произнес Селадор.— Почему бы мне не выкатить тебя на эту веранду, чтобы ты подышал свежим воздухом. Тебе это пойдет на пользу.

Паника сжала горло Дейсейна. Эта веранда... Он почувствовал, что там его ждет какая-то опасность. Он попытался остановить Селадора, возразить. Однако слова застревали в горле.

Селадор понял молчание за знак согласия и выкатил кресло Дейсейна за дверь. Слегка задрожал подоконник, и вот они уже на веранде.

Лучи солнца согревали Дейсейна. Его щеки щекотал легкий ветерок, в котором почти уже не оставалось запаха Джасперса, проясняя сознание. Дейсейн сказал:

— Разве вы не...

— Разве тебя не пьянит свежий воздух? — перебил его Селадор. Он остановился у невысокого парапета, на самом

краю крыши.— Ну вот. Ты можешь восхищаться этим видом, а я присяду на этот уступ.

Селадор присел и положил одну руку на спинку кресла Дейсейна.

— Как мне кажется, к этой палате подведены специальные провода, способные улавливать все звуки,— сказал Селадор.— Однако не думаю, что они установили подслушивающее устройство и здесь.

Дейсейн ухватился за колеса, боясь, что кресло внезапно сдвинется вперед, и он свалится с крыши. Он посмотрел вниз на асфальтированную автостоянку, газоны, цветочные клумбы, деревья. До него постепенно доходил смысл слов Селадора.

— Специальные провода... способные...— Он повернулся и увидел удивление в темных глазах собеседника.

— Очевидно, ты еще не до конца пришел в себя,— заметил Селадор.— Да это и понятно. Ты прошел через горнило ужасных испытаний. Это очевидно. Впрочем, как только ты поправишься, я увезу тебя из этой долины. Уже в конце этой недели ты окажешься в безопасности в обычном госпитале в Беркли, где сможешь отдохнуть и поднабраться сил.

Внутри Дейсейна kloкотали разные чувства, его сознание стало ареной сражения. «В безопасности. Какое ободряющее слово! Уехать из долины? Ему нельзя покидать ее! Но он должен уехать. Но куда, во внешний мир? Отправиться в этот ужасный мир?»

— Тебя что, накачали наркотиками, Джилберт? — спросил Селадор.— Ты выглядишь... таким... таким...

— У меня... Со мной все в порядке.

— Знаешь, вообще-то ты ведешь себя довольно странно. Ты даже не спросил меня, что же мы обнаружили по тем ниточкам, которые ты нам дал.

— И что...

— Оказывается, свой бензин они получают из отходов. Что вполне нормально, если принять во внимание экономические мотивы: расчет производится наличными с независимым производителем. Сыр и остальные продукты их кооператива, как утверждают из департамента по сельскому хозяйству, с медицинской точки зрения совершенно безвредны. Однако коллегия департамента, ведающую вопросами недвижимости, заинтересовало то, что никто, кроме

сантарожанцев, не может купить собственность в долине. Может быть, они нарушают законодательство, предусматривающее борьбу против дискриминации в...

— Нет,— перебил его Дейсейн.— Они... ничего не нарушают.

— Ха! Ты рассуждаешь как человек, обнаруживший в шкафу скелет. Ну так что, Джилберт, по-твоему все это?

Дейсейну показалось, словно он схвачен вампиром, который собирается выпить из него всю кровь. Селадора его кровь насытит, даст силы. Дейсейн покачал головой.

— Ты болен, Джилберт? Может, я утомляю тебя?

— Нет. Просто я медленно соображаю. Доктор, вы должны понять, у меня...

— У тебя остались записи, Джилберт? Возможно, я смогу прочитать твой отчет и...

— Нет... пожар...

— Ах да! Доктор, этот Паже, говорил что-то насчет твоего сгоревшего грузовика. Полагаю, все сгорело?

— Да.

— Ладно, значит, теперь нам, Джилберт, придется обойтись твоим устным рассказом. Есть ли какая-нибудь слабинка, которой мы могли бы воспользоваться для уничтожения этих людей?

Дейсейн вспомнил о теплицах — детский труд. Он вспомнил статистические данные, по которым у нескольких сантарожанцев после употребления Джасперса была разрушена психика. Он подумал о наркотическом влиянии Джасперса. О чем не думай — всюду он видел, как можно уничтожить Сантарогу.

— Должно быть еще что-нибудь.— сказал Селадор.— Ты продержался здесь намного дольше остальных исследователей. По всей видимости, тебе предоставили возможность свободно перемещаться по долине. Я не сомневаюсь, что кое-что ты обнаружил.

«Продержался здесь намного дольше остальных исследователей»,— повторил про себя Дейсейн. Эта фраза прозвучала как откровение. Он как бы участвовал в обсуждениях, где решался вопрос о его участии в этом проекте. У Дейсейна в долине живет девушка. Может быть, это именно то, что нам нужно. Безусловно, это дает нам основание надеяться, что он продержится дольше остальных.

«Наверное, все так и происходило», — подумал Дейсейн. Подобная бесцеремонность вызывала у него отвращение.

— А что, в долину приезжало больше двух? — спросил Дейсейн.

— Двух? О чем ты, Джилберт?

— Так как, больше двух исследователей было здесь... до меня?

— Я не понимаю, откуда ты это...

— Так были?

— Ну, знаешь, а ты очень проницательный, Джилберт. Да, их было больше двух. Кажется, восемь или девять.

— Почему...

— Почему тебе это не сообщили? Мы хотели предупредить тебя, чтобы ты был поосторожнее, но потом посчитали, что нет необходимости пугать тебя.

— Но вы ведь считали, что они были убиты здесь... сантарожанцами?

— Все эти случаи выглядят необычайно загадочными, Джилберт. Мы вовсе не были уверены. — Селадор внимательно и испытующе посмотрел на Дейсейна, широко раскрыв глаза. — Это так, верно? Убийство. И мы в данный момент подвергаемся опасности? У тебя сохранилось то оружие, которое я...

— Если бы все было так просто, — вздохнул Дейсейн.

— Во имя Господа, Джилберт, что же это тогда? Ведь ты наверняка что-то обнаружил. Я возлагал на тебя такие надежды.

«Возлагал на тебя такие надежды», — повторил про себя Дейсейн. И снова эта фраза как бы открыла дверь, за которой втайне велись разговоры, решавшие его судьбу. Почему Селадор так разоткровенничался с ним? Дейсейн вдруг понял, что его поражает собеседник, внезапно утративший присущую ему глубину мысли. «Куда же делся всемогущий психоаналитик? Неужели он и в самом деле так сильно изменился?»

— Значит, вы... вы просто использовали меня, — сказал Дейсейн. Он вспомнил обвинения Эла Мардена. Марден все это понял...

— Послушай, Джилберт, давай не будем выяснять отношения. Да, как раз перед тем, как я выехал сюда, Мейер Дэвидсон интересовался тобой. Ты помнишь Дэвидсона, агента инвестиционной корпорации? Ты, Джилберт,

произвел на него потрясающее впечатление. Он сказал мне, что уже подыскивает тебе место в своей фирме.

Дейсейн уставился на Селадора. Неужели он говорит это всерьез?

— Ты окажешься на ступеньку выше, Джилберт, в нашем мире.

Дейсейну очень захотелось рассмеяться, но он справился с этим желанием. У него возникло странное чувство, что он порвал со своим прошлым и уже в состоянии заняться изучением той псевдоличности, того жалкого существа, которым был он сам. Тот, второй Дейсейн, ухватился бы за это предложение обеими руками. Новый же Дейсейн понимал, что в этом предложении выражено истинное отношение Селадора и его закадычных дружок к таким, как он: как к полезному, но не очень умному человеку, Джилберту Дейсейну, вспомнил он слова Паже.

— Ты уже составил мнение о Сантароге? — спросил Дейсейн. «Интересно, видел ли уже Селадор стоянку подержанных автомобилей Клары Шелер или рекламные объявления на витринах магазинов.

— Сегодня утром, дожидаясь, когда мне будет разрешено встретиться с тобой, я проехался немного по городу, — сказал Селадор.

— И как тебе показалось это место?

— Ответить откровенно? Странное местечко. Когда я спрашивал у местных жителей дорогу сюда, они отвечали отрывисто... и странно как-то. Не совсем... ну, словом, это был не английский, хотя, конечно, было множество американизмов, однако...

— У них возник и свой язык — напоминает их сыр, — заметил Дейсейн. — Такой же острый и с характерным привкусом.

— Острый! Точно сказано!

— А может их назвать обществом индивидуалистов, а, что скажешь? — спросил Дейсейн.

— Возможно... но в чем-то они все одинаковы. Скажи мне, Джилберт, нет ли в этом связи с решением направить тебя сюда?

— В этом?

— Я имею в виду вопросы, которые ты мне задаешь. Должен признаться, что твоя манера говорить очень напоминает... ладно, черт побери, но ты говоришь, как местные

жители.— Смуглокожий индеец попытался выдавить из себя улыбку.— Неужели и ты стал местным?

Вопрос человека с восточными чертами на смуглом лице и с сильным оксфордским акцентом внезапно показался Дейсейну удивительно забавным. Чтобы Селадор задавал такие детские вопросы...

Дейсейн безудержно захохотал.

Селадор расценил этот смех по-своему.

— Ну что ж, мне остается надеяться, что это не так.

— Людей должна интересовать прежде всего человечность,— заметил Дейсейн.

И снова Селадор не понял его.

— Да, и ты изучал сантарожанцев как превосходный психолог, каким ты и являешься. Хорошо. Ну что ж, тогда... расскажи, что же ты выяснил.

— Я скажу это иначе,— сказал Дейсейн.— Иметь свободу — это еще не все, нужно знать, как распорядиться ею. Существует вероятность, что, гоняясь за свободой, люди в каком-то отношении превращаются в ее рабов.

— Звучит очень философски,— заметил Селадор.— Ну, а как быть нашим спонсорам, ищущим справедливости?

— Справедливости?

— Конечно, справедливости. Их заманили в эту долину и обманули. Они вложили огромные средства в нее — и никакой отдачи. А они не такие люди, кто способен стерпеть подобное отношение.

— Заманили? — переспросил Дейсейн.— Одно я знаю точно: никто в долине им ничего не отдаст. Каким образом их заманили? Кстати, каким образом им удалось приобрести право на аренду?..

— Это не является насущным вопросом, Джилберт.

— Нет, это очень важно! Каким же образом им удалось приобрести право на аренду сантароганской земли?

Селадор вздохнул.

— Ну, хорошо. Раз ты так настаиваешь. Они выиграли это право на аукционе, где распродавалась государственная собственность, предложив цену в....

— Поскольку были уверены, что никто не предложит бóльшую,— перебил его Дейсейн и захихикал.— Неужели они не занимались изучением местного рынка?

— Они отлично знали, сколько людей здесь проживает.

— Но каких людей?

— Что ты хочешь этим сказать, Джилберт?

— Сантарога очень напоминает греческий полис,— ответил Дейсейн.— Это общество индивидуалистов, но не коллектив. Сантарожанцы — не рабы какого-нибудь муравейника, которыми можно понукать и улащивать пряниками. Это настоящий полис, достаточно небольшой по размерам, чтобы удовлетворять потребности людей. Их прежде всего интересуют люди. Ну, а что касается справедливости...

— Джилберт, ты говоришь очень странные вещи.

— Выслушайте меня, пожалуйста, доктор.

— Ну, хорошо, только я надеюсь уловить смысл во всей этой... этой...

— Справедливости,— закончил за него Дейсейн.— Спонсоры, о которых вы упомянули, и правительство, которое они контролируют, больше интересует общественный порядок, чем справедливость. Они унаследовали представления от заскорузлой, давно изжившей себя системы, с которой незаметно для себя срослись. Вы хотите узнать, как сантарожанцы относятся к ним и их махинациям?

— Позволь напомнить тебе, Джилберт: именно для этого мы и направили тебя в долину.

Дейсейн улыбнулся. Обвинительный тон Селадора не пробуждал в нем угрызений совести.

— Нечестная власть,— начал Дейсейн.— Вот что думают сантарожанцы о внешнем мире: «Место, где господствует нечестная власть. Деньги и нечестная власть подчинили себе все там».

— Внешний мир,— повторил Селадор.— А ведь ты специально выделил это словосочетание.

— Нечестная власть — это власть без управляющего,— продолжал Дейсейн.— Выходя из-под контроля, она уничтожает самое себя и все вокруг. Эта цивилизация представляет собой сплошное поле сражений. Им даны различные термины: рыночное пространство, торговое пространство, суд, выборы, сенат, аукцион, забастовка — но все равно они остаются полем сражений. И это нельзя отрицать: каждый возьмется за оружие, если будет брошен клич войны.

— Я уже начинаю верить, что ты защищаешь этих сантарожанских мошенников,— заметил Селадор.

— Конечно, я защищаю их! С моих глаз здесь спала пелена, мешавшая мне все ясно видеть! Ведь я продержался

намного больше, чем вы рассчитывали, верно? Вы ведь возлагали на меня такие надежды! Как вы можете быть таким наивным?!

— Вот что, Джилберт!..— Селадор встал и посмотрел на Дейсейна сверкающими глазами.

— Вы знаете, что я понял, что на самом деле я понял? — спросил Дейсейн.— Справедливость! Вы все так чертовски хотите спрятать за ширмой справедливости и законности свою ложь! Вы говорите мне...

— Доктор Джил? — из дверей на веранду донесся голос Бурдо.

Дейсейн облокотился о левую сторону кресла и оттолкнулся правым колесом. Кресло завертелось на месте. В ту же секунду Дейсейн увидел Бурдо, стоявшего у открытых стеклянных дверей на веранду, и почувствовал, как его кресло обо что-то ударилось. Он повернул голову в сторону Селадора и успел увидеть, как его ноги исчезают за краем крыши. А потом раздался долгий отчаянный, душевраздирающий вопль, а затем глухой удар о землю, звука которого Дейсейн никогда раньше не слышал. Его чуть не стошнило.

Бурдо внезапно оказался рядом с ним. Свесившись через парапет, он посмотрел вниз.

— О Господи! — пробормотал Бурдо.— О Господи, какой ужасный случай!

Дейсейн поднял руки и взглянул на них — свои руки. «Я ведь слишком слаб для того, чтобы это сделать, — попытался уверить себя он.— Я еще не выздоровел окончательно. Я слишком слаб!»

ГЛАВА 14

— Главной причиной этого несчастного случая, — начал Паже, — было то, что жертва имела глупость встать слишком близко к краю крыши.

Допрос производился в палате Дейсейна: «Поскольку она находилась совсем рядом с местом происшествия и в связи с тем, что доктор Дейсейн еще не полностью оправился от травм и шока», — так было указано в официальном протоколе.

Специально назначенный по особому распоряжению главного прокурора штата в Сантарогу следователь при-

был как раз перед началом допроса, назначенного на десять часов утра. Следовательно, которого звали Уильям Гаррити, очевидно был знаком с Паже. Они приветствовали друг друга по имени и пожали руки у кровати Дейсейна. Гаррити оказался невысокого роста человеком, на первый взгляд даже хрупким, с песочного цвета волосами, продолговатым лицом, на котором застыла маска безразличия.

Председательствовал на суде местный следователь, негр, которого Дейсейн впервые увидел этим утром. Звали его Лерой Кос. У него были вьющиеся седые волосы, а квадратное, скуластое лицо было преисполнено чувства собственного достоинства. На нем был строгий черный костюм, и, пока не пробило десять часов, он держался в стороне от царившей перед допросом суматохи — лишь тогда он уселся за судейский стол, ударил один раз карандашом и произнес:

— Призываю всех к порядку.

Аудитория, в том числе и свидетели, разместилась на складных стульях, которые специально по этому поводу принесли сюда. Гаррити сидел за одним столиком с помощником прокурора округа, которого, как впоследствии выяснилось, звали Нис, Сварфаут Нис; у него были густые брови, унаследованные от своих далеких предков, большой рот и песочные волосы, однако на подбородке отсутствовала характерная ямочка.

За два дня, прошедшие с момента трагедии Дейсейн понял, какое море отрицательных эмоций, среди которых преобладал все время растущий гнев, вызвало в нем поведение Селадора на крыше: «Дурак, чертов дурак, погибнуть подобным образом!».

Паже, заняв место свидетеля, коротко рассказал о происшествии.

— Во-первых,— начал Паже, придав своему круглому лицу выражение негодования,— он не имел никакого права вывозить доктора Дейсейна из палаты на веранду. Я надеюсь, что вполне ясно изложил физическое состояние доктора Дейсейна.

Гаррити, государственный следователь, позволил себе задать еще один вопрос:

— Вы видели, как произошел несчастный случай, доктор Паже?

— Да. Мистер Бурдо, заметив, что доктор Селадор выкатывает моего пациента на залитую солнцем веранду и зная, что это может привести к ухудшению его состояния, позвал меня. Я пришел как раз в тот момент, когда доктор Селадор споткнулся и упал.

— Вы видели, как он споткнулся? — спросил Сварфаут Нис.

— Конечно. Кажется, он пытался ухватиться за спинку кресла, в котором находился доктор Дейсейн. К счастью, ему не удалось дотянуться до кресла — иначе бы он мог увлечь за собой за край парапета и доктора Дейсейна.

«Селадор споткнулся? — повторил про себя Дейсейн. Его охватило чувство облегчения.— Итак, Селадор споткнулся! Я не столкнул его вниз! Я знал, что слишком слаб для этого. Может быть, во всем виновата какая-нибудь слабо закрепленная доска на веранде? — На мгновение вспомнил, как вцепился в колеса кресла мертвой хваткой и мягко оттолкнулся.— Возможно, какая-то доска мягко спружинила,— сказал он себе».

После Паже свидетельское место занял Бурдо, и он подтвердил показания Паже.

«Значит, все так и было».

Дейсейн почувствовал, как силы вливаются в его тело. Он сравнил опыт, приобретаемый им здесь, в Сантароге, с серией ныряний в бурный поток. После каждого нырка чувствуешь себя слабее, но, совершив последний, вдруг как бы происходит мистическая реакция расщепления невидимых ядер, и ты оказываешься связан с источником безграничной силы. И именно прилив подобной силы он сейчас ощущал.

В сознании мелькнула мысль, что вся его предыдущая жизнь до Сантароги была сродни какому-то выдуманному мифу — некое дерево на китайском пейзаже, едва различимое сквозь туманную пелену пастельных тонов. Он чувствовал, что оказался впутанным в череду событий, которые изменили его взгляд на прошлое. Но настоящее, окружавшее его повсюду, напоминало ствол твердого красного дерева, с мощными корнями, сильные ветви которого поддерживали его рассудительность и благоразумие.

Гаррити, вяло проводя допрос, казался человеком, не слишком разбирающимся в своем деле.

— Вы сразу же побежали к доктору Дейсейну?

— Да, сэр. Ведь он был слаб и болен. Я боялся, что он не удержится в кресле и сорвется вместе с доктором Селадором.

— А доктор Паже?

— Он побежал вниз, сэр, чтобы посмотреть, не может ли он чем-нибудь помочь упавшему человеку.

«Только сантарожанцы в этой комнате,— вдруг понял Дейсейн,— сохраняют ясность сознания. Чем более восприимчивей я становлюсь, тем ожесточеннее ведется борьба с подсознанием — естественный механизм психической регуляции. И в этом, конечно, и состоит источник взаимной силы Сантароги — прочный фундамент, в котором каждому отводилась определенная роль».

— Доктор Дейсейн! — выкрикнул следователь.

Дейсейн принял присягу. Потом все глаза в комнате устремились к нему. Но лишь глаза Гаррити внушали беспокойство Дейсейну — скрытный, отсутствующий, коварный взгляд чужака из внешнего мира.

— Вы видели, как падал доктор Селадор?

— Я... В это время меня позвал мистер Бурдо. Я повернулся в его сторону и услышал крик. Когда я обернулся... ноги доктора Селадора как раз перелетали через край.

— Его ноги?

— Это все, что я успел увидеть.

Дейсейн закрыл глаза, вспоминая те ужасные мгновения. Ему казалось, что он при помощи эффекта «туннельного видения» пытается сосредоточиться на одних только этих ногах. Несчастный случай... такой ужасный несчастный случай! Он открыл глаза, выбрасывая из сознания воспоминания, где он слышал этот удаляющийся вопль и заключительный глухой стук.

— Вы давно знакомы с доктором Селадором?

— Он был... Да.

О чем же сейчас думает Гаррити?

Тот достал из портфеля какой-то лист бумаги, положил его на столик перед собой и, глядя в него, сказал:

— У меня здесь страница из журнала доктора Селадора. Ее мне передала его вдова. Несколько строк меня заинтересовали. Я зачитаю их...

— Это не займет много времени? — спросил следователь Кос.

— Наверное, нет, сэр,— ответил Гаррити.— А возможно, да. Мне бы хотелось ознакомить следствие со

взглядами доктора Дейсейна, изложенными здесь. В конце концов, мы ведь просто пытаемся установить истину, исследуя обстоятельства этой ужасной трагедии.

— Можно взглянуть? — вкрадчивым голосом спросил Сварфаут Нис, помощник окружного прокурора.

Гаррити встал, передал листок Косу и подождал, пока следователь не прочтает его.

— Очень хорошо,— сказал Кос, возвращая листок Гаррити.— Полагаю, что строчки, помеченные красным карандашом, и привлекли ваше внимание. Если хотите, можете задавать свидетелю вопросы относительно этого отрывка.

Гаррити повернулся лицом к Дейсейну, твердо держа в руке перед собой листок. Время от времени бросая взгляд на страницу, он прочитал:

— «Дейсейн — опасный инструмент для этого проекта. Их необходимо предупредить».

Гаррити опустил листок.

— Что это за проект, доктор Дейсейн?

В комнате воцарилась гробовая тишина.

— Я... когда он сделал эту запись?

— По словам его жены, приблизительно месяц назад. Я повторяю свой вопрос: что это за проект?

Дейсейн принялся рыться в своей памяти. «Проект... опасный?»

— Единственный... проект...— Дейсейн покачал головой. Этот отрывок не имел никакого смысла.

— Почему вы приехали в Сантарогу, доктор Дейсейн?

— Почему? Здесь живет моя невеста.

— Ваша невеста?

— Это моя племянница, Дженни Сорже,— вмешался доктор Паже.

Гаррити окинул взглядом Паже, который сейчас сидел в первом ряду стульев, потом снова посмотрел на Дейсейна.

— Разве вы приехали сюдана для того, чтобы заниматься изучением рынка?

— О да! Но не понимаю, почему я могу представлять опасность для...— Дейсейн замолчал, замечая, как медленно тянется время,— если только он не испугался, что у меня на уме может быть и множество других вещей.

В комнате раздался чей-то тихий смешок. Следователь постучал карандашом и сказал:

— Напоминаю всем: мы расследуем серьезный случай — погиб человек.

Воцарилась тишина.

Гаррити еще раз взглянул на страницу, зажатую в руке. Казалось, что листок стал тяжелее и все сильнее и сильнее тянет к земле.

— Что еще есть на этой странице из журнала? — спросил Дейсейн. — Разве это объясняет, что...

— Кто эти они, которых необходимо предупредить? — спросил Гаррити.

Дейсейн покачал головой.

— Я не знаю... хотя, может, те люди, которые наняли нас для изучения рынка.

— Вы выполнили то, что вам поручили?

— Я закончу свою работу сразу же, когда почувствую себя настолько хорошо, чтобы покинуть клинику.

— Ваши раны, — произнес Гаррити с ноткой гнева в голосе. — Кстати, здесь говорилось об ожогах. Я не совсем понимаю...

— Одну секунду, пожалуйста! — вмешался следователь. — Характер травм доктора Дейсейна не позволяет отнести их к предмету данного расследования, и поэтому они не включены в повестку дня заседания. Суд располагает доказательствами, что доктор Дейсейн чувствовал себя неважно и что доктор Селадор выкатил доктора Дейсейна, сидевшего на кресле на колесиках на освещенную солнцем веранду.

— Насколько неважно он себя чувствовал? — спросил Гаррити. — И насколько это представляло угрозу для его здоровья?

Следователь вздохнул, бросил быстрый взгляд на Паже, потом на Дейсейна и снова на Гаррити.

— Мистер Гаррити, обстоятельства, при которых доктор Дейсейн получил ранения, известны многим в Сантароге. Имеется более дюжины свидетелей. Он получил несколько сильных ожогов, спасая человеческую жизнь. Доктор Дейсейн уже стал героем Сантароги.

— Да? — Гаррити вернулся на свое место и положил страницу из журнала Селадора в портфель. Он был озадачен и не скрывал своей ярости.

— Во время судебных заседаний, подобных этому, я позволяю вести его, не слишком придерживаясь обычных формальностей, — сказал Кос. — Доктор Дейсейн задал

вопрос относительно остальных записей, содержащихся на представленной суду странице. Признаюсь откровенно, мне эти записи кажутся бессмысленными, хотя, возможно...— В этом месте следователь замолчал, не досказав вопрос до конца, и обратил все внимание к Гаррити.

— К ставшим известным суду фактам мы можем добавить совсем немного,— начал Гаррити.— Там есть одна запись, состоящая из цифр — несомненно, в ней приводится численность населения — она так и помечена. Есть еще одна строчка...— Он поднес к лицу страницу.— «Проверена нефтяная компания. Отрицательно». Вот еще одна довольно загадочная надпись: «Нет психических заболеваний». И если не считать той записи, где упоминается доктор Дейсейн.

— А как насчет остальной части журнала? — спросил следователь.— Вы исследовали его?

— К сожалению, нет, миссис Селадор, исполняя его последнюю волю, сожгла его. По ее словам, там находились данные из медицинской практики доктора Селадора, носившие конфиденциальный характер. Она сохранила только эту страницу и передала ее нам...— Гаррити пожал плечами.

— Боюсь, что единственного человека, способного помочь нам разобраться в этих записях, уже нет в живых,— заметил следователь.— Но в таком случае, этот журнал представляет собой записи с данными, касающимися психиатрической практики доктора Селадора, и, возможно, запись, предъявленная на этом судебном заседании, вполне может иметь и более простое толкование. Слово «опасный» может иметь множество значений в различных контекстах. Возможно даже, что объяснение, которое дал нам доктор Дейсейн, является правильным.

Гаррити кивнул.

— У вас есть еще вопросы? — спросил следователь.

— Да. Еще один.— Гаррити бросил на Дейсейна неуверенный, какой-то странный взгляд.— Ваши отношения с доктором Селадором носили дружеский характер?

Дейсейн проглотил комок в горле.

— Он был... моим учителем... моим другом. Можете спросить это у любого преподавателя в Беркли.

В отсутствующем взгляде Гаррити появилось разочарование.

«Он знает,— решил Дейсейн.— Интересно, что же известно Гаррити?» — Да тут и знать было нечего. Просто несчастный случай. Возможно, он знал о подозрениях, которые питал к Сантароге Селадор. Но ведь это идиотизм... если только Гаррити не был еще одним исследователем, который лез не в свое дело.

Дейсейн почувствовал, как его взгляд затуманивается, и вместо лица Гаррити он видит череп мертвеца. Когда Гаррити встряхнул головой, пряча в портфель страницу из журнала Селадора, иллюзия исчезла. Печальная улыбка появилась на его лице. Он посмотрел на следователя и пожал плечами.

— Вас что-то развеселило, мистер Гаррити? — поинтересовался следователь Кос.

Улыбка пропала.

— Нет, сэр... Просто иногда в голову приходят забавные мысли. По всей видимости я позволил несчастной вдове мистера Селадора направить меня по ложному следу.

Следователь Гаррити сел на свое место, сказав:

— Больше у меня нет вопросов.

Вдруг Дейсейна озарило: Гаррити испугался собственных мыслей! Он подозревает, что здесь, в Сантароге, готовится какой-то невероятный заговор. Но эта мысль показалась ему слишком фантастической — отсюда и эта улыбка.

Судебное заседание близилось к завершению. Местный следователь коротко перечислил выявленные факты, зачитал протокол вскрытия, выводы патологоанатомов и заключение экспертизы. «...обширные травмы головы, внутренние повреждения различных органов тела; смерть наступила мгновенно». Потом сообщил, что о дате проведения формального следствия будет объявлено дополнительно. «Желает ли мистер Гаррити присутствовать?» Мистер Гаррити ответил отрицательно.

И тогда Дейсейн понял, что все это представление было устроено специально для Гаррити, чтобы успокоить его разум. Дейсейн вспомнил фразы, которыми обменялись Паже и Гаррити, и сейчас все это сложилось в целую картину. Ведь они учились в одной школе — во внешнем мире! Конечно же: старые друзья, Ларри и Билл. Никто не будет подозревать старых друзей в заговоре. Вполне понятно.

Итак, суд установил: смерть в результате несчастного случая.

Гаррити пожал руки местному следователю Косу, потом Паже, может, Паже придет на встречу старых школьных друзей? Если позволит время... но Гаррити, несомненно, известно, насколько загруженными работой бывают врачи в подобной местности. Гаррити все понимает.

— Случившееся так ужасно,— сказал Гаррити.

Паже вздохнул.

— Да, это ужасная трагедия.

В дверях, ведущих в фойе, Гаррити остановился — в коридоре и без того уже толпилось несколько человек, дожидаясь прибытия лифта и тихо о чем-то переговариваясь. Он повернулся, и Дейсейну показалось, что его лицо приняло задумчивое и вместе с тем раздраженное выражение.

В это мгновение Паже нагнулся к Дейсейну, закрывая ему обзор.

— Наверное, это заседание утомило вас, и я хочу, чтобы вы сейчас немного отдохнули,— сказал Паже.— Дженни придет сюда с минуты на минуту, но я не хочу, чтобы она задержалась здесь надолго.

После этого Паже отошел в сторону.

Дверь в опустевшее фойе оставалась приоткрытой.

— Вы меня поняли? — спросил Паже.

— Да... Сейчас придет Дженни.

«Что же было в глазах Гаррити?» — подумал Дейсейн. Возможно, с таким взглядом черный дикарь из Африки взирает на ослепительно сияющий город белых людей. Станный... разгневанный... и разочарованный человек. Если Мейер Дэвидсон и его команда выбрали Гаррити в качестве нового исследователя — то он еще и опасен к тому же. Он может стать тем мостом, через который рано или поздно необходимо перейти. А там, в огромном мире, с любым человеком может произойти все, что угодно. Дейсейн чувствовал: Сантарога готовится к завоеванию этого мира.

«Вот почему меня и выбрали,— подумал он.— И Бурдо... и остальных... кем бы они ни были. Лучшая защита — это нападение».

От этой тревожной мысли его затрясло.

«Почему я дрожу?» — спросил Дейсейн себя.

Он попытался избавиться от этой беспокойной мысли, но безуспешно. Эта тревога носила короткий, не представляющий особого значения характер — так, секундная рябь на поверхности озера, которая с каждой минутой становится спокойнее и спокойнее. Дейсейн позволил этой картине спокойных зеленых вод заполнить все его сознание. И тут он понял, что остался в палате наедине с Дженни.

Теперь он ощущал спокойствие в облике любимой: в ее голубых глазах, уголках рта, сложившихся в улыбку, которой приветствовали его ее полные губы. Она была одета в оранжевое платье, а темные волосы были перехвачены оранжевой лентой.

Дженни положила на тумбочку у изголовья кровати какой-то пакет, потом наклонилась и поцеловала его — теплые губы, передававшие глубокое ощущение мира и спокойствия. Затем она отстранилась от Дейсейна и села рядом, не выпуская его руку.

Дейсейну показалось, что никогда она не выглядела более красивой.

— Дядя Ларри говорит, что ты должен вторую половину сегодняшнего дня отдохнуть, но я могу забрать тебя из клиники в субботу, — сказала девушка.

Дейсейн вытянул руку и провел ею по ее волосам — шелковистым и гладким.

— Почему бы нам не пожениться в воскресенье? — спросил он.

— О дорогой...

Она снова поцеловала Дейсейна, потом отодвинулась, вдруг показавшись Дейсейну чопорной.

— Больше я не буду тебя целовать сегодня — мы не хотим, чтобы ты совсем лишился сил. — Дейсейн заметил ямочку на ее щеке. — Ты ведь хочешь полностью восстановиться к воскресенью, когда тебе понадобится много сил.

Дейсейн прижал головку Дженни к своей шее и начал гладить ее волосы.

— Мы можем занять один из домов, только что построенный в новом районе города, — прошептала Дженни. — А по соседству будут жить Кэл и Вилла. Дорогой, о дорогой, я так счастлива.

— И я тоже.

Дженни начала описывать устройство дома, сад, какой там отличный вид...

— Ты ведь уже выбрала один из этих домов?

— Да, я побывала в том районе — мечтая и надеясь...

Именно о своем доме она страстно мечтала все это время — и это было мечтой каждой женщины: иметь свой дом, в котором начнется ее жизнь с человеком, которого она любит. Там даже имелся гараж, одна из комнат была отведена под магазин, а еще одна — под лабораторию.

Дейсейн представил себе автомобиль Джерси Хофстедера, стоящий в гараже... Эта картина имела продолжение, в его голове, словно он уже стал хорошим хозяином, мелькали мысли о «приятных вещах» и «богатом урожае винограда».

Внимание Дейсейна привлек пакет, который Дженни положила на прикроватную тумбочку.

— Что в этом пакете?

— Пакете?

Девушка подняла голову и проследила за взглядом Дейсейна.

— А, этом. Подарок от моих друзей из кооператива. Специально для тебя они собрали эту замечательную посылку.

— Джасперс?

— Конечно.— Девушка откинулась на спинку стула и поправила волосы.

Дейсейн внезапно представил себя работающим у конвейера сортировочного цеха кооператива.

— А где я буду работать? — спросил он.

— Дядя Ларри хочет взять тебя в клинику, но сначала мы проведем медовый месяц. Дорогой... скорее бы наступило воскресенье!

«В клинику,— повторил про себя Дейсейн.— Слава богу, не как пациент в этот раз. Интересно, какого же бога я благодарю?» — Странная мысль, без начала и конца — одна, оборванная нить, висящая в зеленом океане его сознания.

Дженни начала распаковывать посылку. В ней оказались клинышек золотистого сыра, две бутылки пива, темное пшеничное печенье и белая емкость, издававшая странный звук, когда ее взбалтывали. «Интересно, когда эти продукты подверглись обработке?» — подумал Дейсейн.

У него внезапно возникло чувство, что он мотылек, посаженный в стеклянную клетку, и бьется, махая кры-

льями, бесполезно ударяясь о стенки, озадаченный и потевший присутствием духа.

— Дорогой, наверное, ты устал.— Дженни приставила руку к его лбу. Рука девушки передавала ему спокойствие и умиротворенность. Мотылек в его сознании взобрался на сильную зеленую ветку, которая соединялась с деревом. У Дейсейна возникло вдруг ощущение, словно он стал этим деревом — сильным, неисчерпаемым источником силы.

— Когда я увижу тебя? — спросил Дейсейн.

— Я приду завтра утром.

Она послала ему воздушный поцелуй, помедлила, потом наклонилась... сладкий аромат Джасперса шел от ее дыхания, ее губ.

Дейсейн наблюдал за ней, пока она не закрыла за собой дверь в коридор.

И тут же его пронзила мучительная боль, на мгновение ему показалось, что он потерял связь с реальностью, что сейчас, когда в палате нет Дженни, комната эта стала призрачной, нереальной. Дейсейн отломал кусок золотистого сыра, запихнул его в рот и почувствовал успокаивающий аромат Джасперса, его сознание начало расширяться, становясь тверже и послушнее.

«Так чем же все-таки является реальность? — спросил он себя.— Столь ли она ограничена, как этот кусок сыра, и столь же подвержена заблуждениям, как все, что имеет свои пределы?»

В тот же миг он сосредоточился на мыслях о доме, который описывала ему Дженни, он представил, как переносит Дженни, которая уже стала его женой, через порог. Им приподнесут подарки: продукцию кооператива, мебель... Сантарога заботится о себе.

«Это будет чудесная жизнь,— подумал он,— чудесная... чудесная... чудесная...»

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД ДАВЛЕНИЕМ	5
БАРЬЕР САНТАРОГИ	227

Фрэнк Херберт

БАРЬЕР САНТАРОГИ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

Лицензия ЛР № 061867 от 03.12.92.

Сдано в набор 19.05.95. Подписано в печать 24.08.95. Формат 84x108^{1/32}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ.
л. 26,04. Тир. 30 000 экз. (1-й завод 1—15 000 экз.). Заказ № 3284.

Издательство «Сигма-пресс».

107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

**КНИГО-
ТОРГОВАЯ
ФИРМА
«БУКС»**

По вопросам реализации данной книги опто-
вым покупателям обращаться в книготорговую
фирму «БУКС».

телефон: (095) 111-41-57

